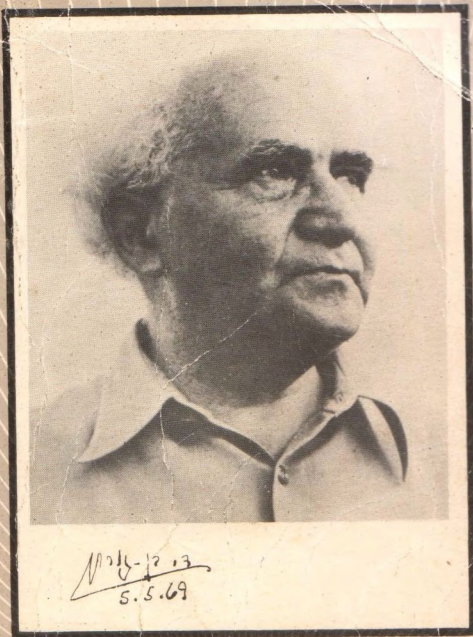

МИХАЭЛЬ БАР-ЗОХАР
БЕН-ГУРИОН

МИХАЭЛЬ БАР-ЗОХАР

БЕН-ГУРИОН

מיחאעל בר-זוחר

בן-גוריון

הוצא לאור בסיוע:

יד דוד בן-גוריון

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Михаэль Бар-Зохар родился в Софии в 1938 году. В Израиле с 1948 года. Учился в Иерусалимском университете на факультетах экономики и международных отношений, в Парижском университете (государственное право). В 1963 году защитил докторскую диссертацию по международным отношениям Израиля и Франции. Член Кнесета Десятого созыва (1981).

С момента выхода в свет его первой книги "Мост над Средиземным морем" (премия имени Соколова и премия Французской академии — 1964) Бар-Зохар стал одним из наиболее популярных израильских писателей в стране и за ее пределами. Его документальные произведения ("Охотник за немецкими учеными", 1965; "Мстители", 1968; "Самый долгий месяц", 1968), романы ("Третья истина", 1972; "Человек, который умер дважды", "Тайный список" и др.) вышли десятками тиражей в Израиле, Европе, США, Латинской Америке.

М. Бар-Зохар — единственный исследователь, кому Бен-Гурион, первый глава Государства Израиль, дал полное право доступа к личному архиву, письмам, согласился отвечать на поставленные ему вопросы. Книга (1980) — плод восьмилетнего труда автора — была с энтузиазмом встречена литературной критикой и стала бестселлером.

МИХАЭЛЬ БАР-ЗОХАР

Бен-Гурион

Биография

Книга I

עיריית חיפה
מערכת תרבות הכנאי
מרכז תרבות לעולים
בית ארדשטיין - סניף
מס. מלאי.....

70118/1

БИБЛИОТЕКА-АЛИЯ
1985

Printed in Israel

M. Bar-Zohar

BEN GURION

a biography

Перевела с иврита *Сима Векслер*
Под общей редакцией *Якова Цура*

Типография
"ЯКОВ ПРЕСС"
ул. Рош-Пина, 22

Тель-Авив, тел. 03/372475.

OCR Давид Титиевский, июль 2020 г., Хайфа

All rights reserved.

כל הזכויות שמורות

לספרית-עליה

ת.ד. 7422, ירושלים

היוצאת לאור בסיוע:

האגודה לחקר תפוצות ישראל, ירושלים

וקרן זכרון למען תרבות יהודית, ניו-יורק

СОДЕРЖАНИЕ

1. Давид Грин	7
2. Прекрасные годы	31
3. Изгнание	65
4. Образ вождя в молодости	94
5. Членский билет № 3	99
6. Завоевание сионистского движения	135
7. В бурях политического сионизма	165
8. Образ Бен-Гуриона – вождя сионистского движения.	203
9. Годы войны	212
10. Одиночество на вершине власти	247
11. Борьба	267
12. Перед решительным сражением	302
13. Грозные дни	340
14. Пятнадцатое мая	380
15. Быть или не быть?	410

1. ДАВИД ГРИН

Он был одиннадцатилетним бледным еврейским мальчиком, в черном лапсердаке, когда в плонской синагоге услышал, что пришел Мессия. Говорили, что он красивый мужчина, благообразный и чернобородый, с пылающими глазами. Имя ему — Герцль, и это он приведет народ Израиля в землю отцов. Давид поверил в это с детской простотой и всем сердцем отдался идее сионизма, которая всколыхнула и захватила мировое еврейство.

И неудивительно. Ведь семена веры в сионизм были занесены в душу мальчика еще в раннем детстве, когда он сидел, бывало, на коленях у дедушки, Цви Арье Грина, и учился, слово за словом, языку иврит, когда вслушивался в слова отца, одного из вождей общества Ховевей Цион их городка, когда читал "Любовь в Сионе" Мапу и когда, еще подростком, решил уехать в один прекрасный день в Эрец-Исраэль.

А может, эта вера родилась в нем от самой атмосферы Плонска?

Потому что было в нем, в Плонске, что-то особенное.

Город был невелик, ничем не прославлен, небогат. Маленький уездный городок с деревянными домами, раскинулся он на берегу реки Плонки, вокруг крепости, построенной польским князем в средние века. Множество евреев населяло его еще прежде, чем он в 19 веке вошел в состав Российской империи. И был Плонск еврейским в гораздо большей степени, чем польским или русским. В начале века еврейское население составляло в нем 73 процента, а в 1881 году в городе насчитывалось 4500 евреев из 7824 жителей.

В 1752 году родился в Плонске "первый польский

сионист” Шломо Плонский. В возрасте 67 лет он совершил паломничество в Эрец-Исраэль. А на обратном пути написал зятю письмо, где сообщал, что ”он принесет из Эрец-Исраэль вести, которые должны пробудить радостную надежду в сердцах людей. Царство справедливости уже недалеко, и юноши Иерусалима помогут отстроить Сион”. Старец был тверд в своем решении возвратиться в Эрец-Исраэль и поселиться там. За это письмо и другие подобные пророчества, написанные на иврите, царская полиция заключила Плонского в тюрьму тотчас по его возвращении, в сентябре 1821 года. Заподозренный в шпионаже, он так и не вышел живым из камеры варшавского замка Брейгель, хотя в процессе следствия выяснилась его полная невиновность.

В то время как Шломо Плонский сидел в тюрьме, другой еврей, Шломо Познер, занялся осуществлением самой смелой социальной идеи в истории польского еврейства — идеи возвращения евреев к земледелию. Мечта Познера, образованного и религиозного богатого купца, состояла в том, чтобы вырвать еврейское общество из неестественного и унижительного экономического положения, обратив его к производительному и почетному труду в промышленности и сельском хозяйстве. Несмотря на запрещения и ограничения, Познеру удалось приобрести большой участок в селе Кухари под Плонском, построить там прядильную фабрику и училище, а главное — основать еврейское поселение. Он разделил землю между ста одиннадцатью еврейскими земледельцами, снабдил их орудиями труда, руководил ими и помогал им, пока они не пустили корни на новом месте.

Познер был человек трезвый, вовсе не праздный мечтатель. И когда двенадцать первых земледельцев вышли на пахоту, он сказал своему другу: ”Там пашут польские крестьяне, а здесь пашут еврейские... поляки молятся Господу, чтобы дал им успех, чтобы послал им дождь ранний и поздний вовремя, чтобы уберег их от головни и прочих бед, чтобы они жали в веселии.

А мои евреи молятся: "Смилостивись, Господи, спешествуй, да взойдет из борозды сокровище, сокрытое в недрах земли, да спасен буду, ибо избавлюсь от этой позорной работы..."

И пока Познер был жив, поселение в Кухарях процветало. Но после его смерти умерло и земледельческое поселение, а еврейские крестьяне разбрелись во все стороны и занялись торговлей и ремеслом.

Однако одно из начинаний Познера продолжало развиваться и влиять на соседний Плонск. В своем училище в Кухарях собрал Познер группу учеников, которая стала называть себя "малой синагогой". Слава об их углубленности в ученые изыскания разнеслась повсюду. Со временем и в Плонске появилась своя "малая синагога", хотя несколько иного рода. Цель ее состояла в том, чтобы "идти в народ", распространять знания Библии и грамматики среди еврейской бедноты. Вождями общества были плонские интеллигенты. Деятельность их развивалась успешно, хотя местные хасиды презрительно прозвали их организацию "колокоткой" (трещеткой).

Прозвище "колокотка" хасиды с большим удовольствием перенесли и на новое общество, основанное в Плонске в 1865 году, — "Общество проповедников Торы и разума". В нем собрались самые образованные жители Плонска, поставившие своей целью "соединить Тору и разум, возродить святой язык и литературу на иврите, который, к великому нашему огорчению, люди, едва вкусившие образованности, нынче гонят прочь, точно беса, почитая его устарелым и противным хорошему вкусу".

Среди активных деятелей плонской "колокотки" были зажиточный купец, который в юности был учителем иврита в прославленном училище Познера в Кухарях, и Цви Арье Грин, "красивый, высокий и представительный еврей". Он не только был очень набожен и пунктуально соблюдал все заповеди, но получил также хорошее образование, владел тремя языками — ивритом, польским и немецким, — а в старости

добавил к ним еще и русский. В его обширной библиотеке имелись книги по философии Спинозы, Платона, Канта. Цви Арье Грин был весьма сведущ в книгах еврейских мудрецов, но, пожалуй, главной его любовью был иврит.

У Цви Арье Грина было четверо сыновей. Третий по счету, Авигдор, считал себя духовным наследником отца, к которому был глубоко привязан. "Всему, что я знаю в науках и в языках, меня научил отец".

Подобно своему отцу, Авигдор Грин был энциклопедически образован, интеллигентен и фанатически предан ивриту. Он также участвовал в деятельности "Общества проповедников Торы и разума", а кроме того, унаследовал от отца дело, которым старик занялся уже на склоне лет: представительство в суде. Хотя Цви Арье Грин и занимался торговлей, он, по свидетельству Авигдора, "нашел в себе силы выучить русский язык и стал писать прошения во все правительственные учреждения, в частности — в суды. Он сделался как бы неофициальным юрисконсультом".

Сын его, Авигдор, также сумел стать одним из двух еврейских "адвокатов" в городе, получив должность помощника присяжного поверенного. Фактически он занимался составлением прошений, но имел право вести юридическую консультацию и выступать с исками в судах. В период исполнения этой должности Авигдор Грин завязал тесные отношения с представителями польских и русских городских властей. В еврейской среде он также занимал почетное положение.

Как и отец, он отличался аккуратностью и пунктуальностью, педантично следил за своей внешностью. Он был элегантен, строен, носил усы и холеную бородку "а-ля император". Первым из жителей Плонска Авигдор Грин сменил традиционную еврейскую одежду на черный сюртук, жесткий воротничок, крахмальную манишку и галстук-бабочку. Еще будучи молодым, он женился на своей дальней родственнице, Шейндл Фридман, единственной наследнице приличного состояния, которая принесла в приданое два дере-

вянных дома в конце Козьей улицы и большой сад между ними. Шейндл была женщиной небольшого роста, с резкими чертами лица и, по-видимому, весьма болезненной. Шесть из одиннадцати ее детей умерли вскоре после рождения. Все благословенное семейство Гринов поселилось в доме на Козьей улице. В верхнем этаже жила семья, которая ухаживала за коровами и прочей домашней живностью, обитавшей на заднем дворе, а также занималась уборкой дома и приготовлением пищи. Авигдор Грин с домочадцами поселился в нижнем этаже. В соседнем доме проживал женатый сын Авигдора, Авраам, и несколько квартирантов.

Само собой разумеется, что "адвокат", образованный и преуспевающий, занял видное место в общине. Он считался одним из предводителей местного еврейства и молился в "новой" синагоге, предназначенной для богатых отцов города. Он часто ездил по делам в Варшаву, находившуюся в 70 километрах от Плонска, и жизнь его текла спокойно и благополучно.

Еще в юности загорелся Авигдор Грин любовью к Эрец-Исраэль. Когда в 1884 году возникло движение Ховевей Цион, в числе первых, присоединившихся к нему, были Авигдор Грин и его друг, Симха Айзик, высокий густобородый мужчина, носивший традиционную хасидскую одежду. Симха Айзик был избран главой Ховевей Цион Плонска. Дом Авигдора Грина стал центром их деятельности и местом встреч. Там рождались их первые наивные мечты о возвращении к Сиону, произносились пламенные сионистские речи, декламировались трогательные стихи, собирались жертвования и звучали клятвы в верности Сиону.

Два года спустя после основания Ховевей Цион, Шейндл родила четвертого по счету ребенка (из тех, что остались в живых), Давида Йосефа Грина. Мальчик был болезненным, худеньким и низкорослым, как и его мать. Он почти не дружил со сверстниками и лишь изредка выходил на задний двор большого дома поскакать на обширной лужайке, принадлежав-

шей местному ксендзу. Голова ребенка была несоразмерно велика, и озабоченный этим отец повез его к врачу-специалисту в Плоцк. Врач пощупал голову, осмотрел темя и предсказал счастливому отцу, что сын его станет великим человеком. А мать, женщина религиозная, с гордостью решила, что когда ее сын, Довчик, вырастет, то будет раввином, "великим в Торе".

Особенные отношения сложились между матерью и мальчиком-молчуном. Она отличала его изо всех братьев, гордясь его разумом, а также потому, что чувствовала, как он нуждается в ней. Довчик был слабого здоровья, подвержен болезням и инфекциям, не раз случались с ним обмороки. Тревожась о нем, Шейндл даже оставляла дом и других детей, чтобы провести с младшим сыном лето в деревне и поправить его здоровье. И он, никогда не расположенный играть с братьями и сестрами, был привязан к ней всем своим существом. Даже в глубокой старости он помнил себя "сидящим у стола в кухне рядом с мамой, вяжущей чулок". Ее внезапная смерть после родов была для него шоком, тяжким потрясением. "Смерть мамы была самым тяжелым ударом, постигшим меня в детстве". Ему было одиннадцать лет, когда он остался без матери, и долгое время не мог он примириться с этой горькой правдой. "Каждую ночь я видел маму во сне, разговаривал с ней и спрашивал ее: "Почему мы не видим тебя дома?" И эта боль не проходила в течение многих лет".

Годы затушевали и постепенно стерли черты лица матери из памяти Давида. Шейндл Грин не оставила после себя ни портрета, ни фотографии. И в чувствительном сердце мальчика воспоминание о матери превратилось со временем в общий символ добра, красоты и любви. Спустя годы он скажет о ней в одной из своих речей: "Мать — это самое дорогое для каждого человека. Моя мама умерла, когда мне было десять лет, но я так хорошо ее помню, как будто она у меня и сейчас перед глазами. И я знаю,

что она была идеалом чистоты, любви, благородства, человечности и преданности”.

Одинокий мальчик еще больше замкнулся в себе после смерти любимой матери. Сестры не заменили ее. Вторая жена отца тоже не смогла возбудить в мальчике теплых чувств. Он всячески избегал ее и до самой ее смерти остался чужд и холоден к ней. С братьями Давид тоже не был близок. Он привязался только к отцу. ”От отца я воспринял любовь к народу Израиля, к Эрец-Исраэль и к ивritу”. На самом деле, к ивritу приучил его дед, Цви Арье. Изо дня в день приходил Давид к нему в контору, и старик, отрываясь от работы, усаживал внука к себе на колени и терпеливо повторял ему ивритские слова. Так иврит стал для Давида вторым родным языком, он свободно говорил и читал на нем. Отец же вдохнул в него дух сионизма, сумел передать мальчику самую сущность этой идеи. ”С пяти лет мне было ясно, что я уеду в Эрец-Исраэль”.

Свое ”официальное” воспитание Давид (или Довчик — как звали его в Плонске) получил в хедере. С пяти лет он учился у традиционного меламеда, а в семь лет перешел к меламеду ”современному”. Еще позднее Давид стал ходить в ”усовершенствованный хедер” (нечто вроде неофициальной еврейской школы), где изучал Библию и ”иврит на иврите”. В юности он некоторое время посещал также бет-мидраш. Но Давид получил не только еврейское воспитание. Он учился и в государственной русской школе, где усвоил основы русского языка, так что смог впоследствии познакомиться с творениями великих русских писателей, которые глубоко повлияли на образ его мышления.

По словам Бен-Гуриона, он учился в этих учебных заведениях до четырнадцати лет. Позднее он уехал продолжать занятия в Варшаву. Но не только учеба и чтение книг формировали мировоззрение юноши. Утром он шел в хедер, в бет-мидраш или в школу,

но придя домой, курчавый любознательный мальчик погружался в мир "Хиббат Цион" ("любви к Сиону"), и нераздельно сливался с ним. "В нашем маленьком доме на краю города, по соседству с садом местного ксендза, собирались, когда я был еще маленьким, ховедей Цион нашего города... Еще не понимая содержания бесед и споров, я впитывал мечты о Сионе, которыми наполнялся наш дом во время еженедельных собраний общества Ховедей Цион и ежедневных встреч первых его деятелей с моим отцом во главе... Отца я помню занятым мыслями об Эрец-Исраэль с самых первых дней, сохранившихся у меня в памяти".

Когда в 1896 году в еврейском мире загремел голос Герцля, член общества Ховедей Цион Авигдор Грин сделался ярким сионистом. Его первенец, Авраам, тоже присоединился к сионистскому движению, а вслед за ним и Давид.

Молодые люди поставили себе цель говорить на иврите. И хотя им было трудно выражать свои мысли на "святом языке", они взялись за дело с юношеским пылом. Стали обращаться друг к другу только на иврите, искали и находили ивритские обороты взамен привычных идишских, русских и польских слов. Когда Давид Грин читал свой первый доклад перед членами общества "Эзра", он выбрал тему: "Сионизм и культура".

После трудных переговоров с недоверчивыми отцами, с консервативными учителями, с упрямыми детскими воспитателями, члены общества "Эзра" собрали 150 малышек, в основном, заброшенных сирот, и начали учить их Танаху, чтению, письму и разговорному ивриту. Самыми деятельными лекторами были Шломо Цемах и Давид Грин. Спустя полгода начинание принесло первые плоды: стайка оборванных ребятишек, копаясь в пыли и мусоре Плонска, стала болтать на иврите.

"Эзра" была не просто провинциальным молодежным обществом. Это была некая форма юноше-

ского братства, членов которого связывала особая близость.

В группе было три вожака: Шмуэль Фукс, высокий, мужественного вида парень, талантливый организатор, старший из друзей по возрасту; Шломо Цемах, который был моложе его на два года и принадлежал к одной из самых привилегированных и богатых семей города — красивый юноша с высоким лбом и мечтательными глазами; и младший из трех — Давид Грин.

Авигдор Грин гордился Давидом. Незаметно всматривался он в сына, когда тот бывал погружен в шахматную партию с одним из приятелей в каком-нибудь уголке дома. Сердце отца радовалось, когда мальчик выступал в заглавной роли в домашнем спектакле Гринов "Уриэль д'Акоста". Авигдор любил сажать сына подле себя на край кровати и целыми вечерами объяснять ему главы из учебников географии и истории. Между отцом и сыном царило полное взаимопонимание. Только раз в жизни получил Давид от отца пощечину. "Когда отец узнал, что я больше не возлагаю тфиллин, он ударил меня по лицу — единственный раз в жизни". Однако юноша не подчинился и упрямо отказался возвратиться к молитве и исполнению заповедей. Авигдор Грин отступил. Проявленная юношей твердость, его сжатые губы, упрямо выпяченный подбородок говорили о характере энергичном и упорном.

Авигдор Грин, гордец и недоступный педант, пуще всего боялся открыть сыну, какие надежды возлагает на него. Вместе с тем он был уверен, что растит в своем доме человека, который будет на голову выше окружающих. Он твердо решил дать Давиду наилучшее образование и потому был серьезно озабочен огромными трудностями, нагромождаемыми российской школой на пути еврейской молодежи к просвещению. Не находя выхода, он тайно обратился к своему духовному вождю — Герцлю. Давиду было пятнадцать лет, когда отец написал письмо

прославленному руководителю Всемирной сионистской организации:

”Вот и я, ничтожный среди тысяч Израилевых, благословен от Бога сыном, прилежным и выдающимся в учении. Находясь в расцвете юности, пятнадцати лет от роду, он начитан в Талмуде, и кроме нашего языка, языка иврит, знает также язык государственный, счетную премудрость и прочее. Душа его рвется к наукам, но закрыты перед ним все начальные школы, ибо он еврей. Я порешил послать его за границу усовершенствоваться в науках, и некоторые посоветовали мне отправить его в Вену, ибо есть там и центр еврейской мудрости — раввинская семинария. И я сказал: обращусь с письмом к вам, чтобы вы порекомендовали сына моего, и чтобы удостоиться от вас совета и наставления. Ибо кто как не вы наставник? И кто, кроме вас, может посоветовать, что мне делать после того, как уже не в моих силах будет содержать сына моего, которого я люблю как зеницу ока.

С поклоном

Авигдор Грин,
Плонск, 1 ноября 1901 года”.

Авигдор Грин не удостоился ответа на свое письмо и до смертного часа никому не рассказывал о своем обращении к Герцлю.

В те годы Давид впервые попробовал свои силы в сочинительстве. Вместе с друзьями, Шломо Цемахом и Шмуэлем Фуксом, он решил выпускать рукописный журнал для юношества ”Эзра”. Но после выхода в свет нескольких номеров дело заглохло. В этом журнале появились первые произведения Давида — стихи. Трудно сказать, каково было их качество, но Цемах и Фукс, по-видимому, подвергли их сокрушительной критике.

Шломо Цемах и Шмуэль Фукс были рядом с ним и в тот летний день, когда семнадцатилетним юношей он принял самое важное в своей жизни решение. Душ-

ным августовским утром они пошли втроем искупаться в Плонке, ленивое течение которой образовывало возле города что-то вроде озера, тихого и тенистого. Голые, мокрые и веселые они уселись на берегу почитать свежую газету, в которой был напечатан протокол 6 Сионистского конгресса в Базеле. В отчете сообщалось об "Угандийском плане", предложенном конгрессу Герцлем: основать в Африке, в Уганде, национальный очаг для еврейского народа. Друзья были страшно разочарованы, все существо их протестовало против этой идеи. Ведь они видели отечество еврейского народа только в Эрец-Исраэль. И они начали всерьез обсуждать, как им бороться с этой напастью, с "угандизмом". Тут же, на берегу реки, было выработано решение. "Мы пришли к заключению, что самый эффективный способ борьбы с "угандизмом" — алия* в Эрец. Это было не просто решение, но кристаллизация мировоззрения. В этом решении был выбор пути — личное участие в осуществлении намеченной цели, бескомпромиссное отрицание "словесного сионизма". Они поняли: чтобы осуществить свою мечту, им надо действовать, приобрести право на Эрец-Исраэль не разговорами, а делами.

В это жаркое летнее утро, на берегу Плонки, впервые были сформулированы взгляды, которые позднее охарактеризуют весь путь Давида Грина. С того дня он не упустил ни одного случая доказать, что предпочитает действие слову, самостоятельный труд, пусть ограниченный и скромный — самому впечатляющему "словесному сионизму". Позднее он напишет отцу: "Для меня важнее основание одного нового поселения в Эрец-Исраэль, чем кучи денег, собрания и конгрессы. Заселение земли и есть единственный подлинный сионизм, все остальное — самообман, напрасная болтовня и пустое времяпрепровождение".

С полной серьезностью установили трое друзей и

* Алия (ивр. восхождение) — переселение евреев в Израиль на постоянное жительство.

порядок своей алии в Эрец. Первым поедет Шломо Цемах, осмотрит страну и возвратится в Плонск. Тому была романтическая причина. Молодой Цемах был влюблен в милостивую сестру Шмуэля Фукса и хотел увезти ее с собой в Эрец. Они жили окно в окно и долгими часами смотрели друг на друга с томлением и надеждой, но не решались заговорить о своей любви. Поэтому было решено, что Шломо поедет в Эрец, подготовит там почву для приезда любимой, вернется в Плонск — и тогда, вместе со Шмуэлем и Давидом, он похитит ее из дому и они вместе отправятся в Эрец-Исраэль.

Итак, было решено, что Давид уедет последним. Впрочем, он и не особенно торопился. "Эрец-Исраэль нуждается в строителях", — заявил он друзьям. Поэтому сначала он завершит техническое образование, а когда у него в кармане будет лежать диплом инженера, тронется на Восток. На первом этапе он решил поехать в Варшаву и подготовиться к экзаменам для поступления в техническую школу.

Поездка Давида в Варшаву была назначена на то же лето. Однако пришла осень, потом зима, а отъезд все откладывался. Давид уклончиво отвечал на расспросы друзей, не желая назвать им истинную причину, которая держала его дома. Молодой человек был влюблен, болен любовью.

Он не хотел поведать об этом ни единому человеку. Но когда он читал Цемаху и Фуксу некоторые свои стихи, в которых воспевал ту, что была для него "источником жизни, идеалом и душой души", друзья поняли, что Давид влюблен. Похоже, что он сознался в этом, но даже им отказался назвать имя любимой. И как же бурно переживал он эту первую в своей жизни любовь!

Таков был Давид Грин в семнадцать лет. Не мифологический герой, трудившийся 24 часа в сутки ради возвращения к Сиону, как пытались впоследствии изобразить его некоторые недалекие приверженцы, не

какая-то таинственная сила, сверхчеловеческая или нечеловеческая, исключительная по своей целеустремленности — но плоть и кровь, чувствительный влюбленный юноша, вздыхающий по ночам от первой сердечной раны. Юноша, который писал стихи о любви и со дня на день откладывал осуществление своей мечты — учебу и алию в Эрец-Исраэль — чтобы оставаться поблизости от любимой.

И вот, наконец, с разбитым сердцем, но с надеждой на будущее оставляет Давид опостылевший ему Плонск и едет в Варшаву. Мы увидим, что и там путь его не был гладок; полтора года, проведенные в столице Польши, принесли ему много потрясений.

Большой шумный город угнетал его, рождал чувство одиночества. Компания друзей, оставшихся в Плонске, распалась. Именно Шмуэль Фукс, вопреки их планам, первым оставил Плонск и уехал в Англию. Его отъезд был тяжким ударом для Давида, который привязался к нему и видел в нем "старшего брата". Давид глубоко переживал расставание со Шмуэлем. Напоследок друзья в отутюженных костюмах и при галстуках сфотографировались вместе у местного фотографа.

В Варшаве Давид Грин поселился у родственников. Разразившийся экономический кризис, подорвав их благосостояние, ударил и по Давиду. Он впервые узнал голод. "Весь день я пробавлялся одним хлебом. Писать об этом отцу я не хотел, чтобы не огорчать его". Видимо, в этот период пошатнулось и экономическое положение Грина-отца (намек на что содержался еще в письме Герцлю), и Давид не хотел просить у него денег на пропитание. Ему повезло: к счастью своему он нашел частные уроки, и на какое-то время положение его улучшилось. Вместе с приятелем Давид снял комнату и хвастал ею в письмах: "Если бы ты пришел сегодня в мою комнату, ты тотчас бы узнал ее! Две железные кровати по обе стороны от окна, рядом — стол с аккуратно сложенными книгами. Скамья со стеклянной посудой, ку-

хонными принадлежностями и чайниками, начищенными и сияющими — около задней стены. Стена украшена картинами и рисунками, пол всегда вымыт и все блистает чистотой”.

Но душевного покоя Давид не нашел и не раз оказывался во власти меланхолии. ”Вообще мне не плохо... только душа неспокойна. Не знаю почему, но иногда я так печален, чувствую, что сердцу чего-то не хватает... сильная тоска по чему-то, а по чему, не знаю...”

Чувство одиночества не проходило, но по временам его смывала волна оптимизма: ”Когда после дней ненастья, сырости и холода засияет голубое небо, и солнце, свободное и гордое, даст свет и тепло, я чувствую, как что-то неведомое закипает в груди...”

Личные его планы потерпели крушение. Он приехал в Варшаву, чтобы учиться, но из-за строгих ограничений, наложенных царским правительством на евреев, попасть в высшую школу было очень трудно. Поэтому Давид намеревался учиться в технической школе Ольберга, известного мецената, основавшего училище для еврейской молодежи. Чтобы сдать вступительные экзамены, Давид начал заниматься физикой и математикой у частных русских учителей. Но в сентябре 1904 года прием учеников в училище Ольберга был ограничен только выпускниками гимназий и реальных училищ. Давид увидел, что мечты его разбиты. ”Прошли и исчезли все мои надежды и блистательные мечты, рассеялись как дым, промелькнули как тень...”

Молодой Грйн еще не нашел своего пути, когда издалека прилетела ужасная весть: умер Герцль. Это был страшный удар, и Давид впал в горькое отчаяние:

”Осиротели наши надежды, наши мечты! Тот, который пробудил и взрастил их, мертв, положен во мрак могилы, засыпан землей! Холод и тьма вокруг. Лишь раз в тысячелетие рождается такой удивитель-

ный человек. Потеря наша огромна, как море... И все же сегодня я более, чем когда бы то ни было, уверен в нашей победе. Мне ясно, что придет день — и он недалек — когда мы вернемся в чудесную страну, страну песен и правды, страну цветов и пророческих видений. Там мы увидим чудные небеса, сияющие неповторимой голубизной, там услышим плеск вод священной реки, внимавшей когда-то песням пастухов, песням любви, чистой и чарующей. И там восстанет среди нас божественный певец и будет петь возвышенную и праздничную песнь, которая ударит по струнам нашего сердца словом о великом богатыре, что силой своей разбудит лежащих во гробе от мертвого сна.

Сион! Ты еще расцветешь и восстанешь во всей своей красе, еще увидишь сыновей твоих свободными, живущими светлой жизнью свободных людей!”

Но надежда — сама по себе, а действительность — сама по себе. Герцль умер, и сионизм не начал побеждать по мановению волшебной палочки. Между тем ”угандисты” вербовали себе сторонников среди сионистской молодежи, ну а несионисты предались иным сражениям. По временам вера молодого Грина в будущее сионизма колебалась. ”Печальные, горькие мысли приходят иногда на сердце о будущем сионизма и нашего народа. Колебания и сомнения сосут кровь и отравляют существование, сеют холодное отчаяние, страшное, как смерть души... Кто поможет мне вернуть чистую веру, сильную и цельную, при каждом помысле сомнения и отчаяния!” Похоже, Давиду не к кому было обратиться за поддержкой, не у кого было искать моральной опоры.

И однако нашелся некто, проложивший путь: молодой человек из Плонска, который восстал против родителей, украл отцовские деньги, пробил себе дорогу и увлек за собой многих, в том числе и Грина. Это был не кто иной, как мечтательный и тишайший Шломо Цемах.

25 ноября 1904 года Давид Грин приехал на пару

дней в Плонск. В тот же день он держал тайный совет со Шломо Цемахом и еще одним товарищем. Они решили, что при первой же возможности Цемах уедет в Эрец. 12 декабря Цемах-отец послал сына в банк снять со счета 580 рублей. Несмотря на тяжкие угрызения совести, в юноше созрела решимость: вот он, момент. Взяв деньги, он поспешил в Варшаву к Давиду.

В течение дня закончил Шломо приготовления к отъезду и скрылся из дома друга. Он опасался, что отец приедет за ним, чтобы возвратить его домой. И точно, вечером Цемах-отец появился в комнате Давида Грина. "Я нашел его сидящим в нашей комнате, — писал Давид Фуксу на другой день, — он говорил со мной спокойно, без всяких признаков волнения. Беседу ты можешь себе представить. Я заверил его, что Шломо уже уехал отсюда. Не знаю, поверил он или нет, однако больше не приходил ко мне, и, должно быть, уехал в Плонск.

Шломо был спокоен, начиная со своего прихода ко мне и до самого отъезда, как будто ничего не случилось. Только когда он узнал, что приходил отец, он побледнел как смерть, а глаза его угрожающе сверкнули. Но затем он успокоился. И расставание тоже прошло спокойно".

13 декабря Шломо Цемах отправился в путь. Через несколько недель он был в Эрец. А в бет-мидраш Плонска ворвался товарищ Давида, Шломо Лави, и, дрожа от волнения, прочитал вслух открытку, пришедшую от Цемаха:

"Друг мой, шалом! Я в Ришон ле-Ционе. Сейчас, когда я пишу тебе, передо мной лежат два первых бишлика*, которые я заработал своими руками, и это большая радость для меня. Именно так можем мы жить на нашей земле. На завтрак и обед я ем хлеб и маслины. Но ты не беспокойся, приезжай, будет для тебя работа".

* Бишлик — мелкая турецкая монета.

”Приезжай!” Отъезд Шломо Цемаха произвел глубокое впечатление на Плонск и его молодежь. Юноша сразу превратился в символ бунта против условностей, против жизни в галуте, против родителей, силой удерживающих детей от алии в Эрец-Исраэль. В большой степени повлиял Цемах и на личное решение Давида Грина. Хотя Давид отложил отъезд более чем на год, но все его действия в течение этого года были посвящены одной цели: подготовить себя и друзей к алии.

Это был уже не тот Давид Грин, что прежде. В Варшаву уехал серьезный юноша в элегантной темной тройке, крахмальном воротничке и шелковом галстуке. А в Плонск он вернулся в косоворотке. Это была не случайная перемена. На улицах Варшавы Давид своими глазами видел первые ростки русской революции, ощутил общественное брожение, охватившее столицу Польши в феврале 1905 года. Он видел забастовщиков, демонстрантов, ораторов, призывавших к свободе и справедливости, а с другой стороны — русских полицейских и солдат, стреляющих в толпу и творящих самосуд. И хотя гриновские описания происходящего не отличаются излишней взволнованностью, нет сомнения, что события того времени глубоко повлияли на его мировоззрение, особенно на второй стадии революции, в начале зимы.

И был еще один фактор, наполнивший жизнь Давида Грина новым содержанием. Бунд* — еврейская антиссионистская социалистическая партия, сформировавшаяся в еврейской среде, грозила захватить во многих сердцах место сионизма. Молодой Грин объявил Бунду непримиримую войну, и в этой идеологической борьбе он удивил друзей, проявив себя блистательным оратором и острым полемистом,

* Бунд — еврейская социалистическая партия в России, позже в Польше и США. Основан в 1897 году в Вильне, входил в состав РСДРП.

обладающим большой силой убеждения, способностью спланивать людей вокруг себя.

Уже не впервые поднимался Давид на трибуну. Еще в мае 1904 года на собрании общества "Эзра" он произнес удивительную по своей аналитической глубине речь, посвященную тому, как понимал Спиноза "избранность Израиля Провидением". Грин, которому тогда не исполнилось еще восемнадцати, утверждал: "По моему мнению, бремя этой избранности не есть воля Бога — но природа еврейского народа. То есть не Бог хотел дать Тору Свою именно евреям — но еврейский народ, и только он, благодаря своим природным свойствам, мог осуществить, прежде всего, в себе самом, вечные идеалы, скрытые в Моисеевой Торе, а затем распространить их по всему миру".

Большой резонанс имела и произнесенная спустя несколько месяцев речь Давида, посвященная памяти Герцля. "Он у многих вызвал слезы, — говорила его подруга Рахель Нелькина. — И после того, как он кончил, слушатели, взволнованные открывшимися им новыми горизонтами, окружили его и с почетом проводили домой".

Но подлинное рождение Давида как выдающегося оратора и лидера масс произошло во время его дебатов с Бундом.

Снова и снова посылал комитет Бунда лучших своих ораторов в Плонск, который считался у них "крепким орешком". Снова и снова Довчик Грин, маленький, плотный и непреклонный, поднимался в своей косоворотке на помост синагоги и побивал их, к великой гордости всего городка. Сара Квашне рассказывала Шломо Лави: "Если бы не наш товарищ, Давид Грин, мы все, за исключением очень немногих, попали бы в объятия Бунда. И ушли бы от всех вопросов, связанных с Эрец-Исраэль и ивритом. Агитатор, присланный нам Бундом, околдовал молодежь.

Наш Давид Грин прослышал об этом в Варшаве, и

его еврейское сердце содрогнулось. Боль и гнев закипели в его душе. Он примчался в родной город и, как очистительная буря, пронесся над душами, возвращая нас к Эрец-Исраэль, к ивritу, к возрождению евреев. Он напомнил о Шломо Цемахе, который стал простым рабочим, об Ицхаке Квашне, о Шломо Лави и сказал: "Я знаю, что им приходится очень трудно. Я не уверен, что они не голодают. Но благодаря великой своей любви к Эрец-Исраэль они не замечают тягот повседневной жизни. Они едят, что им хорошо, потому что все принимают с любовью. Я завидую им, потому что они были первыми из нашего города. За ними пойду и я".

Я, конечно, простая девушка. Но когда он говорил на том собрании, я почувствовала, что он станет вождем и поведет за собой многих и именно на настоящее дело".

В этой борьбе раскрылись не только ораторские и аналитические способности Давида Грина, в ней проявилась четкость его политической и сионистской ориентации. С середины 1905 года Грин становится активистом нового рабочего движения Поалей Цион ("рабочие Сиона").

Оно возникло на скрещении двух идей, будораживших в те дни еврейское общество, — сионизма и русского социализма. Сионизм и возвращение к Сиону — как цель евреев, социализм — как идеальная форма справедливого общества, которое будет создано в Эрец-Исраэль. Социализм породил первую русскую революцию 1905 года, потопленную в крови. По мнению Давида, русская революция была одним из факторов, подтолкнувших еврейскую молодежь к алии в Эрец.

Центральный комитет польского "Фербанда" партии Поалей Цион был организован в том же 1905 году в Варшаве, в доме 27 по улице Налевки. Здесь проживал молодой человек по имени Ицхак Табенкин. Уже на первой встрече возник спор между ним и Давидом

Грином по вопросу о связи еврейского народа с Эрец-Исраэль. Табенкин утверждал, что связь с Эрец — в крови у евреев. Давид Грин выступил против такого определения, которое показалось ему "странным", он утверждал, что связи евреев с Эрец — исторические. Табенкин упрекнул Грина в том, что он говорит как бундовец. В этом было предзнаменование их будущих разногласий. До конца их дней отношения Табенкина и Бен-Гуриона останутся под этим знаком — общий путь и непрестанная принципиальная полемика.

Давид Грин создал отделение партии в Плонске, организовал первые забастовки портных и других рабочих союзов Плонска, руководил борьбой за гарантированные условия труда. Под влиянием русской революции дискуссии социалистов-бундовцев и социалистов-сионистов проходили в "революционной" атмосфере. Вот как это обычно бывало. В плонскую синагогу прибывает очередной посланец Бунда, при револьвере и в сопровождении двух телохранителей. Противная сторона выставляет на помост Давида Грина. В насыщенной напряжением, драматической обстановке оба вглядываются друг в друга. В синагоге воцаряется мертвая тишина, и начинается словесная дуэль.

Вскоре Давид Грин занес на свой счет первое достижение: он сдержал наступление Бунда на Плонск и сделал Поалей Цион центральным течением среди молодежи города.

Влияние Давида быстро распространилось за пределами Плонска. Центр Полей Цион в Варшаве, многим обязанный его таланту, начал посылать его в командировки по соседним уездам.

Несмотря на свою почти мальчишескую внешность, Давид действовал успешно. Он был маленького роста, подвижной и стройный. На лице его только-только пробивались усики. По обычаю революционеров он ходил в косоворотке, иногда в кепке. По революционной же моде он отрастил длинные волосы. Одной этой вьющейся гривы было достаточно, чтобы варшавская

полиция арестовала его по подозрению в опасной политической деятельности... Тревога охватила близких Давида. Они были убеждены, что смерть через повешение уже витает над головой узника. Однако "опасный революционер" был вскоре освобожден, благодаря хлопотам явившегося из Плонска отца.

Но прошло немного времени, и Давид был снова задержан по дороге на третейский суд в соседний город. На этот раз у него в сумке были найдены компрометирующие документы, связанные с его политической деятельностью. Авигдор Грин снова спас положение. "Пожертвование" тысячи рублей полицейскому офицеру немедленно привело к забвению преступлений Давида. Он был освобожден и снова принялся за свое.

Летом 1906 года возвратился, как и обещал, на несколько месяцев, Шломо Цемах. По-видимому, он не забыл и другое свое обещание, потому что Давид, по его просьбе, пытался склонить девицу Фукс, избранницу сердца друга, на побег в Эрец... Но девушка так и не решилась на этот отчаянный шаг.

Будущие халуцим не стали вступать в конфликт с домом Фуков, и в начале лета 1906 года начали готовиться к отъезду в Эрец-Исраэль. В этой группе была и Рахель Нелькина, девушка редкостной красоты, падчерица хасида Симхи Айзика — вождя Хове-вей Цион Плонска.

Была Рахель стройная, черноглазая, с венцом кос вокруг головы. Давида она знала с детства, ведь семьи Айзиков и Гринов были дружны между собой.

Вернувшись в Плонск из Варшавы, Давид увидел, что девочка превратилась в красавицу-девушку, и влюбился в нее со всей страстью своей пылкой души. Его так тянуло к ней, что это не могло скрыться от глаз окружающих. И потому, полюбив Давида, другая его подруга, Сара Квашне, знала, что чувство ее безнадежно. "Когда он говорил, я видела свет, исходящий от его лица. Я очень любила его, просто как

женщина. Но я знала, что он любит красавицу Рахель Айзик, и я похоронила любовь в своем сердце”.

Рахели тоже было хорошо с ним, и она отважилась на такой поступок, из-за которого несколько семейств в Плонске запретили своим дочерям водить с ней дружбу. Вдвоем с Давидом пошла она гулять по улице.

”Плонск был страшно консервативен, — с усмешкой рассказывал много лет спустя Давид Бен-Гурион. — На улице парень с девушкой не ходили парой. А мы вдруг появились вместе. В Плонске был страшный шум: что это значит? как он посмел?”

В конце лета выехала из Плонска самая большая по тому времени группа олим. В этой компании было несколько молодых людей (в том числе и Шломо Цемах), жена Симхи Айзика, ее дочь Рахель Нелькина и Давид Грин.

Давид и Рахель вместе отправлялись в Эрец-Исраэль. Друг подле друга сидели они среди товарищей во дворе Авиغدора Грина перед фотографом, приглашенным запечатлеть момент расставания. Руки скрещены на груди, глаза торжественные и серьезные. Она — в длинном платье с вышитым воротничком, он — в белой рубашке, кепке и черных сапогах. Чуть поодаль смотрит в объектив из открытого окна Авигдор Грин, рядом с ним развевается знамя Поалей Цион. А потом, поднявшись и обратив взоры к востоку, Рахель, Давид и все их товарищи по традиции запевают гимн Поалей Цион. И весь долгий путь до Одессы, и во время прогулок по городу, и на встрече с вождями сионистского движения Усышкиным, Лиленблумом и Бороховым — повсюду Рахель и Давид были рядом.

Алия Давида Грина отличалась от алии Шломо Цемаха, Шломо Лави и многих других халуцим второй алии. Большинство молодых халуцим пришло к сионизму через болезненный протест против среды, родителей, жизни в гетто, жестких традиций иудаизма.

У Давида все было иначе. Ему не нужен был отчаянный побег в сионизм, ибо он рос в сионистской семье, которая раз и навсегда сделала его заветной целью Эрец-Исраэль. Иврит был привычен ему с детства, еще до приезда в Эрец его речь была непринужденной, язык богатым и сочным. Когда, много лет спустя, Бен-Гурион говорил о галуте, он вспоминал "жизнь еврейских масс, исполненную бедности и страданий". Но сам он никогда не знал унижительной бедности, не испил горькой чаши обид, унижений, погромов — всего того, что в огромной мере повлияло на решение сотен молодых людей уехать в Эрец. Волны погромов, затопивших царскую Россию, не докатились до Плонска. Алия плончан была не бегством, но алией в истинном смысле этого слова.

Лучшие товарищи Давида уезжали вместе с ним, рядом была любимая девушка. Он был уверен в себе и не сомневался в избранном пути, к которому был подготовлен всей предыдущей жизнью. Как же могла стать несчастливой такая алия?

Плавание на обшарпанном русском пароходе превратилось для него в неиссякающий источник впечатлений. Бескрайность моря вдохновляла его. Во время промежуточной стоянки в Смирне Давид впервые встретился с Востоком, экзотичным и красочным. Зачарованно смотрел на негров и цыган, на турок и арабов. Бродил по узким извилистым улочкам, уступал дорогу каравану навьюченных огромными тюками бречащих колокольчиками верблюдов. Арабы, плывшие тем же пароходом, "произвели на него очень хорошее впечатление". Они показались ему "большими детьми, добросердечными и готовыми к дружбе". В последнюю ночь своего путешествия он не сомкнул глаз. "Раннее утро. Наш пароход приближается к берегу Яфо. Свежий ветер обвеивает наши лица, и птичий крик, первый за все время плавания, достигает наших ушей... Безмолвный, оглушенный стоял я и глядел на Яфо, сердце мое сильно колотилось... вот, сбылось..."

В Плонске Авигдор Грин читал скупые строчки, написанные на почтовой открытке отчетливым юношеским почерком:

”Яфо, 15 зула 5666 года.

Дорогой отец!

Ура! Сегодня, в девятом часу утра я взошел на берег Яфо! Сегодня же, в четыре часа мы едем в Петах-Тикву. Оттуда напишу подробное письмо. В пути я ни разу не болел!

Я здоров, бодр и полон веры!

Горячий привет из Эрец-Исраэль,

Давид”

2. ПРЕКРАСНЫЕ ГОДЫ

Первым, говорят, был этот сумасшедший иерусалимец, Иоэль Моше Саломон. Уже два поколения его предков жили на Святой Земле. Это был, по общему мнению, человек кипучей энергии, бунтарь и заводила. Мало было ему того, что одним из первых вырвался он из Старого города и вместе с шестью своими друзьями основал новый еврейский квартал "Нахалат Шива" ("удел семерых"). В 1863 году он начал выпускать первый журнал на иврите "Леванон", и когда попытка окончилась неудачей, Саломон не впал в отчаяние, он решил наперекор всему вернуть еврейский народ к сельскохозяйственному труду на земле Эрец-Исраэль. В те времена еврейское население Палестины, насчитывавшее несколько тысяч человек, было сосредоточено в Иерусалиме, Яфо, Цфате, Хевроне и Тверии, занималось преимущественно изучением Торы и жило на халукку*. Нашлось двое выходцев из Венгрии: Иехошуа Штампер и Давид Гутман — которые заразились безумной идеей Саломона. Вместе отправились они верхами осмотреть продававшийся болотистый участок на берегу Яркона, неподалеку от арабской деревни Умлабес. Увидели арабов, страдавших от лихорадки,дохлых коров и лошадей, валявшихся у реки, увидели зараженную ненадежную землю, грозившую эпидемиями. Врач-грек по фамилии Мазурике, приехавший вместе с тремя друзьями, пришел к выводу, что воздух в этой местности ядовит и смертельная опасность угрожает не

* Халукка — организованная система материальной поддержки общинами диаспоры малоимущих евреев, поселившихся в Эрец-Исраэль из религиозных побуждений.

только людям, но и животным, приближающимся к ней, а потому повернул коня и поспешно поскакал в Яфо. Поглядел Саломон на друзей и сказал: "И все же!" — "Попробуем!", — ответил ему Штампер.

И они попробовали. И в этой долине смерти заложили они поселение Петах-Тиква ("врата надежды").

Затем были основаны Ришон ле-Цион, Зихрон-Яков, Реховот. У каждого из этих поселений своя история, долгий путь, усеянный отчаянием, могилами и поражениями. У каждого — свои герои, пионеры-халуцим, горстка людей, одетых в косоворотки и сапоги, с горящими глазами и твердой решимостью в сердце врати в землю Эрец-Исраэль. Посматривали на них палестинские арабы и покачивали головами, называя их одержимыми "сынами смерти", пришедшими разбить свои шатры на краю болота, в рассадниках лихорадки, в земле, забытой Богом и людьми.

Так что не земля, "текущая молоком и медом", встретила первых ховевей Цион и билуйцев*. Многие века войн, запустения, заброшенности оставили безобразные шрамы на земле их мечты, воспетой в Библии. "Горы мирровые", "холмы благовоний", "сады ореховые" и "грядки ароматов" из "Песни Песней" стали иссушенной пустыней. Болота заполонили Прибрежную равнину; захватили плодородную землю долин. Палящее солнце и ливни изглодали голые склоны гор, давно уже лишившихся слоя почвы и произраставших на ней лесов. Арабы-земледельцы возделывали свои поля так же, как делали это поколение за поколением их отцы и деда. В городах властвовали турецкие чиновники, высокомерные, равнодушные, беспутные, неприкрыто алчные. Рядом с живописными рынками и мечетями появились поселения приверженцев христианских сект — немцев, францу-

* Билуйцы — члены еврейской молодежной организации Билу (аббревиатура слов библейского стиха "Бет Яков лху ве-нелха" — "Дом Иакова! Вставайте и пойдём!", Исайя 2:5).

зов, американцев, шведов. Паломники со всех концов света высматривали себе куски беспризорной земли. Незначительное меньшинство их прибыло из богатых стран Запада, а большую часть составляли оборванные орды русских крестьян с печальным молитвенным напевом на устах, с хоругвями, крестами и иконами в руках, с лицами, обращенными к Иордану.

Такой была земля их мечты, земля, к которой стремились надежды и молитвы миллионов евреев — и тоненькая струйка молодых иммигрантов. Они высаживались на берег в порту Яфо, выделяясь своей европейской одеждой среди арабской толпы. Говорили они на идиш, по-русски, по-польски или по-румынски. Они были молоды, но в большинстве слабого здоровья, не занимались в прошлом физическим трудом, были невежественны в вопросах земледелия. Но сердца их были исполнены наивной веры и фанатичной, аскетической решимости. Физическое напряжение, лихорадка и голод сразили многих из них. Большая часть оставшихся предпочла сбежать из этой земли с первым отплывавшим из Яфо пароходом. Бен-Гурион утверждал, что из каждых десяти человек, приехавших в Эрец-Исраэль со Второй алией, в одно время с ним, девять покинули страну.

Знойным сентябрьским утром 1906 года на пристани Яфо собралась небольшая группа первых поселенцев — халуцим. Среди них были Шломо Леви, Иехезкель Халахми и еще несколько человек. Это были люди, встретившие Давида Грина, когда, взволнованный и ликующий, ступил он на землю Эрец-Исраэль.

Турецкий чиновник проверил документы прибывших, поставил на них печати и протянул им бумажки красного цвета. Таков был обычай турок. Не успели новоприбывшие отойти от чиновника, как некоторые из них разорвали полученные бумажки на мелкие клочки. Таков был обычай евреев. Эта красная бумажка представляла собой нечто вроде туристской визы Османской империи сроком на три месяца, а

разрывали ее халуцим в знак своего решения остаться в Эрец-Исраэль. Это был символ того, что остаются они здесь навсегда и не как иностранцы.

Давид Грин огляделся вокруг. "Это еще похуже Плонска", — подумал он. Городок Яфо вызывал у него отвращение. Облупившиеся домишки, грязные переулки, толпа крикливых оборванцев, слоняющихся без дела. Он содрогнулся при виде полчища лоточников и лавочников, вопящих не своим голосом или равнодушно болтающихся возле своих товаров. Особенно возмутил его тот факт, что многие из этих торговцев были евреями. "Толстые арабы сидели около своих повозок, а между ними затесалась и какая-нибудь жалкая еврейская лавчонка. Я не хотел оставаться здесь". Товарищи привели Давида в гостиницу Хаима-Баруха в районе Неве-Шалом. Но он заупрямился: "Я не останусь в Яфо и одной ночи. Это не Эрец-Исраэль. Сегодня же отправляюсь в Петах-Тикву".

И вот после полудня четырнадцать парней и девушек отправились в путь. Среди них были Рахель Нелькина и Шломо Цемах. Путешествие казалось им чудом. "Дорога была очень веселая", — рассказывает Рахель Нелькина. "Мы отправились пешком, потому что дилижанс уже прошел. Вокруг простирались цитрусовые плантации. Один из парней плясал и дурачился всю дорогу".

"Путешествие наше было очень приятным, — добавляет Давид Грин. — Воздух был чудесный, напоенный нежными ароматами, точно в раю, чистый и прозрачный, как вымытое стекло. На десятки километров вокруг все было видно как на ладони".

Когда они пришли в Петах-Тикву, на землю уже спустилась прекрасная лунная ночь. Молодой Грин был очарован, опьянен. Разнообразные впечатления сменялись одно другим в его взволнованной душе. Со стороны одного из дворов послышался странный звук. "Это ревет осел", — сказали ему. "Никогда прежде не видел я ослов и не знал, как они кричат". Издалека донесся душераздирающий вопль. Ему

объяснили: "Это маленькие шакалы разбойничают в виноградниках". И вой этот казался восторженному мечтателю "подобным звукам симфоний".

Всю ночь он не сомкнул глаз. Долгие часы провели вновь прибывшие за беседой с опередившими их товарищами в доме, где поселились выходцы из Плонска. Среди них был Ицхак, друг Давида с детских лет, и его красавицы сестры — Мириам и Сара. Несколько раз за ночь выходил Давид из дому и вглядывался в окружающее. Первый шаг на пути его мечты стал реальностью.

"И эта ночь, первая моя ночь на земле Родины, запечатлелась в моем сердце радостью победы. Всю ночь я не спал — кто же может уснуть первой ночью в Эрец-Исраэль?"

"Вой шакалов в виноградниках, рев ослов в хлевах, кваканье лягушек в прудах, запах плодородной пашни, далекий рокот морских волн, шум цитрусовых плантаций во тьме, чарующее мерцание звезд в глубокой синеве неба, сам небесный свод — высокий, ясный, дышащий мечтою — все опьяняло меня. Мечта наша сбудется. Весь я охвачен счастьем. И в то же время все пока непонятно и странно, будто я витаю в царстве грез, — но над головой — небо Эрец-Исраэль с сонмом звезд, никогда до сих пор не видел я ни звезд этих, ни неба".

Назавтра Давид Грин и Шломо Цемах сняли комнату на двоих. Это была большая комната с высоким потолком, с вьющимися растениями по стенам, из окон которой вдалеке, на северо-западе, виднелось море, а на востоке — Иудейские горы. И в первый же день, чуть рассвело, Давид Грин уже хлопотал: таскал носилки с удобрениями к ямам, приготовленным для новых посадок Петах-Тиквы, вносил удобрения в почву.

По прошествии недели Давид писал отцу: "Я работаю часов восемь в день. Встаю в полседьмого-сень. В половине восьмого прихожу на плантацию и здесь купаюсь в пруду. В восемь начинается работа, и я ра-

ботаю до двенадцати. В двенадцать завтракаю прямо в поле и отдыхаю с полчаса. Потом снова работаю до пяти — половины шестого. После работы снова купаюсь. Ужинаю в общей рабочей столовой”.

Так протекала новая жизнь Давида Грина в Эрец-Исраэль. Он носил удобрения, готовил почву, убирал камни, копал каналы для орошения, сажал деревья. Было нелегко. Человеку, никогда в жизни не работавшему (а таково было большинство рабочих), нужно много терпения и настойчивости, чтобы весь палящий летний день стоять и мотыжить землю. Пот струится по лицу, руки покрываются мозолями и ссадинами, все тело будто разламывается на части — а в это время стоит где-то неподалеку хозяин или надсмотрщик и крикивает: ”Ялла!” (Поторопись!)

”Солнце поднимается, жара усиливается, пот льет градом, мотыга вздымается и опускается, вздымается и опускается, а иногда вдруг отскакивает, попадая на затвердевшую землю, и тогда мелкие комья земли взлетают вверх, задевая мокрое лицо. Пот окропляет землю, а земляная пыль оседает на потном лице”.

Он был непоколебим в своем решении стать настоящим земледельцем. В те дни это была самая актуальная из стоявших перед сионизмом задач: еврейский труд на еврейской земле, только так сможет еврейский народ снова завоевать землю Эрец-Исраэль, осуществить свои права на нее. ”Завоевание труда” — таков был лозунг молодых энтузиастов — халуцим.

”В Эрец-Исраэль могут удержаться лишь рабочие двух типов, — писал Давид, — или те, кто одержимы колоссальным стремлением, или те, кто способен выдержать нагрузки, то есть физически сильная молодежь, привыкшая к тяжелой работе”.

Его самого эта тяжелая работа не согнула. Прошло меньше двух недель со времени его приезда в Эрец, когда он первый раз свалился в приступе лихорадки. С тех пор малярия то и дело сваливала его в постель в определенные часы дня. Врач-еврей, доктор Штейн,

вызвавшийся лечить Давида, потерял надежду на выздоровление больного. "Тебе ничто не поможет, — заявил врач, — ты не можешь оставаться здесь. Уезжай из Палестины". Но он остался. После того, как Давид испытал лихорадку, ему пришлось узнать вкус голода. "Я голодал и мучился от малярии больше, чем работал. И вся эта троица: работа, лихорадка и голод — были новы для меня и полны интереса. Ведь из-за них же я приехал в Эрец-Исраэль. Лихорадка навещала меня с математической точностью — каждые две недели. Голод тоже был частым гостем. Гостил он у меня по целым неделям, иногда по несколько месяцев подряд". Поединок с голодом был труден, особенно в те дни, когда не было работы. Если ему удавалось заранее отложить несколько грошей, то он покупал, бывало, арабскую лепешку на день, заставлял себя не трогать ее до второй половины дня и лишь тогда начинал медленно жевать, чтобы обмануть пожиравший его голод. Но бывали дни, когда и этой единственной лепешки не находилось в его комнате.

Слухи о тяжелом положении в Эрец-Исраэль дошли до Плонска. Посылая сыну письмо, озабоченный Авигдор Грин вложил в конверт десятирублевую ассигнацию. Деньги он получил назад с ответным письмом Давида. "Мне вовсе не нужны деньги, — писал Давид, — и хотя я благодарен тебе за посланные 10 рублей, я возвращаю их, ибо в них нет никакой нужды".

И не только из чувства собственного достоинства вернул он эти деньги. Еще важнее было для него достоинство Эрец-Исраэль. Ведь для него это была страна мечты. Он изливает душу в письмах отцу, находя все новые и новые поэтические определения красоте этой земли.

Это не были просто романтические излияния мечтательного юноши. Любовь, подлинное благоговение перед Эрец-Исраэль — это ведь и был тогдашний сионизм в его наиболее простом и естественном смысле —

любовь к Сиону. В основе ее лежало стремление воссоединить историю еврейского народа с географией Эрец-Исраэль. И в сентиментальной поэзии молодого Грина находила выражение его вера в торжество идеалов сионизма.

”Прекрасны дни на земле нашей, дни, исполненные сияния и блеска, отраженного в зеркале моря и на вершинах гор. Но в тысячу раз прекраснее ее ночи, окутанные глубочайшей тайной, обжигающие капли червонного золота, трепещущие на своде нежнейшей синевы, прозрачная полутьма лунных ночей, хрустальная чистота горного воздуха — все пропитано томлением, неясной печалью, исполнено таинственных звуков”.

В Иудее выходцы из Плонска славились своей талантливостью, сплоченностью, трудолюбием, приверженностью к сионизму и хорошим знанием иврита. И в Петах-Тикве сложилась небольшая ячейка, гордившаяся своим происхождением из Плонска и поставившая себе целью практически осуществить сионистские идеалы, то есть отличиться своим трудом. Нелегко было добиться прощения тем, кто отставал от других в поле. Группы рабочих селились вместе в комнате или бараке, помогали друг другу и основывали, сами того не зная, первые в Эрец-Исраэль коммуны. Они устраивали пешие походы по стране — у кого были деньги на дилижанс? Те гроши, что зарабатывались нелегким трудом, тратились на скудную пищу. Время от времени кто-нибудь получал из далекого дома посылку или денежный перевод. По вечерам собирались в рабочей столовке, пели и плясали допоздна среди цитрусовых плантаций. Но бывали и дни нужды, дни отчаяния и гнева.

”Сегодня у меня была поденная работа”, — говорил иногда Давид Грин на собрании, и была в его словах горечь, накопившаяся от ежедневного унижения перед бессердечными нанимателями, равнодушно выбиравшими рабочих на поденную работу.

Наниматели эти были евреи, осевшие на земле, ставшие владельцами зажиточных хозяйств в поселениях Иудеи.

Лет двадцать назад это были влюбленные в свою мечту идеалисты. Когда они приехали в Палестину из России, сердца их еще пылали сионистской идеей. Но прошло несколько лет, и невозможно стало узнать бывших идеалистов. Они сделались помещиками.

Переворот этот произвело в них золото барона Эдмона де Ротшильда. Барон был поистине провидцем. Он покупал земли, основывал сельскохозяйственные поселения, посылал специалистов и инструкторов в помощь поселенцам. Годы дерзновенных усилий увенчались успехом, встали на ноги еврей-земледельцы в поселениях барона: Петах-Тикве, Ришон ле-Ционе, Зихрон-Якове. Но чем щедрее осыпал их барон деньгами, тем меньше былого энтузиазма оставалось в их сердцах. Они уже не работали в поле, а нанимали за мизерную плату рабочих — арабов. Когда стала появляться в этих поселениях молодежь Второй алии, она обнаружила здесь хозяев, гоняющихся за прибылью, позабывших об идеях сионизма. Они относились с неприкрытой подозрительностью к недавно приехавшим молодым босякам. И каждое утро эти "босяки" должны были являться на рынок рабочей силы в центре поселка, куда устремлялись и рабочие-арабы из окрестных деревень. Хозяева и надсмотрщики прохаживались между рядами рабочих, вглядывались в них и прикидывали, кого нанять на работу, а кого забраковать. Да и тот, кого брали, знал, что день пройдет в жестокой конкуренции с работающими рядом арабскими рабочими и по результатам этого соревнования будет решаться его судьба на следующий день. А ведь арабы были уроженцами страны, привыкшими к ее климату, к работе в поле, физически крепкими. Борьба была неравной — и с ней сталкивались новые иммигранты сразу по приезде в Эрец-Исраэль.

Это бросало печальный ответ на лозунг "завоевание труда".

Молодой Грин видел унижение поденщиков, остро переживал их неравноправное положение. И он попробовал восстать против этой унижительной реальности. Из России он привез классовое самосознание, которое, наряду с сионистским, восстанавливало его против "еврейской буржуазии".

В то время в Палестине существовали две рабочих партии: Поалей Цион ("рабочие Сиона") и Ха-позл ха-цаир ("молодой рабочий"). Дух фанатичной ненависти, господствовавший в отношениях между этими двумя партиями, поразил Давида Грина с первой минуты его пребывания на земле Эрец-Исраэль. Не успел он очнуться от волнения, охватившего его при высадке в порту Яфо, как один из еврейских рабочих прицепился к нему и стал с пристрастием допытываться, каково его отношение к историческому материализму. Беспомощный Грин воззрился на него изумленными глазами. "То был первый мой день в Эрец. Я был совершенно опьянен, а он накинулся на меня с дурацкими речами против исторического материализма. "Да чего ты хочешь от меня в конце концов?" — спросил я, но он все не отставал от меня".

И еще один случай поразил Давида. Выйдя с территории порта, он со своими товарищами, членами партии Поалей Цион, отправился немного передохнуть на постоялом дворе Хаим-Баруха, а Шломо Цемах со своими друзьями, принадлежащими к партии Ха-позл ха-цаир, повернули к гостинице Спектора, оплоту враждебной партии. Несколько дней спустя, когда руководителям партии Ха-позл ха-цаир стало известно, что их товарищ Шломо Цемах снял комнату на пару с Давидом Грином, они яростно обрушились на Шломо: как он осмелился жить под одним кровом с членом Поалей Цион?!

Глубокая пропасть разделяла две партии. Для

Давида Грина это было непостижимо. Среди девяти-рых "отцов-основателей", создавших в 1905 году партию Ха-поэл ха-цаир в Эрец-Исраэль, четверо были уроженцами Плонска.

Давид полагал, что существование двух партий в Эрец необоснованно. В Плонске, накануне отъезда в Палестину, Шломо Цемах рассказал ему о создании Ха-поэл ха-цаир. Тогда Грин ответил: "Я член Поалей Цион. Между нами нет никаких расхождений — мы оба евреи, оба за еврейский труд на еврейской земле". Друзья решили по приезду в Эрец-Исраэль бороться за объединение обеих партий. Но "с первой минуты пребывания в Эрец то ли под влиянием своих друзей, то ли из-за перемены климата Шломо Цемах отступился от идеи объединения. Я — нет", писал Давид.

Не только перемена климата сорвала объединение двух партий. Хотя обе партии: и Ха-поэл ха-цаир, и Поалей Цион были партиями рабочих-сионистов, между ними было существенное различие. Поалей Цион складывалась под сильным влиянием русских революционных идей, как партия марксистского толка. Ее духовным вождем был Бер Борохов, который предсказывал образование в Эрец-Исраэль капиталистического общества, рост еврейского пролетариата, классовую борьбу и конечную победу социализма.

Партия, насчитывавшая в своих рядах около 70 членов, приобретала все более резкую марксистскую окраску, сопутствующий сионизм отеснялся на задний план. И когда появились в Эрец-Исраэль первые плончане, настоящие сионисты, говорящие на иврите, с прочными корнями в еврейской традиции, — они отделились от Поалей Цион. Так что образование Ха-поэл ха-цаир было в немалой степени реакцией на деятельность Поалей Цион. Члены Ха-поэл ха-цаир не были марксистами. Они выросли на иврите, на идеях возвращения к Сиону и практического осуществления сионистских идеалов, а также усво-

или концепцию "завоевания труда" А. Д. Гордона.

Во многих отношениях Давид Грин был ближе к Ха-поэл ха-цаир, чем к членам Поалей Цион, с которыми познакомился по приезду в Эрец-Исраэль. Он был убежденным сионистом, фанатиком возрождения иврита и само по себе возвращение к Сиону было для него важнее, чем любая политическая идеология. Но вместе с тем он, по собственному признанию и по свидетельствам окружающих, обладал развитым классовым сознанием и высоко ценил революционный дух России. Он верил в принципы социализма. Только социализм Давида Грина был гибким, практическим, и ему была заранее отведена служебная роль — быть средством осуществления национально-сионистских целей. У Давида Грина социализм и сионизм объединялись в одну центральную идею — рабочий класс является передовым отрядом движения за возрождение еврейского народа, достичь которого можно лишь практической работой в Эрец-Исраэль. Такое подчинение социалистической и партийной идеологии национальным и государственным интересам будет характерной чертой Давида Грина на всем протяжении его жизненного пути.

Во время праздника Суккот 1906 года в Яфо состоялся первый съезд партии Поалей Цион в Эрец-Исраэль. В нем участвовало несколько десятков рабочих — все члены партии, проживавшие в Эрец-Исраэль. Давид Грин, незадолго до того прибывший в страну, тоже отправился в Яфо, чтобы принять участие в работе съезда. Он сразу выделился среди молодых делегатов и усилил позиции в партии сионистской фракции, боровшейся против крайне левых.

Съезд избрал центральный комитет в составе пяти членов, одним из которых стал Давид Грин. В результате тайного голосования он был избран также в комиссию из десяти человек, которой предстояло сформулировать партийную программу.

Десятка, верная духу конспирации, бывшей зако-

ном жизни подпольных социалистических партий в России, собралась в тайном месте — в крохотной темной нише старого арабского хана (постоялого двора) в Рамле, неподалеку от Иерусалимской дороги. На каменном полу этого постоялого двора, на его соломенных циновках (ни столов, ни стульев не было) провели десять конспираторов два дня и три ночи в яростных спорах. Время от времени арабский мальчик неслышно проскальзывал в комнату, подливая в чашечки турецкий кофе. Иногда они выходили на рынок и перехватывали лепешек, сыру, овощей или еще чего-нибудь. И вот по прошествии шестидесяти часов из-под пера их вышел долгожданный документ "Рамльская платформа".

Комиссия нашла четкую формулировку основополагающего пункта: "Партия стремится к государственной независимости еврейского народа на своей земле".

Впервые поставила себе партия Поалей Цион ясную цель: создание еврейского государства. Это было начало коренного перелома линии партии. И еще одно изменение: центральный комитет распускался, а вместо него учреждался временный руководящий центр всего из двух человек: Исраэля Шохета и Давида Грина, которым поручалась реорганизация партии.

Однако это было только началом переворота, не более того. В течение нескольких лет Давиду Грину предстояло оставаться в меньшинстве.

Его попытки внедрить иврит в качестве языка партийных дискуссий и документов потерпели поражение. Да и в деятельности партии он не принимал особенно активного участия. Однако он был членом центрального комитета и в начале 1907 года по решению партии даже жил некоторое время в Яфо, составляя и собственноручно переписывая воззвания "Еврейской социал-демократической рабочей партии в Эрец-Исраэль" (Поалей Цион).

Тяжелую зиму 1906—1907 годов провел он частично в Яфо, частично в Петах-Тикве. Десятки лет не было в

Палестине такой холодной зимы. Теплой одежды у Давида не водилось, а сапоги, которые передал ему с оказией отец, оказались малы и он не мог их носить. Работал он этой зимой на сборе цитрусовых, и работа показалась ему на удивление легкой. "Работаю я секатором, полной грудью вдыхаю чудесный воздух цитрусовой плантации, ем вволю апельсины и прогуливаюсь со своей корзиной и секатором среди деревьев, сгибающихся под тяжестью плодов". Он был до того предан сионистским мечтам, что всегда видел в окружающей палестинской действительности положительные, радостные стороны.

В Эрец стояла весна, когда Давид отправился в Кфар-Саву. Ему понравилась чистая атмосфера нового поселения, выросшего на возвышенности в двух часах ходьбы от Петах-Тиквы. Поселилась в этом месте пока лишь одна молодая семья. Грин работал здесь, голодал и болел лихорадкой, как обычно, но задержался ненадолго. В нем нарастало душевное беспокойство. Он все еще не нашел своего места в Эрец-Исраэль, все еще искал свою дорогу. Пробыв несколько недель в Кфар-Саве, он снялся с места и пошел в Ришон ле-Цион, где решил поработать на винодельном заводе. Босиком, в длинном фартуке, в засученных до колена штанах топтал Давид Грин виноград. Раз поспорили они с работавшим рядом товарищем — кто может выдержать дольше. Три дня и три ночи без передышки топтал Давид виноград и выиграл спор. А потом долгие годы "в рот не мог взять вина".

Но и в Ришоне не нашел он покоя. Несколько недель пробыл в Реховоте, всерьез подумывал купить землю, стать поселенцем и перевезти к себе семью. Но это не была его Эрец-Исраэль. Он искал другую, настоящую. Он хотел поселиться в настоящей еврейской деревне, работать бок о бок с еврейскими рабочими и крестьянами и в полном смысле этого слова вернуться на землю.

И снова старый друг Шломо Цемах заразился его идеей, рискнул и проложил дорогу. Прошли считан-

ные недели после того, как Шломо возвратился в Эрец вместе с Давидом, и вот он уже расстался с другом и уехал в Галилею. Давид написал тогда отцу: "В Галилее совсем иная, чем здесь, жизнь. Там много молока, масла, сыру. Там рабочих нанимают не поденно, как здесь, а на год, обеспечивают их всем необходимым, да еще платят помесячную зарплату. Да и работа другая. Там мало посадок и главное — простое земледелие".

Но не в этом была основная разница между Иудеей и Галилеей. Галилея была далекой пограничной областью, дикой и неизвестной. Там не было Яфо, не было поселений, не было зажиточных крестьян, не было привкуса галута. На большей части Галилеи были рассеяны бедные арабские деревни и враждебные племена. Редкие еврейские поселения насчитывали по несколько десятков домов. Еврейских сельскохозяйственных рабочих было не более сорока человек. Освоению Галилеи придавалось большое политическое значение. Ехавший туда должен был начинать на голом месте, без всего того, что завезли в более освоенную часть Палестины турецкие власти, русские эмигранты или французский барон. Селившиеся в этой отрезанной от всего света пустынной земле как будто совершали новую алию внутри Эрец-Исраэль. Они на деле осуществляли идеи сионизма.

Накануне Нового года Цемах вернулся в Иудею, чтобы встретиться с товарищами. Заглянул к Давиду, рассказал ему о своей жизни в Галилее, о еврейской деревне Седжера, не зная того, что в сердце Давида уже давно созревает решение. "Я ощущал какую-то неутолимую жажду, — писал Давид, — какое-то не находившее выхода стремление, меня тянуло на просторы полей, к волнующимся нивам, к запаху трав, к песням пахарей — и я решил перебраться в Галилею".

После Суккот Цемах вернулся в Галилею с группой из восьми человек. Среди них был и Давид Грин.

Группа вышла в путь на заре. Шли три дня, до тех пор, пока не отекали усталые ноги. Первую ночь провели в Бат-Шломо, неподалеку от поселка Зихрон-Яков, вторую в Месхе и на утро третьего дня пришли в Седжеру.

Этот переход в Галилею, который состоялся год спустя после приезда Давида Грина в Эрец-Исраэль, включает целую главу в его жизни и открывает новую. И не только в жизни общественной, но и в личной. Внутренние, интимные переживания молодого Грина, наверное, тоже повлияли на его решение оставить Иудею и, в особенности, Петах-Тикву, и продолжать странствия — но в какой именно степени, трудно определить теперь, по прошествии стольких лет. Еще много неясного в истории любви Давида к Рахели.

Однажды, еще в Плонске, зашла Рахель к Давиду и не застала его дома. На столе в его комнате лежала тетрадка, в которую он записывал свои стихи. Девушка раскрыла тетрадку и украдкой заглянула в рифмованные строчки, написанные аккуратным юношеским почерком. Увидела снова и снова повторяющееся свое имя. Заметила несколько относящихся к ней поэтических оборотов, один из них почему-то врезался ей в память "как трава, омытая росой...". Это были любовные стихи, которые Давид писал Рахели Нелькиной. Никогда он ей их не показывал, а потом они пропали. Через несколько лет он подарил ей другую тетрадку стихов — стихов Бялика, которые он переписал для нее. Но и эта тетрадь исчезла во время первых яфских беспорядков.

Стихов он ей больше не писал, но за многие годы в ее сундучке накопилась масса его рукописей: записки, письма, посвящения к книгам — и всюду, иногда в открытую, а чаще неясным намеком, прорывается любовь двадцатилетнего автора к шестнадцатилетней красавице. Любовь, в которой он так и никогда ей не признался. В те времена не при-

нято было говорить о любви. Да и не нужно было ничего говорить, ведь уже в Плонске всем в их компании было ясно, что Давид влюблен в Рахель.

Так было и когда они отправлялись в путь, и когда, уже прибыв в Эрец-Исраэль, шли вместе пешком в Петах-Тикву.

В первый же день с зарей вместе вышли они работать на цитрусовую плантацию. Давид таскал удобрения, которыми Рахель должна была удобрять деревья. Ей дали пустые жестянки из-под нефти, к которым были приделаны ручки из тонкой проволоки. Ей надо было наполнять банки едким химическим удобрением, оно попадало в ссадины и сильно жгло. Рахель перестала работать. Внезапно старший надсмотрщик заметил это и прогнал девушку. "Такими руками не на плантации работать, а на рояле играть", — заявил он. Назавтра она осталась без работы.

Ей было очень стыдно, что ее не взяли на работу, и еще сильнее она расстроилась, когда стало ясно, что парни и девушки из Плонска возмущены ее поведением. "Ведь она позорит имя плончан, которые по праву слывут хорошими работниками и первыми среди халуцим".

И когда раздался вокруг нее этот хор упреков, Давид не возвысил голос в ее защиту, а наоборот, присоединился к обвинителям.

Видно, тогда и пролегла между ними первая трещина. Несмотря на любовь свою к Рахели, Давид рассердился на нее за то, что она не выдержала экзамен в том деле, которое было для него наиглавнейшим — завоевание труда в Эрец-Исраэль. Ведь были же другие девушки, которые успешно работали, Малка, например, тоже необыкновенная красавица, но одновременно терпеливая, мужественная, выносливая. Некоторое время они работали бок о бок на цитрусовых плантациях в Петах-Тикве. Оба были молоды, и Давид понравился Малке. Отношения между двумя красавицами — Малкой и Рахелью — обострились из-за Давида. Раздор их дошел до предела, когда у

Давида случился приступ лихорадки. Ему предложили койку в том доме, где жила и Малка. Там лежал он в лихорадке, когда Рахель пришла его навестить. Не успела она появиться в дверях, как Малка выросла перед нею и преградила ей дорогу: "Не входи", — сказала она. Рахель заупрямилась, требовала, чтобы ее пустили к Давиду. Но Малка твердила свое: "Он сейчас спит, не входи". Рахель ушла ни с чем, и прошло много времени, прежде чем инцидент был забыт и обе девушки помирились.

Давид замечал красоту Малки. Но вся его любовь принадлежала Рахели, и только ей одной. И пожалуй, эта юношеская застенчивая любовь была самой сильной и глубокой, которую ему довелось испытать.

Но хоть это была любовь его жизни, Давид не женился на Рахели.

Много лет спустя автор этой книги спросил Рахель, почему. Она покраснела, как шестнадцатилетняя девушка в те далекие дни, помолчала и, наконец, сказала: "Давид думал обо всех, а не о личных делах". А вот слова Давида: "Жениться? Я и не думал о женитьбе в те времена. Я только что приехал в Эрец, я был молод — мне было двадцать. Я хотел работать в Эрец-Исраэль и не думал жениться. Кто тогда думал об этом? Мы воздерживались от брака, мои друзья и я, ибо не хотели раньше времени заводить детей. Палестина была тогда отсталой, дикой страной. Мы не могли обеспечить детям подобного еврейского воспитания. Лишь некоторое время спустя, когда женился Исраэль Шохет, нам стало ясно, что несмотря ни на что, в Эрец-Исраэль можно растить детей".

И Давид добавил: "А кроме того, Рахель познакомилась с другим, влюбилась в другого"... Он не договорил, и фраза так и повисла в воздухе — полуответ, полузагадка.

Действительно, в тот период среди халуцим, составлявших Вторую алию, было принято подолгу не вступать в брак, чтобы преждевременно не об-

ременять себя детьми, и проблема воспитания тоже стояла весьма остро, но Рахель и Давида разделили другие причины.

Наш влюбленный юноша был ведь и халуц-мечтатель, и сельскохозяйственный рабочий, и деятель сионистского движения, предвидевший возвращение еврейского народа к Сиону и национальное возрождение. Это заполняло все его бытие. Без отдыха ездил он по поселениям Иудеи, занимаясь партийными делами, читая лекции, встречаясь с людьми — весь во власти своих идей.

А Рахель была хрупкая, нежная девушка — комнатное растение. Ей нужен был человек, который бы всегда был дома, рядом с нею, который уделял бы ей внимание, служил опорой. Давид был не таков.

И тогда в жизнь Рахели вошел Иехезкель Бейт-Халахми (Халибовский) — голубоглазый кудрявый юноша, деликатный и молчаливый. Впервые он увидел Рахель в Плонске, в доме ее отца, где остановился по дороге в Эрец-Исраэль. Как и все его сверстники, он немедленно влюбился в "стройную красавицу с огромными черными глазами" и она тоже заметила его и запомнила. Второй раз они встретились на яфской пристани, в день приезда Рахели в Палестину; третий раз он оказался рядом с ней, когда, пристыженная, вернулась она работать на цитрусовые плантации Петах-Тиквы, переживая, что бросила тень на доброе имя плончан. "Но деликатный добрый Иехезкель умел всегда подбодрить, вселить надежду и уверенность. Много раз выходили мы на работу вместе, я была у него подручной. Иехезкель ставил подпорки, а я выстригала сухие ветви. Вместе работали мы на уборке, сортировке и упаковке цитрусовых".

Судьбы наших молодых героев повернулись неожиданно. Иехезкель был во многих отношениях противоположностью Давиду. И надо сказать, что он обладал теми качествами, которых тщетно искала Рахель у Давида. Чем дальше, тем сильнее нарастала

в ней досада на Давида за то, что "его почти не бывало дома", то есть в Петах-Тикве, за то, что для нее у него не находилось времени. И кроме того, она чувствовала, что "упала в его глазах" с тех пор, как случилось ей отстать от других в работе, потому что национальные, общественные задачи проникали и в его личную жизнь. Так постепенно дело дошло до настоящей ссоры между ними.

И год спустя после того, как Давид ушел в Галилею, Рахель Нелькина стала женой Иехезкеля Бейт-Халахми. Давид не плясал на их свадьбе, и долгие годы не затихала его душевная боль.

Седжера была маленькой деревушкой — всего два ряда вытянутых каменных домов, спускающихся со скалистого холма неподалеку от дороги на Тверию. Внутри, за оградами из черного базальта, вдоль аллеи фруктовых и эвкалиптовых деревьев вилась проселочная дорога к вершине холма, где под руководством почтенного агронома Краузе девять рабочих и служащих трудились на опытной ферме. В Седжере было несколько десятков поселенцев, выходцев из всех еврейских общин: ашкеназов и сефардов, уроженцев Польши, Йемена, Курдистана, России. Это была одинокая деревня. Окружающие арабские деревни не были приветливы с ее жителями. В лесу к югу от Седжеры разбили свои шатры кочевники племени звях, известные во всей Нижней Галилее как отъявленные разбойники. Христианское поселение Кафр-Канна господствовало над дорогой на Назарет. И в тамошней христианской школе русские учителя изо всех сил пичкали своих учеников антисемитизмом. Перекресток дорог на Тверию был в руках осевших тут воинственных ливийских арабов, враждебно настроенных по отношению к евреям. Черкесы, населявшие ближнюю деревню Кафр-Кама, вели себя надменно и заносчиво, гордясь своим привилегированным положением у турецкого правительства.

В сердце этого арабского округа, окруженная живописной природой Галилеи, лежала Седжера.

Осенним днем, когда Давид Грин подошел к подножью этого холма, он застыл, очарованный и пораженный.

”Со всех сторон бегут вверх и вниз горные цепи, и у каждой горы свой особый вид, свой цвет, своя форма. Гордый в своем одиночестве, стоит могучий Тавор, и круглая его вершина глядит на нас из впадины между двумя горными хребтами, протянувшимися слева и справа. Раз ясным знойным днем я взобрался на его пустынную вершину и внезапно передо мной предстало величественное и бесконечно прекрасное зрелище! Тут, под моими ногами, зеленоватые холмы, цветущие долины, покрытые ковром молодой зелени, надо мною — бесконечная синева неба, а на севере, прямо передо мной (на расстоянии двух дней пути) высится гигантская гора, старейшина гор Израильских, Хермон, окутанный блестящим покровом вечных снегов. И эта земля чудес — Эрец-Исраэль”.

Но не только из-за чудесного вида была Седжера для Давида Грина истинной землей Израиля. Когда он пришел в деревню и познакомился с ее жителями, восторг его еще более усилился. Седжера была единственным в Эрец поселением, где всю работу выполняли евреи.

”Здесь нашел я ту Эрец-Исраэль, о которой мечтал. Нет больше лавочников, маклеров, наемных рабочих, бездельников, живущих чужим трудом. Все жители деревни работают и пользуются плодами труда рук своих. Мужчины пахут, боронят и засевают землю. Женщины работают в огороде и доят коров. Дети пасут гусей, верхом на лошадях скачут к отцам в поле. Это деревенские жители с загорелыми лицами, от них пахнет полем и навозом”.

Давида взяли на работу в опытное хозяйство на вершине холма. Некоторое время работал он также в хозяйстве Рогачевского, шорника из России, ко-

торый решил стать в Эрец-Исраэль земледельцем. В Петах-Тикве мечтал Давид "услышать песню пахаря". Теперь он стал пахарем сам.

"Встаю я затемно, в половине пятого. Иду в хлев и кормлю скотину. Потом готовлю себе чай, завтракаю и на заре веду свое стадо — две пары быков, двух коров, двух телят и осла — на водопой, к корыту, стоящему на служебном дворе. Солнце еще не взошло, а я уже запрягаю своих быков, грузу на осла семена, вооружаюсь посохом, отправляюсь в поле и пашу целый день.

Какое приятное и легкое дело пахота!

В левой руке рукоятка плуга, в правой — посох, иду я себе за плугом и слежу за тем, как переворачиваются и крошатся черные комья земли, а быки мои двигаются не спеша, в свое удовольствие, важные, как зажиточные крестьяне — и есть время подумать и помечтать... А разве можно не думать в тот час, когда ты пашешь в Эрец-Исраэль и видишь вокруг себя евреев, пашущих землю родины — и разве сама эта земля, по которой ты ступаешь, красота которой открывается твоему взору во всем очаровании и великолепии оттенков, разве это само по себе не мечта?"

Здесь в полях Седжеры прошли самые прекрасные годы жизни Давида Грина в Эрец-Исраэль.

Есть в них, в этих картинных описаниях, в романтических письмах, выражения, которые могут ввести читателя в заблуждение. В них вырисовывается образ человека, одаренного изобразительным талантом и силой убеждения, чувствуется жар души и вера в идеалы сионизма. Кажется, что уже в юношеские годы Давид Грин выделялся своими идеями, верой, подходом к коренным вопросам сионизма, что уже тогда был он видящим далеко вперед вождем, на голову выше окружающих. Однако это не так. Все эти качества, несомненно, уже были в нем, ибо иначе они бы не смогли отразиться в его письмах. Но это была внутренняя, скрытая сущность Давида Грина, сущ-

ность, защищенная броней других его свойств: застенчивости, скрытности, любви к уединению. Этот внутренний жар прорывался то в поразительной речи, произнесенной на партийном съезде в Яфо, то в лекции, прочитанной на иврите перед крестьянами Седжеры, то в восторженно принятом аудиторией полемическом выступлении на районном совещании Организации еврейских рабочих Галилеи. Но по большей части Грин был молчалив, сторонился общества и долгое время в одиночестве ночевал в одном из складов, а товарищи не знали, чем занимался он долгими зимними вечерами. Таков был этот юноша. И лишь изредка он раскрывался. Только в письмах вырывались наружу бушевавшие в нем чувства, находили выход глубоко запрятанные переживания. В будущем он станет еще более замкнутым, скрытным даже в письмах.

Давид не особенно отличался в работе. Вскоре среди рабочих стали ходить анекдоты о его страсти к чтению. Рассказывали, например, что раз отправился он на пахоту. Шаггал за волами, не отрывая глаз от газеты, когда же кончил читать и поднял глаза, обнаружил, что стоит посреди поля, а волов и след простыл. Где-то на полдороги они исчезли и повернули к лесному пастбищу, а он и не заметил. Другие рабочие смутно ощущали, что он, с его особым характером и особыми способностями, не стремится всю жизнь остаться крестьянином, подобно им, а "чувствует, что способен на нечто более важное, чем шагать всю жизнь за волами". Но никому из них никогда не открывал он своих мыслей.

Видимо, его замкнутость, волей-неволей усилилась в Седжере. Девушка, которую он любил, была далеко. Близких друзей тоже не было рядом. Уже из Яфо послал он последнее письмо Шмуэлю Фуксу, ближайшему другу, в котором видел и старшего брата, и верного советчика.

"Иногда случается, я чувствую себя совсем одиноким, кажется, что нет у меня ни единого близкого,

дорогого человека, способного понять мою душу, и жгучая тоска одолевает меня. И тогда я достаю твои письма, жадно их перечитываю и снова остро переживаю все прошедшее, и вся горечь снова поднимается из глубины сердца”.

”Что до моей частной жизни, то я испытываю по временам душевное одиночество, всем сердцем ощущаю глубокую муку и среди всей толпы своих знакомых не нахожу ни одного человека или, вернее сказать, не нахожу того человека, того близкого друга-брата, с которым был бы я соединен узами духовной, душевной, сердечной связи”.

”Если верно, что такая связь возможна лишь в ранней юности или в результате каких-то особых обстоятельств — так ведь и не найти мне такого любящего друга, друга в том смысле слова, как мы его понимаем, — человека, который стал бы частью моей жизни, моего сердца”.

Фукс не ответил на это письмо, и связь между ними прервалась на долгие годы. Да и тот единственный задушевный друг, что остался у Грина — Шломо Цемах — отделился от него.

Вскоре после появления Давида в Седжере Цемах по личным причинам оставил деревню, уехал в Метулу, а потом дальше, во Францию, учиться на агронома, и дороги друзей разошлись. Молчаливый юноша, в письмах которого отражалась такая пронзительная тоска по задушевному другу, по близкому человеку, который понимал бы его, остался совершенно одиноким. В эти годы узнал он вкус одиночества, которое иногда омрачало его удел — как случается в жизни всех выдающихся вождей. Но ему было тяжело, и потребность в близком человеке находила выход в тоскливых письмах отцу и семье: ”С самого праздника Песах не получил я из дому ни одного письма. Надо быть одиноким, оторванным от родителей, от всей семьи, чтобы понять мое настроение... Почему?.. Почему?.. Разве Вы не знаете, что есть человек, которому тоска будет рвать сердце, пока оно не разорвется,

и что лишь письмо может немного успокоить эту боль... Передо мной Ваши фотографии, я гляжу на них, спрашиваю их — но напрасно. Они немые, немые!”

”Прошло уже почти два года, как я здесь — хоть не на чужбине, но вдали от Вас, и по временам, особенно накануне праздников, мне так хочется быть вместе с Вами, сидеть за одним столом, слушать Ваши разговоры — и невозможно, хоть на минутку!”

Мечта молодого Грина навестить родных осуществилась под давлением обстоятельств: в середине 1908 года подошел его срок службы в русской армии и чтобы избавить отца от необходимости платить огромную сумму — 300 рублей — отступного за неявку сына на призывной пункт, Давид решил поехать в Плонск. Отец послал ему 35 рублей на дорожные расходы и еще 40 рублей на уплату его многочисленных долгов. В начале осени он отплыл из Яфо. Путешествие протекало без помех. Давид встретился с семьей и явился к воинскому начальнику. После того, как он был признан годным к военной службе и приведен к присяге на верность царю, Грин исчез из лагеря, перешел германскую границу с подложными документами и в конце декабря снова был в Эрец-Исраэль.

Несколько недель проработал Давид в деревне Киннерет, возникшей за время его отсутствия. Он был воодушевлен большими успехами ишува в создании нового поселения и очарован красотой озера Киннерет, которая заставляла звучать скрытые поэтические струны его души. От Киннерета Давид направился на юг, в поселение Милхамия (Ме-нахемия), и там тоже поработал несколько недель.

Основной причиной, по которой Давид оставил Милхамию, было его стремление вернуться в Седжеру, которую он считал своим домом.

Среди еврейских поселений Седжера стояла на первом месте по выполнению лозунга ”завоевание еврейского труда”. Первой была она и по ”завоеванию обороны”. Когда Давид Грин впервые появился

в Седжере, охраной самой деревни и опытной фермы, расположенной чуть выше нее, занимались черкесы, слывшие отважными воинами. Достаточно было одного их имени, чтобы отогнать от крохотного поселения кишевших вокруг разбойников — арабов. Но "еврейская оборона", наряду с "еврейским трудом" была неотъемлемой частью сионистского идеала мечтателей-халуцим. И настал день, когда рабочие опытной фермы (среди них и Грин) явились к своему управляющему — агроному Краузе — и потребовали, чтобы охрана была передана в их руки. Краузе сначала отказал. Он не сталкивался раньше со сторожами-евреями и не знал, смогут ли они выполнить свою задачу как следует. К тому же он опасался, что отставка сторожей-черкесов вызовет ярость и жажду мести среди жителей Кафр-Камы. Убедившись в том, что патетические речи в защиту сионизма, родины и ее будущего не помогли, молодые рабочие решили пойти на хитрость. Они хорошо знали, что сторож-черкес не утруждает себя тем, чтобы попусту ходить дозором вокруг фермы, а предпочитает проводить время за чашечкой кофе в арабской Седжере, примыкающей к еврейскому поселению. Однажды ночью пробрались несколько рабочих в конюшню и безо всякого зазрения совести украли кровную кобылу агронома Краузе. Хорошенько спрятав ее, они поспешили к хозяину и сообщили ему о беде. Краузе вскочил, выхватил из кармана свисток и стал свистом и криками призывать на помощь сторожа, но черкес уже давно спал сном праведника в ближайшей деревне. У Краузе не было выхода. Наутро он уволил черкеса и поручил охрану одному из рабочих фермы. Мечь черкесов не была чересчур ужасной. Как-то ночью пальнули они пару раз по ферме из ружей, и разбили пару оконных стекол и убралась восвояси. Охрана осталась в руках евреев.

Той же зимой одержали рабочие фермы еще одну победу. После того, как сторож, охранявший деревню Седжера, был уличен в краже порученного ему

имущества, его тоже прогнали, а деревня, как и ферма, перешла под охрану еврейских сторожей. Некоторое время Давид Грин был, по его словам, первым сторожем деревни.

Служащие фермы и крестьяне Седжеры перестали насмешливо кивать в сторону молодежи. И когда рабочие снова пришли к Краузе и потребовали снабдить их всех оружием, тут же была послана телега в Хайфу. И вот счастливые парни уже вытаскивали из-под наваленных сверху старых мешков настоящие винтовки. Они радовались оружию как дети.

”Не успев возвратиться домой после дневной работы и распрячь лошадей и волов, мы бежали к своим винтовкам и не выпускали их из рук, пока нас не одолевал сон, — писал Давид Грин. — Мы не расставались с винтовками ни на минуту — ели, гуляли, мылись, читали, разговаривали с ружьем в руках или за спиной”.

”Большая комната хана, где жило большинство рабочих, превратилась вдруг в разбойничий вертеп. Человек, случайно вечером попавший туда, видел перед собой два десятка парней, сидящих на кроватях с винтовками в руках! Кто чистил ствол, кто заряжал или разряжал ружье, кто смазывал, кто сравнивал свою винтовку с винтовкой товарища, причем горячо обсуждались преимущества и недостатки каждой. Повесив оружие на стену, его тут же снова снимали и начинали упражняться с ним — и так, пока не подойдет время сна”.

Вряд ли был в Седжере когда-нибудь такой веселый праздник, как первый пасхальный седер 1909 года. Рабочие фермы вымыли полы в своем хане, украсили стены свежесрезанными эвкалиптовыми ветками, а также саблями, кинжалами и винтовками. Праздничный обед, несколько бутылок вина, сама атмосфера праздника сделали свое дело. Молодые люди сдвинули столы и стулья в угол зала, обхватили друг друга за пояс и пустились в пляс под аккомпанемент пения и ритмичных хлопков.

Внезапно смолкла песня, замерла пляска. С улицы слышались приближающиеся крики. Дверь распахнулась и на пороге появился еврейский юноша. Он тяжело дышал и явно был очень взволнован. Несвязно рассказал он, что ехал в Седжеру из Хайфы с двумя товарищами и на выезде из Кафр-Канны на них напали трое вооруженных арабов. Они пытались увести осла, на которого были навьючены все вещи, и сильно избили погонщика-араба, сопровождавшего маленький караван. В ходе разгоревшейся схватки один еврей выхватил свой браунинг, выстрелил в нападающих и ранил одного разбойника.

Несколько человек, оставив праздник, немедленно отправились на место происшествия. Там никого не было, лишь на дороге виднелись следы крови. Когда весть о печальном событии разнеслась по деревне, жителей Седжеры охватило тяжелое предчувствие. Они знали об обычае кровной мести. Если раненый араб умрет, его родственники станут мстить за пролитую кровь. "С той минуты мы знали, что один из нас будет убит, — писал Давид Грин. — Единственный вопрос был — кто?"

Опасение, что происшедший инцидент может послужить искрой, от которой загорится пороховая бочка, не давало им покоя. Всего через несколько месяцев после этого, практически с начала зимы, стали учащаться столкновения между жителями Седжеры и окрестными арабами. Одной из причин ухудшения отношений была "революция младотурок", произошедшая в Стамбуле предыдущим летом. Под давлением армии султан Абдул Хамид был вынужден подписать манифест "хуриэ" (вольность). Революция вызвала волну энтузиазма и ликования во всей Османской империи, и евреи тоже увидели в ней шанс для осуществления сионистской мечты. Со временем стало ясно, что надежды эти были лишены всякого основания. Напротив, многие невежественные арабы поняли лозунг "хуриэ", как позволение делать все, что взбредет им в голову. За

зиму в окрестностях Седжеры произошло несколько инцидентов, частично на почве земельных конфликтов, частично вследствие разбойничих нападений. Вспыхивали стычки с арабами Седжеры и других окрестных деревень. Член еврейского оборонительного отряда Дов Швейгер умер в больнице от ран, нанесенных арабами, нападшими на него, когда он направлялся на наблюдательную вышку. Обстановка была напряженная, и инцидент, произошедший вечером пасхального седера, не предвещал ничего хорошего.

Тревога еще более усилилась, когда араб, раненый во время этой стычки, умер в назаретской больнице. Его родичи отреагировали немедленно, напав на стада, принадлежавшие крестьянам Седжеры и урезав площадь их полей. Вооруженные до зубов арабы носились на лошадях по горным кряжам вокруг деревни. В такой обстановке собралась в Седжере во время праздника Песах конференция членов партии Поалей Цион от Галилеи. Давид Грин не мог высказаться по вопросам, стоявшим на повестке дня конференции. "Все мои думы были поглощены состоянием обороны, и рука не выпускала кобуры браунинга".

В последний день праздника Песах, когда большинство рабочих набилось в дом, принадлежавший местной провизорше (которую Давид Грин считал единственной красивой девушкой в Седжере), сторож фермы Исраэль Коренгольд отправился в караул. Застегнул на поясе патронташ, поправил на бедре браунинг, повесил на плечо винтовку "Мартин". На холме возле кладбища заметил он двух арабов. Он приблизился к ним в сопровождении крестьянина по имени Адлер, знавшего арабский.

Внезапно послышались выстрелы. Рабочие, схватив ружья, поспешили на место происшествия. За холмом нашли они тело Коренгольда. Пуля попала в сердце. Сбежавшие разбойники похитили его оружие.

Пока колокол фермы бил тревогу, отдельные группы рабочих собирались искать убийц в близлежащих ущельях. Вдруг откуда ни возьмись выскочили трое арабов. Двое евреев погнались за ними. Трое других — в том числе Давид Грин — попытались перекрыть дорогу. Они и не подозревали, что угодили прямо в засаду. Еврейские рабочие, находившиеся на ферме, с вершины холма видели обстановку и что есть мочи закричали товарищам, чтобы они поостереглись. Трое преследователей повернули назад. Теперь гнались уже за ними. Рядом с Давидом Грином бежал парень, которого звали Шимон Меламед. Пробегая мимо заграждений из колючих кактусов, Давид услышал крик Шимона: "Меня ранили!" Давид остановился, склонился над товарищем и увидел, что тот уже умирает. Назавтра были похороны двоих рабочих из Седжеры.

Седжерское убийство глубоко повлияло на мировоззрение Давида Грина и его будущий путь. Его понятия о таких вопросах, как приобретение оружия, безопасность, самооборона, сложились под влиянием душевного потрясения, вызванного убийством товарищей.

"Теперь мы стараемся закупить как можно больше оружия, и хотя дело это трудное, не только здесь, в Галилее, но и в Иудее увеличивается число вооружающихся евреев. К сожалению, оно еще не достигло требуемого уровня, ибо в Эрец-Исраэль и особенно в Галилее — арене последних столкновений, где жители находятся всегда под угрозой нападения, оружие необходимо человеку не меньше хлеба насущного, а иногда и больше".

Так писал Давид Грин после первого боевого крещения, которое сыграло решающую роль в его подходе к вопросам обороны. Хотя он постоянно нес караульную службу, его не приняли в организацию Ха-шомер. Члены Ха-шомера заявляли, что он кажется им неподходящим человеком для организации, потому что он рассеянный мечтатель, витаю-

щий в иных мирах. Они не видели в нем качеств воина.

В середине осени Давид Грин оставил Седжеру вследствие забастовки рабочих, которая не привела к заметным результатам. Он увязал немногочисленные свои пожитки, засунул в карман пистолет и отправился в Ему (Явнеэль). По дороге напал на него араб и дочиста ограбил. Давид не пытался обороняться, так как дело происходило поблизости от арабской деревни. Он предпочел заявить о происшествии в турецкую полицию. Вора поймали, судили и посадили в тюрьму. Но своей котомки, послужившей "вещественным доказательством", Давид так никогда больше и не увидел.

В Явнеэле Давид провел считанные недели, а затем перебрался в Зихрон-Яаков.

Место ему очень понравилось. "Если райский сад хоть чуточку был похож на Зихрон, значит он подлинно был раем. Все чудеса, которыми богата наша земля, сконцентрированы в Зихроне". Здесь Давид начал понемногу заниматься арабским и французским — сознательно и систематически готовиться к достижению целей, поставленных им перед собой, когда долгими днями шагал он, погруженный в задумчивость, позади пары волов по нивам Седжеры. После революции младотурок в Стамбуле и "дарования" меньшинствам права представительства в парламенте Османской империи, Давид впервые задумался о политическом поприще — об изучении права в Стамбуле и о политической деятельности там в качестве представителя еврейских рабочих Палестины. В Зихрон-Яакове эта идея выкристаллизовалась с еще большей ясностью.

"В будущем я или останусь сельскохозяйственным рабочим или сделаюсь адвокатом. Я чувствую себя способным и к той и к другой работе, к обеим есть у меня склонность, обе они одинаково просты и одинаково сложны для меня — говорю это не шутки ради, а с полной серьезностью. И в качестве рабо-

чего, и в качестве адвоката я ставлю себе одну цель — трудиться на благо рабочих Эрец-Исраэль. Это содержание моей жизни. Этим буду я заниматься в любых условиях, в которых окажусь, и работа эта для меня священна — в ней я нахожу свое счастье”.

Он взялся за осуществление этого плана с тою же серьезностью, которая отличала его при выполнении предыдущих: переезда сначала в Эрец-Исраэль, а потом в Галилею. Чтобы стать адвокатом, необходимо было высшее образование, а чтобы попасть в университет, надо было выдержать экзамены, надо было изучить иностранные языки. Днем он продолжал работать сельскохозяйственным рабочим, а вечера и значительную часть ночи посвящал теперь учебе.

Зимой 1909—1910 годов в Зихрон-Яакове было трудно с жильем для рабочих. Новичку И. Кацману улыбнулось счастье — один из поселенцев разрешил ему поселиться в амбаре для ячменя. Это была низкая мазанка с маленьким окошком, внутри громоздились мешки ячменя. Кацман натянул на один из мешков одеяло, притащил пару пустых ящичков, из которых смастерил стол, раздобыл даже керосиновую лампу. Среди рабочих с быстротой молнии распространились слухи о великолепной квартире Кацмана. И уже на следующее утро во время завтрака подошел к нему Давид Грин и попросился в соседи. Кацман согласился. Грин завладел большим мешком, повесил над ним керосиновую лампу. Ночью, готовясь ко сну, Кацман видел, что Грин достает книги и устраивается около лампы. Долгие часы сидел он там и читал. Так повторялось каждой бесконечной ночью этой холодной зимы. Глядел Кацман на своего соседа и изумлялся его упорству, да и способности работать днем после эдакой бессонной ночи.

Однако Грин начал заниматься самообразованием не в Зихрон-Яакове. Еще в Варшаве, шесть лет назад, он усердно пополнял свои знания. В дополнение к частным урокам математики он изучал массу науч-

ной литературы. Прочел "Фауста" Гете, пьесы Шекспира, множество книг Толстого, а также "Тело и дух" — книгу по психофизиологии, учебник логики. В тот же период открыл он для себя и печальную поэзию Надсона.

В Седжере он вернулся к прежней привычке. Там, как и в Зихрон-Якове, рабочие жили очень скученно. Но он приглядел себе отдаленный склад зерна, находившийся за оградой деревни. Склад этот превратился в суверенное королевство жирных крыс, прогнавших прочь всех двуногих. Давид проник вовнутрь, оборудовал себе постель в одном из уголков и с раннего вечера ежедневно запирался там, за исключением тех дней, когда преподавал своим товарищам иврит в рамках деятельности местной организации "Иврия". Остальные рабочие не знали, что делает их молчаливый товарищ долгими зимними вечерами, но в конце зимы начали шептаться о том, что Давид Грин знает арабский и даже читает Коран.

Сомнительно, чтобы слухи эти соответствовали действительности, безусловно, они были сильно преувеличенными, но они отражали стремление Грина к настоящему образованию, его усилия во что бы то ни стало добиться цели.

В середине 1910 года Давид получил письмо от Ицхака Бен-Цви, извещавшее его, что он избран членом редакции "Ха-ахдут" ("единство") — еженедельника рабочих и народных масс Эрец-Исраэль, официального органа партии Поалей Цион.

Давид был фанатиком языка иврит и не боялся спорить с другими лидерами Поалей Цион, выражавшими свои идеи на идиш или русском. Однажды на собрании поднялся Давид Грин на трибуну и начал произносить речь на иврите. Находившиеся в зале делегаты стали раздраженно кричать с мест, выражая свой протест, но он не обращал на них внимания. Многие делегаты встали и покинули зал. Он продолжал говорить. Под конец в зале осталось всего трое делегатов, которые и дослушали речь Грина. Среди них

были его друг Ицхак Бен-Цви и серьезная девушка в очках, член редакции журнала "Ха-ахдут" — Рахель Янаит (много лет спустя Ицхаку Бен-Цви предстояло стать вторым президентом государства Израиль, а Рахели — его женой).

Это были как раз те люди, которые на конференции партии Поалей-Цион, состоявшейся весной 1910 года, потребовали, чтобы Давид Грин был введен в состав редакции журнала. Когда Давиду сообщили эту новость, он страшно удивился и отказался. "О чем мне писать? — твердил он своим друзьям. — Я и писать-то не умею, в жизни не писал статей".

Он много передумал, прежде чем согласиться. Наконец, увязал пожитки и отправился в Иерусалим. Ему еще придется время от времени поработать пару недель в деревне. Но с этим пешим путешествием в Иерусалим, через четыре года после его приезда в Эрец-Исраэль, завершилась еще одна глава его жизни. Отныне он будет заниматься общественной деятельностью — журналистикой, организационным строительством, партийной работой. И со временем сельский труд окутается в его воспоминаниях дымкой неземного очарования. Оглядываясь на дни, проведенные за плугом, или одинокие мечтания на вершине Табора, на работу в Седжере, Явнеэле, Киннерете, Зихрон-Яакове, на ночи, прошедшие в караулах или над книгой, он станет невольно идеализировать прошлое. И весь этот непритязательный быт представит перед его внутренним взором как первозданная жизнь, чудесная и полнокровная, к которой будет он тянуться до конца своих дней.

3. ИЗГНАНИЕ

В переулках Старого города дули первые осенние ветры, когда Давид Грин появился в Иерусалиме. Ему было 24 года. На вид это был худощавый юноша с курчавой головой, с горящими глазами на бледном лице, с маленькими аккуратными усиками, одетый в темную косоворотку и выцветшие брюки или в грубошерстный костюм, обутый в высокие ботинки. Пальто у него не было, и в лютую стужу, какая случается в Иудейских горах, ходил он, закутавшись в тонкую черную накидку, привезенную из России. Накидка служила ему также и одеялом, хоть явно не могла защитить от холода иерусалимских ночей. Холодной оказалась и комната, которую он снял в бедном районе, известном под названием "Двор Флойда". В этом дворе стояло несколько убогих строений, где селились новые иммигранты, ученики художественной школы "Бецалель". Придя снимать жилье, Грин понял, что все комнаты уже сданы. Случайно наткнулся он на подвальную комнатушку, сырую и темную, которая была свободной, т. к. никто не хотел в ней жить. Пол комнаты был значительно ниже поверхности земли и посередине зиял черный люк, прикрытый круглым камнем. Прежде этот люк служил во Дворе Флойда водоемом для сбора дождевой воды. Настоящих окон в комнате не было, а свет проникал через стеклянное окошечко во входной двери, так что в комнате царили вечные сумерки. Крохотное отверстие в одной из стен выходило в соседнюю комнату, где жил седобородый русский монах-молчальник, облаченный в длинную черную рясу. Давид Грин снял комнату, повесил там керосиновую лампу, натаскал пустых

ящиков и досок, из которых соорудил себе стол, стулья, кровать.

Однако с переездом на новое место возникли материальные трудности. Тех тринадцати франков в месяц, что получал Давид за работу в журнале "Ха-ахдут", едва хватало на оплату жилья и на примитивный обед. Он пытался заработать на стороне еще пару грошей, чтоб можно было позволить себе хотя бы ломоть хлеба и стакан чаю по утрам. Несколько месяцев спустя, поняв, что ему не вынести дольше такой жизни, Давид решился попросить у товарищей прибавку в 10 франков и получил ее. Но и этих денег не хватало, и в период своей работы в "Ха-ахдут" Бен-Гурион жил впроголодь. "Он голодал в полном смысле слова", — вспоминала Рахель Янаит.

Да, Давид Грин страдал в Иерусалиме от голода, но уже не был, как раньше, одинок. С тех пор, как расстался он с Цемахом, Давид успел приобрести двух настоящих друзей и глубоко привязался к ним. Оба они были членами его партии и входили в редакцию "Ха-ахдут". Первый был Ицхак Бен-Цви, старше его двумя годами, высокий, скромный, с бледным застенчивым лицом, обрамленным усиками и бородкой. Бен-Цви, один из организаторов партии Поалей Цион, приехал в Палестину, имея за плечами опыт активной подпольной работы в России, и был также одним из зачинателей организации Хашомер. Третьим членом этого маленького содружества была девушка — Рахель Янаит. Загоревшись сионистской мечтой, приехала она в Эрец-Исраэль совсем одна, без копейки денег, а все имущество ее состояло из корзинки, которую несла она в руках. Она исходила пешком всю землю Эрец-Исраэль, счастливая каждодневной встречей с землей своей древней Родины. Рахель была влюблена в Иерусалим, в его прозрачный воздух, в живописные площади и переулки. Оба друга, Грин и Бен-Цви, преданно и застенчиво ухаживали за нею, не опускаясь

до взаимной вражды. Днем и, в особенности, по ночам тройца эта обыкновенно бродила по Иерусалиму. По приказу Рахели сначала отправлялись любоваться закатом солнца на фоне Иудейских гор. С наступлением темноты забирались в маленькое арабское кафе в Старом городе, которое выделялось тем, что там имелась последняя техническая новинка — граммофон с гигантским раструбом, разукрашенным разноцветными рисунками. Из граммофона непрерывно лились причудливые восточные мелодии. Трое друзей захватывали себе столик где-нибудь в уголке, платили грош — "митлик" — за чашечку турецкого кофе и пускались в яростный спор по вопросам сионизма. В кафе споры не заканчивались, и долгие часы, иногда до восхода солнца, бродили друзья по иерусалимским переулкам и с юношеской серьезностью обсуждали будущее страны, толковали об алии, о работе, об организации, с чувством говорили о "еврейском государстве" — государстве евреев. Похоже, что в эти прохладные иерусалимские ночи, во время этих горячих споров начал молодой Грин оформлять и высказывать свои общественные и политические идеи, которые постепенно созревали в нем за те четыре года, что шагал он за плугом. Он был еще застенчив и скрытен, все еще страшился публичных выступлений. Когда ему поручали выступать на партийных собраниях, он, бывало, до последней минуты упрасивал Рахель или Ицхака выступить вместо него. Но когда он, наконец, поднимался на трибуну, речь его была ясной, плавной, да и сам оратор был абсолютно уверен в себе.

Писать он тоже сначала боялся. "Я сказал товарищам, что в жизни не писал в газетах и не знаю, способен ли я на это... Однако за неделю до выхода первого номера в Петах-Тикве произошло событие, потрясшее меня, и я написал две статьи, но в тот раз не решился подписаться под ними".

Итак, первые две публикации Грина были напе-

чатаны без подписи. Лишь во втором номере журнала "Ха-ахдут", вышедшем через месяц, он отважился поставить свое имя под статьей. Это было новое, ивритское, имя, которое он избрал себе — Бен-Гурион. По-видимому, он взял имя Иосефа Бен-Гуриона, бывшего главой правительства независимого Израиля во времена антиримского восстания.

Год провел Давид Бен-Гурион в Иерусалиме, публикуя первые свои статьи в журнале "Ха-ахдут". Основные принципы его доктрины, идеи, которые освещали путь Бен-Гуриона, и к осуществлению которых он звал своих сторонников на протяжении нескольких десятков лет, в своем подавляющем большинстве изложены им уже в двадцати-тридцати этих первых заметках, а затем в брошюрке, вышедшей рекордным тиражом — 350 экземпляров.

Уже тогда этот молодой человек понимал, что еврейский народ добьется независимости на земле Эрец-Исраэль только на пути действия, а не фраз. "Члены партии Поалей-Цион, — писал он, — одни из первых поставили, в качестве главной задачи Сионистской Организации, реальную работу в Эрец-Исраэль, в отличие от "политических" сионистов, поддерживающих, в основном, дипломатические усилия, которые на их языке называются "политической деятельностью".

Уже тогда знал он, что практическую работу сможет взять на себя только рабочее движение. "Что еврейское население (ишув) будет создано за счет еврейских рабочих — или не будет создано вовсе — это было уже ясно".

Из этого положения вытекает вывод, который в разной форме Бен-Гурион будет высказывать в сотнях своих речей и статей: необходимо сплотить и организовать рабочих, невзирая на партийные барьеры, в единый фронт, превратив его в ударный отряд борьбы за сионистские идеалы, за которым последует весь еврейский народ.

Отсюда еще один принцип, ставший знаменем

Бен-Гуриона: всемирное движение Поалей Цион и другие всемирные еврейские организации не должны предписывать рабочим Эрец-Исраэль ни задач, ни путей осуществления сионизма. Силы, действующие в Эрец-Исраэль, должны сами решать, по какому пути идти; и если евреи, проживающие за границей, хотят влиять на то, что происходит на земле Израиля, они должны приехать в Эрец-Исраэль и поселиться здесь.

Первого августа 1911 года новоиспеченный партийный деятель Давид Бен-Гурион держал свой первый серьезный экзамен — вместе с Ицхаком Бен-Цви он должен был представлять Палестинское отделение партии Поалей Цион на третьем съезде всемирного союза Поалей Цион.

В работе съезда участвовало всего-навсего 23 делегата из России, Америки, Англии, Болгарии, Австралии и Румынии.

Для двух палестинских делегатов дебаты начались неудачно. Участники съезда были чрезвычайно раздражены "сепаратистской" резолюцией, принятой палестинским отделением Поалей Цион и постановляющей, что не всемирный съезд партии, а сами рабочие Эрец-Исраэль будут намечать план практических действий рабочих организаций Палестины. Недовольство вызвало и другое заявление Бен-Гуриона и Бен-Цви — о том, что именно рабочим, находящимся в Эрец-Исраэль, а не в галуте, предстоит осуществить идеалы сионизма. Когда же двое палестинских делегатов подчеркнули, что, по их мнению, сплоченность всех рабочих Эрец-Исраэль важнее, чем партийные разногласия и лояльность по отношению к партиям, действующим в галуте, поднялась настоящая буря.

Съезд принял резолюцию, осуждающую палестинских представителей за сепаратизм. Но это осуждение лишь укрепило уверенность обоих друзей в правильности избранного пути.

В письме, написанном из-за границы одному из товарищей, Бен-Гурион сообщает: "Через пару месяцев еду в Салоники. Денежные мои дела уже устроены". Так начиналась новая эпоха в его жизни.

Постепенно созревала у Бен-Гуриона идея принятия турецкого гражданства. Он считал, что евреи, проживающие в Палестине, должны отказаться от своего иностранного подданства и стать гражданами Османской империи с тем, чтобы бороться за осуществление своих целей в рамках имперских законов и институтов. В связи с этим возникла необходимость в руководителях, говорящих на государственном — турецком — языке и знающих законы империи; поэтому Бен-Гурион решил, что следующий этап его жизни должен быть посвящен изучению турецкого языка и права.

"В парламенте Османской империи были представлены национальные меньшинства, населяющие различные провинции. И в турецком правительстве состояло несколько министров — представителей меньшинств, причем по традиции среди них был один армянин и один еврей. Я решил поехать в Турцию изучать право и таким образом получить необходимую профессиональную подготовку, чтобы стать кандидатом в члены парламента. Будучи же избранным в парламент, я смогу добиваться поста члена правительства от еврейского меньшинства. Представительство в парламенте важно не только само по себе. Я полагал, что будучи близок к центральным властям, я смогу содействовать развитию еврейского ишува в Эрец-Исраэль и различными способами помогать борьбе еврейского народа за свободу, первой стадией которой должно стать достижение частичной автономии, а конечной — полная независимость".

Вскоре двое близких друзей Бен-Гуриона — Израэль Шохет и Ицхак Бен-Цви тоже решили учиться в Стамбуле. Сам Давид окончательно решился на это, когда отец пообещал ему ежемесячно высылать тридцать рублей на оплату учебных расходов. "Отец

мой хотел выслать мне деньги, когда я переехал в Палестину, но я отказался. Теперь я согласился брать у него деньги — и должен сказать, он очень обрадовался. Хотя всю свою жизнь отец мой посвятил сионизму, он не скрывал своего разочарования, когда я решил уехать в Эрец-Исраэль и стать там сельскохозяйственным рабочим. Теперь радость его была частично вызвана тем, что ему казалось, будто я бросил работу в сельском хозяйстве и решил поменять ее на юриспруденцию”.

7 ноября 1911 года Давид сошел с корабля в порту города Салоники, столицы Македонского округа Османской империи. Прежде, чем записаться на факультет права в Стамбуле, Бен-Гурион намеревался изучить турецкий язык. Почему же именно в Салониках? Во-первых, потому, что жизнь там была гораздо дешевле, чем в Стамбуле, а во-вторых, из-за еврейского облика самого города. ”Салоники были чисто еврейским городом. В то время — единственным еврейским городом в мире”.

Странные люди были салоницкие евреи, да и сам город был настоящей диковинкой. Жители занимались необычным для евреев физическим трудом. Многие из них были портовыми рабочими, и погрузка и разгрузка всех кораблей была в их руках. И если какой-нибудь корабль бросал якорь в салоницком порту в пятницу — он обречен был стоять неразгруженным до конца субботы. Бен-Гурион часто с восхищением наблюдал за работой докеров, собственными глазами убеждаясь в несправедливости баек о том, что ”ущербные” евреи, якобы, неспособны к физическому труду.

Образованные салоницкие евреи говорили и по-французски. Но он-то приехал учиться турецкому — и под руководством еврея-студента юридического факультета Давид необыкновенно быстро овладел турецким языком. Без лишней скромности отчитывался он в письмах отцу о своих достижениях.

Но несмотря на успехи в учебе, жизнь Давида в Салониках была трудной и на душе у него было смутно. Он был совершенно одинок, не было у него ни единого друга, не с кем было поговорить, не перед кем излить душу. Денег, присылаемых отцом, хватало в обрез. С утра до вечера сидел он в своей комнате, обложившись словарями, бумагами, газетами, и занимался. От других евреев города его отделял не только языковой барьер, но и внутренние различия.

Товарищи его находились в Палестине или в Турции. Год, проведенный в Салониках, был годом добровольного затворничества и вынужденного одиночества. Он рвался к друзьям. Когда пароход, на котором Рахель Янаит плыла в Европу, простоял день в порту Салоник и Рахель навестила его, Давид был переполнен счастьем. Они кинулись друг другу в объятия и расцеловались — единственный раз в жизни — на глазах ошеломленной хозяйки дома. "Кто это?" — подозрительно спросила она. (Добрая женщина была строгой блюстительницей нравов.) Несмотря на замешательство, Давид мгновенно нашелся. "Сестренка!" — воскликнул он.

Невысокий мечтательный юноша, приехавший из Палестины изучать турецкий язык, возбуждал любопытство салоницких евреев. Они привыкли видеть его в дни еврейских праздников, слушать, как он, запинаясь, произносит речи или участвует в публичных дискуссиях, где товарищи переводят его выступления на ладино, привыкли к его неправильному произношению и замкнутости.

С наступлением весны Давид начал готовиться к вступительным экзаменам в университет, которые намеревался держать в находившемся в Салониках филиале юридического факультета. Давиду не доставало некоторых документов, которые требовались для приема в университет, в первую очередь, аттестата зрелости. Но с помощью верного друга Ицхака Бен-Цви и отцовских денег ему удалось раз-

добыть в одной российской школе поддельный аттестат. Вступительные экзамены Бен-Гурион сдавал в июне 1912 года. Были они нелегкими: турецкий язык и литература, география и история Турции, введение в юриспруденцию. Он выдержал их блестяще, и директор гимназии, услышав, что этот юноша еще 8 месяцев назад не знал ни слова по-турецки, всплеснул руками от удивления и воскликнул: "Невероятно, эффенди, невозможно!"

Через несколько месяцев молодой "эффенди" прибыл в Стамбул, где был зачислен в университет, носивший витиеватое восточное название "Дом премудрости".

Раскаты надвигающейся военной грозы раздавались в отдалении, точно глухой аккомпанемент, все то время, что "Бен-Авигдор Давид Грин" учился в Стамбуле. Прошли считанные месяцы со времени вооруженного конфликта между Турцией и Италией, кризисным моментом которого был организованный итальянцами взрыв в Дарданеллах. Через несколько месяцев после приезда Давида в Стамбул вспыхнула Балканская война, когда само присутствие Турции в Европе было поставлено под сомнение, а военный пожар подступил к предместьям турецкой столицы. На далеком горизонте сгущались тучи приближающейся мировой грозы, и от ее дуновения трещал по всем швам неустойчивый режим младотурок. Это было бурное, роковое время. Колоссальная Османская империя, прогнившая изнутри и изрядно пощипанная снаружи, готова была вот-вот рухнуть.

Бен-Гурион, Бен-Цви и их товарищи не ощущали, что присутствуют при последних днях Высокой Порты. Увлечшись идеей получения турецкого подданства, они и в Стамбуле не прекращали усилий для достижения этой цели. Даже внешность их заметно изменилась. Бен-Гурион стал носить плоскую феску, подстриг на турецкий манер усы и пошил себе новый костюм такого же покроя, как носили

эффенди: длиннополый сюртук и жилет на пуговицах, из карманчика которого свисала блестящая цепочка от часов. Так же одевался и Бен-Цви. Но продолжалось все это не долго.

С началом Балканской войны университет закрылся и сотни студентов были посланы на фронт. Бен-Гурион и Бен-Цви решили до открытия университета вернуться в Палестину. Так Бен-Гурион снова стал партийным деятелем в Эрец-Исраэль. Среди прочих его дел была "опасная поездка" в Тверию, побудившая его написать первое в жизни завещание — на открытке, посланной товарищу — Эфраиму Блюменфельду:

Дженам*,

В ближайшую среду я отправляюсь в составе экспедиции бактериологической комиссии Штрауса в Тверию, чтобы ухаживать за инфекционными больными... А потому прошу тебя увидеться с Шломо и немедленно прислать мне башмаки. В будущую среду вышлю ему деньги. Мы ждем от тебя обещанных статей. Пришли, Бога ради, хронику из рабочей жизни. Посоветуй Капланскому написать об ишуве, а Вальдштейну — об американских рабочих, пусть даст также какую-нибудь рецензию.

Но, Бога ради, башмаки. То, что некогда было моими ботинками, лопнуло напрочь, и мне почти невозможно выйти за дверь. Бога ради, поторопись.

Привет Хасе и Доре, Капланскому, Ицхаку Вальдштейну с женой.

Твой Давид.

Забыл главное. Если я умру в Тверии, то назначаю тебя душеприказчиком. Что и подтверждаю своей подписью:

Давид Иосеф Бен-Гурион.

* — "Дорогой" — по-турецки. В те годы Бен-Гурион часто приправлял свои письма арабскими и турецкими словечками (Прим. автора).

В Стамбуле, куда Бен-Гурион вернулся через четыре месяца, он несколько раз тяжело болел. Уже давно страдал он истощением организма и теперь на него навалилась цинга, вызванная серьезной нехваткой витаминов. Материальное положение Бен-Гуриона ухудшилось в Стамбуле, так как цены там были выше, чем в Салониках, и денег, высылаемых отцом, не хватало. В большинстве писем к отцу повторяется одна и та же фраза: "Когда придут деньги?" А отцу было все труднее высылать их, ибо он недавно выдал замуж дочь и женил сына и в минуту слабости он поддержал предложение Ривки, старшей сестры Давида, чтобы тот оставил Стамбул, отказался от Эрец-Исраэль и вернулся бы "строить жизнь" в России. Ответ Давида звучал весьма патетически: "Цель, которую я поставил перед собой, это для меня вопрос жизни, — писал он, — и лишь одно-единственное препятствие может остановить меня на пути к этой цели — смерть".

Но голод и болезнь заставили его прервать занятия. В конце декабря 1913 года, в самом разгаре второго своего учебного года Давид снова заболел и долго пролежал в одной из больниц Стамбула. На этот раз семья выручила его из беды. Выйдя из больницы, Давид получил деньги на дорогу в Россию и поехал туда на пару месяцев. Жил он в доме своей старшей сестры Ривки. Она изо всех сил баловала и откармливала его. К середине весны Давид вернулся в Стамбул и блестяще сдал все экзамены. Настало лето, и 28 июля Бен-Гурион вместе с Ицхаком Бен-Цви отплыл в Эрец-Исраэль, где друзья хотели провести каникулы. Первого августа 1914 года в открытом море узнали друзья о начале мировой войны, когда два германских военных корабля "Гебен" и "Бреслау" внезапно погнались за утлым русским суденышком под названием "Корнилов", на котором они плыли. После изнурительных странствий по портам Средиземноморья они высадились, наконец, в порту Яфо.

Зрелище всеобщего развала представилось их глазам в Эрец-Исраэль. Турция вступила в войну на стороне кайзеровской Германии. Еврейский ищув был охвачен растерянностью и страхом. Многие на кораблях или на лошадях бежали в Египет или в Европу. Подозрительность турок возросла, и они ввели новые проверки паспортов и другие ограничения для евреев: им было запрещено держать оружие, они должны были выплачивать большие суммы в форме особого налога на иноверцев, евреев — иностранных подданных начали высылать из страны.

Смертельная опасность нависла над поселенческим движением. Такие лидеры сионизма, как Вейцман, Трумпельдор, Жаботинский, выступая в Лондоне и Каире, призывали евреев Эрец-Исраэль поддержать страны Антанты, во главе которых стояли Англия и Франция. Бен-Гурион и Бен-Цви решительно выступили против этого обращения. В определенной степени на них повлиял тот факт, что на стороне Антанты воевала также царская Россия — страна антисемитизма и погромов. Но главным образом они просто опасались, что турки начнут издеваться над палестинскими евреями и, наконец, просто изгонят их из Палестины. Бен-Гурион и Бен-Цви поспешили присоединиться к "Комитету за переход в турецкое подданство", организованному в Иерусалиме, и всерьез стали агитировать евреев — иностранных подданных принимать турецкое гражданство. Кроме того, они обратились к турецкому коменданту Иерусалима с просьбой о разрешении создать роту еврейской милиции для защиты Эрец-Исраэль. Разрешение было получено, и десятки первых добровольцев, в том числе писатель Хаим Йосеф Бреннер, начали тренироваться на участке "Русского подворья" в Иерусалиме. Но когда появился в Палестине тогдашний турецкий визирь Джамаль-паша, еврейской роте пришел конец. Этот жестокий и властный человек, облеченный полномочиями командующего 4-й армией на египетском фронте, двигаясь

на юг к месту своего назначения, вырывал с корнем малейшие ростки какой бы то ни было национальной организации. В Бейруте Джамаль-паша разгромил арабское национальное движение и повесил несколько арабских лидеров. Затем настала очередь сионистского движения в Палестине. "Добровольческая рота" была распущена, газета "Ха-ахдут" закрыта. Джамаль-паша объявил, что "большинство палестинских евреев — сионисты, а сионисты являются врагами Турции, поэтому всякий, у кого будет обнаружено сионистское удостоверение, подлежит смертной казни".

Потом начались аресты. Бен-Гуриона и Бен-Цви долго допрашивали об их связях с всемирным сионистским движением. Вскоре был отдан приказ об их высылке из пределов Османской империи.

В апреле 1915 года закованные в кандалы Бен-Гурион и Бен-Цви поднялись в Яфо на борт корабля, где находились высылаемые из страны заключенные. На приказе о высылке турецкий наместник написал: "Высылаются из Османской империи навечно".

Провожавшим его на корабль друзьям Бен-Гурион сказал: "Еще посмотрим, кто останется на этой земле — Джамаль-паша или мы".

За несколько дней до начала праздника Песах итальянское судно, на котором плыли высланные из Палестины евреи, прибыло в египетский порт Александрию. В Египте скопилось к тому времени несколько тысяч отчаявшихся и растерянных палестинских беженцев. Египет был тогда протекторатом Англии, и английская армия располагалась вдоль берега Суэцкого канала напротив турецких позиций. Бен-Гурион и Бен-Цви понемногу осматривали окрестности Каира, как все туристы, карабкались на вершины пирамид, влезали в гробницы фараонов, бродили по песчаной пустыне, посещали музеи и зоопарк, катались ночью в лодке по Нилу. Но большую часть времени, как обычно, бежали по вся-

кого рода сионистским собраниям. В Каире тогда всю кипела политическая жизнь, ведущая роль в которой принадлежала двум молодым руководителям. Первым был блестящий русский журналист Владимир Жаботинский, прирожденный вождь по натуре, оратор, одаренный магнетической силой убеждения. Другой — член киббуца Дгания Йосеф Трумпельдор, в прошлом заслуженный офицер царской армии, потерявший руку в русско-японской войне. Оба они добивались формирования еврейского боевого легиона, который воевал бы в составе британской армии. Жаботинский мечтал об армии еврейских борцов, которая освободит Эрец-Исраэль от турецкого ига. Англичане жестоко разочаровали его, когда предложили вместо боевого отряда создать Батальон погонщиков мулов для участия в операциях на Дарданелльском фронте. Жаботинский гневно отверг эту идею, Трумпельдор же согласился, ибо, по его мнению, сам факт создания еврейского воинского подразделения, даже если оно и не будет принимать участия в боях и не будет послано на палестинский фронт, был важным достижением. Бен-Гурион и Бен-Цви ночь напролет проспорили с Трумпельдором. "Мы оба воспротивились этой затее. В Палестине находились десятки тысяч евреев, и такой шаг привел бы к разгрому ишува. Но Трумпельдор не принял наших возражений". Много лет спустя Бен-Гурион сказал: "Если бы можно было повернуть вспять колесо истории, я снова занял бы прежнюю позицию. Евреи, проживавшие в Эрец-Исраэль, должны были там остаться любой ценой".

В середине весны 1915 года Бен-Цви и Бен-Гурион отплыли в Америку на греческом пароходе, носившем название "Патрос" — весьма жалкой посудине.

Плаванье было долгим и тяжелым. Около месяца носился "Патрос" по волнам Средиземного моря и Атлантического океана, немало жестоких штормов.

мов потрепало его. Условия жизни в третьем классе парохода были ужасающие.

Даже в этом трудном плаванье Бен-Гурион не терял время попусту. Прочел несколько глав из Гегеля, составил для себя тезисы будущей политической деятельности в Америке, но большую часть времени с присущей ему серьезностью и прилежанием занимался английским.

Наконец с палубы корабля увидел Давид побережье Нового Света. Первые впечатления не были чересчур восторженными. "Вот она, гордая Статуя Свободы, высящаяся над морем у ворот Нового Света. А вот и прославленные небоскребы — дома по 30 этажей. Странно, несмотря на свою высоту, они не кажутся большими, есть в них что-то смешное, они похожи на клетки".

Закончив обычные формальности, двое одетых в лохмотья эмигрантов — Бен-Гурион и Бен-Цви — сошли на землю Нью-Йорка. Встречавшие их в порту товарищи из Поалей Цион поспешили прежде всего снять с приезжих красные турецкие фески. Ни к чему было двум руководителям сионистов из Эрец-Исраэль ходить по Нью-Йорку одетыми на турецкий лад.

Это было символическое завершение "Османского" периода жизни Бен-Гуриона.

Оба "Бена" (как прозвали товарищи Бен-Гуриона и Бен-Цви) не тратили чересчур много времени на встречи и прогулки. Им не терпелось приступить к осуществлению плана, который привезли они с собой из Эрец-Исраэль.

"По прибытии в нью-йоркское отделение Поалей Цион мы заявили, что приехали с определенной целью: организовать из членов партии группы движения Халуц, ставящего своей задачей алию в Эрец-Исраэль и работу там, — рассказывает Ицхак Бен-Цви. — Поэтому мы обращаемся в партийный центр с просьбой организовать нам "турне" по всей Америке, с

тем, чтобы в каждом посещаемом нами городе создать ядро движения Халуц.

”Мы не знали, когда вернемся в Эрец-Исраэль. — говорил Бен-Гурион, — но хотели привести с собой целую армию халуцим”.

Они купили большую карту Соединенных Штатов, поделили между собой территорию и стали ездить по городам, выступая перед молодежью с призывом вступать в новую организацию. Однако результаты кампании были неутешительными. Считанные единицы вступали в Халуц. Бен-Гурион многие месяцы кочевал из города в город, выступал с лекциями в полупустых клубах, собирал скудные пожертвования на партийный журнал, который должен был вот-вот выйти в свет. Там и сям находились отдельные добровольцы, но по большей части никто не откликнулся. Одной из тех немногих, на кого произвели впечатление его речи, была молодая девушка Голди Мабович из Милуоки, ставшая впоследствии известной под именем Голда Меир.

В сущности, организация Халуц была результатом концепции политического сионизма, которая четко оформилась у Бен-Гуриона уже в начале первой мировой войны. Это был все тот же вопрос ”дарования земли или ее завоевания”, отразившийся в речах и письмах Бен-Гуриона за 1915—1918 годы.

Наиболее ясно взгляды Бен-Гуриона на этот вопрос изложены в статье, опубликованной в сентябре 1915 года под заглавием ”Дарование земли”: ”Существуют разные способы завоевания земли Эрец-Исраэль. Можно захватить ее силой оружия; можно получить землю в результате политических соглашений и дипломатических комбинаций; можно купить землю за деньги. Но все эти способы преследуют одну цель: владеть землей, чтобы возделывать ее и использовать.

Мы не стремимся в Эрец-Исраэль для того, чтобы править живущими там арабами, или для того, что-

бы превратить ее в рынок сбыта продукции евреев стран диаспоры.

Мы стремимся обрести там родину.

Родину не дают и не получают в подарок, не приобретают в результате политических соглашений, не покупают за золото и не завоевывают кулаками. Ее строят в поте лица.

Родина — это результат исторического творчества, коллективное дело народа, плод физических, духовных и нравственных усилий многих поколений.

Эрец-Исраэль станет нашей не тогда, когда турки, англичане или будущий послевоенный конгресс согласятся на это и подпишут международный договор, а тогда, когда мы сами, евреи, построим ее. Настоящее, подлинное, прочное право на эту землю не даст нам никто и ничто, кроме нашего труда на ней. Чтобы Эрец-Исраэль стала нашей, мы должны отстроить ее.

А строится страна всегда руками энтузиастов. Массовая эмиграция не ставит перед собой исторических целей. Она устремляется туда, где созданы условия для ее устройства. Подготовка страны для принятия массовой эмиграции — задача энтузиастов-халуцим.

Нашу землю получим мы не из рук международного конгресса или правящей державы, а из рук еврейского труженика, который придет, чтобы пустить в нее корни, жить на ней и оживить ее. Эрец-Исраэль будет нашей, когда мы будем составлять большинство трудящихся на ней и охраняющих ее”.

Бен-Гуриону было 29 лет, когда он написал эти строки. Из-за этих своих взглядов он оспаривал идею создания еврейской армии для захвата страны, идею, которую отстаивал в тот период молодой вождь русских сионистов Владимир Жаботинский. Из-за этих взглядов так стремился он организовать трудовую армию — Халуц для мирного завоевания Эрец-Исраэль.

Два месяца спустя на Кливлендском съезде партии Поалей Цион Бен-Гурион выступил с пространной

речью, где изложил свою позицию. Он вступил в острую полемику с теми, кто требовал немедленно по окончании войны создать государство с помощью держав-победительниц, хотя заявлял, что нельзя пренебрегать исторической возможностью, которая может больше не представиться.

Речь вызвала сочувственный отклик среди членов партии. Однако, по словам самого Бен-Гуриона, "Сионистское движение в целом было еще далеко от этой позиции".

Подводя итоги своих поездок, Бен-Гурион и Бен-Цви поняли, что на всей огромной территории США и Канады им удалось привлечь в движение Халуц лишь около 150 человек. Стремясь распространить свои идеи в широких массах, они выпустили два сборничка "Халуц", а кроме того, Бен-Цви совместно с Зрубавелом и Хасиным опубликовал книгу под названием "Изкор"*; описывающую полную опасностей жизнь и героическую смерть участников первых отрядов самообороны в Эрец-Исраэль. Книжка имела большой успех и двое друзей решили написать еще одну книгу, которая открыла бы для миллионов американских евреев Эрец-Исраэль.

Бен-Гурион оставил на время все другие дела и по тринадцать часов в день просиживал в Городской нью-йоркской библиотеке, собирая материал для будущей книги. Не ограничившись ее фондами, он специально поехал в Вашингтон, где занимался в Библиотеке Конгресса и в других крупных библиотеках. Центральный комитет партии Поалей Цион финансировал исследование Бен-Гуриона — он получал десять долларов в неделю. На подготовительную работу и писание книги ушло много месяцев. Она вышла в свет лишь весной 1918 года, к тому времени в еврейском мире успели произойти события

* Так называется еврейская поминальная молитва — по первому ее слову "Изкор" — вспомни.

огромной важности, оказавшие глубокое влияние на политический путь авторов книги.

”Политическая подготовка”, которую Бен-Гурион начал проходить в Иерусалиме, продолжалась и в Нью-Йорке. Здесь стал он настоящим сионистским деятелем, писал статьи, читал лекции, собирал деньги, организовывал новые ячейки партии по всей стране, вел острую полемику на съездах, заседаниях и встречах. Иногда оставался в меньшинстве. Эта политическая подготовка имела и еще одно измерение: в Америке Бен-Гурион работал или встречался с половиной ведущих руководителей своей партии, да и всего сионистского движения. И хотя до самого конца ”американского периода” Бен-Гурион был второстепенным лидером, имя его становилось понемногу известным.

Но и в Америке остался он замкнутым, застенчивым человеком и чувство одиночества у него еще более обострилось.

Ему было уже тридцать, когда в доме своего нью-йоркского приятеля доктора Эльсберга встретил он молодую девушку Полину Монбаз. Он был в то время бледнолицым серьезным молодым человеком, постоянно носившим один и тот же порядком истрепанный костюм; свои ”османские” усики он давно уже сбрил, над широким, изрезанным морщинами лбом нависала шапка курчавых волос. Она не была красавицей — круглолицая, в очках, ростом с него. Но была в ней какая-то неумная живость, огромная непосредственность, полнейшая искренность. В противоположность интраверту Бен-Гуриону, она была открытым, свободным в обращении человеком, любила общество, жизнь с ее маленькими радостями. Поля была родом из Минска, а теперь работала операционной сестрой в больнице. Она вовсе не была сионисткой. Эрец-Исраэль, возвращение к Сиону, еврейское государство — все эти слова ровно ничего не говорили ее сердцу. Она жила в ином мире и некоторое время даже увлекалась идеями анархистов.

Один из врачей больницы, где она работала, ухаживал за нею, а она вдруг влюбилась в молодого сиониста из Плонска. "Видела бы ты его внешность, — вспоминала она впоследствии, — его глазки с редкими ресницами, его потрепанную одежду — но стоило ему открыть рот — и я сразу чувствовала, что это большой человек". Его ум, его воспитанность, его "горячее сердце" — все привлекало ее. Услышав о его литературной работе — он собирал тогда материал для книги "Эрец-Исраэль" — она спросила: "А можно вам чем-нибудь помочь?" — "Если хотите, пожалуйста", — ответил он. И она стала по вечерам приходить в городскую библиотеку и делать для него длинные выписки. Они стали много бывать вместе и, немного подзаработав, решили поделить расходы. И постепенно появилась между ними близость, они полюбили друг друга. Он не говорил ей о своей любви и лишь через несколько месяцев после свадьбы написал жене: "Я полюбил тебя до того, как мы поженились, ты это знаешь, хоть я тебе об этом и не говорил". Когда он сделал ей предложение, они были знакомы больше года, но он не забыл предупредить ее, что если она согласится выйти за него замуж, ей придется оставить Америку и уехать "в маленькую бедную страну, где нет ни электричества, ни газа, ни электротранспорта".

Она согласилась. Утром 5 декабря 1917 года Поля вышла из операционной своей больницы, сняла халат, быстро накинула пальто поверх цветастого платья и поспешила в муниципалитет Нью-Йорка. На крыльце ее ждал Бен-Гурион в своем черном пальто. Они вошли в комнату чиновника, регистрировавшего гражданские браки, уплатили 2 доллара и чиновник записал, что Давид Бен-Гурион женился на Полине Монбаз. После "свадьбы" невеста немедленно вернулась в больницу, где ее ждала срочная операция. Бен-Гурион пошел на заседание партийного комитета Поалей Цион по палестинским вопросам. "Я опоздал на четверть часа и товарищи мои были пораже-

ны моим опозданием. Я объяснил им, что опоздал, так как только что женился. Все меня, разумеется, поздравили и удивились тому, что я никому раньше не рассказал о предстоящей женитьбе, а также тому, что я не оформил брак у раввина”.

Вечером Поля пошла к себе, в комнату, которую снимала вместе с подругами, а Бен-Гурион, как обычно, вернулся в комнату, которую делил с Бен-Цви. Только в субботу они снова встретились и пошли искать квартиру.

Молодожены сняли квартиру в доме 631 по улице Эдпорт в Бруклине. Но не много времени оставались они вместе. Через четыре месяца после свадьбы им пришлось надолго расстаться. Случилось это в результате исторического события колоссальной важности — 2 ноября 1917 года была провозглашена Декларация Бальфура.

В тот день британский министр иностранных дел написал особое послание лорду Уолтеру де Ротшильду: ”Правительство Его величества благосклонно рассматривает создание национального очага для еврейского народа в Палестине и сделает все от него зависящее, чтобы облегчить достижение этой цели...”

Эта декларация вдруг приблизила на расстояние вытянутой руки осуществление самых оптимистических мечтаний сионистских лидеров. С этим коротким посланием на небосводе засияла новая звезда, во главе сионистского движения встал человек, которому предстояло вести его около 30 лет — Хаим Вейцман.

Многие видели в Вейцмане наследника другого вождя, у которого было то же прозвище ”царь” — наследника Герцля. Вейцман был на 12 лет старше Бен-Гуриона. Это был высокий, лысоватый, живой человек с заостренной черной бородкой. Вся его личность излучала благородство и истинно королевское спокойствие. Занимаясь в университетах Германии и Швейцарии, он достиг блестящих успе-

хов в науке и затем поселился в пленившей его стране Англии.

Англичане, видимо, хотели, чтобы мировое еврейство поддержало их в борьбе с центральноевропейскими державами. Особенно заигрывали они с евреями США и России. Великобританию беспокоило то сочувствие, которое стали испытывать многие евреи к Германии, воевавшей с Россией — страной неприкрытого антисемитизма и погромов. Пять миллионов российских евреев, а также евреи Австрии, Венгрии, Германии — стран враждебного Англии лагеря — были таким политическим фактором, который нельзя было игнорировать.

Некоторые министры британского правительства руководствовались глубоко моральными мотивами, связанными с содержащимся в Библии пророчеством о возвращении разбросанного по свету обездоленного народа в страну предков. Отдельные английские руководители верили в справедливость сионистских идей и считали, что, способствуя их осуществлению, они делают "нечто прекрасное и благородное". Нет сомнения и в том, что важную роль в деле насаждения просионистских идей среди правящей английской элиты сыграли проповеднический пыл и сила убеждения Хаима Вейцмана.

Сионисты всего мира бурно выражали свой восторг по поводу Декларации Бальфура. Лишь один голос звучал диссонансом в этом восторженном хоре — голос Бен-Гуриона. Правда, случившееся взволновало и его. "Свершилось великое чудо", — записал он 14 ноября. Но сразу после этого он гневно обрушился на тех, кто вещал на весь мир, что "Англия возвратила еврейскому народу Эрец-Исраэль. Англия не вернула нам Эрец-Исраэль", — утверждал Бен-Гурион в новом варианте своей программной статьи, — "Англия не в силах возвратить нам Эрец. И даже после того, как вся страна Израиля, от Беер-Шевы до Дана, будет захвачена англичанами, она не станет нашей. Лишь в муках труда и творчества

можно завоевать землю, лишь неустанной работой по ее строительству и заселению. Англия сделала много: она признала существование евреев как политической нации и подтвердила наше право на Эрец-Исраэль. Но сам еврейский народ должен претворить это право в факт своей жизни собственными силами и средствами, вложив все усилия души и тела в создание своего национального очага, довершить дело национального освобождения”.

Слова эти были сказаны не для того, чтобы уменьшить политическое значение Декларации Бальфура, а для того, чтобы представить положение вещей в его истинных соотношениях. Ведь многие рассматривали английскую декларацию как решение еврейского вопроса, тогда как Бен-Гурион видел в ней лишь возможность решения этой проблемы силами самого еврейского народа, исторический вызов ему.

Но в одном вопросе Декларация Бальфура действительно изменила позицию Бен-Гуриона. С вступлением Соединенных Штатов в первую мировую войну соотношение сил явно склонилось в пользу стран Антанты. Победа их стала неизбежной; и когда летом 1917 года английская армия оказалась на подступах к Палестине, было ясно, что власть Турции над страной Израиля подошла к концу. Снова со всей остротой встал вопрос о создании еврейского легиона. Важно было, чтобы среди тех, кто рискует жизнью за освобождение Эрец-Исраэль, были и еврейские солдаты. Декларация Бальфура, разумеется, усилила стремление создать еврейские легионы — и Бен-Гурион выступил во главе тех, кто требовал их организации.

Он отправился в Вашингтон, где встретился с членом Верховного суда США Луи Брандайсом, одним из выдающихся американских сионистов. Бен-Гурион изложил ему план организации в составе американской армии еврейского полка, который должен быть послан воевать в Палестину.

Заинтересовавшись этой идеей, Брандайс представил ее на рассмотрение президенту Вильсону, но американский президент отклонил предложение, объяснив, что Америка объявила войну Германии, но не Турции. Выход был найден лишь после того, как за океаном, по инициативе Жаботинского, был сформирован еврейский полк в составе британской армии. Было решено, что американские евреи, желающие воевать за освобождение Эрец-Исраэль, запишутся добровольцами в объединенный легион, который будет сформирован в Канаде в составе войск Его величества короля Британской империи. 150 членов движения Халуц тут же вступили в легион, образовав, вместе с находившимися в Америке 200 эмигрантами из Палестины, ядро американского полка, который должен был называться "39 батальон королевских стрелков".

26 апреля 1918 года Бен-Гурион пришел в свою маленькую бруклинскую квартирку и сообщил жене, что он вступил в Еврейский легион, который в составе британской армии будет воевать за освобождение Эрец-Исраэль. Поля разрыдалась — она была на четвертом месяце беременности и боялась разлучаться с мужем. Напрасно напоминал он, как еще до свадьбы говорил ей, что собирается записаться в армию и она на это согласилась. Она упрашивала его не уезжать, но он лишь пообещал, что после рождения ребенка он заберет их обоих в Эрец.

28 мая в британском консульстве Нью-Йорка Бен-Гурион принес присягу на верность британской короне, а 29 мая уже отбыл в тренировочный лагерь своего батальона, находившийся в Виндзоре (Канада). Это было чудесное путешествие — на каждой остановке поезда их встречали толпы взволнованных евреев, счастливых тем, что они сподобились собственными глазами увидеть героев, которые под развевающимися знаменами отправились освободить страну Израиля.

В Виндзоре Бен-Гуриона встречал загорелый солдат

в мундире британской армии. Это был его друг Ицхак Бен-Цви, прибывший туда неделей раньше.

”Я сам точно пьян от этой новой жизни”, — написал Давид Поле в первый день своего пребывания в лагере. И через несколько дней снова: ”Очень приятно вставать вместе с солнцем и умываться на траве в чистом утреннем воздухе... Два часа подряд мы занимались физическими упражнениями. Это замечательная подготовка”.

Он был уже не слишком молод — 32 года — однако лагерная жизнь давала ему ощущение счастья. Носил он, как все, мундир из грубой ткани, высокие ботинки с обмотками до колен и фуражку с козырьком. Но рядовой Бен-Гурион вовсе не был простым солдатом. Это был уже сложившийся политический деятель, талантливый оратор, и имя его быстро стало популярным среди солдат легиона. На каждом митинге, на каждом собрании он был одним из главных ораторов.

Начальство заметило особое положение Бен-Гуриона и авторитет, которым он пользовался у легионеров, и поспешило придать этому авторитету армейский отпечаток. ”Сегодня утром пригласил меня к себе Вильсон, наш ротный сержант, и предложил мне производство в чин капрала (ефрейтора), но я отказался от этой чести и объяснил ему, что буду более полезен легионерам в качестве простого бойца, чем старшего по званию”.

Но этот личный бунт Бен-Гуриона закончился весьма быстро. Сержант Вильсон доложил майору, являвшемуся начальником учебного лагеря, что ”...я-де лучший из солдат Еврейского легиона и что я отказался от чина капрала, так как считаю, что, будучи рядовым, смогу оказывать большее моральное влияние на легионеров”. Майор вызвал Бен-Гуриона и разъяснил ему, что ”...после высадки за океаном выборные комитеты будут упразднены и руководство будет всецело в руках военных властей, и что мне следует принять капральский чин”. Строп-

тивец покорился судьбе и через пару дней пришел к рукавам мундира капральские нашивки. А на следующий день он простился с товарищами и вместе с небольшой группой других солдат приступил к занятиям на краткосрочных курсах сержантского состава.

В свободное время капрал Бен-Гурион составил завещание, "которое оставляю семье перед тем, как отправиться с еврейским батальоном сражаться в Палестине за освобождение нашей Родины. Если со мной случится несчастье в пути или я погибну на поле боя, прошу родных и друзей исполнить мою последнюю волю согласно следующим указаниям".

Он завещал все свое имущество ребенку, который должен был родиться, и просил, если это будет мальчик, назвать его Ярив, а если девочка — Геула, завещал также, чтобы ребенок был перевезен в Эрец-Исраэль и воспитан на иврите, а потому и мать его, Пнина, должна изучить иврит. Самой Пнине (Поле) Бен-Гурион завещал 2000 долларов из суммы, которая будет выплачена страховой компанией за страхование его жизни, а отцу (или, в случае его смерти, брату Аврааму) — 500 долларов с определенной целью: "...чтобы на эти деньги он поехал в Палестину и объехал Эрец-Исраэль по крайней мере, один раз". Свои книги он завещал Иерусалимской библиотеке; он просил, чтобы все его публикации были собраны и выпущены книгой на иврите и, если она принесет какой-нибудь доход, использовать его для создания двух фондов: одного, предназначенного для издания книг и статей на иврите об Эрец-Исраэль, а другого — для печатания в Эрец-Исраэль рабочей литературы на иврите, под руководством Поалей Цион.

11 июля Бен-Гурион отплыл на одном из двадцати военных кораблей, направлявшихся в Англию, 22 июля рота, в которой он служил, высадилась в Тильбюри (Англия), а 14 августа весь 39-й батальон королевских стрелков отбыл морем в Египет. 28 августа Бен-Гурион и Бен-Цви высадились в Порт-Саиде.

”Еврейское знамя развевается под небом Египта”, — отметил Бен-Гурион в записной книжке. Он взволнованно ждал новой встречи с Эрец-Исраэль, со старыми товарищами, многие из которых к тому времени вступили добровольцами в еврейский палестинский полк. И через неделю по прибытии в Египет Бен-Гурион отправился со своей базы в Тель эль-Кабире в Каир, где был расквартирован еврейский палестинский полк. В этот же день он заболел тяжелой дизентерией и был срочно доставлен в больницу, в которой пролежал несколько недель. В больнице получил он телеграмму от Поли, извещавшей его о рождении дочери Геулы. Вслед за телеграммой пришло письмо, где Поля писала в духе своих обычных шуток: ”Несмотря на то, что малютка похожа на тебя, она очень красива”.

Личная радость отца была проникнута национальными мотивами. ”Рождение нашей малютки, — писал он Поле, — совпало со счастливым моментом освобождения нашей Родины, и пусть сияние этой минуты освещает всю ее жизнь”.

Национальные порывы и личные, интимные чувства снова и снова переплетаются друг с другом в письмах Бен-Гуриона к Поле в период его службы в легионе. До переезда в Египет Давид писал Поле почти ежедневно. Письма эти переполнены излияниями пылкой любви, но их автор не мог и не хотел отделить личного счастья от своих национальных мечтаний.

”Я знаю, как дорого ты платишь своей молодостью и счастьем за мой идеал, — писал он ей из Виндзора, — цена эта страшно велика, и я не знаю, смогу ли я оплатить тебе как следует, но это — жестокость глубокой любви. Если бы я остался сейчас с тобой, то не был бы достоин того, чтоб ты родила мне ребенка, и вся наша жизнь была бы такой мелочной, будничной, такой пресной”.

Из ее писем он знал, что разлука дается ей нелегко и что его идеалы не слишком ее утешают. Чтобы подбодрить ее, он изо всех сил расписывает ожидающее их розовое будущее, соединяя стиль революционной

поэзии со сладкими любовными излияниями. ”Я знаю, ты не была подготовлена к испытаниям, которые внезапно всей тяжестью обрушились на тебя, но я достаточно знаю тебя, чтобы быть уверенным в том, что ты поднимешь этот тяжелый груз и взойдешь, пусть со слезами и муками, на ту высокую гору, с которой открывается нашему взору новый мир, мир света и радости, озаренный сиянием вечно живого идеала; это совсем иной мир, мир высшего счастья, прекрасной жизни, мир, в который лишь немногие удостоятся войти”.

Насколько можно понять из переписки Давида и Поля, эта ”революционная любовь”, этот сплав любви к женщине и любви к родине — были характерны лишь для одной стороны. Поля всем сердцем любила Бен-Гуриона, но, несмотря на все его старания и наилучшие побуждения, так и не сумела почувствовать себя борцом за тот ”великий идеал”, который он рисовал ей, и оттого в их подходе к жизни образовалась глубокая пропасть и не возникло у них того духовного единства, которого так жаждал Бен-Гурион.

Поля была раздражена, не раз тяжелая изматывающая повседневность нью-йоркской жизни доводила ее до изнеможения, до возмущения, да и тоска по мужу точила ее. Ей пришлось в одиночестве рожать и растить дочку, борясь с нуждой. Боль и горечь изливала она в безотрадных письмах. Ее можно понять. Она всеми силами, всем существом любила Давида и посвятила ему всю жизнь. И несмотря на это, в период его службы в Еврейском легионе, обострились противоречия в их мировоззрении, в образе мысли и поведении. Он остался тем же мечтателем и созидателем, она — той же заурядной женщиной, которую преданность мужу вырвала из привычного ей мелкобуржуазного мира. И несмотря на их сильную и искреннюю любовь, пропасть, разделявшая их, так никогда и не исчезла.

Бен-Гуриону не суждено было испытать боевого крещения — еще до прибытия его легиона на пале-

стинский фронт турецкие армии были разбиты и Эрец-Исраэль оказалась в руках англичан.

Только 6 ноября 1918 года после путешествия, продолжавшегося трое суток, Бен-Гурион прибыл в Яфо — в отпуск и вместе с товарищами ворвался в зал, где проходило совещание Поалей Цион. Более трех лет назад он был выслан из Эрец-Исраэль и вот теперь снова стоял среди друзей — гордый, счастливый, в военном мундире, на рукаве которого поблескивал Маген-Давид. Период изгнания окончился, началась новая глава его жизни.

4. ОБРАЗ ВОЖДЯ В МОЛОДОСТИ

Больше года носил еще Бен-Гурион мундир Еврейского легиона. За время службы он еще больше похудел, лицо с короткой военной стрижкой стало еще бледнее. Работал он невероятно много, спал мало. С возвращением в Эрец-Исраэль закончился период его юности и возмужания. Столь характерные для него в молодости романтика и сентиментальная лирика были отброшены прочь в ходе внутреннего душевного развития. Юноша Давид Грин обладал чувствительной поэтической душой, выражавшей себя в пылких любовных мечтаниях, в выпретенных стихах и чувствительных письмах, полных драматического пафоса. Но постепенно эта пламенная душа оделась в броню сухой и трезвой деятельности, внешне ожесточилась и сконцентрировала все свои силы на политической партийной работе. Сперва романтика прорывалась в стихах, в письмах к друзьям, позднее к отцу и, наконец, к Поле. Но тщетно стали бы мы искать того же лирического половодья в грудe писем, написанных Бен-Гурионом после возвращения в Эрец-Исраэль. Отцу пишет он теперь лишь деловые письма, да и Поле, после того, как она приедет к нему в Палестину, уже не будет он писать трепетных любовных писем, и лирика, скрытая в его душе, будет вырываться наружу лишь в редчайших случаях — в сокровенных стихах, притаившихся среди дневниковых записей, в проникнутых болью и искренностью письмах, которые будет он изредка писать осиротевшим родителям павших в боях воинов.

Внешне обстоятельства немало способствовали развитию сдержанности у Бен-Гуриона. Сам он много

лет спустя разделит историю сионизма до создания государства Израиль на три периода: период наивной "любви к Сиону" ("хиббат-Цион"), возвращения к Сиону ("шиват-Цион") и укрепления в Эрец-Исраэль; период "политического сионизма", начавшийся с первой мировой войной, и период "воинствующего сионизма", начавшийся накануне второй мировой войны. Пламенная романтика, соответствовавшая периоду "любви к Сиону", когда еврейский мир взволнованно встречался после двухтысячелетней разлуки с Эрец-Исраэль и заново привыкал к ее облику, должна была уступить место более практическому образу действий, характерному для периода "политического сионизма", открывшегося Декларацией Бальфура. Но были и другие причины для постепенного развития сдержанности характера Бен-Гуриона, и их следует искать в его личной жизни.

В продолжение почти двадцати лет один за другим обрушивались на чувствительного юношу потрясения, результатом которых было вынужденное одиночество и бездонная горечь. Первым ударом, который пришлось ему испытать еще в одиннадцатилетнем возрасте, была смерть любимой матери. Отсюда сближение с отцом. Но и отец невольно ранил душу мальчика, женившись вторично. Мачеху Давид не любил, не признавал ее второй матерью. В его книгах, воспоминаниях, письмах она почти не упоминается. Когда приходилось обратиться к ней, он называл ее "тетушка". В споре с автором этой книги Бен-Гурион отрицал, что у него вообще была мачеха и лишь под конец нехотя согласился, что "у отца, действительно, была вторая жена, — но у меня второй матери не было". В те годы появилось у него двое верных друзей — Фукс и Цемах. Но Фукс уехал в Америку и связь с тем, кого Давид звал "старшим братом", оборвалась. Со Шломо Цемахом тоже пришлось расстаться — в первый раз, когда Шломо отправился в Эрец-Исраэль, второй — когда он оставил Седжеру и уехал учиться в Европу. Еще один

тяжелый удар обрушился на Давида, когда Рахель Нелькина, его юношеская любовь, вышла за другого. В Седжере, а потом в Салониках он был совсем одинок. Он сильно тосковал тогда по родным, но они были далеко. Так вошла в его жизнь глубокая молчаливая печаль одиночества, которую он в конце концов стал считать частью самого себя. В отношениях с Полей в последний раз ярко вспыхнуло в нем чувство предельной душевной близости. Но пламя это вскоре утихло и воссоединение с женой не утолило его жажды по близкому понимающему человеку. С течением времени приобрел он еще трех близких друзей. Это были Бен-Цви, Явнезли и Берл Кацнельсон. Но характер его уже сформировался, душа закрылась, и эти дружеские отношения развивались уже в другой плоскости, не было в них пыла юношеской любви.

С ранней юности жило в нем чувство своего высокого предназначения. Внешне это был молчаливый, замкнутый молодой человек, чуждавшийся шумных компаний, не любивший вылезать вперед. Но когда он позволял себе раскрыть душу — главным образом, в письмах отцу, а затем жене — то описывал свои достижения со всей серьезностью и сознанием своей значительности. Уже отправляясь из Плонска в Эрец-Исраэль, он просил отца беречь письма, "чтобы через много лет я мог знать, что думал об Эрец-Исраэль в тот или иной момент". Учась в Салониках и в Стамбуле, он без устали расхваливал свои блестящие успехи. Расставаясь с Полей в Нью-Йорке при вступлении в еврейский полк, он дал ей специальную тетрадь и просил подклеивать туда его статьи и заметки, а также публикации, где он упоминается. В письмах молодой жене еще сильно стремление покрасоваться: "Не успел я выйти из поезда, как товарищи подхватили меня на руки и понесли с криком "Ура!" Приехав в Эрец-Исраэль, он хвастал перед Полей достижениями на партийном поприще. "В партийном комитете я вынужден был

вести тяжелую борьбу — и победил. Жаль, что ты не видела этого своими глазами — ты бы гордилась тогда не только дочкой, но немножко и мужем”.

Эпиграфом к книге ”Изкор”, которую молодой Бен-Гурион опубликовал в США (вместе с А. Хасиным), он выбрал слова Гете ”Вначале было дело” — это была наилучшая формулировка его сионистской и политической концепции — концепции действия. Действие всегда было стержнем мировоззрения Бен-Гуриона — руководителя и политика. Поражаешься, убеждаясь, что оно характеризовало уже молодого Бен-Гуриона, рядового работника партии.

Его сионизм был каким-то внутренним, естественным порывом любви к Сиону, к природе и истории Эрец-Исраэль, такой сионизм, который привел его к полному отождествлению своей личной жизни с жизнью еврейского народа и ишуву Эрец-Исраэль.

Таково же и отношение Бен-Гуриона к социализму — социализм служит достижению сионистских целей в Эрец-Исраэль, а не наоборот. Это очень еврейский социализм, очень далекий от интернациональных идей, вдохновлявших в те годы всемирное, да и еврейское социалистическое движение.

Еврейское мировоззрение молодого Бен-Гуриона тоже было очень своеобразно. Он чувствовал себя чуждым по отношению к неевреям, почти не бывал в их обществе, им почти не находилось места в его внутреннем мире. Напротив, он ощущал полное единство со своим народом, жил его историей, видел Эрец-Исраэль, символизирующую прошлое и будущее еврейского народа, в сияющем библейском ореоле. И когда он обходил пешком землю Израиля, вбирая в себя ее красоту, его воображение разгоралось и перед глазами его, как живые, вставали картины библейских времен. Лагая по развалинам старой крепости недалеко от Рамлы, он взволнованно спрашивает себя: ”Кто знает, может быть, тысячи лет назад тут сражались с захватчиками наши герои?” А когда он смотрит на Гилеадские горы, ему чудит-

ся, что над вершинами их витает дух доисторического героя Ифтах Гилеадского.

И одновременно с влечением к Библии, к героическому прошлому еврейского народа нарастало в нем отвращение к специфическому образу галутного еврея. Переехав в Эрец-Исраэль, он хотел совершенно отключиться от еврейской жизни в галуте, и любое явление, любой обычай, напомиравший о ней, вызывали у него внутренний протест. Однажды на севере США, в городе Буффало, встретил он еврея-фермера и стал восторженно расспрашивать его о том, как он работает. "Есть у меня батрак-гой, он и выполняет всю работу", — ответил фермер. "Старая история, — записал Бен-Гурион, — везде одно и то же".

Он пророчески призывал к использованию достижений науки для развития Эрец-Исраэль и даже разработал несколько смелых планов, которые в наши дни кажутся прямо провидческими: "Основание еврейского университета в Иерусалиме, добыча поташа, йода, брома и других минеральных соков Мертвого моря, использование вод Иордана для орошения и производства электроэнергии, осушение принадлежащих государству земель Хулы, долины Иордана и так далее..."

Можно было бы, вероятно, еще многое добавить, долго еще анализировать характер молодого Бен-Гуриона. А ведь он был тогда только в начале пути, не успел еще вырваться вперед, еще не проявил себя как будущий вождь народа, хотя многие друзья и сверстники признавали и уважали его. "Бен-Гурион раскрылся поздно", — сказала о нем его подруга Рахель Янаит. Новый период его жизни начался на военной базе в Тель эль-Кабире, где он познакомился с одним из крупнейших людей своего поколения, ставшим его близким другом.

5. ЧЛЕНСКИЙ БИЛЕТ № 3

В то время, как Бен-Гурион лежал в Каирском военном госпитале с тяжелой дизентерией, случилось ему прочесть сборник "За работой", выпущенный Сельскохозяйственным объединением Эрец-Исраэль. Среди материалов сборника выделялась большая программная статья Берла Кацнельсона "Навстречу грядущим дням".

Это было нечто вроде символа веры, сформулированного накануне новой эпохи в истории сионизма. Главная идея статьи заключалась в том, что строителями Эрец-Исраэль будут сельскохозяйственные рабочие. Берл Кацнельсон подчеркивал, что именно рабочие, истинные строители Эрец, должны определять пути мирового сионистского движения.

Бен-Гурион прочел статью с огромным интересом и понял, что они с Кацнельсоном "по существу — единомышленники". Едва поднявшись с больничной койки, Бен-Гурион отправился в лагерь Палестинского легиона, где находились в то время многие члены Поалей Цион, а также "беспартийные" добровольцы, к которым относился и Берл Кацнельсон — плотный широкоплечий человек с кудрявой шевелюрой, густыми усами и улыбочивыми глазами.

Встретившись с Берлом, Бен-Гурион предложил ему объединить Поалей Цион, Ха-поэл ха-цаир и остальных рабочих Эрец-Исраэль в одну партию. "Хорошо, пойдем поговорим с людьми из Ха-поэл ха-цаир, — ответил Берл без особого энтузиазма. Все они жили в одной палатке. Члены Ха-поэл ха-цаир согласились на объединение партий.

Не прошло и двух недель после этого разговора,

как легион Бен-Гуриона перевели, наконец в Палестину.

Эрец встретила легионеров проливными дождями. Бушующие потоки воды смыли палатки легионеров на военной базе в Сарафенде. Но уже на следующий день после потопа Бен-Гурион безо всякой увольнительной сбежал с базы и, приехав в Яфо, стал собирать сторонников объединения.

Политическая деятельность положила конец военной карьере капрала Бен-Гуриона. Вернувшись на базу после четырехдневной отлучки, Бен-Гурион угодил под трибунал. Полковник Марголин постановил разжаловать провинившегося из капралов в рядовые, удержать с него трехсуточное жалование и перевести в другую роту. Бен-Гурион не слишком огорчился по поводу приговора, так как уже через несколько дней получил месячный отпуск и вернулся к своим делам.

Первым предстоявшим ему экзаменом было выступление с призывом к объединению на съезде партии Поалей Цион, состоявшемся в феврале 1919 года. Дело было нелегким, ибо Бен-Гурион был все еще второстепенным лидером и слыл непоследовательным социалистом, да к тому же резким противником идиша, столь дорогого многим членам партии. Но Бен-Гурион сумел вложить в борьбу весь свой темперамент. Большинством голосов съезд Поалей Цион поддержал идею объединения. Однако проходивший буквально в те же дни при закрытых дверях съезд Ха-поэл ха-цаир постановил отвергнуть планировавшееся объединение. Под давлением своего руководителя Иосефа Шпринцака члены Ха-поэл ха-цаир решили не присоединяться к Поалей Цион.

Затем Берл Кацнельсон и Давид Бен-Гурион созвали "Всеобщую конференцию рабочих Эрец-Исраэль". Делегаты конференции (81 человек) поддержали план объединения, изложенный Берлом, и постановили назвать новую организацию "Ахдут ха-авода" ("объединение труда"). Одним из важ-

ных решений конференции было требование "международных гарантий для создания в Эрец-Исраэль свободного еврейского государства, которое будет находиться под покровительством Лиги наций и основано на труде большинства евреев Палестины".

Создание Ахдут ха-авода было лишь частичной победой, лишь шагом на пути к победе. Ведь в те дни сионистские рабочие группы составляли меньшинство во всемирном сионистском движении, а рабочие Эрец-Исраэль были меньшинством в этом меньшинстве. У Берла Кацнельсона и Давида Бен-Гуриона были далеко идущие стремления: объединить всех палестинских рабочих в мощную силу, которая возглавит дело осуществления сионизма в Эрец-Исраэль и сможет диктовать условия всему сионистскому движению. Для осуществления этих целей сплочение всех рабочих Эрец в рамках единой организации было жизненно важной задачей. Такой организацией и должна была стать Ахдут ха-авода. Однако ввиду того, что в нее не вошли члены партии Ха-позл ха-цаир, Ахдут ха-авода не сумела сплотить всех рабочих Эрец. Возникла потребность в дополнительных усилиях по созданию всеобщей надпартийной организации, в рамках которой объединились бы все рабочие Эрец-Исраэль.

И такая организация была создана. В декабре 1920 года во время Ханукки в Хайфе состоялась учредительная конференция "Всеобщей конфедерации еврейских рабочих Эрец-Исраэль" — Гистадрута. Бен-Гуриону не довелось быть в числе тех, кто формулировал текст "Учредительной декларации". В то время он снова находился за границей и лишь издали мог наблюдать за рождением организации, в создание которой вложил он так много сил.

В субботу 15 ноября 1919 года, взволнованный и счастливый, Бен-Гурион обнимал на Яфской пристани жену Полю и дочку Геулу, которую видел впервые в жизни. Только теперь, после 18-месячной раз-

луки, сумели они приехать в Палестину. Поместив свое маленькое семейство в гостинице, легионер Бен-Гурион стал хлопотать о его нуждах с преданностью образцового семьянина. Не зря писал он Поле незадолго до ее приезда: "Я достану тебе яиц и столько молока, что его хватит не только напоить нашу дочурку, но и выкупать ее, если тебе захочется". Не зря шутливо расписывал прелести Палестины: "Я обещаю тебе, моя Поля, что у нашей Геулы будет здесь такой же комфорт, как в Бруклине и Бронксе, все ее желания будут выполнены, по крайней мере, пока не захочется ей посетить Метрополитен-Опера". И когда он, наконец, увидел дочку, восторг его не знал предела: "Без отцовской пристрастности могу сказать, что это одна из самых милых, приветливых, умных и красивых девочек, которых мне довелось видеть".

Вскоре после приезда Поли и Геулы в Палестину, Бен-Гурион демобилизовался из армии. В течение нескольких месяцев он занимался организационными делами в Ахдут ха-авода. В конце весны объединенная партия решила послать Бен-Гуриона в Лондон с тем, чтобы он установил связи с английской лейбористской партией и возглавил, совместно со Шломо Капланским, бюро всемирного союза Поалей Цион. Первого июня семья Бен-Гурионов отправилась в путь; Поля была беременна вторым ребенком, рождение которого ожидалось к концу лета.

Начало года, проведенного в Европе, было бурным и драматическим, а продолжение — тусклым и бесплодным. Вскоре после прибытия в Лондон Бен-Гурион расстался с женой и дочкой и направился в Вену, где собрался съезд всемирного союза Поалей Цион.

В самый разгар дебатов пришла телеграмма от Поли, и Бен-Гурион поспешил назад, в Лондон. Через неделю после его возвращения, 28 августа, Поля родила мальчика. Бен-Гурион назвал его Амосом.

Радость первых минут сменилась трудностями

акклиматизации на новом месте. Бен-Гурионы подыскали себе крохотную квартирку в районе Мэйдэ Вэйл. Ранним утром выходил Бен-Гурион из дому и шел к станции метро; добравшись до представительства Поалей Цион, он целый день занимался текущими делами — рутинная безрадостная жизнь сионистского деятеля в диаспоре, в отрыве от настоящего живого дела, от Эрец-Исраэль. Его грызла тоска.

В этот период возобновляется регулярная переписка Бен-Гуриона с отцом и родственниками, оставшимися в Польше и России. Однако в отношениях сторон происходит явное изменение: Бен-Гурион берет на себя роль главы семьи, требует от нее подчинения своим решениям и не раз досадует на нарушение своей воли. Отец и сестра просят помочь им перебраться в Эрец, а он решительно возражает. Перед отъездом в Лондон он отвечает отказом на просьбу отца принять его в Палестине, заявляя: "...этот вопрос во многом зависит от моего будущего. Я же пока совсем не знаю, как устроюсь". Оказавшись в Лондоне, он пытается утешить огорченного отца тем, что тот сможет пожить у него в Лондоне; и хотя вначале он приглашает отца приехать "вместе с тетусшкой", по прошествии некоторого времени, повторяя свое предложение, он приглашает уже только самого отца, мотивируя это ограничение тем, что у него нет денег для оплаты проезда "тетусшки". Не менее резко изменяется и его отношение к сестре Ривке. Она просит его помочь ей переехать в Палестину, говорит, что готова делать там любую работу. Он решительно отказывает. "Я не верю ни в то, что она сможет работать, ни в то, что найдет работу, которую способна выполнять".

Особенно ухудшились отношения Бен-Гуриона с отцом после того, как в Плонске появилась Поля. Вначале планировалось, что она побудет там пару недель, но дело затянулось больше чем на год.

В марте 1921 года Бен-Гурион поехал на несколько месяцев в Вену, а Полю с детьми отправил в

Плонск — познакомиться с отцом и погостить у него. Вскоре между Полей и Авидгором Грином с женой возникли трения. Поля постоянно жаловалась на сырость в комнате, где ее поселили, на питьевую воду, казавшуюся ей грязной, на антисанитарные условия, просила, чтоб ей наняли прислугу. Старикки негодовали, считая все это претензиями и капризами. Отношения резко обострились, и приехавший в мае погостить Бен-Гурион не сумел их наладить и разрядить напряженность, создавшуюся между его отцом и женой. Несмотря на это, он не забрал Полю и детей с собой, а оставил их в доме отца. Он не изменил своего решения до тех пор, пока отношения между Полей и Авидгором Грином окончательно не испортились и пока отец всерьез не рассердился на него.

Бен-Гурион не собирался расставаться с семьей на долгое время, а тем более на год. Однако в мае 1921 года разразились кровавые события в Яфо и Бен-Гурион поспешил в Эрец. В августе прибыл он в Яфо, а Поля и дети возвратились к нему через год с лишним.

Когда Бен-Гурион вернулся в Эрец на исходе лета 1921 года, в Яфо еще повсюду виднелись следы беспорядков, произошедших за несколько месяцев до того. Напряженность между арабами и евреями не разрядилась, и это предвещало беду. В поредевшем ишуве бушевало недовольство и разочарование британскими властями, которые не выступили однозначно на стороне евреев; ухудшилось экономическое положение Эрец-Исраэль; между сионистскими деятелями Нью-Йорка, Лондона и Иерусалима велись яростные споры. Казалось, будто разные силы собрались в сокрушительный кулак, чтобы одним разом покончить с сионистским движением в мире и в Эрец-Исраэль.

За несколько недель до открытия мирной конференции в Сан-Ремо, которая должна была обсудить

вопрос о британском мандате на Палестину, обстановка еще более накалилась.

”Палестину — нам, евреев — нашим псам”, — вопили подстрекаемые фанатиками арабские толпы, обрушившиеся на евреев Иерусалима. А ворвавшись в еврейские кварталы, толпа услышала новый клич ”правительство — с нами”. У арабов было чувство, что их нападение на евреев не противоречит настроению британских властей.

Тем временем конференция в Сан-Ремо подтвердила британский мандат на Палестину. 64 тысячи евреев Эрец-Исраэль встретили первого верховного комиссара Герберта Сэмюэла с неописуемым энтузиазмом и великими надеждами. Но рукоплескания не могли скрыть глубокой озабоченности еврейских поселенцев. Буря восторга, вызванная Декларацией Бальфура, понемногу улеглась.

Не успели высохнуть чернила на Декларации Бальфура, как Англия обнаружила, что запуталась в клубке противоречивых обязательств, данных ею арабам, евреям и странам-союзницам по Антанте. Как могли ужиться между собой торжественные обещания, данные Франции в договоре Сайкса-Пико о международном мандате на Палестину по окончании войны, официальные послания британского заместителя в Египте Генри Мак-Магона шерифу Мекки Хусейну о создании арабского государства, которое будет простираться до Средиземного моря, — и обещанный евреям национальный очаг в Эрец-Исраэль? Растерянная Англия стала снова перекраивать карту Ближнего Востока, проводить новые границы в пустынях, спорить с Францией о северной границе Палестины и пыталась забыть о гневе арабов. Правда, Герберт Сэмюэл получил из рук военного губернатора Палестины генерал-майора Болса ”одну целую Палестину”, как написал он с суховатым юмором в официальной ”расписке” от 30 июня 1920 года. Но не долго суждено было ей оставаться целой. Через девять месяцев энергичный министр колоний правительства

Его величества Уинстон Черчилль решит отрезать от нее Восточный берег Иордана и сострять независимый эмират для эмира Абдаллы, сына Хусейна.

В мае 1921 года в Эрец снова поднялась волна арабского национализма. Арабские фанатики убили 13 евреев на Яфском кладбище; в своем уединенном доме был убит писатель Хаим Иосеф Бреннер. На следующий день вооруженные арабы напали на пять еврейских поселений, расположенных в прибрежной низменности и в Шароне. К концу недели жертвы среди евреев исчислялись 47 убитыми.

С точки зрения арабов беспорядки принесли плоды. Сэр Герберт Сэмюэл временно прекратил алию и выступил с речью, в которой сообщил об ограничении алии в будущем: "Условия, существующие в Палестине, не оставляют места для массовой иммиграции евреев". В течение года Уинстон Черчилль увековечил раздел Палестины в "Белой книге", ограничив смысл понятия "национальный очаг", и постановил, что уровень алии будет определяться "экономической емкостью Палестины". Определение это было достаточно туманным, чтобы удовлетворять нуждам британской политики в любой ситуации.

В обстановке борьбы с британскими властями и столкновений с арабами произошел раскол в самом сионистском движении. Для большей части сионистов США, группировавшихся вокруг верховного судьи Луи Брандайса, Декларация Бальфура была чем-то вроде завершения политических усилий сионистского движения. Теперь не осталось уже ничего, кроме разработки планов экономического развития Палестины, что заложит фундамент будущего национального очага, полагали они. Эти круги резко критиковали Вейцмана, который видел истинный путь осуществления сионистской мечты в алии и поселенческом движении халуцим. Таким образом, Вейцман был по существу близок к принципам рабочего движения в Эрец-Исраэль, к Кацнельсону, Бен-Гуриону и их товарищам. Но никогда не

был он одним из них, никогда не соглашался возглавить их. Пропасть разделила их с самой первой встречи, произошедшей в 1918 году. Пропасть эта создавалась в результате коренных различий в подходе к социальному устройству общества, в образе мыслей и образе жизни, вплоть до мельчайших особенностей поведения и манеры одеваться.

Весной 1918 года Хаим Вейцман прибыл с визитом в Эрец. Явился он во всем великолепии, окруженный свитой сионистских деятелей и представителей еврейских общин Англии, Франции и Италии.

Встречала эту представительную делегацию почтенных еврейских лидеров горстка оборванных халуцим, измотанных четырехлетней войной. Вряд ли "британские генералы" вообще слышали об их отчаянной борьбе, об их мечтах и делах. Вейцман почти не упоминает о них в своих воспоминаниях.

Но ведь различия между рабочими Эрец и сионистским движением в диаспоре касались не только манер и одежды.

Руководители рабочих в Эрец-Исраэль кусали губы, читая циркуляр, распространенный в июле 1919 года Всемирной сионистской организацией (ВСО): "Людям не следует бросать свои дома и работу, прежде чем они не удостоверятся, что смогут устроиться в Палестине". Через год на очередной двухгодичной сионистской конференции Берл Кацнельсон неистово обрушился на Вейцмана.

Возмущение и разочарование возросли в 1921 году, когда Правление ВСО указало в отчете 12 Сионистскому конгрессу: "Принимая во внимание существующие экономические условия Палестины и финансовое положение Всемирной сионистской организации, Правление сочло отправку в Эрец-Исраэль нуждающихся в средствах халуцим нежелательной и потому разослало во все важнейшие эмиграционные бюро телеграммы с инструкцией не отправлять в данный момент эмигрантов в Эрец-Исраэль".

В сердцах рабочих Эрец росло чувство, что на них

одних ложится осуществление целей сионизма. Для этого нужна была сила, необходим был инструмент действия. Объединение партий, создание Ахдут ха-авода было первым шагом на пути сколачивания по-настоящему сильной рабочей организации. Образование Гистадрута дало рабочим тот самый инструмент действия, и в 1921 году инструмент этот был передан в руки Бен-Гуриона.

Ему исполнилось 35 лет, когда, вернувшись в Эрец из-за границы, он был введен в Секретариат Гистадрута. Бен-Гурион видел в Гистадруте ту трудовую армию, которая освободит Эрец-Исраэль.

Правда, в то время "трудовая армия" была скорее красивым, чем правильным выражением. В 1920 году, когда был создан Гистадрут, в него входило всего 4433 человека из 65 000 евреев, населявших Палестину, причем все это были бедные бездомные рабочие. Касса Гистадрута была пуста. Во многих отраслях хозяйства царила безработица, и энтузиастам, прибывавшим из Восточной Европы, не хватало хлеба насущного. Гистадрут был неизвестен за границей, за ним не стояли ни друзья, ни союзники, ни богатые меценаты, Сионистский конгресс смотрел на него свысока, а мандатные власти и слыхом не слыхивали о молодых деятелях, ставших во главе его. Но эти люди по-своему представляли построение национального очага, мечтали превратить четыре тысячи рабочих в ядро главной действующей силы в Эрец-Исраэль и во всемирном сионистском движении.

Такова была основная цель, которую поставил перед собой Бен-Гурион, когда в конце лета 1921 года сошел он с корабля в Яфском порту.

Будучи избранным в декабре 1921 года в секретариат Гистадрута, Бен-Гурион получил членский билет № 3. Он не был единственным секретарем. Уже год, как делами Гистадрута управляли Давид Ремез, Ицхак Бен-Цви, Давид Закай. Но все они один за другим вышли из секретариата.

Первые 12 лет, когда Бен-Гурион стоял во главе

Гистадрута, оказались самыми "тощими" в его жизни. Это были годы ни с чем не сравнимые по тяжести и горечи, годы унижительной бедности, тяжелой кропотливой работы, острых кризисов, в свете которых осуществление целей сионизма не раз казалось невозможным. Но за эти горькие годы укрепились позиции еврейского ишува, он укоренился в земле Эрец-Исраэль, за эти годы закалился и характер Бен-Гуриона, он стал вождем масс.

Прежде всего он перевел секретариат Гистадрута в Иерусалим. Ко времени возвращения Бен-Гуриона в Эрец секретариат Гистадрута размещался в маленькой комнатке на одной из улиц Тель-Авива. Бен-Гурион настоял, чтобы по "национальным" причинам Гистадрут переехал в Иерусалим. Переезд состоялся 2 февраля 1922 года.

Дело организации и издания официального органа Гистадрута "Пинкас" ("записная книжка") было поручено Бен-Гуриону и Давиду Закаю. Годами были они тесно связаны между собой. Вместе работали в бюро Гистадрута и ночевали в одной комнатке в Иерусалиме. "Мы жили в Мусраре. В комнате была всего одна постель. Она состояла из двух пустых жестянок из-под нефти, на которые была положена пара досок. Одну ночь я спал на кровати, а Бен-Гурион на полу, вторую — наоборот", — вспоминал Давид Закай.

Бен-Гурион жил в Иерусалиме в страшной нужде. Зарплата секретаря Гистадрута была мизерной. Большую часть денег отсылал он Поле и детям, все еще находившимся у его отца в Плонске. Отцу тоже высылал он каждый месяц немного денег. Каждую истраченную копейку он аккуратно заносил в записную книжку. Не раз оставался он без гроша и вынужден был занимать у Давида Закай или у другого товарища фунт, чтобы дотянуть до конца месяца. Изюм в день записывал он в дневнике: "...сигареты — 3, газеты — 2, хлеб — 2 и 1/2, селедка — 2, печенье — 7, пирожки — 2, починка обуви, лимоны, чай, спички,

карта Палестины, лук...” Раз купил вино — целых 10 египетских пиастров!

Была среди расходов Бен-Гуриона еще одна — секретная — статья. 9 сентября он повесил в своей комнатухе полку, которую купил за 50 египетских пиастров. Через неделю купил еще несколько штук на 155 египетских пиастров, но и этого не хватило. Ибо в то время он как одержимый покупал книги — книги на иврите и иностранных языках, покупал их в Эрец и выписывал из-за границы. Раз в неделю составлял он в дневнике список купленных книг. В январе он набросился на книги по иудаизму; просил своего приятеля Рубашова (Шазара) купить для него книги по истории искусства Шпрингера и несколько немецких книг по вопросам государства; в иерусалимском магазине заказал книги по географии Палестины, исследование о жизни Иисуса Христа, книги по латинской и армянской грамматике; из Германии получил книги по христианству, по археологии Палестины, истории и географии Ближнего Востока.

Во время первой волны книжной лихорадки, весной 1922 года, он сконцентрировал свой интерес на нескольких темах: иудаизм, христианство, история древних культур Ближнего Востока, зарождение сионизма, труды классиков социализма, история арабов и введение в науку о государстве.

Все эти десятки и сотни книг, загромоздивших его комнатенку в Мусраре, Бен-Гурион читал и изучал с фантастическим усердием. Развлечения и вечеринки были ему не по душе. Кроме трех-четырёх человек, у него почти не было приятелей. Вечерами и ночами писал он статьи в "Пинкас", "Кунтрес" и другие рабочие издания, а большую часть свободного времени посвящал учебе и чтению.

Чтобы прочесть в подлиннике Платона, он стал заниматься греческим. В будущем он выучит испанский, чтоб лучше понимать Сервантеса. Товарищи, работавшие рядом с ним, сперва не заметили глубо-

кой, но скрытой перемены, которая произошла в секретаре Гистадрута. Чтение, серьезные занятия различными вопросами культуры не вязались с образом деятельного и несколько неотесанного молодого руководителя.

Так постепенно из-за облика Бен-Гуриона — партийного работника появился другой человек — человек широких горизонтов и неутолимой жажды знания, изо дня в день растущей образованности.

Перед товарищами предстал вдруг некто, кого они прежде не знали: человек их круга, который будто за одну ночь вдруг отдалился от них, ушел вперед поступью гиганта. Открытие это вызвало разную реакцию: сначала болтовня о претенциозном хвастовстве Бен-Гуриона, потом оцепенение, и, наконец, признание того, что в какой-то момент Бен-Гурион оторвался от своего лагеря и теперь несется где-то впереди. Так родилось преклонение перед силой его характера, перед его способностью к самообразованию и самовоспитанию, способностью готовить себя к новым обязанностям и новому положению.

Весной 1922 года Бен-Гурион привез, наконец, жену и детей из Плонска в Иерусалим. Хотя он никогда не говорил и не писал об этом, кажется, что он хотел, насколько возможно, освободиться от повседневных забот о жене и детях. От взволнованных любовных излияний в прежних письмах к Поле не осталось и следа. В холодных, сухих и лаконичных дневниковых строчках, посвященных описанию встречи с семьей на железнодорожном вокзале в Лоде (5 апреля 1922 года), мало признаков эмоций.

Не стоит по этому поводу торопиться с выводом, что Бен-Гурион не был хорошим отцом и мужем. Но нет сомнения в том, что он почти не уделял семье времени. Воспитание детей и домашние заботы он целиком возложил на Полю. Сам Бен-Гурион не только день и ночь занимался делами Гистадрута, но еще

и продолжал ездить за границу на конгрессы и конференции по поручению Гистадрута и рабочего движения. "Мы выросли в доме, где отца как будто не было", — сказала однажды его дочь Геула.

Даже когда Бен-Гурион был дома, у него почти не было времени на домашние дела, тем более на то, чтобы хоть немного развлечь Полю, привыкшую в Америке к разнообразной, веселой жизни.

Бен-Гурион носился из Тель-Авива в Тверию, из Иерусалима в Хайфу, занимаясь делами рабочих, прокладывавших дороги, осушавших болота и копавших канавы на службе у мандатных властей; он тащился с заседания на заседание, приходил на помощь, когда где-нибудь "горело", заботился об участниках тяжелых забастовок, выступал с длинными речами на рабочих собраниях, препирался с мелкими служащими мандатной администрации.

Во всем ощущалась нехватка. В отдельных поселениях рабочие получали такую низкую зарплату, что не могли даже прокормить себя; трудящиеся на прокладке дорог жили по-нищенски — носили лохмотья, прохудившиеся башмаки, а подчас и вовсе ходили босиком, спали прямо на земле, а тот, кому удавалось раздобыть доску для "кровати", считался счастливым. Не раз вожаки рабочих приходили в отчаяние, видя, что не к кому обратиться за помощью. Какое-то время Бен-Гурион возлагал надежды на финансовую помощь еврейских рабочих Америки. Он отправил им чрезвычайное послание, где подробно сообщал о деятельности Гистадрута и предлагал направить в Эрец-Исраэль представителей рабочих из Америки. "Я считаю сотрудничество с рабочим движением в Америке более важным делом, чем такая дипломатическая победа, как Декларация Бальфура".

Но главные его усилия, главные помыслы и надежды сконцентрировались на другом направлении — строительстве нового еврейского общества.

В то время Бен-Гурион почти не отделял своей "социалистической" концепции от коммунизма советского образца. В 1919 году он со всем пылом утверждал, что "верит в диктатуру пролетариата", что его программа — "диктатура еврейского рабочего во всех национальных делах еврейского народа", что он "большевик".

Итак, Бен-Гурион был "большевиком", но с оговоркой. Национально-сионистские идеи были для него намного важнее идей коммунистических, и всякий раз, когда приходилось выбирать между сионизмом и коммунизмом, он ни минуты не колебался.

Тоталитарный характер советского режима и диктатура, которую Москва пыталась навязать международному социалистическому движению, тоже отталкивали его.

И все-таки Бен-Гурион заглядывался на Коммунистический Интернационал. И при всей критике в адрес Москвы он был тогда одним из наиболее рьяных сторонников советской революции. 1919—1923 годы были "красным" периодом в идеологическом развитии молодого Бен-Гуриона. Можно даже назвать эти годы "советским" периодом его жизни. Вернувшись в Эрец после кровавых событий 1921 года, Бен-Гурион привез с собой революционную идею превращения своей партии Ахдут ха-авода во всепалестинскую коммуну, настолько организованную и дисциплинированную, чтобы она смогла действовать как один человек и захватить господствующее положение в Гистадруте. Эта экстремистская программа была отвергнута центром Ахдут ха-авода и наш разочарованный революционер ушел со всех постов, занимаемых им в правлении партии.

В те годы Бен-Гурион потерпел немало поражений и частенько оказывался в меньшинстве. Главной причиной этого была его экстремистская воинственная позиция. Во многих политических и идеологических вопросах Бен-Гурион был левее основного течения, не раз выступал против мнений, высказы-

вавшихся Кацнельсоном, Бен-Цви, Ремезом и другими его товарищами.

В начале двадцатых годов Бен-Гурион носился с новой революционной идеей: преобразовать Гистадрут в "Общество рабочих" — коммуны уравнительного типа для всех рабочих Эрец-Исраэль. Эта коммуна, куда на началах военной дисциплины войдут все сельские и городские кооперативные хозяйства, должна была взять на себя снабжение продовольствием и необходимыми товарами, а также руководство всеми общественными работами в Палестине.

Бен-Гурион утверждал, что задача Гистадрута как всеобщей конфедерации трудящихся — это организация и руководство работой и распределением продуктов труда среди труженников города и деревни.

Имущество всех сельскохозяйственных и городских производственных и потребительских кооперативов надлежало передать в полное распоряжение Всеобщей конфедерации трудящихся.

Все работники правительственных учреждений, Всемирной сионистской организации, национальных компартий, а также обладатели частной собственности должны быть членами Всеобщей конфедерации трудящихся, а их зарплата — вноситься в кассу Гистадрута.

Все потребности трудящихся (продукты питания, одежда, жилье, культурные нужды, здравоохранение, воспитание детей и т. д.) должны удовлетворяться через Гистадрут и за счет его бюджета.

Таким образом, учреждалась дисциплинированная рабочая армия, где труд и распределение продуктов труда между членами строго регламентировано.

Предложение Бен-Гуриона вызвало резкую критику, и перед лицом обвинений в большевистском уклоне и догматизме Бен-Гурион был вынужден отступить. Он разработал новый проект, из которого были исключены понятия "рабочей армии" и "коммуны на началах военной дисциплины". Но и этот план был отвергнут частью руководителей Гистадру-

та. Наконец Бен-Гурион представил на рассмотрение Гистадрута третью программу, гораздо более умеренную и осторожную.

Бен-Гурион требовал создать юридический орган под названием "Общество трудящихся", в состав которого автоматически входили бы все члены Гистадрута. "Обществу трудящихся" должны быть подчинены все финансовые и кооперативные службы Гистадрута, оно должно руководить ими, "направлять их деятельность на удовлетворение всех потребностей трудящихся".

Это новое предложение в корне отличалось от прежних. Из него исчез привкус "большевизма"; всеобщая коммуна, военная дисциплина, почти неограниченная централизованная власть руководства Гистадрута над массами людей — от всего этого не осталось и следа. На основе этого предложения было создано "Общество трудящихся" при Гистадруте, которое развивалось как прагматическая и открытая организация, далекая от того устрашающего авторитарного аппарата, который возник в воображении Бен-Гуриона; общество это существует и поныне и справедливо гордится своими гигантскими достижениями. А история всех метаморфоз этой идеи показывает, какое огромное влияние оказала на нашего героя советская революция.

Сложное отношение Бен-Гуриона к Советскому Союзу нашло свое полное выражение в период его пребывания в Москве, куда он отправился в конце лета 1923 года в качестве представителя рабочих Палестины на Международной сельскохозяйственной выставке, которая проходила в советской столице со всевозможной торжественностью.

Из писем и дневника Бен-Гуриона можно многое узнать о той буре оглушительных, порой противоречивых чувств, которая бушевала в его душе во время визита в Советский Союз.

С самого первого момента, когда корабль его бросил якорь в Одесском порту, Бен-Гурион был

подавлен зрелищем бедности, страданий, голода и разрухи, которое открывалось на каждом шагу.

И однако похоже, что во все время своего пребывания в России, за всеми событиями и разговорами пытался Бен-Гурион разглядеть, способна ли советская действительность дать ответ на вопросы, стоящие перед сионистским движением в Эрец-Исраэль.

Палестинский павильон на выставке пользовался большим успехом. Толпы посетителей — русских и евреев — были в восторге от его экспонатов.

Ликующий Бен-Гурион вынашивал грандиозные планы укрепления связей с Россией. Он планировал создание торговой Российско-Палестинской комиссии, открытие в Москве отделения Банка ха-поалим и организацию специального агентства для всестороннего освещения деятельности евреев в Эрец-Исраэль.

Он не игнорировал отрицательного отношения Советской России к сионизму. Однако он не отчаивался и решил сделать все, что в его силах, чтобы добиться правильного понимания сионизма в Советском Союзе, полагая, что коммунистический режим является наилучшей гарантией безопасности евреев.

Только оставшись один, уже далеко от Москвы, на палубе корабля, направляющегося в Эрец-Исраэль, он записал в дневнике прочувствованное, проникнутое бурным пафосом истинное свое мнение о Советском Союзе. "Нам открылась Россия. Россия, основанная в пламени восстания и поклоняющаяся революции. Страна глубочайших контрастов и противоречий; страна, призывающая ко всемирной гражданской войне во имя господства пролетариата и лишаящая своих трудящихся всех прав — человеческих, гражданских и классовых; страна, декларирующая коммунизм и отмену частной собственности и разделяющая землю между частными крестьянскими хозяйствами... страна ослепительного света и непроницаемой тьмы, возвышенных стремлений к свободе и справедливости — и безобразной, убогой

действительности, страна революции и спекуляции, святых страданий и грязной коррупции, мятежа и взяточничества, идеалов и наживы, ломки основных ценностей — и векового деспотизма, обожествления труда — и золотых тельцов, где свет и тень неразрывно переплетаются друг с другом, так что не знаешь, где кончается святость и где открываются врата зла”.

Строки, полные почти безоговорочного поклонения, посвящает Бен-Гурион Ленину: ”Человек, всецело преданный революции... человек железной решимости, который не остановится и перед невинной кровью ради революции, ... который не побоится отрицать сегодня то, что проповедовал вчера и проповедовать завтра то, что отрицал сегодня, ... который не даст опутать свою мысль паутиной фраз...”

Пожалуй, такая восторженная характеристика Ленина показывает, что в сердце Бен-Гуриона кипит страстное стремление стать похожим на него, учиться у него.

Изменение позиции Бен-Гуриона по отношению к Советскому Союзу и коммунистическому мировоззрению происходило постепенно. В 1923—1924 годах стала потихоньку разрушаться вера Бен-Гуриона в коммунистические лозунги и системы. Он разочаровался в ”рабочем полку”, который оказал неповиновение Гистадруту, соскользнув к коммунизму и отрекшись от сионизма... Бен-Гурион отошел от идеи ”киббуцной коммуны”, а также от мыслей об автаркии и автономном снабжении рабочего хозяйства, бывших в свое время краеугольным камнем плана ”общества трудящихся”.

Волна Третьей алии, носившей ярко выраженный социалистический, халуцианский характер, замерла на исходе 1923 года. Весной 1924 года Эрец залила волна Четвертой алии, источником которой была, в основном, Польша.

В начале этого года правящий польский режим

установил тяжелые экономические ограничения для евреев, и люди, лишившиеся большей части своего имущества и заработков, стали массами стекаться к пропускным пунктам на границе. США закрыли свои ворота перед потоками свободной эмиграции. Толпы евреев оказались на кораблях, направлявшихся в Палестину. Большинство этих людей принадлежало к среднему классу: мелкие торговцы, лавочники, маклеры, ремесленники, портные. Они были совершенно не обучены сельскохозяйственному труду и ни физически, ни духовно не были готовы к трудностям халуцианской жизни.

В общей сложности, за 1924—1927 годы в Эрец прибыло около 65 000 олим (иммигрантов), однако лишь небольшую их часть составляли энтузиасты-халуцим, готовые к тяжелому физическому труду.

Бен-Гурион и его товарищи уже априори относились к буржуазной алии с большим подозрением. Эрец-Исраэль звала на помощь халуцим, а их не было.

”Хозяйчики” же прибывали массами. Множество их осело в Тель-Авиве и в других городах. С помощью привезенных с собой капиталов пытались они создать в Эрец экономический режим, подобный тому, что оставили за морем, в городах и местечках Польши. Они открывали фабрички, магазинчики, ремесленные мастерские и начинали заниматься спекуляцией земельными участками. Изменился облик Тель-Авива и других городов Эрец-Исраэль. Как грибы после дождя, росли новые, беспорядочно застроенные улицы и кварталы; насаждались цитрусовые плантации и тут же начинали переходить из рук в руки, причем цены на них непрерывно вздувались; мелкие лавочки, столь характерные для еврейских кварталов польских городов, добрались, наконец, и до Ближнего Востока. На улицах замелькали галстуки, костюмы и мягкие шляпы. Дамочки, демонстрировавшие последний крик варшавской или лодзинской моды, появились на тротуарах и в кафе. Устремившиеся в Палестину капиталы, свободная инициатива и пред-

принимательский размах привели на первых порах к экономическому буму и улучшению положения в хозяйстве.

Впервые возникла в Эрец-Исраэль мелкая буржуазия, активная, энергичная, бросающаяся в глаза. Она с неизбежностью вступила в конфликт с рабочим классом. "Поглядите, — заявляли олим, принадлежавшие к среднему классу, — мы тоже способны развить Эрец-Исраэль и осуществить цели сионизма, и вовсе не обязательны для этого поселенчество, рабочие коммуны и классовая борьба".

Рост этой новой политической силы был с удовлетворением встречен значительной частью руководства всемирного сионистского движения, которое само было по характеру буржуазным и подозрительно относилось к рабочему движению в Эрец.

Палестинское рабочее движение боролось за свое существование. Средний класс в Эрец и за границей начал генеральное наступление на рабочие партии, которые столько лет заявляли о своем монопольном праве определять пути созидания и развития Эрец-Исраэль. Одним из первых атаковал рабочее движение Жаботинский. За ним потянулись сионистские федерации и объединения в Европе, в Америке и в самой Палестине. Они резко критиковали экономические просчеты рабочего движения; доказывали, что многие новые поселения нежизнеспособны и указывали на кризисы предприятий Гистадрута.

14 и 15 Сионистские конгрессы постановили, что городские поселения следует предпочитать сельским, а состоятельных иммигрантов — необеспеченным халуцим; было решено, что экономика Эрец-Исраэль должна основываться на частном предпринимательстве.

Бен-Гурион заявлял: "Мы боролись и будем продолжать бороться с теми, кто сеет представление, будто осуществить цели сионизма можно лишь с помощью акционерных обществ, приносящих прибыль, ибо "солидное предприятие" можно создать и приве-

зя в эту нищую маленькую страну массу оторванных от нее людей; осушив болотистые земли ценой затрат, которые не учесть в бухгалтерском балансе; превратив пески и скалы в возделанные поля; насадив единый язык и единую культуру среди народа, лишенного своего языка и живущего в смеси разных культур. Если есть на свете смехотворная утопия, не имеющая ни основания, ни очарования, так это то пустейшее представление, будто сила наживы и погоня за прибылями способны осуществить такое гигантское неэкономическое предприятие — собрать рассеянный по свету народ, отвыкший от физического труда, и укоренить его на заброшенной и опустелой земле”.

Пессимистические предсказания Бен-Гуриона не замедлили оправдаться. После двух лет бума в Палестине разразился тяжелый экономический кризис, от которого пострадали в первую очередь иммигранты Четвертой алии. В 1926 году прекратилось строительство, лопнули многие частные компании и в Эрец настала жестокая безработица.

В 1927 году количество покидавших страну в два раза превышало число иммигрантов. ”Средний класс пришел — и проиграл, — писал Бен-Гурион, — он должен был проиграть, ибо не знал запасного варианта и не был подготовлен к перемене ценностей, с которой связано осуществление сионизма и строительство Эрец. Он хотел и здесь идти по пути наживы, характерному для евреев диаспоры, и не понял, что Эрец-Исраэль — это не Польша”.

Из случившегося следовало сделать политический вывод, однако Бен-Гурион убедился, что лидеры сионистского движения ”провозглашают идею сионизма, но далеки от ее осуществления, да и не желают никакого дела, кроме раздачи денежных подачек, не понимая, что одними деньгами не построить обновленной страны, не создать обновленного государства”.

В этих обстоятельствах Бен-Гурион вынашивал

смелую идею: произвести переворот во всемирном сионистском движении и, завоевав в нем власть, повернуть его на рельсы халуцианского действия. Для этого рабочим Эрец-Исраэль и их сторонникам следовало, по его замыслу, создать параллельную ВСО сионистскую организацию социалистического толка.

Но можно ли было надеяться на то, что горстке халуцим из Эрец-Исраэль удастся добиться главенствующего положения, привлечь к своему движению сионистскую массу, голосовавшую за "общих сионистов", религиозные партии и прочих? Это был, несомненно, невыполнимый лозунг.

"Секретным оружием" Бен-Гуриона в этой борьбе была его непоколебимая, почти детская вера в правоту и силу сплоченного рабочего движения Эрец.

Деятельность Бен-Гуриона по созданию "Всемирного Гистадрута" можно представить в виде пяти концентрических окружностей, центром которых является сионистское рабочее движение в Эрец.

Первый, самый внутренний круг — это партия Ахдут ха-авода, партия Бен-Гуриона и его верных соратников. Второй, более широкий, круг составляют сионистские рабочие партии. Необходимым условием для выполнения плана Бен-Гуриона было объединение Ха-поэл ха-цаир и Ахдут ха-авода в одну крупную рабочую партию. Вокруг двух политических окружностей находится третья — Гистадрут, бывший наиболее широкой рабочей организацией в Эрец.

Четвертый круг охватывал сионистские рабочие движения, халуцианские организации и молодежные объединения в разных странах. Это был резервуар, из которого вливались в Эрец халуцим, источник политической и финансовой силы Гистадрута.

И, наконец, внешний пятый круг, венчающий план, должна была составить та самая всемирная организация, * параллельная ВСО, которую предстояло создать на платформе социалистического сионизма.

Со стороны его товарищей по партии попытки

Бен-Гуриона добиться объединения со второй по величине рабочей партией не вызвали серьезных возражений; однако руководители Ха-поэл ха-цаир, и особенно Иосеф Шпринцак, были очень сдержанны и осторожны. Немало лет тянулись бесплодные переговоры между двумя партиями. К середине 20-х годов объединение стало казаться почти нереальным.

В двадцатые годы основные усилия Бен-Гуриона были направлены на укрепление Гистадрута. Духовные силы Бен-Гуриона были неистощимы, но физических сил подчас не хватало. Изнурительные скитания по поселениям Палестины и частые поездки в Европу с их напряжением и чудовищной нагрузкой тяжело сказались на его здоровье. Он часто болел. В 1921 году в Лондоне у него случилось заражение крови и он некоторое время находился между жизнью и смертью, или, по его собственным словам, "витал между двух миров". Малярия, уже давно ставшая его спутницей, продолжала посещать его в урочные часы. Не раз болел он во время конгрессов и конференций; пожалуй, и душевное его состояние влияло на здоровье — глубокое волнение часто сопровождалось высокой температурой.

Постепенно этот невысокий, худой, прямо державшийся человек становился известным и популярным у рабочих Палестины. Большую часть времени он проводил среди них, и незаметно все стали признавать его авторитет руководителя. Одевался он по большей части в костюм полувоенного покроя, иногда появлялся в белой или черной косоворотке или в светлом летнем костюме, купленном во время одной из поездок за границу. Галстук он надевал в Эрец очень редко. Зимой он носил короткое кожаное пальто с поясом, а иногда черные сапоги с брюками-галифе. За двадцатые годы он облысел и к концу этого десятилетия его серебряные волосы уже трепетали на висках, точно два крыла — и всем известный образ Бен-Гуриона приобрел законченность.

В эти годы дневник становится неотъемлемой частью его текущих дел. Туда он вносил длинные, подробные и точные описания того, что с ним происходило. События одного-единственного дня могли заполнить множество страниц в дневнике секретаря Гистадрута. Не всегда Бен-Гурион записывал все, что случалось с ним, большая часть записей заранее предназначалась для печати или для чтения товарищам. Много лет спустя сидел однажды молодой Игал Аллон и дивился прилежанию старца, склонившегося над дневником и серьезно записывающего все его слова. Аллон не удержался и спросил: "Бен-Гурион, вы так много записываете, вы это все прочтете?" "Другие прочтут", — ответил Бен-Гурион.

В дневнике отразилась склонность Бен-Гуриона к крайней аккуратности, к фиксации мельчайших подробностей. Десятки и сотни страниц посвящены педантичному копированию документов, писем, таблиц, списков, диаграмм, иллюстрирующих число иммигрантов, расслоение населения Палестины, состав ишува, производимую им продукцию и т. п. Иногда за долгие часы, посвященные писанию дневника, происходило какое-нибудь семейное событие, которое Бен-Гурион считал нужным занести в дневник. И вот между двумя сухими таблицами с данными из переписи населения вдруг притаится какое-нибудь забавное замечание личного характера или запись о болезни кого-нибудь из детей с указанием температуры (разумеется, абсолютно точным) или "перл" одного из маленьких доморожденных гениев.

Мелочи повседневной жизни он описывал в дневнике с той же серьезностью, с какой писал о событиях, потрясших мир.

Однако были в дневнике и записи, не предназначенные для публикации. В них выражал он свои чувства, переживания, бурные эмоции. Подчас писал он стихи, описывал природу, фиксировал зреющие в нем замыслы, поразившие его цитаты из книг. Все это он хранил для себя.

Две противоречивых черты выявлялись и усиливались тогда в характере Бен-Гуриона. С одной стороны, теплота и дружелюбие, с другой — суровость и резкость в выражениях. Тот же самый человек, который способен был расплакаться на собрании, посвященном памяти Герцля, мог обрушиться на товарищей или противников с жестокими, оскорбительными словами.

Когда "буржуазные" круги выступили с нападками на работников Гистадрута, Бен-Гурион в ответных речах обзывал их "паразитами-частниками", "бессильными ничтожествами", "духовными импотентами", утверждал, что они "отравляют воздух своими мерзостями и заражают общественное мнение", а членов коммунистической партии Палестины титуловал "подонками".

Бен-Гурион был человек крутой, властолюбивый и работников Гистадрута он, можно сказать, подмял под себя. Впрочем, он вел дела в духе товарищества и полного доверия, но не слишком поощрял свободную инициативу.

И несмотря на все трудности и нужду, несмотря на болезненные личные отношения, Гистадрут набирал силу, креп год от года.

Гистадрут — это "нечто вроде рабочего государства", — сказал Бен-Гурион в 1923 году.

И постепенно это "рабочее государство" становилось плотью и кровью. Вслед за "Машбиром", "Солел-Бонэ", Банком ха-поалим возникло "Общество трудящихся". В июне 1925 года вышел первый номер рабочей газеты "Давар" ("Речь"). В 1926 году была создана спортивная организация "Ха-поэл" ("Рабочий"). В том же году возникли также товарищество "Тнува" ("Урожай") по сбыту сельскохозяйственных продуктов и "гарантийная касса" — или, выражаясь современным языком, страховое общество, — под названием "Хаснэ".

Шаг за шагом проникал Гистадрут во все сферы жизни. Члены Гистадрута выращивают продукты

питания в собственных поселениях, сбывают свою продукцию сообща посредством собственного товарищества по сбыту, вкладывают заработки в собственные банки, ходят к собственным врачам, организуют собственные школы. ”Гистадрут, — отмечал один посетивший Палестину писатель, — ...со своими банками, больничной кассой, сетью школ, транспортных кооперативов, киббуцов, мошавов, контор по трудоустройству, театром пустил побеги по всей стране, от Иордана до Средиземного моря... В сущности, Гистадрут нуждается в буржуазном сионистском движении лишь в одной области и для одной цели — это деньги для подведения баланса”.

Бен-Гурион, всецело поглощенный делами Гистадрута, не мог активно вмешиваться в жизнь семьи, оставшейся далеко в Плонске. Письма к отцу стали редкими, беспорядочными. В отношении переезда отца и остальных родных (за исключением овдовевшей сестры Ципоры с детьми) в Эрец, он продолжал, под разными предлогами уходить от ответа. Отчаявшийся отец умолял сына перевезти его с семьей в Эрец, но Бен-Гурион долго не соглашался.

Все же в июле 1925 года Авиغدор Грин прибыл в Эрец, поселился в Хайфе и долгие годы работал там бухгалтером.

Кажется, полжизни провел Бен-Гурион в поездках. Большую часть времени был он один, замкнут в себе, погружен в одиночество, ставшее его постоянным спутником. Одинокими вечерами в дешевом заграничном отеле или в меблированной комнате сидел он, бывало, запершись, и писал или долгие часы предавался мыслям об избранном пути, меряя шагами комнату от стены к стене. Собираясь приехать куда-нибудь, он просил товарищей снять ему ”комнату недорогую, но достаточно просторную, чтоб можно было по ней расхаживать и чтоб в ней был письменный стол”.

Большинство путешествий Бен-Гуриона было сознательно или бессознательно посвящено созданию

”четвертого круга” его программной схемы, то есть укреплению и формированию еврейских и международных сил, поддерживающих рабочее движение Эрец-Исраэль.

В те годы он участвовал во многих международных рабочих конференциях. Однако главной целью его поездки были встречи с руководством сионистских социалистических организаций, сочувствовавших рабочему движению в Эрец. Настойчиво и неустанно ездил он с одной конференции на другую, встречался с ”центральными комитетами” и ”исполнительными ячейками”, давал интервью провинциальным еврейским газетам, выступал на собраниях, разрешал мизерные проблемы какого-нибудь Богом забытого партийного отделения, гневно полемизировал с противниками, председательствовал на скучнейших заседаниях, боролся за лишние полпроцента голосов для одной фракции или за еще одного представителя — для другой, рассылал сотни спешных писем третьестепенным политикам, призывал к порядку разгорячившихся товарищей, испытывал огорчения и разочарования без конца.

К концу десятилетия Гистадрут занял сильнейшие позиции среди рабочих Эрец, его авторитет стал почти непререкаемым. Даже в тяжелейшие годы экономического кризиса, когда безработица распространилась по всей Палестине, не иссякла вера рабочих в своих руководителей. Твердый тон, уверенность в себе слышатся в статьях и письмах Бен-Гуриона конца 20-х годов.

Теперь Бен-Гурион мог перейти к следующему этапу в осуществлении своей программы — к ”пятому кругу”. Он чувствовал, что его лагерь достаточно силен, чтобы создать ту всемирную официальную организацию, которая явится противовесом Сионистскому конгрессу. Однако предварительным условием для этого было объединение рабочих партий Эрец. Ахдут ха-авода и Ха-поэл ха-цаир.

Палестинская действительность толкала обе пар-

тии в объятия друг друга. "Буржуазное наступление" на Гистадрут, предпринятое в середине двадцатых годов, усилило необходимость объединения. Руководитель партии Ха-поэл ха-цаир Иосеф Шпринцак продолжал упираться. Однако стремления рядовых членов партии перевесили. В октябре 1927 года было решено организовать товарищеское обсуждение этого вопроса на совете Гистадрута. В течение недели или десяти дней между руководителями двух партий, тщетно пытавшимися согласовать платформу объединения, непрерывно шла война на истощение. Наконец переговоры зашли в тупик. Бен-Гурион не мог больше этого выносить. Он ушел с заседания и отправился ночевать домой (на улицу Пинскера в Тель-Авиве) разочарованный и огорченный.

Неожиданно где-то около пяти часов утра жители улицы Пинскера были разбужены криками и песнями. Стихийная демонстрация, во главе которой шли Шпринцак, Арлозоров и другие руководители, затопили улицу и остановилась у дома Бен-Гуриона. Иосеф Шпринцак поднялся в его квартиру, разбудил Бен-Гуриона и стал взволнованно рассказывать ему, как после продолжительных ночных дебатов, удалось согласовать объединительную платформу. Счастливый Бен-Гурион соскочил с постели и они со Шпринцаком, держась за руки, вышли на балкончик. Собравшаяся толпа приветствовала их радостными возгласами, а Арлозоров и еще несколько человек образовали прямо посреди улицы круг, и понеслась стремительная хора. Объединение совершилось.

В мае 1929 года объединительная платформа была окончательно сформулирована. В июле она была одобрена плебисцитами обеих партий.

В январе 1930 года состоялась объединительная конференция, на которой была основана Рабочая партия Эрец-Исраэль (Мапай).

Однако этой конференции суждено было столкнуться с грозными событиями.

Перед восходом солнца 23 августа 1929 года толпа арабов устремились в Иерусалим. Они были вооружены дубинками, кинжалами, короткими саблями; то тут, то там кто-нибудь выхватывал допотопный пистолет или турецкое ружье. Массами стекались они на площадь перед мечетью Омара и прилегающие улицы. От ворот мечети послышался пронзительный голос Хаджи Амина аль-Хуссейни, иерусалимского муфтия и председателя Высшего арабского совета. С виду речи его были умеренными, но наэлектризованная толпа все более расходилась, грозный, все более усиливающийся гул исходил от нее. Около полудня мощной волной хлынули арабские толпы на улицы с криками "Режь евреев!" Тщетно пытались 16 английских полицейских, располагавшихся у городских ворот, отеснить этот людской вал, смывающий все на своем пути. Толпа набросилась на прохожих-евреев и растерзала их дубинками и ножами. Начались грабежи и поджоги еврейских магазинов. Лишь часа через два после начала беспорядков арабские погромщики были остановлены на подступах к еврейским кварталам Иемин-Моше и Меа-Шеарим. В тот же день и на завтра арабские толпы обрушились на еврейские предместья Иерусалима. Арабы пытались перерезать шоссе, ведущее из Иерусалима в Тель-Авив. Погромщики бесчинствовали в районе Рамат-Рахел (к югу от Старого города), разрушали дома в квартале Талпиот, резали, избивали, насиловали.

Беспорядки распространялись со скоростью лесного пожара по всей стране. И ведь эта кровавая бойня не была неожиданностью.

Обстановка накалялась уже более года. 24 сентября 1928 года британская полиция совершила акт произвола против евреев. В разгар молитв в Судный День у Стены Плача* полицейские убрали перегород-

* Стена Плача -- Западная Стена, часть уцелевшей после разрушения Второго храма подпорной стены вокруг Храмовой горы в Иерусалиме.

ку, поставленную евреями на площади у Стены Плача и отделявшую молящихся мужчин от женщин. Губернатор Иерусалима отдал приказ убрать перегородку, в которой увидел "нарушение статус-кво" в религиозных делах. Этот инцидент усилил среди экстремистской части арабских лидеров уверенность в том, что англичане встанут на их сторону, если между ними и евреями разразится "религиозный конфликт".

Летом 1929 года страсти снова разгорелись. Первого августа было совершено нападение на евреев, молившихся у Стены Плача; 15-го августа, в день Девятого ава* молодежь, принадлежавшая к ревизионистской партии, организовала демонстрацию у Стены Плача; на следующий день арабы устроили массовую демонстрацию протеста, сжигали еврейские молитвенники и записочки с пожеланиями, которые засовывали евреи между камнями Стены Плача. В субботу был убит еврейский юноша, который играя в футбол, случайно забросил мяч в арабский двор.

Волна жутких слухов прокатилась по арабским кварталам, разжигая чувства правоверных. Говорили, будто евреи собираются заново отстроить Иерусалимский Храм. Они, дескать, стремятся завладеть Иерусалимом, разрушить и сжечь мечеть ал-Акса** и прилегающие к ней строения, а на развалинах воздвигнуть свой храм. Снова раздались призывы к джихаду — священной войне против неверных. Арабов из всех городов и сел призывали собраться в ближайшую пятницу в Иерусалиме и выступить в поддержку муфтия и в защиту ислама.

И хотя напряженность росла вроде бы на религиозной почве, однако призыв к джихаду имел по-

* Девятое ава (Тиша бе-ав) — день траура и поста в память о разрушении Первого и Второго храмов в Иерусалиме.

** Мечеть ал-Акса расположена на Храмовой горе.

литическую подоплеку — за ним стоял страх перед растущей силой евреев, перед их укоренением в Эрец.

В 1928 году Хаим Вейцман начал организовывать "Расширенное еврейское агентство", состоявшее наполовину из сионистов, наполовину из несионистов. Цели этой организации были совершенно ясны — мобилизация новых источников капитала, увеличение алии, покупка земельных участков и расширение еврейского поселенчества. Арабским лидерам Еврейское Агентство представлялось чем-то вроде "Сионистского правительства", решившего оттеснить их из Палестины. Постановление о создании Еврейского Агентства было принято на 16 Сионистском конгрессе, состоявшемся в начале августа 1929 года в Цюрихе. Напряженно следили за дебатами и решениями конгресса арабские лидеры. Постановление о создании Еврейского Агентства вызвало у них сильную озабоченность. И когда грозное слово "джихад" стало повторяться в переулках Старого Иерусалима, оно приобрело двойной смысл — религиозный и политический одновременно.

Волна бесчинств, разразившихся 23 августа в Иерусалиме, носила беспрецедентный по разгулу жестокости характер. В субботу 24 августа арабские банды набросились на Моцу, Хартув и Кфар-Урия. Чудовищная резня разразилась в Хевроне, где было зверски убито 59 беззащитных евреев.

Беспорядки распространились на Прибрежную равнину, Изреельскую долину и Галилею. Из многих поселений евреи были эвакуированы британскими властями и только благодаря этому спаслись. В Иерусалиме, Тель-Авиве, Хайфе и ряде других мест бойцам еврейской обороны удалось остановить погромщиков и нанести им ощутимый урон.

Через несколько дней в действие была введена британская армия и волна бесчинств начала спадать.

Когда страсти немного улеглись, англичане стали подсчитывать число жертв. Согласно официальным данным, в Палестине было убито 133 еврея и 339 ра-

нено; 104 араба были убиты английскими войсками и шестеро погибли при нападении на евреев в районе Тель-Авива.

Печальными были последствия беспорядков в политическом плане. Британская империя, испугавшись за свое присутствие на Ближнем Востоке, безнадежно искала решение, которое умиротворило бы разбушевавшихся арабов. Лейбористское правительство Рамзи Макдональда поспешило направить в Палестину "объективную" комиссию по расследованию, в то время, как в Лондоне антисионистски настроенный министр колоний лорд Пасфилд уже разрабатывал серию антиеврейских мер.

1930 год был горьким годом для сионистского движения. В марте был опубликован отчет британской комиссии по расследованию во главе с судьей Шоу; это была настоящая катастрофа.

Комиссия по расследованию вынесла суровый приговор всей политике еврейского национального очага в Палестине. В рекомендациях комиссии указывалось, что следует урезать программу создания национального очага для евреев и ограничить алию; комиссия заняла также критическую позицию в вопросе о продаже евреям земельных участков.

В Палестину был послан сэр Джон Хоп-Симпсон, специалист по проблемам переселения (звание специалиста в этих делах он приобрел, занимаясь в Турции обменом турецкого населения на греческое) и близкий друг министра колоний лорда Пасфилда. На Хоп-Симпсона была возложена обязанность сформулировать практические рекомендации для представления правительству Великобритании.

Руководители сионистского движения не сомневались в направлении и духе этих "рекомендаций". Когда главы еврейских организаций собрались в Лондоне в июне 1930 года, им было ясно, что существующий кризис представляет серьезную угрозу дальнейшему развитию сионизма.

20 октября 1930 года Хоп-Симпсон представил свой отчет, а через несколько дней лорд Пасфилд опубликовал "Белую книгу" о будущей политике Англии на Ближнем Востоке. Это был сильнейший удар. "Белая книга" накладывала тяжелые ограничения на алию и приобретение евреями земель в соответствии с "сельскохозяйственными и экономическими возможностями страны". Под предлогом соблюдения "равновесия" между евреями и арабами британское правительство отреклось от дальнейшего строительства еврейского национального очага.

Тревога и гнев охватили еврейский мир. Вейцман подал в отставку с поста председателя Еврейского Агентства, мировое еврейство пришло в волнение и лейбористское правительство, оказавшись под перекрестным огнем, растерялось и не знало, в какую сторону кидаться. В момент опубликования "Белой книги" Бен-Гурион был в Эрец. В ярости и отчаянии он потерял чувство меры и на заседании совета партии Мапай гневно призывал к восстанию против Англии.

"Англия сильна, — говорил Бен-Гурион. — Это самая огромная из мировых империй, но чтобы сокрушить самые громадные скалы бывает порой достаточно мельчайшей песчинки, которая таит в себе гигантские силы. Эти силы таятся и в нас. Если злодейская империя сковывает рвущуюся из нас творческую энергию, то эта энергия станет энергией взрыва и сметет кровавую британскую империю".

Бурная речь Бен-Гуриона восстановила против него большинство товарищей по партии. Они тоже были потрясены и оглушены "Белой книгой", но апокалиптические пророчества секретаря Гистадрута потрясли их не меньше. Один за другим обрушивались они на него с резкой критикой. Беспощадно критиковали его выступление Хаим Арлозоров, Иосеф Аронович, Моше Черток и другие.

Под этим критическим натиском Бен-Гурион вынужден был отступить и определить призыв к "вос-

станции” не как оперативное предложение, а как план возможных действий на отдаленное будущее, когда будут исчерпаны все другие средства.

Успокоившись, Бен-Гурион и сам отказался от идеи ”восстания”. Однако он стал развивать новую социалистическую теорию. ”Все наши великие достижения были плодами ”кризисов”, — заявил он в речи, произнесенной в декабре. ”Не говоря уже о самой алии в Эрец-Исраэль, явившейся результатом исторического кризиса народа в диаспоре, ведь и создание современной экономической структуры Эрец тоже было плодом ”кризиса” — трудностей, связанных с включением еврейского рабочего в частное хозяйство, основанное, по существу, на чужом, арабском труде; создание Ха-шомера — плод критического положения в безопасности и нападений арабов; Тель-Хай — плод кризиса заключительного этапа Первой мировой войны. Развитие Тель-Авива — плод беспорядков 1921 года. ”Рабочие дома” и поселки вокруг старых поселений и возвращение в деревни — результат нехватки работы в городах. Теперешний новый кризис должен повысить готовность народа и привести в ближайшее время к резкому увеличению ишува”.

Эти слова были сказаны не случайно. Бен-Гурион по собственному опыту знал, что одна из его величайших надежд осуществилась на фоне тяжелого кризиса, поразившего сионистское движение. Именно в тот горький год Бен-Гурион принял решительный шаг для выполнения своего грандиозного плана — создания всемирной социалистической сионистской организации, которая сменит существующую.

На исходе августа 1930 года было принято окончательное решение: конгресс в поддержку тружеников Эрец-Исраэль должен состояться в течение следующего месяца в Берлине.

Конгресс открылся 27 сентября 1930 года. Зал был полон до отказа. 196 делегатов из девятнадцати стран

представляли социалистические сионистские партии и организации всего мира.

Бен-Гурион открыл заседание словами: "Мы собрались сегодня на этот конгресс не из-за кризиса, а вопреки ему".

Он перечислил новые идеалы сионизма: еврейское государство, общество трудящихся, еврейско-арабское сотрудничество — вот три взаимосвязанных задачи, стоящие перед еврейским рабочим в его стране.

В конце своей работы конгресс принял предложение основать "Всемирную лигу в поддержку трудящихся Эрец-Исраэль", цель которой "довести до еврейских масс правду о рабочих Эрец-Исраэль и об Эрец-Исраэль в целом". Участники единогласно приняли решение собрать в следующем году не менее 36 000 фунтов стерлингов в распоряжение Гистадрута.

Делегаты разошлись после пения "Техзакна"* и "Интернационала". Возбужденный и счастливый Бен-Гурион писал отцу: "Создана всемирная трибуна, с которой еврейский рабочий сможет говорить о своем труде и своей исторической миссии; заложено основание всемирной организации, группирующейся вокруг рабочего движения Эрец-Исраэль".

Мог ли Бен-Гурион предполагать, что Лига скоро погрузится в долгую зимнюю спячку? В течение считанных месяцев он в корне изменил свою политику. Основная цель — завоевание власти в сионистском движении — осталась неизменной. Однако тактику он резко изменил, после того как цепь драматических событий, произошедших в сионистском движении, создала новую реальность и плодородную почву для роста влияния рабочего руководства.

* "Техзакна" (ивр., "Воспрянь") — гимн рабочего движения в Израиле на слова Х. Н. Бялика.

6. ЗАВОЕВАНИЕ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

В середине 1931 года произошли два поворотных события, заставившие Бен-Гуриона изменить ранее намеченные планы.

Первым событием было опубликование в феврале 1931 года послания Макдональда Хаиму Вейцману. Письмо это было плодом решительной борьбы, которую вели против "Белой книги" лидеры находившейся в оппозиции консервативной партии, либеральные деятели, а также видные члены самой лейбористской партии.

Под давлением всех этих сил лорд Пасфилд отказался от некоторых формулировок "Белой книги" и была спешно сформирована совместная комиссия из представителей британского правительства и Еврейского Агентства. 13 февраля комиссия внесла свои предложения, результатом которых и стало личное письмо премьер-министра Рамзи Макдональда доктору Хаиму Вейцману. Это письмо было, по сути, элегантным отказом от политики "Белой книги". Рамзи Макдональд подчеркивал готовность своего правительства действовать в духе мандата, отменял ограничения на иммиграцию, создание новых поселений и покупку земли и заявлял, что количество иммиграционных виз "будет определяться в соответствии с возможностями абсорбции иммигрантов в Палестине", продиктованными четкими экономическими, а не политическими мерками.

К "отказу" от политики "Белой книги" прибавилось через несколько месяцев также назначение в Палестину нового верховного комиссара сэра Артура Уокопа, оказавшегося сторонником идей сионизма. По прошествии некоторого времени письмо Макдо-

нальда стало считаться началом "золотого периода" в строительстве национального очага.

Но Хаим Вейцман, вышедший победителем из этой нелегкой борьбы, не смог насладиться плодами своей победы. Письмо Макдональда, на первый взгляд поправившее положение, не смогло изгладить того потрясения, которое произвел в сионистском движении документ Пасфилда. Горечь и разочарование против предательницы-Англии, распространившиеся в сионистских кругах, задела и того, кто вот уже 14 лет представлял в роли ее защитника и адвоката, отца политики сотрудничества между сионистами и британской короной. Разочарование в Англии породило и разочарование в Вейцмане, в его руководстве.

Незадолго до 17 Сионистского конгресса, собравшегося в Базеле в июле 1931 года, в сионистском движении разразился острый кризис руководства. Нетерпеливые люди, прикидывающие соотношение сил, подсчитали и пришли к выводу, что Хаим Вейцман будет на этом конгрессе в меньшинстве. Похоже было, что ожидается тяжелая борьба за наследование власти.

Сформирование главных лагерей, которым предстояло вступить в эту борьбу, было вторым решающим событием, которое произошло в канун открытия конгресса. В ослабевшем лагере общих сионистов, составлявшем доселе внушительное большинство (и поддерживавшем Вейцмана), произошел кризис, и влияние его уменьшилось. При выборе делегатов на 17 конгресс выделились два главных центра: рабочая фракция была самой многочисленной на конгрессе и имела примерно 29 процентов голосов. Фракция ревизионистов, начавшая принимать участие в выборах на конгресс всего шесть лет назад, была уже на третьем месте — с 21 процентом голосов.

Это было серьезное и многозначительное изменение. По существу, в центр арены выдвинулись две радикальные революционные силы, которые с двух сторон ринулись на штурм классического сионизма. Ревизионисты начертали на своем знамени ясный

воодушевляющий лозунг: "Цель сионизма — постепенно превратить Эрец-Исраэль (включая Западный берег Иордана) в самоуправляемый еврейский "коммонвелф" (самостоятельная политическая единица), являющийся постоянным прибежищем для большинства евреев. Любое другое толкование сионизма, особенно "Белая книга" 1922 года, объявляется недействительным". Следует признать, что это был настоящий, истинно сионистский лозунг. Однако другие сионистские течения, верящие в важность дипломатической деятельности и не желающие преждевременно раздражать арабов, воздерживались от такой декларации; это относилось и к рабочему движению Эрец-Исраэль.

Одним из источников силы ревизионистов была личность Жаботинского. Это был удивительный человек, фигура сильная, притягательная, полная обаяния. Владимир Жаботинский был сполна одарен такими качествами, которые делали из него обожаемого вождя. Блестящий и оригинальный собеседник, одаренный писатель, Жаботинский был знатоком западной культуры, говорил и писал на полудюжине европейских языков.

Жаботинскому вредили его нереалистический, непрактический подход, его неспособность углубляться в политическую ситуацию. Он упрямо отказывался понимать, что англичане не готовы играть предписанную им роль; долгие годы он страстно проповедовал, что следует обязать Англию выполнять мандатные обязательства и более того — потребовать от нее создания в Эрец-Исраэль еврейского государства. Тогда как Англия была в то время охвачена запоздалыми сожалениями о Декларации Бальфура и искала, пусть в колебаниях и явном замешательстве, способы освободиться от основополагающих обязательств, взятых ею на себя в отношении евреев. Между Жаботинским и рабочим движением Эрец возникли разногласия, которые постепенно углублялись. Теперь Жаботинский возлагал все надежды на еврейское государство, ко-

торое англичане навязут арабским жителям Палестины, а рабочие надеялись лишь на практическую работу по строительству Эрец — с помощью англичан или без нее. Эти противоречащие друг другу взгляды на пути осуществления идеалов сионизма переплетались с классовыми противоречиями; Жаботинский постепенно занял открыто враждебную позицию по отношению к лозунгу, гласившему, что "единственной силой, строящей Эрец-Исраэль, являются рабочие". Он все более опирался на среднебуржуазный класс. Во время Четвертой алии именно он возглавил наступление на путь, избранный рабочими Палестины. А когда удостоился прозвища "врага рабочего класса", решил оправдать его. "Если и есть класс, который несет с собой будущее, то это именно мы, буржуазия", — писал он в 1927 году. "Нет, человечество не движется в сторону социализма. Оно поворачивается к нему спиной".

Жаботинский был в большой степени антиподом Давида Бен-Гуриона. В начале тридцатых годов Бен-Гурион был не более, чем один из нескольких лидеров рабочего класса в Эрец. Жаботинский, напротив, был единственным всемогущим и незаменимым вождем своего движения. Те, кто восставали против него в разные периоды, в мгновение ока убеждались, как мизерны их шансы против его колдовского обаяния, его блестящего красноречия, его способности увлечь за собой массы и властно утвердить свое мнение. Еще одно свойство Жаботинского особенно подчеркивало различие между ним и Бен-Гурионом — склонность к драматизации, тяготение к "ударным" лозунгам, театральным эффектам, красочным псевдонимам, к поведению, рассчитанному на зрителя, он как будто стоял всю жизнь на сцене, в ярком свете юпитеров.

Ревизионисты Жаботинского и рабочие Бен-Гуриона — и те и другие сторонники революционных перемен в сионистском движении — впервые вступили в конфронтацию друг с другом на 17 Сионистском конгрессе. Конфликт их пока еще не носил не-

примиримого трагического характера, но в речи, произнесенной на конгрессе, Бен-Гурион уже пользовался любой возможностью, любым аргументом и любой формулировкой, чтобы нанести удар по Жаботинскому и его партии. Бен-Гурион обвинял сторонников Жаботинского в том, что они "воспитывают молодежь в духе расизма и ненависти к трудящимся".

Пожалуй, в этот момент Бен-Гурион, сам того не ведая, начал войну за наследство в руководстве сионистским движением, ибо положение Вейцмана, председательствовавшего на конгрессе, было действительно незавидным и казалось, что падение его не за горами.

Пошатнувшееся положение Вейцмана как председателя конгресса было очевидно и для британского правительства и вызвало у него глубокую озабоченность. Английские лидеры питали к Хаиму Вейцману большое доверие и глубокое уважение и опасались, что после его ухода руководство сионистским движением попадет в руки экстремистски настроенных элементов. За несколько дней до открытия конгресса Хаим Вейцман встретился в здании английского парламента с Рамзи Макдональдом и имел с ним трехчасовую беседу. Британский премьер-министр обещал Вейцману вскоре заменить британского верховного комиссара Палестины и освободить лорда Пасфилда от обязанностей министра колоний. Он не скрыл своей озабоченности по поводу положения Вейцмана и выразил надежду, что тот останется на своем посту. Позднее к беседе присоединился Уинстон Черчилль, заявивший: "Я не верю, что еврейский народ будет настолько глуп, чтоб дать Вейцману уйти".

Но на Сионистском конгрессе была другая атмосфера. В ходе контактов между главами различных фракций выяснилось, что главной опорой Вейцмана явля-

ются представители рабочего движения. Но и эту поддержку предоставляли ему не от чистого сердца.

10 июля 1931 года Вейцман предпринял шаг, который можно назвать отчаянным, пытаясь в последнюю минуту снова завоевать доверие конгресса; для этого он нуждался в Бен-Гурионе, хотя эти два человека и не были близки. Вейцман пригласил к себе Бен-Гуриона и, попросив его соблюдать строжайшую тайну, рассказал ему, что он только что получил письмо от Малкольма Макдональда, сына британского премьера, где намеком сообщалось, что будто бы Рамзи Макдональд готов согласиться на установление в Палестине паритетного арабско-еврейского правления (в принципе "паритета", то есть равного представительства евреев и арабов, было что-то от лозунгов сионизма в противоположность принципу "относительного представительства", который отстаивали арабы и англичане). Вейцман просил Бен-Гуриона секретно вылететь в Лондон и встретиться с премьер-министром Рамзи Макдональдом. Это было дело крайней важности и срочности — Бен-Гурион должен был успеть вернуться и сообщить результаты своей беседы с Макдональдом до закрытия конгресса.

На следующий день Бен-Гурион вылетел в Лондон вместе с секретарем политической секции Правления ВСО, профессором Луисом Нимейером.

Премьер-министр принял их в своей загородной резиденции в Чекерсе и пригласил к завтраку. Между ними началась оживленная беседа о положении в сионистском движении, о дебатах на конгрессе, о письме Вейцману и о политической реальности в Палестине.

Затем, когда участники встречи перешли в кабинет Макдональда, Бен-Гурион поднял вопрос о принципе паритета. Он потребовал установить равенство между евреями и арабами "как в политических, так и в хозяйственных делах". Он отметил, что "наши права на Эрец-Исраэль относятся не только к тем евреям, которые уже поселились в Палестине, но и к еврейскому народу во всем мире".

Макдональд ответил положительно и выразил согласие с тем, чтобы "политика правительства Его величества в Палестине в отношении арабов и евреев определялась принципом паритета", и заявил, что этот принцип "следует толковать в пользу евреев... исконная цель мандата в том и состоит, чтобы давать евреям не то, что есть у арабов Палестины, а более того".

В конце беседы Макдональд подчеркнул, что необходимо сделать все возможное для того, чтобы руководство сионистским движением осталось в руках Вейцмана.

Обратно в Базель Бен-Гурион поехал поездом через Париж. Итак, он привез в Базель важные известия, но было уже поздно. Сионистский конгресс освободил доктора Вейцмана от обязанностей председателя и 118 голосами против 98 избрал председателем ВСО Нахума Соколова. Однако рабочим и их союзникам удалось нанести поражение ревизионистам. Конгресс высказался за ту политическую линию, которую поддерживали рабочие, то есть за продолжение политики Вейцмана.

17-й конгресс имел огромное влияние на судьбы сионистского движения и его дальнейший путь.

И если Жаботинский в глубине сердца лелеял мечту быть избранным в председатели ВСО, то мечта эта разлетелась в прах. Новое Правление ВСО было образовано коалицией всех партий, кроме ревизионистской, и центральное положение в нем заняли рабочие. Жаботинский и его соратники покинули конгресс с горечью в сердце, в них уже бродили мысли о расколе и самостоятельном пути. Более того, сионистское движение осталось, по существу, без руководства. Оно избрало на руководящий пост Нахума Соколова, личность бледную и слабовольную.

Постепенно Бен-Гуриону становилось ясно, что рабочие способны захватить власть в сионистском движении — как ввиду создавшегося вакуума руководства, так и благодаря существенному росту их собственной силы. В том лихорадочном июле рука Бен-

Гуриона впервые легонько прикоснулась к рычагам управления международной организацией. Он впервые ощутил вкус власти над судьбой нации.

Изменение воззрений Бен-Гуриона нашло вскоре поразительно яркое выражение. Сразу после сионистского конгресса Бен-Гурион оставляет план, который вынашивал десять лет, в осуществление которого вложил нечеловеческие усилия. Речь идет о "Лиге в поддержку трудящихся Эрец-Исраэль".

Лига больше не нужна была Бен-Гуриону для захвата власти в сионистском движении. Цели его не изменились, однако Бен-Гурион не видел больше необходимости ни бороться против ВСО, ни создавать соперничающую с ней организацию. Он завоеует сионистское движение, но изнутри, в рамках существующих институций.

Еще целый год будет он хранить молчание и не станет посвящать в свои замыслы даже ближайших соратников. Правда, он больше не будет писать о "Лиге" как о противовесе официальному сионистскому движению. По истечении года он ошеломит своих товарищей, поставив перед рабочим лагерем невероятную по дерзости задачу: немедленный штурм "официального" сионистского движения с целью захвата власти в свои руки.

В июле 1932 года в Кфар-Иехезкель собралась конференция партии Мапай. Бен-Гурион выступил с речью о "кризисе сионизма и рабочем движении". В резких выражениях обрушившись на общих сионистов, ревизионистов, на партию Мизрахи, на земледельцев, на "сионистов от денежного мешка", Бен-Гурион вдруг сделал драматическое заявление: "Кризис сионизма обязывает произвести смену руководства во Всемирной сионистской организации. Рабочее движение стоит перед необходимостью захвата власти в ВСО..."

Обращение это поразило присутствующих. Кто мог помыслить о таком в 1932 году?

27 октября Бен-Гурион изложил центральному комитету партии план практических действий по достижению большинства на предстоящем Сионистском конгрессе. "Чтобы быть в большинстве, нам требуется 150 000 голосов", — заявил секретарь Гистадрута.

Бен-Гурион потребовал разработать всеобъемлющий план действий, охватывающий не только халуцим, но и все слои трудящихся, а также частный капитал. Он был непреклонен в своей решимости изменить облик рабочего движения — с тем, чтобы оно автоматически не отталкивало всех, кто не является рабочим, а напротив, привлекало в свои ряды или хотя бы к сотрудничеству также и широкие круги буржуазных избирателей. Речь его была встречена с недоверием и скептицизмом.

Выступая на самом широком форуме своей партии, Бен-Гурион, судя по всему, хотел навязать товарищам принятие своего плана. Но они наотрез отказались. Лишь немногие из ораторов, в том числе Давид Ремез, откололись от хора скептиков, снова ополчившихся на Бен-Гуриона. Споры продолжались до середины марта 1933 года, когда центральный комитет собрался в третий раз, чтобы обсудить предвыборную тактику.

Бен-Гурион подолгу спорил с товарищами о "плане действий". С огромным трудом удалось ему убедить их предпринять попытку завоевания большинства во Всемирной сионистской организации. В конце концов, 31 марта 1933 года Бен-Гурион отправился в Восточную Европу, в самое трудное и изматывающее путешествие за всю его жизнь. Это были четыре месяца предвыборной кампании. И хотя товарищи в открытую называли его "сумасшедшим", он был твердо уверен, что добьется цели и захватит власть в сионистском движении.

На европейской арене тридцатых годов агонизировала демократия, кончалась эра надежд, искали выхода инстинкты насилия, рассыпалось все здание государ-

ственного порядка, рушились все духовные ценности. Эта повальная эпидемия сопровождалась разгулом антисемитизма от Польши до Германии, от России до Балтийского побережья. Евреев Восточной Европы охватывала тревога при виде новых агрессивных сил, бушевавших вокруг них и заносивших над ними свой ужасный кулак. То ли в порыве отчаянного поиска новых радикальных путей, обещающих спасение, то ли под влиянием духа тоталитаризма, носившегося над континентом, многие евреи тоже увлекались личностями, лозунгами и знаменами явно фашистского оттенка.

Преклонение перед огнем и мечом, перед силой оружия нашло и среди евреев яростного проповедника. Им стал Зеев Жаботинский.

В Жаботинском было что-то трагическое, патетическое и печальное. Он был пророком действенного, динамического сионизма, завоевания Эрец-Исраэль и укоренения в ней. Но было в нем странное неприятие черновой, повседневной, незаметной работы. Его мятущийся дух не мог принять идеи постепенного поселенчества, связанного с однообразным физическим трудом, медленного продвижения шаг за шагом. Палестинские рабочие упрямо и непрерывно трудились на протяжении многих лет. Он же стремился к быстрым и радикальным решениям.

В Польше и прибалтийских странах молодежь массами устремлялась в Союз имени Трумпельдора (Бетар), молодежную организацию Жаботинского. Подобно другим националистическим молодежным движениям, члены Бетара носили форму — темно-коричневые рубашки, значки, кокарды и свистки, имели свою клятву и усваивали националистическую мистику. Все они были преданы Жаботинскому, слепо верили в него.

А посему нечего удивляться, что Бенито Муссолини величал Жаботинского "еврейским фашистом". Прибыв весной 1933 года в Восточную Европу, бывшую в то время крупнейшим в мире средоточием евреев и

сионистов, Бен-Гурион хорошо знал, что именно ревизионисты будут главными противниками рабочего лагеря в решительной предвыборной борьбе. И более, чем предвыборной кампанией, будет эта борьба личным поединком между Жаботинским и Бен-Гурионом.

Ураганом ворвался Бен-Гурион в мир восточно-европейского еврейства за три с половиной месяца до выборов на конгресс. 9 апреля 1933 года он вышел из поезда на варшавском вокзале, до предела нагруженный брошюрами, плакатами, статьями и оперативными планами. Его записные книжки были переполнены диаграммами и данными о числе избирателей в разных странах Европы и распределении их голосов между сионистскими партиями в выборах на три последних конгресса. Едва ступив на польскую землю, Бен-Гурион установил для местных руководителей рабочих партий и для себя самого напряженнейший распорядок дня, лихорадочный ритм работы: заседания, дебаты, поездки, отчеты, выработка лозунгов, организация опросов, составление докладов, сбор шекелей (членских взносов Сионистской организации. — *Прим. пер.*), охват всех захолустных уголков, народные собрания, отдельные встречи с рабочими; печатание газет, бюллетеней, брошюр, плакатов; контакты с руководителями различных партий с целью создания единого рабочего фронта; наводнение местной прессы различными обращениями и петициями.

Штурм, предпринятый Бен-Гурионом, не имел себе равных по накалу, энергии, упорству. Ему едва хватало сил, и не раз во время странствий по Латвии, Эстонии, Литве или воеводствам Польши в разгар речи или лекции он вдруг чувствовал, что еще немного и он упадет. "Если я благополучно уехал из Галиции, — писал он Поле, — то видно, я сделан из железа".

Во время поездок он успевал еще писать полемические статьи в газеты, вести подробный дневник своей

деятельности, который отсылал товарищам в Эрец, составлять плакаты и лозунги. У поддерживающих его благотворителей Бен-Гурион собирал деньги на финансирование предвыборных поездок, а с тех, у кого не было наличных, брал конкретные обязательства, которые аккуратно заносил в свою книжку. Он посылал в Эрец письмо за письмом с просьбами о деньгах и требованиями направить еще товарищей на предвыборную работу. Бен-Гуриона угнетало ощущение, что его товарищи по центральному комитету не понимают всей важности его деятельности.

Бен-Гурион всерьез боялся, что "еврейский фашизм" завладеет сионистским движением, а потому не упускал ни малейшей возможности свести счеты с "дуче" как именовал он Жаботинского.

Хотя Бен-Гурион не встречался с Жаботинским во время своих предвыборных поездок, поединки между ними ожесточались изо дня в день.

Ревизионисты, со своей стороны, публиковали против Бен-Гуриона оскорбительные плакаты и на своих собраниях называли его "британским агентом"; лозунги их клеймили союз "Сталин—Гитлер—Бен-Гурион". Инсинуации и личные нападки достигли небывалого размаха и сопровождались ростом насилия в атмосфере разнузданной взаимной травли.

Суматоха возрастала по мере приближения дня выборов. Не раз на улицах в Бен-Гуриона швыряли камни и яйца, не раз слышал он выкрики "Позор!" и видел грозившие ему кулаки. В особо "горячих" местах Бен-Гуриона встречала группа дюжих молодцов из рабочей партии, которая охраняла его и прокладывала ему дорогу до гостиницы или зала, где должно было проходить собрание, обмениваясь на ходу ударами с бейтарцами или, наоборот, с коммунистами. Он в таких случаях не слишком беспокоился и безмятежно отчитывался в дневнике: "Когда я дошел в речи до Жаботинского, какой-то ревизионист закричал из зала "Вранье!" Поднялся небольшой переполох, началась драка, но мешавших вывели из зала".

Несмотря на подобные инциденты, настроение у Бен-Гуриона было бодрое. Он чувствовал, что фортуна понемногу поворачивается к нему лицом.

По мере приближения выборов напряженность росла, нервы взвинчивались. Взаимные обвинения, клевета, пышущие ненавистью ядовитые статьи в газетах — все это создало наэлектризованную, грозившую взрывом атмосферу.

Но гроза пришла оттуда, откуда ее никто не ждал.

17 июля Бен-Гурион прибыл поездом в Вильнюс. Сотни людей торжественно встречали его. Несколько товарищей проводили его до гостиницы и осторожно спросили, слышал ли он новости из Тель-Авива.

— Какие новости? — спросил Бен-Гурион.

— Беспорядки, столкновения...

— Какие? — не понимал он.

— Может, арабы...

— Арабы в Тель-Авиве?

— "Есть тревожные новости, — вмешался один из товарищей, — что-то случилось с Арлозоровым".

— С Арлозоровым? Да что вы говорите?

Кто-то вытащил телеграмму и протянул ее Бен-Гуриону: "В Тель-Авиве убит Арлозоров".

"Что!" — вскрикнул Бен-Гурион и потерял сознание.

Хаим Арлозоров, интеллигентный, прекрасно образованный молодой человек, уже давно считался в палестинском рабочем движении "вундеркиндом". Родился он на Украине, рос и воспитывался в Германии. Блестящие его способности обнаружились еще в юношеском возрасте.

В 23 года он получил докторскую степень. Приехав в Эрец, он со скоростью кометы вознесся в первые ряды руководителей своей партии. Ему было 33 года, когда он был назначен заведующим политическим отделом Еврейского Агентства в Иерусалиме. Он был на тринадцать лет моложе Бен-Гуриона и даже среди тех молодых людей, которые руководили рабочим

движением, его необычайно быстрое возвышение бросалось в глаза.

Арлозоров, как и Вейцман, был вылеплен из того же теста, из которого выходят вожди и политики.

”Он был одарен всеми талантами и свойствами, какие необходимы политическому деятелю вообще и еврейскому политическому деятелю в частности”, — скажет о нем Бен-Гурион. Подобно Вейцману (хоть и не занимая такого высокого положения), Арлозоров умел находить общий язык с английским правительством и агитировал за сотрудничество с ним. И в двадцатые годы и в последнее время, когда Арлозоров работал заведующим политическим отделом Еврейского Агентства, между ним и высшими чинами мандатной администрации в Палестине установились близкие, дружеские отношения. Все это кололо глаза его политическим противникам, и они изображали его главным сообщником британских властей среди руководства ишува.

Бен-Гурион и Арлозоров не были друзьями. Между ними существовали расхождения по многим политическим вопросам. Бен-Гурион, сторонник наступательного стиля в политических действиях, критиковавший политическую обходительность Вейцмана, казавшегося ему чересчур умеренным, расходился, естественно, и с Арлозоровым. Несмотря на это, секретарь Гистадрута признавал огромный политический потенциал, которым обладал Арлозоров.

Хаим Арлозоров был одним из первых, кто предвидел опасность уничтожения, нависшую над евреями Германии в случае захвата власти нацистами. После того, как в январе 1933 года Гитлер пришел к власти в Германии, Арлозоров не знал ни минуты покоя. Весной он разработал план из семи пунктов, целью которого было создать возможность для срочной массовой иммиграции в Палестину немецких евреев и перевозки их имущества (“трансфер”) с помощью особого финансового учреждения. Несмотря на противодействие различных кругов, Арлозоров выехал

в Германию, непоколебимый в своем решении прийти к соглашению с германским правительством и выполнить намеченный план.

Арлозоров отправился в Германию на фоне беспрецедентной кампании дискредитации и клеветы, развернутой против него ревизионистами. Сами его контакты с гитлеровским правительством казались им подлой изменой народу Израиля. Травля достигла апогея в первой половине июня. Клеветников возглавила ревизионистская газета "Хазит ха-ам" ("народный фронт"), клеймившая Арлозорова кличкой "уполномоченного британской агентуры" и называвшая его план "ножом, воткнутым в спину еврейского народа, попыткой протянуть руку братства правительству Гитлера". После возвращения Арлозорова в Эрец эта газета открыто угрожала "красному дипломату-мапайнику, ползавшему перед Гитлером на четвереньках". В пятницу 16 июня 1933 года газета писала: "Еврейская общественность в Эрец и за границей встретит союз "Сталин—Гитлер—Бен-Гурион" со стыдом и отвращением. И не будет прощения для тех, кто, позарившись на деньги, на глазах всего света продали честь своего народа бешеным антисемитам. Еврейский народ, который всегда умел расценивать по достоинству тех, кто продавал национальную честь и свое наследие, сумеет и теперь правильно отреагировать на эту подлость, совершенную средь бела дня перед всем миром".

То, что случилось потом, казалось в те дни ясным и логичным результатом всего вышеописанного. В ту же самую пятницу вечером Хаим Арлозоров спокойно поужинал с женой Симой в тель-авивской гостинице "Кетэ Дан". Гостиница стояла на берегу моря; другие постояльцы уже давно разошлись. Окончив ужин, супруги Арлозоровы спустились с гостиничной веранды и пошли вдоль берега. Они мирно прогуливались, когда Сима заметила, что за ними идут следом двое мужчин. Они несколько раз обгоняли чету Арлозоровых и снова возвращались. Сима встревожи-

лась и указала Арлозорову на преследователей, но он отверг ее подозрения. "Они наверняка евреи, — сказал он, — успокойся". Повернув обратно в сторону Тель-Авива, Арлозоровы снова увидели незнакомцев на некотором расстоянии перед собой. Вдруг те повернули и оказались перед четой Арлозоровых. У более высокого из двоих был в руке горящий фонарик, и сноп света упал на лицо Арлозорова. "Сколько времени?" — спросил один. Арлозоров начал было отвечать и вдруг остановился, увидев в руке у низенького пистолет. Раздался выстрел. Арлозоров согнулся и упал. Двое нападавших бросились бежать и мгновенно исчезли из виду.

В ту же ночь весть об убийстве разнеслась по всей Эрец-Исраэль. Потом оглушительная новость докатилась до евреев диаспоры. Убийство Арлозорова вызвало в сионистском мире настоящую бурю, и раскаты ее снова и снова доносятся из пучины прошлого, вплоть до сегодняшнего дня. Само по себе убийство одного из ведущих деятелей сионистского движения ставило трагический вопрос: кто убийца?

Появилась, естественно, версия, что убийство носило политический характер, и ужасное подозрение пало на экстремистскую группировку ревизионистов "Брит ха-бирьоним" ("союз бунтарей"). Разве не был Арлозоров объектом их непримиримой ненависти, мишенью для грязной клеветы, ядовитых нападок, откровенных угроз?

Через короткий срок было задержано трое подозреваемых: Аба Ахимеир, считавшийся подстрекателем убийства, а также Цви Розенблат и Авраам Ставский, обвинявшиеся в его осуществлении. Аба Ахимеир был освобожден первым, затем на свободу вышел Цви Розенблат, доказавший свое алиби. Наконец, после продолжительного судебного разбирательства, вызвавшего бурные отклики, Ставский был признан виновным в убийстве и приговорен к смерти. Однако верховный суд принял его апелляцию. Ставский был оправдан, так как не нашлось свидетельских показа-

ний, подкреплявших показания госпожи Арлозоровой, которые суд принял на веру. Приговор, оправдание, политические страсти вокруг суда, вражда между ревизионистами и рабочим движением, клубок слухов, легенд, разноречивых свидетельств и неясных намеков — все это, соединившись, сделало из "Дела об убийстве Арлозорова" "cause celebre" ("прославленный процесс". — *Прим. пер.*), продолжающий и поныне привлекать к себе историков, политиков, юристов и журналистов.

Убийство Арлозорова стало главной темой в ходе дальнейшей предвыборной войны в самой Палестине и во всем мире. Нет никакого сомнения, что оно повлияло на результаты выборов. Руководители рабочего движения, все как один, обвиняли в убийстве ревизионистов.

Лидеры ревизионистов, в свою очередь, прозвали начатую против них кампанию "кровавым наветом". Они заявляли, что рабочее движение использовало убийство Арлозорова для того, чтобы представить движение ревизионистов в виде банды кровожадных убийц, которым нет места в еврейском обществе.

Итак, как мы помним, прочитав телеграмму, извещавшую об убийстве Арлозорова, Бен-Гурион потерял сознание в номере вильнюсской гостиницы. Придя в себя, он попросил товарищей отменить назначенное на вечер предвыборное собрание. Немного оправившись, он послал одну за другой несколько телеграмм правлению Гистадрута в Эрец: "Массы халуцим оплакивают потерю, понесенную еврейским народом и рабочим классом в лице Арлозорова, павшего от рук кровожадных хулиганов. Светлый образ его не изгладится из наших сердец и памяти народной. Бен-Гурион". Вскоре он отправил третью телеграмму: "Товарищам. Преодолеем боль и не станем мстить".

Как явствовало из этих телеграмм, Бен-Гурион был убежден в том, что убийцами Арлозорова были ревизионисты. Выражение "хулиганы" было нередким

в политическом лексиконе Бен-Гуриона и, разумеется, оно не относилось к арабам, а имело в ту пору вполне определенный смысл — "хулиганами" были члены экстремистских группировок ревизионистов. Да и призыв "не мстить" указывает, что подозрения Бен-Гуриона падали на классового врага.

Уже в день убийства Бен-Гурион вынес приговор. Он с первой минуты был убежден в том, что убийцы — ревизионисты. В письмах, беседах и статьях он не устал нападать на них за это в продолжение всей предвыборной кампании. Правда, в единичных случаях он пытался обуздать товарищей, сделавших слишком поспешные выводы, и предотвратил выпуск плаката об убийстве, но все его письма и статьи этого периода служат убедительным свидетельством того, что свой приговор он уже вынес.

Убийство Арлозорова еще больше раздуло огонь ненависти между Рабочей партией и ревизионистами. Предвыборная кампания превратилась в настоящий ад. Бен-Гурион прервал свое лекционное турне и возвратился в Варшаву.

Там и сям вспыхивали кровавые стычки. Бен-Гурион был непоколебим в своей решимости раздавить Жаботинского. В глубине сердца он чувствовал, что оцепенение, овладевшее еврейскими массами, чувство отвращения к насилию и кровопролитию помогут, несомненно, его партии одержать победу на выборах. В первых числах июля, когда к нему начали поступать первые результаты распространения его блоком подписки на шекели в разных странах, он уже мог понять, что это обнадеживающий признак. "Если выборы состоятся, мы непременно победим!" — писал окрыленный Бен-Гурион. Он сообщил товарищам, что "шансы на получение большинства вполне реальны" и что "завоевание Польши, предпринятое нами в этом году, совершилось".

В середине июля в Варшаву начали стекаться телеграммы с предварительными результатами выборов, проходивших во всех концах света.

Итак, победа была велика, велико было и поражение ревизионистов. В мировом масштабе рабочие движения, связанные с партией трудящихся Эрец-Исраэль, получили более 44 процентов голосов, ревизионисты же получили около 16 процентов. Видимо, энергичная предвыборная кампания Бен-Гуриона и устрашающая тень убийства Арлозорова произвели переворот в сионистском движении.

Из Польши Бен-Гурион отправился на Сионистский конгресс. Он был уверен, что теперь Рабочая партия Эрец-Исраэль войдет в коалицию, образующую Правление ВСО и сумеет, таким образом, взять в свои руки руководство сионистским движением.

До того момента, когда Бен-Гурион станет лидером сионизма, еще пройдет определенное время. Чувствовал ли он, сидя в поезде, мчавшем его на запад, что теперь, после выборов, он стал признанным руководителем рабочих Эрец-Исраэль? Понимал ли он, что на этих выборах и он сам, тот "сумасшедший", который дерзнул втянуть свой лагерь в эту опасную игру с высокими ставками, был избран вождем своего движения?

"Бен-Гурион, когда ты стал вождем?" — спросил его раз, уже в старости, близкий товарищ. Старик ответил: "Когда я вдруг увидел, что мне некому задавать вопросы".

Никто не короновал тем бурным летом 1933 года 48-летнего руководителя рабочих-сионистов. Но когда он впервые поднялся в Праге на трибуну 18 Сионистского конгресса, то был встречен долгой овацией, очень его удивившей. Он, по-видимому, и не подозревал, что сделался "неоспоримым вождем рабочего крыла" в сионистском движении. Честолюбивых стремлений быть избранным в Правление ВСО он тоже не лелеял. Но дело обернулось иначе.

Моше Шарет, Берл Кацнельсон, Ицхак Табенкин и другие товарищи из рабочего крыла все больше "давили" на Бен-Гуриона. Он, наконец, сдался.

Нельзя сказать, что Бен-Гурион неискренно отказывался от должности в Правлении ВСО. Участие его в Правлении было неизбежным. Всем было ясно, что он теперь ведущий политический лидер движения; кроме того, он был одарен выдающимися способностями и всеми качествами, необходимыми для такой должности. Он, однако, оговорил свое вступление в должность несколькими условиями: он не примет никакого поста в Правлении ВСО и будет заниматься его делами не более двух дней в неделю; он будет по-прежнему исполнять обязанности секретаря Гистадрута и жить в Тель-Авиве; он останется в Правлении лишь на двухлетний срок.

Вступление Бен-Гуриона в Правление ВСО произвело крутой перелом в его образе жизни. В его тель-авивском доме появился телефон — символ роскоши для того времени. Хагана* назначила специального телохранителя, ответственного за его безопасность, начальник британской полиции также предложил ему постоянный эскорт. Скоро Бен-Гурион с головой ушел в дела сионистского движения. Занимался он, главным образом, политическими вопросами, за которые отвечал вместе с Моше Шаретом.

Бен-Гурион прежде всего поставил перед конгрессом 1933 года задачу увеличения алии. Тревога за судьбу евреев Европы вызывала в нем ощущение роковой важности и срочности иммиграции евреев в Эрец. Он яростно обрушился на мандатную администрацию. Добрый сэръ Артур Уокоп был вовсе не готов к такому натиску. Тишайшему сэру Артуру понадобилось все его терпение и выдержка, чтобы устоять перед непрерывным настойчивым штурмом, который повел Бен-Гурион на его канцелярию. Только бессердечный человек или заклятый ненавистник сионизма мог бы остаться непоколебимым перед атакующей тактикой сионистского лидера — а сэръ

* Хагана ("оборона") — подпольная организация еврейской самообороны в подмандатной Палестине.

Артур Уокоп не был ни тем, ни другим. Не раз шел он навстречу Бен-Гуриону, принимал его требования, разрешал время от времени увеличение иммиграционной квоты. Разрешения на иммиграцию Британия выдавала в соответствии с "экономической емкостью страны", как было установлено еще во времена лорда Сэмюэла. А Бен-Гурион умел надлежащим образом представить эту "экономическую емкость". Он поразительно ориентировался в вопросах занятости. Ему было известно количество рабочих, которых можно было устроить на любой палестинской цитрусовой плантации, размеры дополнительной рабочей силы, необходимой каждому промышленному предприятию, число халуцим, готовых вступить в каждый из киббуцов. Он входил в мельчайшие подробности, вел упорную борьбу за каждое новое разрешение.

Бен-Гурион безо всяких угрызений совести игнорировал председателя ВСО Нахума Соколова. Он считал, что в области дипломатии нет среди сионистских деятелей фигуры более подходящей, чем Вейцман, а потому стремился вернуть его к политической деятельности.

Вейцман, до глубины души оскорбленный своей отставкой в 1931 году, не снизошел даже до приезда на конгресс 1933 года.

Бен-Гурион резко критиковал подозрительность и нерешительность Вейцмана, однако в политической сфере он придерживался того мнения, что следует укреплять связи с Великобританией, добиваясь от нее непрерывным давлением более энергичного и быстрого выполнения мандатных обязательств по созданию национального очага. В общих чертах, несмотря на разницу в акцентах, политическая концепция Бен-Гуриона была близка к вейцмановской.

Поэтому сразу после окончания конгресса 1933 года Бен-Гурион положил начало тесному сотрудничеству с Вейцманом на предстоящий двухлетний период. Время от времени он отчитывался перед Вейцманом в подробных письмах, в тоне которых читалось

почтение младшего к старшему. Приехав в Лондон вести переговоры об алии и поселенчестве, Бен-Гурион хорошо знал, что поддержка Вейцмана открывает в английской столице все двери.

Итак, алия набирала силу. 1933 год дал Эрец более 40 000 олим. За шесть лет — с 1930 по 1936 еврейское население Палестины удвоилось и достигло 400 000 человек. Бен-Гурион представил верховному комиссару грандиозные планы заселения Заиорданья, земель, лежащих к югу от Мертвого моря, района Хулы, Негева.

Но больше всего сердца и воображения вложил он в мечту о другом месте — Акабе на побережье Красного моря. Пасхальным вечером в апреле 1935 года Бен-Гурион решил поехать на эйлатский берег, чтобы самому поглядеть на место. Организовалась целая группа для поездки на юг: Поля, Берл Кацнельсон с женой, Элияху Сасон и Элияху Эпштейн (Эйлат).

Поездка оставила в душе Бен-Гуриона чудесные воспоминания. Воображение его бурлило, как никогда. Перед его мысленным взором уже вставало процветающее сельскохозяйственное поселение, порт для грузовых и рыболовных судов, который свяжет Эрец-Израэль с Азией и Африкой; он уже мечтал об аэродроме, который соединит Эйлат с центром страны, о киббуце, где поселятся 50—100 халуцим.

И после победы 1933 года не исчезла среди рабочих тревога перед ростом ревизионизма, перед тем, что он подчинит себе сионистское движение.

Предельное напряжение в отношениях между рабочими и ревизионистами в Эрец то и дело приводило к столкновениям, к вспышкам насилия. Бетарцы превратились в штрейкбрехеров, пытались силой кулаков подавлять рабочие забастовки, в ярости рвали красные знамена халуцианских течений. Рабочих тоже нельзя было назвать рыцарями без страха и упрека. Весной 1933, в начале 1934 года рабочие группы неоднократно нападали на собрания и demonstra-

ции бетарцев, избивали их, забрасывали камнями. Руководители партии Мапай оказались в затруднительном положении — многие из них по идеологическим или тактическим соображениям наотрез отказывались применять силу ради достижения своих целей, считая что это пятнает рабочее движение.

Бен-Гурион был самым крайним и агрессивным из своих товарищей как по своей вере в силы и будущее рабочего движения, так и по взглядам на допустимость возможных средств для достижения заветной цели — раздавить ревизионистов. "Нет ничего более смешного и преступного, чем бороться конституционными средствами против силы, которая абсолютно антиконституционна. В нашей войне с бетарцами невозможно ограничиваться нравоучениями, надо противопоставить им нашу организованную силу".

Но в отличие от других ведущих деятелей партии Мапай, Бен-Гурион не боялся ревизионизма. Он не верил, что они еще способны поставить под вопрос гегемонию рабочих. Ухудшение положения евреев в Европе диктовало, по его мнению, необходимость сплочения всего сионистского движения и отказа от внутренних раздоров. Продолжение отчаянной борьбы между ревизионистами и рабочими в Эрец и в диаспоре грозило ослаблением общей силы сионизма. Раскол движения мог привести к опасным результатам. Все это вынуждало Бен-Гуриона искать путей к договоренности с ревизионистами.

Вскоре такая возможность представилась.

8 октября, после молниеносного турне по Германии и Польше, Бен-Гурион прибыл в Лондон. "На меня тут же напустился Рутенберг. Тяжелая обстановка и прочее — а посему единый фронт. Он хочет, чтоб я встретился с Жаботинским. Я сказал ему, что если он, Пинхас Рутенберг, пригласит меня на встречу с Жаботинским, я приму предложение".

"В шесть я пришел к Пинхасу Рутенбергу и застал у него Жаботинского. Я поздоровался, не подавая

руки. Он встал, протянул руку и спросил: "Вы не хотите пожать мне руку?" Я ответил ему удивленным возгласом и протянул руку".

Сначала беседа была формальной, осторожной, подозрительной. Но понемногу лед растаял. Жаботинский задал Бен-Гуриону несколько дерзких вопросов и польстил ему, попросив ответить "побенгурионовски, без страха". Бен-Гурион изъявил готовность обсудить "все, касающееся отношения рабочих к ревизионистам и покончить с этим ради конечной цели". К изумлению Бен-Гуриона, Жаботинский согласился с некоторыми его соображениями относительно палестинского режима и сотрудничества с Англией. По мере того, как атмосфера становилась теплее, росло и удивление обоих участников беседы — что вот, могут же они сидеть рядом и договариваться по разным вопросам. "В середине беседы, сильно возбужденный, он (Жаботинский) сказал: "Если мы помиримся между собой, это будет большим праздником для евреев, но праздником этим надо воспользоваться для какого-то грандиозного предприятия". Я согласился и спросил: "Какого предприятия?" И добавил: "Поселенчество — вот большое дело". Он ответил: "Я не возражаю против поселенчества. Но это не то. Нужно такое дело, в котором примет участие весь народ. Гигантское, массовое предприятие, в котором будет участвовать каждый еврей". Я спросил: "Какое же?" Он ответил: "Петиция"... Вы не понимаете и недооцениваете значения демонстрации и лозунга. Более того, у формулы есть огромная сила". Я почувствовал, что мы подошли к основному разногласию".

Так началась серия интенсивных бесед. Примерно в продолжение месяца Бен-Гурион и Жаботинский встречались почти ежедневно — раз в отеле Бен-Гуриона, раз в отеле Жаботинского — и все реже и реже в гостинице Рутенберга. Встречи эти проходили в обстановке полной секретности. Бен-Гурион не от-

читывался о них перед товарищами по партии, оставшимися в Эрец.

Двое лидеров пытались прийти к соглашению. Это было нелегко, ибо по многим вопросам их позиции были различными или даже противоположными. Не раз беседы их бывали изнурительными, изматывающими.

26 октября после двухнедельных переговоров они снова сошлись у Рутенберга. Встреча продолжалась всю ночь напролет. Но когда в пять утра вышли они в предутреннюю лондонскую темень, в кармане у каждого лежали черновики двух договоров. Целью первого было вычеркнуть насилие из отношений между Всеобщей конфедерацией трудящихся, насчитывавшей 60 000 членов, и Федерацией труженников-националистов, в составе 7000 членов. Второй договор — известный как "рабочее соглашение" — касался организационных вопросов и разделения труда между двумя организациями.

Оба были счастливы. Теперь оставалось только сформулировать третий договор — по вопросу о Всемирной сионистской организации. Два уже выработанных соглашения придавали им уверенность в будущем. Бен-Гурион записал в дневнике: "Не знаю, охотно ли примут это соглашение все товарищи в Эрец. Дело это, по-моему, настолько важно и так много сулит для будущего, что еще с трудом верится в его осуществление.

Жаботинский предложил, чтоб они оба немедленно вылетели в Эрец с тем, чтобы убедить своих товарищей принять соглашение. Назавтра Бен-Гурион прислал ему теплое, дружеское письмо:

"Я надеюсь, что вы не разгневаетесь на меня, если я обращаюсь к вам как к товарищу и другу, без церемонного "господин".

Вчера мы расстались только из-за усталости, после 15 часов непрерывной, напряженной работы. Я не сентиментален и вы, кажется, тоже... Я не высказал вам того, что было у меня на сердце. Не скажу этого и сей-

час... Но что бы ни случилось впоследствии, это не изменит того факта, что мы долгие часы сидели и говорили обо всем, что стоит позади нас. Глубокая тревога за наше движение и за успех его дела, взаимное доверие и взаимное уважение подвигли нас к совместным усилиям.

И будь что будет, факта этого не вырвать из моего сердца... Я с уважением жму вашу руку”.

Жаботинский ответил ему в том же тоне:

”Дорогой друг Бен-Гурион, я был до глубины души взволнован, услышав от вас после стольких лет — и каких лет — слова ”товарищ и друг”.

Жму вашу руку с чувством искренней дружбы”.

Но пока двое руководителей взволнованно изливают друг другу душу, обе партии обрушиваются на них с пеной у рта.

28 октября выработанный ими договор был опубликован в газете ”Ха-арец”. В три часа из телефонного разговора с Берлом Кацнельсоном Бен-Гурион узнал, что ”члены партии относятся к соглашению отрицательно”. Вскоре Бен-Гурион был засыпан телеграммами. Меньшая часть их была положительного толка, большая — отрицательного. Центральный комитет партии восставал против переговоров, которые велись без его разрешения. Товарищи требовали, чтобы Бен-Гурион немедленно возвратился в Палестину.

Тем временем Палестина продолжала бушевать и поток гневных телеграмм не ослабевал. Не были положительными и отклики прессы, за исключением правой газеты ”Доар ха-йом” (”Сегодняшняя почта”).

Через несколько дней к Бен-Гуриону стали приходить письма протеста, в которых повторялось требование не подписывать с Жаботинским третьего соглашения — о сотрудничестве в рамках ВСО.

Несмотря на протесты и давление, Бен-Гурион возобновил переговоры. Жаботинский не испытывал такого сильного натиска, ибо был единоличным вождем своего движения. Теперь Жаботинский и Бен-

Гурион в глубочайшей тайне работали над тем, что они называли "Большим договором", который должен был привести к полному примирению обоих движений.

Но на этот раз давление, направленное против соглашения, усилилось как в лагере Бен-Гуриона, так и в лагере Жаботинского. Седьмого ноября центральный комитет партии Мапай потребовал от Бен-Гуриона "не подписывать договора о ВСО до тех пор, пока центральный комитет не обсудит его полного и окончательного текста". Назавтра прибыли резкие телеграммы от Моше Чертока и от близкого, любимого друга Бен-Гуриона Берла Кацнельсона. Бен-Гуриону пришлось подчиниться. "Я ответил успокоительной телеграммой: "Продолжение переговоров отменено". Не имея иного выхода, Бен-Гурион вынужден был объяснить Жаботинскому, что по вопросу о ВСО они не смогут прийти к соглашению. Через несколько дней Бен-Гурион был в Эрец. Во весь опор кинулся он убеждать товарищей, чтобы они разрешили ему подписать договор с Жаботинским. Центральный комитет решил вынести вопрос на всепалестинский референдум Гистадрута. Жаботинский тоже столкнулся с определенными трудностями, когда пытался защищать соглашение на всемирной конференции ревизионистского движения, состоявшейся в январе 1935 года. Среди делегатов, критиковавших договор, выделился один из молодых — Менахем Бегин, — резко выступивший против своего вождя: "Может быть, наш руководитель забыл, что Бен-Гурион называл его "Владимир Гитлер", но у нас память лучше". Жаботинский ответил: "Я никогда не забуду, что такие люди, как Бен-Гурион, Бен-Цви, Элияху Голomb, носили когда-то форму Легиона, сражались вместе со мной. И я уверен, что если дело сионизма того потребует, они без колебаний снова наденут мундир и снова будут воевать".

В марте 1935 года в Хадере состоялась конферен-

ция Гистадрута. Бен-Гуриона атаковали с разных сторон.

В обстановке крайней напряженности 24 марта 1935 года был проведен референдум. Большинство 16 474 голосов против 11 522 проект договора был отвергнут.

Будущее подтвердило, что любое соглашение было бы оптическим обманом. Противники договора в обоих лагерях, а не Жаботинский и Бен-Гурион, оказались правы.

Пути этих двух течений были столь полярны, что ни один самый прекрасный договор не смог бы ликвидировать разделявшую их пропасть.

Неудавшийся договор с Бен-Гурионом был, пожалуй, той последней каплей, которая сломала хребет ревизионистского движения. Через считанные недели после провала соглашения ревизионисты решили отделиться от ВСО и создать новую всемирную сионистскую организацию. Что же касается рабочих, то отделение ревизионистов убрало с их пути самого опасного соперника в борьбе за "завоевание народа". Позиции их в Правлении ВСО укрепились, а вместе с тем уменьшился и страх перед растущей агрессивностью Жаботинского.

Товарищеские отношения между Бен-Гурионом и Жаботинским сохранялись еще некоторое время. Тридцатого марта, примерно через неделю после провала договора на референдуме Гистадрута, Жаботинский писал Бен-Гуриону: "Может быть, вы прочтете эти строки уже другими глазами. Боюсь, что и я немного переменялся. Признаюсь, что, например, в момент получения известия о провале договора какая-то внутренняя слабость нашептывала мне "счастливо отделался" — а может, и Бен-Гурион в эту минуту благословляет свое бегство... Но не изменилось во мне возникшее в Лондоне уважение к Бен-Гуриону как к человеку, к его целям". Бен-Гурион ответил на это: "Что бы ни было, лондонская глава не сотрется из моего сердца. И если суждено нам бороться друг с

другом — знайте, что среди ваших ”врагов” есть человек, почитающий вас и страдающий вместе с вами. И та рука, которую в нашу первую встречу вы подумали, будто я не хотел протянуть вам, рука эта всегда будет протянута к вам, даже в пылу битвы — и не только рука”.

Жаботинский ответил на это письмо взволнованными словами и редким для него признанием: ”В последнее время, еще более, чем прежде, я стал ненавидеть свой образ жизни. Душу мою одолела беспросветная горечь без конца и края. Вы напоминаете мне о том, что конец, может быть, все же есть. Как бы то ни было — да будет так, как вы написали, — как еще не бывало в Израиле — война и две руки, протянутые друг к другу над полем битвы!”

И что же? Прошло немного времени и отношения между рабочими и ревизионистами снова обострились. Бен-Гурион стал злейшим врагом ”отступников”. Отношения между ним и Жаботинским оставались еще некоторое время корректными, но затем оба они снова начали обмениваться оскорбительными обвинениями.

Похоже, что Жаботинский быстро разочаровался в результатах ”отделения”. Его драматический уход из ВСО, само создание новой сионистской организации породили в нем отчаяние перед бесплодностью раскола.

Жаботинский скончался в 1940 году в США. Все время своего пребывания на посту главы правительства Бен-Гурион противился выполнению того пункта в завещании Жаботинского, где он просил суверенное еврейское правительство перенести его останки в Эрец-Исраэль. Бен-Гурион находил все новые отговорки для отказа, но не уступал. В письме Шехтману в октябре 1956 года он объяснял, что, по его мнению, лишь двое евреев заслуживают того, чтоб останки их были перенесены в Эрец: Теодор Герцль и барон Эд-

мон де Ротшильд. А как же Жаботинский? "Израилю нужны живые евреи, а не кости мертвых".

Гуманный этот шаг сделал преемник Бен-Гуриона Леви Эшкол. Бен-Гурион же до последнего своего дня не желал видеть ничего, кроме политической стороны, в деле о захоронении праха Жаботинского.

7. В БУРЯХ ПОЛИТИЧЕСКОГО СИОНИЗМА

В августе 1935 года у штурвала сионистского движения встали два лидера: Вейцман и Бен-Гурион.

Хаим Вейцман был вновь избран президентом Всемирной сионистской организации. Давид Бен-Гурион был избран председателем Правления ВСО и Правления Еврейского Агентства.

За истекшие два года Бен-Гурион не жалел труда ради усиления позиций своего движения в Польше и Соединенных Штатах. Благодаря его колоссальным усилиям на 19 Сионистском конгрессе рабочая фракция располагала уже почти пятьюдесятью процентами голосов. И когда в чудесном мирном Люцерне на берегах "Озера четырех лесных кантонов" собрались сотни участников конгресса, товарищи не отставали от Бен-Гуриона. Наконец, поддавшись их уговорам, он согласился выдвинуть свою кандидатуру на пост председателя Правления ВСО — и был избран.

Вейцман пережил за эти годы немало тяжелого. Он должен был излечиться от жгучего чувства унижения, испытанного им после поражения четыре года назад, схоронить в душе накопившуюся пронзительную горечь. Здоровье его пошатнулось, и он хотел было посвятить себя исключительно научной работе в институте имени Зифа, построенном для него друзьями в Реховоте. Однако лагерь его сторонников во главе с Бен-Гурионом не давал ему покоя. Они отдавали себе отчет в исключительной ценности его политической деятельности, знали, что он является фокусом сионистской дипломатии в Лондоне и что без "достоuchtимого доктора Вейцмана" невозможна настоящая политическая работа. В конце концов Вейцман дал себя уговорить.

В течение тринадцати лет, вплоть до образования еврейского государства эти два человека будут вести корабль сионизма — иногда в полной гармонии, иногда в обстановке личного соперничества или резких разногласий по принципиальным вопросам. Их взаимоотношения, перемирия и войны станут достоянием сионистского движения, вокруг них оформятся лагери сторонников, миллионы сионистов станут делиться на "вейцманистов" и "бен-гурионовцев".

Люди эти были разными и все же близкими друг другу — два человека, два мира, две дороги в жизни, два направления мысли и действия.

Вейцман — тип еврейского аристократа: величественная манера держаться, статная фигура, высокий лоб, острая борода, задумчивый и чуть надменный взгляд. Это был еврей до мозга костей, живший и страдавший народной судьбой; это был гордый еврей, вызывавший у своих собеседников — великих ученых, художников, полководцев, могущественных министров — глубокое почтение, граничащее с благоговением. Вейцман умел говорить с ними как равный с равными или даже как старший с младшими — решительно, авторитетно, порой резко и в то же время не строя из себя бывалого политика. На протяжении нескольких десятков лет значительная часть английских политических деятелей находилась под влиянием нравственного авторитета Вейцмана, была под обаянием его чарующей личности.

Вейцман был ярко выраженным индивидуалистом, решительным, властным, норовящим все взять в свои руки. Это был одинокий волк, капризный, своевольный, сознающий свое значение и часто нетерпимый по отношению к окружавшим его видным деятелям сионизма.

Вейцман не принадлежал ни к какой партии, исключая разве только период, предшествовавший его избранию в Берлине. И когда вспыхнул в сионистском движении яростный спор между приверженцами "политического" сионизма и чартизма, с одной сто-

роны, и провозвестниками скромного, "реального" сионизма, стремящегося к созданию реальных фактов на месте, с другой, — Вейцман выбрал синтез двух этих течений, став одним из столпов "синтетического" сионизма, являвшего собой нечто вроде "химической смеси" политического и реального сионизма. Особенно дорога была его сердцу поселенческая деятельность.

Однако сам он не торопился переселяться в Палестину. Ему полюбилась Англия, ее природа и люди, ее руководители, ее умеренное общество. Долгое время он считал ее своим домом и сохранял ей верность всю жизнь. В течение многих лет эта связь была великим источником тайной силы Вейцмана, но затем она же привела его к падению. Пока Англия была верна ему, верна той декларации, которую она даровала ему, верна мандату, как он понимал его, — Вейцман стоял во главе сионистского мира. Но с тех пор, как она изменила свою политику, предала, а Вейцман не сумел освободиться от своей привязанности к ней, — он должен был поплатиться за это своим постом.

Привлекательная, разносторонняя личность — престиж, известность, достаток, успех в политике и науке, все это выпало ему на долю. И однако именно тот факт, что он был всесторонне одаренным человеком, быть может, оказался против него, ибо ему не хватало усердия, способности сконцентрироваться на одной задаче, не хватало сил упрямо шагать по длинной пыльной дороге, терпения входить в мельчайшие подробности, упорно, кирпич за кирпичом, созидать великое здание, вершина которого теряется в облаках. Он был импульсивным, гениальным импровизатором, мгновенно зажигался, если его захватывала какая-либо цель, штурмовал ее, пока она не переставала его интересовать, и тогда он оставлял ее ради новой.

Такое упрямство, такая преданность одной-единственной цели, не останавливающаяся ни перед нуждой, ни перед поражением, проникнутая непоко-

лебимой верой в правильность избранного пути, были наиболее характерными качествами Давида Бен-Гуриона.

Он тоже был человек одаренный, из той породы людей, которые могут взять жизнь за рога. Но как отличен был его путь, черты его характера от вейцмановских! Он не ограничился проповедью реального сионизма — он воплощал его в жизнь день за днем, год за годом. Восхождение его было медленным, трудным, не вдруг засияла его звезда вождя.

Он был гениальным самоучкой, но недостаток формального образования все же наложил на него свой отпечаток. Он все еще с трудом говорил на иностранных языках, хоть и занимался ими самостоятельно с железным упорством; постепенно он открыл для себя богатства западной культуры, но так никогда и не стал своим человеком в ее чертогах. Не было в нем ни лоска, ни природного блеска, ни изящества Вейцмана. Бен-Гурион в тридцатые годы был грубоват, неотесан, суров — низкорослый плотный человек с загорелым лицом, во всем облике которого ощущалась могучая сила, энергия, решительность. Чувство юмора у него было довольно слабое, его речи, статьи весьма утомительны, зачастую повторяют одна другую и длинны до бесконечности. Но этот человек крепко стоял обеими ногами на почве палестинской действительности. Все эти годы Вейцман видел Эрец-Исраэль издали, со своего командного пункта в Лондоне или в ходе визитов на Ближний Восток. Из-за этого, — а также из-за своей любви к Англии — он был иногда, может быть, чересчур умерен, не ощущал ежедневного пульса палестинской жизни, ее насущных потребностей, которые не терпят отлагательств, для которых необходимо мобилизовать дополнительные финансовые ресурсы, для которых нужна более активная и требовательная борьба вблизи от лондонских центров власти. Большая дистанция разделяла роскошные гостиные Лондона и жизнь на цитрусовых плантациях Петах-Тиквы с ее голодом,

нуждой, стачками и безработицей. Бездна разделяла реальный сионизм палестинских халуцим и сионизм Хаима Вейцмана.

Отношение Бен-Гуриона к Вейцману было неоднозначным и колебалось от глубокого уважения до жестокой критики. "Вы теперь царь израильский, — напишет Бен-Гурион Вейцману в 1937 году. — У вас нет флота и армии, вас не короновали в Вестминстере, но глаза еврейского народа видят, как сияет на вашем челе корона израильского царства". И добавит в том же письме с редким для него теперь лирическим порывом: "Всю жизнь я любил вас... любил всем сердцем, всем существом своим".

И что же? В 1927 году после 15 Сионистского конгресса он с какой-то агрессивностью замечает в дневнике: "На сей раз пришел конец личной фетишизированной власти Вейцмана. В последний раз смог Вейцман произнести на конгрессе свой любимый афоризм "C'est a prendre ou a laisser"* . Надеюсь, что на следующем конгрессе это сумеет сказать большинство, которое покажет Вейцману свою силу. И если Вейцман не прислушается к большинству, то он не останется больше в Правлении". Речь Вейцмана на конгрессе Бен-Гурион определил как "манифест бессилия и безверия". Через год, на конференции Исполнительного комитета, Бен-Гурион был в первых рядах нападавших на Вейцмана и Правление ВСО. В дневнике он именуется некоторые высказывания Вейцмана "обычным вейцмановским враньем" и прибавляет, что "Вейцман был смешон и жалок". И в последующие годы Бен-Гурион в своем дневнике не переставал пускать ядовитые стрелы в адрес Вейцмана.

Из дневника видно, что Бен-Гурион презирал театральные высказывания Вейцмана, его угрозы уйти в отставку, ультиматумы, которые он предъявлял Правлению ВСО или Исполнительному комитету. Отноше-

* "Все или ничего" (букв. "Либо победить, либо бросить").
Прим. переводчика.

ние Вейцмана к английскому правительству было, по мнению Бен-Гуриона, "фатальным".

Но в 1935 году созрело у Бен-Гуриона сознание того, что в управлении политическими делами ВСО никто не может сравниться с Вейцманом и что следует возвратить его к работе в этой области. Тем не менее Бен-Гурион не желал, чтоб Вейцман снова становился вождем. Вейцман нужен был ему как инструмент сионистского движения, как официальный представитель, который сможет от его имени говорить с англичанами. Бен-Гурион называл Вейцмана "единственным в своем поколении", однако, раскрывая перед некоторыми лидерами американского еврейства свой план вернуть Вейцмана на пост президента, добавил: "Вейцман не будет правителем и вождем, и он это понимает; руководить будет Правление, он же будет лишь главой его, но не предводителем".

Бен-Гурион на деле доказал, что хорошо знает пределы своих возможностей. Во время его поездки по Америке несколько крупных сионистских деятелей предлагали Бен-Гуриону самому стать президентом Всемирной сионистской организации. Он решительно отказался от этого предложения. Бен-Гурион знал, что на английском фронте у Вейцмана больше сил, чем у него, что престиж Вейцмана больше весит в еврейском мире, чем его собственная популярность, и потому сознательно предпочел остаться на вторых ролях.

Так и вышло, что Бен-Гурион, несмотря на все претензии и критику в адрес Вейцмана, приехал к нему в Лондон месяца за два до созыва 19 Сионистского конгресса и стал добиваться, чтоб тот склонился к избранию на пост президента.

Так новый председатель Правления Всемирной сионистской организации вступил на новый путь.

На рассмотрение 19 форума сионистов Бен-Гурион внес грандиозные предложения, поставившие перед всем сионистским движением колоссальную задачу

”укоренить миллион семей, миллион хозяйственных единиц на земле Родины”.

Это был не просто лозунг. После рекордной алии 1935 года Бен-Гурион полагал, что сионистское движение должно изо всех сил рваться вперед, добиваться массовой иммиграции в Палестину, особенно для евреев из Германии и Восточной Европы, стремясь к тому, чтобы новоприбывшие осели в Эрец и нашли там источники заработка. Для достижения этой цели Бен-Гуриону нужны были три рычага: сплоченная Всемирная сионистская организация, способная действовать как единый механизм; американское еврейство в качестве источника финансирования и поддержки; благожелательная позиция Великобритании, управляющей Палестиной.

Бен-Гурион перевел организационный отдел Правления ВСО в Иерусалим, добившись тем самым, чтобы в центре его работы находился уже не Лондон, а Эрец-Исраэль. Число членов Правления ВСО он свел к семи, что превратило его в эффективный рабочий инструмент, а заодно навлекло на Бен-Гуриона жгучую ненависть тех, кто не вошел в состав Правления.

Мобилизация американского еврейства в ряды сионистского движения была, по мнению нового председателя Правления ВСО, срочной задачей, которой он придавал решающее значение. ”Америка, — писал он представителю тамошнего ВСО, — это широчайшее, гигантское поле деятельности. Без ее мощной добровольной поддержки всемирное сионистское движение не сможет существовать. Там массы, там сила, там деньги. Если мы готовимся к великим делам, у нас нет надежды на успех без Америки”.

В выполнение третьей — британской — статьи своего плана Бен-Гурион тоже вложил огромные усилия. Понемногу завязывал он отношения с членами парламента, министрами и влиятельными политиками, узнавал ходы и выходы британской политики, ее выборные учреждения и систему исполнительной власти,

начинал самостоятельно действовать в них, сознательно держась в тени Вейцмана.

На протяжении тридцатых годов Бен-Гурион всячески стремился достичь еще одной цели — взаимопонимания с арабскими националистами. Еще 14 октября 1921 года Давид Бен-Гурион предостерегал от "иллюзии, что Эрец-Исраэль — пустая страна и что мы можем делать с ней все, что пожелаем, не принимая в расчет жителей страны. Эта иллюзия причинила нам очень большой вред".

С той самой минуты, как Бен-Гурион начал обдумывать вопрос о палестинских арабах, он не устал подчеркивать, что их права на Палестину не уступают правам евреев; он резко возражал против их изгнания или переселения. "Ни при каких условиях не следует никоим образом нарушать прав этих жителей", — указывает Бен-Гурион в одной статье. "Выселение из Палестины нынешних ее жителей невозможно и нежелательно. Не в этом состоит миссия сионизма". Он будет снова и снова повторять и объяснять, что в Палестине "множество нераспаханных земель. Там — и только там — поселятся евреи. Нельзя покупать земли, не возместив хозяевам их полной стоимости. Наш долг — сохранить за арабскими феллахами их участки. Подсчитано, что и при этом на обширной территории Эрец-Исраэль по обоим берегам Иордана найдется место для шести миллионов жителей. Ныне там проживает лишь один миллион. Итак, у евреев есть простор для поселенчества — без ущерба для арабов". Он писал об арабских феллахх с большой симпатией, в сказочных тонах описывал гордых, мужественных бедуинов, а их невежество объяснял эксплуатацией и притеснением со стороны правящего класса, который губит их морально и физически. Молодой Бен-Гурион полагал, что у этих феллахов нет чувства родины, то есть национального чувства, но что у них есть "чувство земли". Он заходил даже настолько далеко, что предлагал еврейским поселенческим учреждениям "помогать обездо-

ленным эксплуатируемым феллахам” деньгами с тем, чтобы те могли как следует укрепиться на своей земле и не были бы вынуждены продавать ее.

Погромы 1929 года нанесли Бен-Гуриону тяжелый удар. Все его построения вдруг разом рухнули. Напрасно старался он еще некоторое время изо всех сил защищать прежние теории. Напрасно пытался было повесить вину на ”банды громил и кровожадных подстрекателей” и на британскую администрацию. Напрасно подчеркивал, что подавляющее большинство арабских крестьян не пошло за убийцами; напрасно искал яблоко раздора в религиозной вражде. Постепенно во взглядах его происходила перемена. В ответ на беспорядки он потребовал немедленного увеличения алии, призывал безотлагательно усилить борьбу за еврейский труд и добиться стопроцентного еврейского труда в еврейских хозяйствах, разработал детальный ”план обеспечения безопасности”. ”Невозможно долгое время удерживаться в Палестине, если отстраивать ее предстоит только под защитой штыков, да еще иностранных, — утверждал Бен-Гурион. — Нам необходимо решить вопрос безопасности собственными силами”. Он предлагал заполнить территориальные пустоты между еврейскими поселениями, окружить еврейский Иерусалим новыми еврейскими кварталами и деревнями, обеспечить массовую иммиграцию халуцим с тем, чтобы создать мощную еврейскую оборону.

В период, последовавший за арабо-еврейскими столкновениями, Бен-Гурион еще в течение нескольких месяцев колебался между разными концепциями, затрудняясь прийти к чему-либо определенному. Наконец, в дискуссии, состоявшейся в ноябре 1929 года, Бен-Гурион решительно заявил, что существует арабское национальное движение и посему ”палестинский араб не должен и не может быть сионистом. Он не может желать, чтобы евреи стали большинством в Палестине. В этом состоит истинный политический

конфликт между нами и арабами — и мы, и они хотим быть большинством”.

Это был абсолютно новый подход, уже безо всякой романтики, безо всякого марксизма. С этого времени во взглядах Бен-Гуриона на арабскую проблему начинает побеждать трезвый реализм. Много лет спустя он признал, что ”арабское национальное движение родилось почти одновременно с политическим сионизмом”.

Наряду с этим Бен-Гурион пришел к выводу, что он должен вступить в переговоры с лидерами палестинцев, чтобы искать пути к взаимопониманию и к соглашению между двумя народами, живущими в Эрец-Исраэль.

В попытках к договоренности с палестинскими арабами Бен-Гурион сначала обратился к Мусе Алями, богатому арабу-землевладельцу, пользовавшемуся уважением у соплеменников. Он был известен как прямой и сообразительный человек умеренных взглядов, обладал большим влиянием. По специальности он был юристом и служил адвокатом при мандатной администрации. В начале апреля 1934 года Бен-Гурион и Муса Алями встретились в Иерусалиме в доме Моше Чертока. Они понравились друг другу и говорили откровенно.

Несмотря на приятное впечатление, произведенное на него Бен-Гурионом, Муса Алями без колебаний заявил: ”Я предпочитаю, чтобы Палестина оставалась бедной и пустынной еще сотню лет, пока мы сами, арабы, не наберем сил, чтоб развить ее и сделать цветущей страной”.

Алями говорил о тяжелых переживаниях палестинских арабов при виде того, как лучшие, самые тучные земли переходят в руки евреев, как в те же руки попадает управление самыми крупными в Палестине промышленными концессиями; как евреи вытесняют арабов со всех важных постов. ”Может быть, евреям и необходимо прийти сюда, но арабам это горько”.

Бен-Гурион тут же поднял центральный из волно-

вавших его вопросов: "Есть ли хоть какая-нибудь возможность достигнуть взаимопонимания в деле создания еврейского государства в Палестине, включая Заиорданье?" Муса Алями ответил вопросом на вопрос: "Зачем арабам соглашаться на это?" Но у Бен-Гуриона был на это готовый ответ. Он предложил образование арабской федерации, к которой присоединится будущее еврейское государство. "Арабы хоть и будут в Палестине меньшинством, но окажутся в положении большинства, поскольку они будут связаны с миллионами арабов соседних стран".

"Это предложение стоит обсудить", — ответил араб. В середине августа Бен-Гурион посетил Мусу Алями в его загородном доме возле Иерусалима. Они сидели под раскидистой кроной гигантского дуба, и Муса рассказывал гостю, что это самое большое и старое дерево в Палестине.

Под сенью старого дуба прошла целая серия бесед. Бен-Гурион горячился, пытаясь пробудить у хозяина дома интерес к своему предложению по еврейско-арабскому урегулированию. Сначала он прочел ему страстную блицлекцию о сионизме с тем, чтобы вытащить жало из таких устрашающих понятий, как "еврейский труд", "еврейское большинство", "покупка земли" и "свободная иммиграция". Он представил собеседнику двухступенчатый план: сотрудничество евреев и арабов в управлении Палестиной на основе количественного равенства, а позднее в еврейском государстве, которое будет создано по обоим сторонам Иордана и станет частью федерации стран всего региона, включая Ирак. В обмен на согласие арабов принять такой план Бен-Гурион готов был обещать всестороннюю помощь палестинским арабам в развитии сельского хозяйства и промышленности, а также политическую, моральную и финансовую поддержку евреев всего мира в деле развития арабских стран и арабского единства.

У Алями было множество опасений. Во время одной из бесед Бен-Гуриону понадобилось все его крас-

норечие, чтобы успокоить Мусу Алями относительно будущего мечети Омара*. Он торжественно обещал, что евреи не будут восстанавливать Храм до прихода Мессии. Объяснения и убедительный анализ Бен-Гуриона пробудили доверие Алями; так впервые еврейский и арабский националисты обсуждали вместе планы на будущее, не ощущая между собой стены взаимных подозрений.

И однако именно на таком мирном фоне стали особенно вышуклыми их непримиримые разногласия. Муса Алями спросил: "Может быть, вместо предлагаемой вами федерации Ирака, Заиорданья и Палестины будет просто единое государство?" Бен-Гурион ответил отрицательно. Муса Алями снова спросил: "Возможно ли ограничить еврейскую иммиграцию на ближайшие десять лет, с тем, чтобы численность евреев не достигла миллиона?" И снова Бен-Гурион ответил резко отрицательно.

Единственное, от чего Бен-Гурион готов был отказаться в ходе своих бесед с Мусой Алями, было официальное включение Заиорданья в состав еврейского государства. "Если вы обещаете нам возможность неограниченной иммиграции и заселения Заиорданья, мы будем готовы обсудить особый, временный или постоянный, статус Заиорданья".

Видимо, Алями, искушенный в тонкостях торга и компромисса, отнесся к позиции Бен-Гуриона как к первоначальной пристрелке — по образцу своих собственных исходных предложений. Он все время уповал, пусть не вполне серьезно, на достижение компромиссной формулировки, которая будет отрицать еврейское государство и свободу иммиграции.

После нескольких встреч Муса Алями явился к муфтию Хадж Амину аль-Хуссейни и рассказал ему о человеке по имени Бен-Гурион и о его предложениях. В конце августа 1934 года Алями сообщил Бен-Гуриону о реакции муфтия. "Содержание наших бесед

* Мечеть на Храмовой горе.

точно громом поразило муфтия. Он не представлял, что есть евреи, искренне желающие взаимопонимания и согласия с арабами. Он, со своей стороны, не возражает (против взаимопонимания), если только будут гарантированы религиозные, экономические и политические интересы палестинских арабов. Понятно, что он еще должен обдумать весь этот план... пока что он не может предпринять никаких шагов”.

Бен-Гурион чрезвычайно обрадовался ответу муфтия. По рекомендации Мусы Алями он отправился в Женеву. Чтобы встретиться с Джабри и Арсаланом, главами сирийско-палестинского ”Истикляля”. Он был воодушевлен и полон взволнованного ожидания.

В вечерний час пришел Бен-Гурион в роскошно убранную квартиру Шакиба Арсалана, который ожидал его вместе со своим другом Ахсаном бей Аль-Джабри. Арсалан показался Бен-Гуриону малоподвижным стариком, ”но когда он говорит, в нем чувствуется сила и страсть”.

Итак, старый ”лев” (Арсалан — по-турецки ”лев”) с силой и страстью фанатика обрушился на Бен-Гуриона. Арсалан небрежно отмахнулся от идеи Бен-Гуриона, предлагавшего помощь евреям объединению арабских государств. ”Объединение это неизбежно так или иначе”, — сказал он, и для этого арабы не нуждаются в евреях. Что же касается Палестины, то он недвусмысленно заявил, что без обещания (со стороны евреев), что арабы останутся большинством, он не готов идти ни на какие переговоры. Арабам нет никакого интереса создавать еврейскую Палестину. И даже если такая Палестина будет создана, арабы никогда не примирятся с этим фактом. В конце концов вокруг Палестины есть десятки миллионов арабов. Условия соглашения — статус вечного меньшинства для евреев Палестины и запрещение еврейского заселения Заиордания.

Через месяц Бен-Гурион с изумлением увидел содержание своей секретной беседы с Арсаланом и Джабри напечатанным за их подписями в декабрьском

номере журнала "La Nation Arabe" ("Арабская нация" — орган сирийско-палестинской миссии при Лиге Наций в Женеве).

Арсалан и Джабри писали, что согласились встретиться с Бен-Гурионом, так как получили сведения "о его серьезном характере". В беседе с ними "он откровенно заявил, что не только Палестина, но и За-иорданье — предмет притязаний сионистов... Он с полной наивностью явился узнать, какое возмещение потребуют арабы за свое согласие на создание еврейского государства на двух вышеуказанных территориях, поспешно прибавив, что арабам, которые не пожелают эмигрировать, предоставляется полная свобода остаться на своих землях".

Здесь авторы позволяли себе ироническое замечание: "Что за беда, если полтора миллиона арабов, отчаявшись, бросят на произвол судьбы свою родину, святую землю предков и уберутся в пустыню! Если уж у кого-нибудь зародится столь высокомерная и наглая идея, не стоит тому беспокоиться о согласии противника. Он может спокойно продолжать себе устраивать еврейское государство, полагаясь на английские штыки".

Авторы называли предложения еврейского лидера "детскими и нелогичными" и заключали: "А посему мы известили господина Бен-Гуриона, что в продолжении этой фантастической беседы нет никакого толка". С точки зрения Бен-Гуриона, это был конец лишь одной из попыток, но отнюдь не конец его усилий добиваться встреч с арабскими лидерами и вести с ними переговоры.

Он встречался с Ауни бей Абдул Хади, вождем палестинского "Истикляля", с Фуадом бей Хамзи, ведавшим внешнеполитическими делами в правительстве короля Саудовской Аравии Ибн-Сауда, с перешедшим в мусульманство англичанином Сент-Джоном Фильби, советником Ибн-Сауда. В беседах с ними Бен-Гурион снова поднял вопрос о создании ближневосточной федерации, идея которой еще раз блеснет в разгар

Второй мировой войны. В 1938 году Бен-Гурион встретился с послом короля Сауда в Лондоне. В Лондоне Бен-Гурион виделся также с одним из лидеров палестинских арабов Мусой Хуссейни.

В рамках контактов Бен-Гуриона с арабскими деятелями следует вспомнить также о его беседах с Жоржем Антониусом, арабом-христианином, духовным вождем арабского национального движения в Иерусалиме, состоявшихся в 1936 году.

Изю всех этих встреч и бесед ничего не вышло. Никакой компромисс не мог изменить того простого факта, что народов было два, страна же — одна.

В сентябре 1935 года Третий рейх принял нюрнбергские расовые законы. Уже несколько лет руководители сионизма предупреждали о приближающейся катастрофе. Бен-Гурион тоже разделял это ощущение надвигающегося кошмара.

”Что будет значить наша сила в этом забытом всеми уголке мира (Палестине) в тот грозный день Суда, когда в мире разразится катастрофа?”

Давление Всемирной сионистской организации, благожелательная позиция Англии принесли свои плоды. Из года в год росло число евреев, получавших визы на въезд в Палестину. В 1935 году алия достигла невиданной доселе, рекордной цифры — 65 000 человек.

Что касается арабских националистов в Палестине, то в этот период на них оказывали влияние два фактора: ускорение процесса укоренения евреев на земле Эрец-Исраэль и непрерывные еврейские погромы в соседних арабских странах, породившие новую волну национализма. В 1927 году была провозглашена независимость эмирата Трансиордании; в 1932 году Сирия получила самоуправление; Ирак должен был вот-вот подписать договор с Англией и стать независимой страной.

Ночью 15 апреля 1936 года группа арабов остановила грузовик недалеко от Кфар-Анабта и убила двух

евреев. А через несколько дней науськанные фанатиками толпы арабов пронесли по улицам Яфо, убивая всех евреев, встречавшихся на их пути. К концу дня число убитых евреев достигло шестнадцати. Множество евреев в панике бежало из Яфо в Тель-Авив. Хагана заняла пограничные районы, выселив оттуда жителей, и ценой огромных усилий проводила политику "сдержанности", предписанную Правлением Еврейского Агентства.

Так началось арабское восстание 1936–1939 годов.

Если начало его и было, возможно, спонтанным, то продолжение — отнюдь нет. В течение двух-трех дней во всех арабских поселениях Палестины были организованы "национальные комитеты". Через несколько дней после яфских погромов руководство арабского восстания объявило в Палестине всеобщую арабскую забастовку. Бен-Гурион с первой минуты беспорядков занял ясную и последовательную позицию. Он решительно потребовал, чтобы Хагана воздерживалась от ударов по арабам, и подчеркивал, что надо приложить все усилия для того, чтобы арабская забастовка не сказалась на экономике и нормальной жизни ишува — а для этого необходимо сделать народное хозяйство Эрец стопроцентно еврейским, то есть полностью удовлетворять экономические потребности страны за счет еврейского труда и, в частности, добиться создания "еврейского порта" — покончить с зависимостью ишува от портовых рабочих-арабов. Кроме того, Бен-Гурион обратился к мандатным властям с призывом силой подавить забастовку, ибо был убежден, что она повлечет за собой беспорядки и террор.

Но больше чем арабов опасался Бен-Гурион англичан. Он предостерегал своих товарищей, что арабские нападения всегда сопровождалось политическими ударами со стороны британских властей, доказательством тому — события 1921 и 1929 годов. Поэтому надо и теперь подготовиться к такой возможности, немедленно продумать меры против какого бы то ни

было плана сокращения еврейской иммиграции, ограничения прав евреев или образования законодательного совета, которым уже давно грозили ишуву.

Однако все действия и рекомендации Бен-Гуриона исходили из одного фундаментального положения, от которого он ни разу не отступал — ишув не должен вступать в конфронтацию с Англией. Англия — это единственная сила, способная подавить арабскую забастовку и террор, который последует за ней, единственная в сложившихся условиях сила, способная помочь еврейскому населению Палестины и дальше проводить политику строительства национального очага.

Вейцман уже с марта месяца находился в Лондоне. Теперь и Бен-Гурион присоединился к нему с тем, чтобы вместе предпринять генеральное наступление на политические центры Британской империи.

Они беседовали с министром колоний Ормсби-Гуром и высшими чиновниками министерства, выступали с лекциями перед политиками и широкой общественностью, встречались со сторонниками сионизма в британском парламенте, инструктировали журналистов, придерживающихся сионистской ориентации. Их усилия увенчались успехом. Почти все выступавшие в парламентских дебатах о положении в Палестине высказались в поддержку идей сионизма. Пресса также проводила явно просионистскую линию.

Но идиллия продолжалась недолго. Положение в Палестине обострилось — и именно потому, что арабская забастовка не достигла своих целей. Ишув сумел организовать таким образом, чтобы самостоятельно удовлетворять все свои потребности. Железная дорога, промышленные предприятия, порты продолжали работать. Один из парадоксальных результатов забастовки состоял в том, что она дала возможность евреям взять в свои руки новые экономические рычаги. Мандатные власти санкционировали строительство порта в Тель-Авиве; в сельскохозяйственных поселениях в результате ухода арабов появилось множество сво-

бодных рабочих мест и евреи могли требовать существенного увеличения квоты на иммиграцию олим, намеревающихся заняться сельскохозяйственным трудом.

Арабы решили возобновить террор. Первым делом они принялись за убийства — происходили нападения на отдельных евреев в больших городах, в полях и на перекрестках дорог; затем в Палестине появились вооруженные банды, совершавшие разбойничьи вылазки. Главари арабского восстания призвали себе на помощь из Ирака известного офицера Фаузи аль-Каукджи, ставшего во главе так называемой "добровольческой армии".

Собираясь вместе с Вейцманом на встречу с британским министром колоний Ормсби-Гуром, Бен-Гурион опасался ограничения алии. Действительно, Ормсби-Гур спросил: "Каково ваше мнение о приостановке иммиграции на время работы правительственной комиссии (комиссии по расследованию) в Палестине?" Вейцман ответил, что он "не может дать ответа в настоящий момент". Бен-Гурион был сражен нерешительностью Вейцмана и вышел от министра "в таком подавленном состоянии, в каком ни разу еще не был". Отчитываясь о состоявшейся беседе товарищам, Бен-Гурион пишет: "Хаим провалил это дело. Вейцман не способен более руководить... Я понял, что не только ожидающая нас катастрофа вызвана поведением этого человека. Мне стала ясна причина всех политических провалов предыдущих лет".

Большинство руководителей партии Мапай было полностью согласно с Бен-Гурионом — не разделяя его крайностей — в том, что Вейцман — великая ценность для сионистского движения, но за ним надо "следить", чтоб он не сделал какого-нибудь необдуманного шага. Вейцману было прекрасно известно то неприятное обстоятельство, что все пытаются "следить" за ним. Во время лондонских бесед он однажды

сказал с горечью: "Выбрали себе вождя и не дают ему руководить, а хотят сами управлять им".

Вейцман не особенно считался с Бен-Гурионом. Похоже, что за его высокомерным пренебрежением скрывалось растущее опасение перед честолюбивым палестинским деятелем, ставшим его соперником в руководстве сионистским движением. С Бен-Гурионом дело обстояло иначе. Он, с одной стороны, восхищался "очарованием" Вейцмана, его блестящим красноречием, его величественной манерой держаться, а с другой — без конца жаловался на Вейцмана. Он считал его "человеком настроения", импульсивным, капризным, субъективно относящимся к важным вопросам, не способным проводить ясную и твердую линию; сомневался в том, что Вейцман может выдержать долговременные усилия и утверждал, что каждая ошибка Вейцмана имела роковые последствия для сионистского движения. Он подчеркивал также, что дело поселенчества было ближе сердцу Вейцмана, чем алия, что Вейцман не придавал решительного значения массовой иммиграции в Эрец. Дневник и воспоминания Бен-Гуриона, относящиеся к 1936 году, перестят крайне резкими высказываниями о Вейцмане.

Летом кровавые столкновения между арабами и евреями участились. В Цфате, в Яфо, в Иерусалиме было убито несколько евреев; только за одну ночь было совершено 38 нападений на еврейские поселения. Арабы разбойничали на дорогах, подрывали железнодорожные пути и нефтепроводы. Под руководством Каукджи арабское восстание приобретало ярко выраженный антибританский характер.

Хагана вначале подчинялась приказам Еврейского Агентства соблюдать "сдержанность". Но ввиду участившихся летом убийств, в августе Хагана получила разрешение проводить ответные акции.

Англичане разрешили увеличить число легальных еврейских охранников. Бен-Гурион видел в создании этой "еврейской армии" колоссальное достижение, однако он по-прежнему возражал против ответных тер-

рористических акций со стороны Хаганы, опасаясь, что они могут повредить делу легального вооружения ишува британской администрацией.

Второго сентября в Лондоне состоялось заседание правительства Великобритании. На нем было принято решение не прекращать еврейскую иммиграцию и не поддаваться давлению арабов, а наоборот, по мере необходимости, силой подавлять арабское восстание. Однако Англия предпочитала не вводить немедленно в дело свои боевые единицы. Восстание тем временем теряло свой размах.

Тайком велись утомительные переговоры между арабскими лидерами во главе с премьер-министром Ирака Нури Саидом и представителями английского правительства. Наконец, был найден пристойный выход из создавшегося положения. Несколько арабских королей и правителей обратились к палестинским арабам с призывом утихомириться и "положиться на добрые намерения дружественной Великобритании, провозгласившей, что она уладит конфликт по справедливости".

Первого ноября 1936 года Высший арабский совет объявил о прекращении забастовки и восстания.

И на этот раз победа была недолговечной.

Третьего ноября 1936 года случилось то, чего опасался Бен-Гурион: в Палестину прибыла королевская комиссия по расследованию во главе с лордом Пилем. Бен-Гурион был крайне встревожен. Присутствие комиссии не давало ему покоя. В ходе долгих заседаний вместе с Моше Чертоком, Хаимом Вейцманом и другими руководителями они сформулировали основные требования еврейского населения и распределили между собой задачи.

Упорное соперничество между Бен-Гурионом и Вейцманом проявилось и здесь. С той минуты, как было решено, что политическую линию сионистского движения будет проводить в жизнь и представлять перед комиссией Вейцман, Бен-Гурион более не появлялся на официальных заседаниях. Он, без сомне-

ния, чувствовал, что авторитет Вейцмана, его величественная внешность и красноречие оттеснят его в тень.

Поначалу казалось, что все рассчитано правильно. Вейцман выступил на открытом заседании комиссии и произнес потрясающую речь, прекрасную и мужественную.

Бен-Гурион был в восторге. "Хаим снова возбудил в мире симпатии к еврейскому народу, — записал он в дневнике, — нет сомнения, что его речь сплотит движение, которое не было сплоченным уже столько лет".

Но не прошло и нескольких дней, как по адресу Вейцмана вновь послышалась резкая критика. Вейцман продолжал давать показания комиссии уже при закрытых дверях. Когда Бен-Гурион получил запись очередного выступления, его снова охватило негодование. Вейцман давал уклончивые и даже опасные ответы на вопросы об иммиграции. "Читал и наслаждался, читал и радовался, читал и сожалел, читал и боялся", — так отозвался Бен-Гурион о свидетельских показаниях Вейцмана.

На узком совете с товарищами Бен-Гурион высказал мнение, что "нельзя позволять Хаиму давать показания при закрытых дверях. Он силен, когда произносит речи. В споре он беспомощен".

Когда же Вейцман заявил комиссии, что иммиграция миллиона евреев потребует 25—30 лет, Бен-Гурион направил Вейцману прошение об отставке с поста руководителя политическим отделом Еврейского Агентства. "После всех тяжких и горьких трудов мне стало ясно, что в политических вопросах сионизма мой подход не соответствует вашему".

Это письмо Бен-Гуриона очень огорчило Вейцмана, и по инициативе его ближайших сотрудников была организована встреча Вейцмана с Бен-Гурионом.

В результате этой встречи Бен-Гурион взял обратно свое прошение об отставке. Примерно через неделю он тоже выступил перед королевской комиссией с показаниями.

В конце января комиссия Пиля завершила свою работу в Палестине. Вейцману стало известно, что сэр Стафорд Криплс подготавливает в Лондоне предложение о разделе Палестины на два государства, еврейское и арабское.

Узнав об этом, Бен-Гурион загорелся. Англичане предлагают создать независимое еврейское государство! Кто мог мечтать о таком!

Собрав у себя дома членов центрального комитета Мапай, Бен-Гурион горячо высказался в поддержку раздела. Но речь его не вызвала воодушевления.

Пройдут десятки лет, прежде чем товарищи Бен-Гуриона поймут, оглядываясь назад, насколько он был прав, когда тем зимним утром в феврале 1937 года отстаивал идею раздела.

Перед взором Хаима Вейцмана стоял ужас надвигающейся катастрофы и потому он с такой страстью поддержал идею раздела еще тогда, когда она была лишь туманной гипотезой двух-трех влиятельных англичан. Бен-Гурион же каким-то "пророческим чутьем" (как определяют впоследствии присущий ему дар некоторые государственные мужи) ухватился за само понятие "государство". Итак, Вейцман и Бен-Гурион были единомышленниками в отношении цели, которой необходимо было достичь в наступившем 1937 году. Многие, однако, выступили против них.

"Сионизм балансирует сейчас не на канате, а на волоске, — писал Бен-Гурион Чертоку, — а противники раздела пребывают в раю для глупцов".

Бен-Гурион вложил все свое диалектическое искусство и темперамент в усилия убедить товарищей по центральному комитету в необходимости раздела. "План, который мы обсуждали — это не только "опасность раздела", но и образование еврейского государства". Он признается, что "до глубины души потрясен и взволнован грандиозной, чудесной, освободительной вестью — час создания еврейского государства пробил..."

Комиссия Пиля предложила свой план раздела Палестины. Еврейское государство должно простираться от Рош ха-Никра на севере до Беер-Тувии на юге и включать Верхнюю и Нижнюю Галилею, Изреельскую долину, часть Иорданской долины и Прибрежную равнину. На этой территории, составлявшей меньше четверти западной части Эрец-Исраэль, находилось 258 000 евреев и 225 000 арабов. Арабскому государству была отведена вся оставшаяся часть Палестины и Заиорданье. Новое государство представляло собой несколько еврейских островков в арабском море.

Себе Великобритания тоже оставляла несколько анклавов в Палестине: "территории, находящиеся под мандатным покровительством" — коридор от Иерусалима до Средиземного моря, в который войдут Бет-Лехем, Иерусалим, Лод, Рамла; Нацерет, Акко, Цфат, Тверия и Хайфа также должны были остаться под покровительством Великобритании. В Хайфе евреям будет предоставлено право пользования портом по особому графику до тех пор, пока в Тель-Авиве—Яфо не будет выстроен новый порт, которым будут совместно управлять евреи и арабы под наблюдением Великобритании. Англия гарантирует охрану святых мест сокращенными мандатными военными контингентами. Она также заключит союзные договоры с обоими новыми государствами.

Таковы были основные положения плана Пиля. Ответом на него, как известно, была буря негодования, потрясшая сионистское движение. Всюду вспыхивали жаркие споры. Крайне левые раздраженно отвергли план, проповедуя идею "двухнационального государства"; религиозные партии размахивали Библией, ревизионисты — рационалистическими лозунгами. Умеренно правые не желали и слышать о такой дикой урезке территории Эрец-Исраэль. Да и в самой партии Бен-Гуриона, среди близких его товарищей, метали громы и молнии против раздела. Но все это ничуть не поколебало веры Бен-Гуриона в то, что на пороге —

историческая, революционная перемена. Сильное впечатление произвела на него готовность Англии осуществить перемещение арабского населения с территории еврейского государства на другие места; он был взволнован предстоящим определением границы с Ливаном, единственной христианской страной на Ближнем Востоке, в которой он видел союзницу на будущее. Он был рад, что к еврейскому государству отходит длинная приморская полоса — ведь он, как никто, мечтал о покорении моря.

Между Бен-Гурионом и его товарищами было принципиально существенное различие в отношении к плану Пиля. Бен-Гурион никогда не считал границ раздела окончательными и неизменными. Но это его отношение нашло отражение только в одном документе — письме к сыну Амосу.

”Частичное еврейское государство — это не конец, а лишь начало, — писал ему Бен-Гурион. — Привезем туда столько евреев, сколько поместится в нем. Создадим разностороннюю экономику, сельское хозяйство, судоходство. Организуем совершенную систему обороны, образцовую армию, а тогда, я уверен, для нас не будет невозможным поселенчество во всех остальных частях Палестины — либо по соглашению с нашими арабскими соседями, либо другим путем”.

”С возникновением государства увеличатся возможности иммиграции. Возрастет наша сила в борьбе против арабов. Я не мечтаю о войне и не люблю ее. Но... возможно, что арабы поведут себя согласно бесплодным националистическим принципам и скажут нам: не надо нам ни меду вашего, ни жала. Пусть лучше Негев останется пустыней, чем поселятся в нем евреи. Тогда придется говорить с ними другим языком. И тогда у нас будет возможность говорить другим языком — а без государства это неосуществимо”.

20 Сионистский конгресс, состоявшийся в августе

1937 года, стал испытанием силы общественного мнения еврейских масс. Делегаты, прибывшие со всех концов света, полагали, что им предстоит решить судьбу сионизма: создавать или не создавать еврейское государство.

Несмотря на межпартийные разногласия, сложилась мощная коалиция, боровшаяся за предотвращение раздела Эрец-Исраэль. Не было никаких шансов добиться массовой поддержки плана Пиля. Не считая раздоров внутри рабочего движения, против раздела выступили правые; религиозные партии также были против; американцы отрицали идею раздела. Казалось, что сионизм, возникший сорок лет тому назад, принявший двадцать лет тому назад Декларацию Бальфура, все еще не достиг зрелости, четкости взглядов, чтобы взять на себя столь серьезную ответственность.

Наконец, конгресс отважился на компромиссную резолюцию, предложенную сторонниками раздела: уполномочить руководство ВСО вести переговоры с Англией о плане раздела. Но "да" разделу конгресс так и не сказал, так и не стал всеми силами бороться за государство, которое ему предложили.

Бен-Гурион все еще верил в осуществимость плана раздела. Он не знал, что в те самые дни факты новой политической действительности в мире и на Ближнем Востоке начинают выстраиваться в еще невидимый, но прочный заслон на пути просионистского течения в политике Великобритании. Бен-Гурион не знал, что столь дорогой его сердцу план раздела падет жертвой крутого перелома английской политики.

Ветер войны снова повеял над истрадавшейся беспомощной Европой. И снова свободный мир склонил голову. Америка поспешно отгородилась стеной сепаратизма; во Франции агонизировала Третья республика; Англия Невилла Чемберлена встала на колени перед Гитлером и его сподвижниками, пытаясь умиротворить "коричневую чуму".

В Палестине снова поднялось арабское восстание.

В ответ на план раздела разгневанные делегаты пан-арабской конференции, собравшейся в сирийском городе Баладане, призвали к отмене Декларации Бальфура и пригрозили Англии, что если она не изменит своей палестинской политики, арабы "будут считать себя вправе вступить в контакт с другими европейскими державами, враждебными по отношению к Великобритании".

Британия попыталась пойти на попятную и отбросить обязательства перед евреями, взятые ею на себя в Декларации Бальфура. Британское правительство катастрофически снизило квоту на еврейскую иммиграцию — до 1000 человек в месяц. Толерантный верховный комиссар, сэр Артур Уокоп, отождествлявшийся с просионистской линией британского кабинета, был заменен сэром Хэрлдом Мак-Майклом, о котором Бен-Гурион скажет, что он был "ужасный человек, худший из всех верховных комиссаров". В декабре 1937 года английское правительство официально заявило, что не считает себя связанным обязательством раздела Палестины.

Реакция Бен-Гуриона была однозначной. "Если выйдет указ выдать нас муфтию — только ишув сможет спасти нас". Против новых указов следовало, по его мнению, бороться не словами, не демонстрациями, а реальными делами: "...встанут молодые люди, молодые по возрасту и по духу, и поднимут знамя восстания, и будут воевать".

Однако когда специальная комиссия Вудхеда внесла совершенно неприемлемые для ишува предложения и стало ясно, что Англия стремится полностью отказаться от своих обязательств, Бен-Гурион заявил: "Мы также прекращаем поддерживать Англию и укрепляем собственные военные силы с тем, чтобы, в случае необходимости, мы смогли воевать и с англичанами!"

Бен-Гурион был уверен, что Палестина — лишь небольшой участок огромного мирового фронта, на котором сосредоточены силы Британской империи, за-

щищающей свои интересы. И хотя еврейское население Палестины насчитывает всего 400 000 человек, но если оно дружно и решительно поднимется на борьбу, то сумеет противостоять тем ограниченным военным контингентам, которые Британия сможет выделить для подавления восстания. Маленький и непоколебимый в своей решимости ишув заставит отступить огромную Британскую империю.

В таком состоянии духа Бен-Гурион писал товарищам в Эрец, что одна из главнейших задач, "стоящих перед нами на сегодняшний день — это наращивание наших сил — в полиции, в армии, в алии — насколько только возможно... может случиться так, что нам придется пустить в дело те небольшие силы, которыми мы располагаем".

7 февраля 1939 года в 10 часов 30 минут утра высокопоставленная арабская делегация проследовала в Сент-Джеймский дворец через ворота "Фрайерз Корт". После аперитива в "комнате королевы Анны" арабские лидеры расположились в аудиенц-зале. Через несколько минут в зал прошествовал британский премьер-министр Невилл Чемберлен, облаченный в визитку, полосатые брюки и сорочку со стоячим воротничком, в сопровождении солидной свиты своих помощников. Чемберлен произнес по-английски короткую приветственную речь, двое арабских лидеров выступили с ответными речами. После этого арабы поднялись и покинули дворец через те же ворота, через кои вступили в него.

В 11 часов 45 минут Невилл Чемберлен снова прошествовал в аудиенц-зал, сопровождаемый той же свитой. За двумя длинными столами и третьим, подковообразным, восседали теперь члены сионистской делегации во главе с Хаимом Вейцманом и Давидом Бен-Гурионом. Невилл Чемберлен снова произнес ту же приветственную речь. По окончании заседания члены сионистской делегации покинули великолепный

дворец через "посольские ворота". Ни при входе, ни при выходе из дворца они не столкнулись ни с одним из арабских делегатов. Премьер-министру Великобритании пришлось дважды проводить церемонию открытия конференции по причине категорического отказа арабских представителей сидеть в одном помещении с евреями.

Таким-то абсурдным образом началась эта странная конференция между Англией, арабами и евреями, которую какой-то остроумец из министерства колоний окрестил "конференцией круглого стола". Так вступил в свою последнюю стадию процесс нерешительных перемен в британской политике, начавшийся в тот день, когда лорд Пиль положил на стол заседаний британского кабинета министров свой план раздела Палестины.

Решение о созыве Сент-Джеймской конференции было принято английским правительством на исходе 1938 года. Это была последняя попытка достигнуть тройственного англо-арабо-еврейского соглашения, после того, как рекомендации комиссий Пиля и Вудхеда завели дело урегулирования конфликта в тупик. Ни у кого из сионистских деятелей, а тем более у Бен-Гуриона, не было никаких сомнений в том, что "соглашение", о котором хлопотала Англия, заведомо носило ярко выраженный проарабский характер. Бен-Гуриону было ясно, что Англия не станет чересчур рисковать своими интересами ради евреев. "Английское правительство думает про себя: в случае войны в позиции евреев можно не сомневаться... потому что евреи во всех случаях и при всех условиях будут на стороне Англии. Даже если она станет притеснять нас в Палестине — что ж, евреи не могут оказаться на стороне Гитлера.

Другое дело арабы. Их надо купить, ибо они могут примкнуть к Гитлеру".

В течение пяти недель продолжались параллельные встречи английских представителей с двумя враждебными друг другу делегациями. Англичане торопились

с заседания на заседание, передавали противникам протоколы, уговаривали, предлагали устроить неофициальные встречи, угрожали в случае, если делегации не придут к соглашению, навязать им свое решение. Рядом, в Европе, крепчал ветер войны. А в роскошном Сент-Джеймском дворце продолжалась игра в прятки между уверенными в своих козырях арабами и отчаявшейся еврейской делегацией, понявшей, что ее пригласили наблюдать, а может, и способствовать, разрушению недавно заложенного национального очага. Все это проделывалось самым что ни на есть благообразнейшим, джентльменским манером — и оттого было в десять раз жесточе и гнуснее. Через несколько недель, когда Бен-Гурион заболел от постоянной тревоги и напряжения, Макдональд поспешил послать ему букет цветов с пожеланием выздоровления. Получив цветы, Бен-Гурион с горечью воскликнул: "Надо все же перенять их вежливость и обходительные приемчики! Даже отправляя тебя на эшафот, они рассыпаются в учтивостях и улыбках!"

Итак, это было возведение на эшафот, пусть с пышными декорациями и со всеми торжественными церемониями. Открытие конференции было праздничным и впечатляющим. Председествовавший на конференции Малькольм Макдональд разъяснил, что Британии необходимо заручиться доброжелательным отношением арабских стран, чтобы гарантировать себе на случай войны жизненно важные базы и транспортные коммуникации. Макдональд потребовал, чтобы евреи "стали реалистами"; Палестина — это не пустая страна. Там невозможно создать еврейское государство, арабы требуют самоуправления — и справедливо; надо ограничить иммиграцию, определить "потолок" еврейского меньшинства в 35—40 процентов, запретить продажу евреям земель на большей части Палестины. Он и его сотрудники отклонили все требования Вейцмана и Бен-Гуриона, ссылавшихся на авторитет Декларации Бальфура.

Первый раз Бен-Гурион сцепился с Макдональдом

пятнадцатого февраля, когда англичане перешли к конкретным предложениям о резком ограничении иммиграции и полном прекращении ее на несколько лет. Бен-Гурион отреагировал недвусмысленно: "Нам, бывало, говорили, что продолжение алии вызовет необходимость в поддержке и помощи английских штыков. На деле же невозможно предотвратить иммиграцию евреев в Палестину ничем, кроме британских штыков, британской полиции и британского флота. И, разумеется, невозможно, ввиду сопротивления евреев, превратить Палестину в арабское государство, без активной поддержки британских штыков!"

16 февраля, в проведенной по инициативе Бен-Гуриона неофициальной беседе с Малкольмом Макдональдом, он предложил три возможных решения: 1) еврейское государство в составе еврейско-арабской федерации, которая представляется ему "идеальным решением"; 2) раздел согласно плану Пиля; 3) откладывание переговоров еще на пять лет, в течение которых еврейская иммиграция будет продолжаться в пределах, согласованных между тремя сторонами.

Постепенно члены еврейской делегации осознавали, что на этой конференции англичане не столько стремились найти выход из кризиса, сколько придать официальный отпечаток новой политике, которую они уже давно решили проводить в Палестине.

26 февраля Хаим Вейцман получил официальное послание от правительства Великобритании. Когда он открыл конверт и проглядел его содержимое, у него потемнело в глазах. Это был план "Белой книги", которую британское правительство намеревалось вскоре обнародовать. Ее основными положениями были: создание в Палестине через пять лет арабского государства; ограничение еврейской иммиграции в течение этого пятилетнего периода, а затем согласование размеров иммиграции с арабским правительством. "Я не мог поверить глазам своим", —

писал Вейцман. Выяснилось, что конверт попал к Вейцману по ошибке, ибо набросок "Белой книги" был направлен министерством колоний на утверждение... арабской делегации.

Через несколько дней англичанам удалось уговорить лидеров арабских стран явиться на совместное с евреями заседание. Эта встреча состоялась в Сент-Джеймском дворце вечером седьмого марта, она носила интимный характер и протекала в непринужденной атмосфере. Четверо англичан, четверо евреев и трое арабов собрались в небольшой комнате возле горящего камина. Но прошло немного времени и обнаружилось, что собравшиеся вели разговор глухих. Стороны сдержанными, тихими голосами выставляли свои требования. Но в выступлениях противников не было и проблеска надежды на взаимопонимание и примирение. Али Махер, египетский премьер, бывший главным оратором арабской стороны, обратился к Бен-Гуриону с любезными словами: "Не думаете ли вы, что следует прежде всего установить мир в Святой земле? Не торопитесь. Перестаньте зазывать иммигрантов. Установится мир, вы приобретете дружбу арабов, будете вместе работать, с их доброго согласия будете затем продолжать свою деятельность. Может быть, станете большинством. Но не спешите, не вызывайте кровопролития. Пусть прежде всего будет мир, и если для этого понадобится притормозить, даже прекратить иммиграцию — разве мир не стоит этого?"

Бен-Гурион почувствовал, что все взгляды остановились на нем и его товарищах.

Он сказал, что высоко ценит дух мира, которым были проникнуты слова египтянина, и продолжал:

"Обращение к нам с призывом прекратить на некоторое время нашу работу можно уподобить обращению счастливых, многодетных, живущих в довольстве семейств к женщине, которая много лет была бездетной и, наконец, забеременела. И вот когда наступают у нее родовые схватки и она начинает стонать

от боли, соседки упрекают ее и кричат: "Может быть, ты прекратишь этот шум и повременишь с родами, пока мы спокойно не заснем?" Но роженица не может остановиться — можно убить дитя или мать — но нельзя требовать от нее, чтоб она перестала рожать".

Это был впечатляющий ответ, но, на беду, миролюбивый тон Али Махера задел слабую струну в еврейской делегации — Хаима Вейцмана. "Я с удовольствием слушал слова Али Махера, — сказал президент Всемирной сионистской организации. — Впервые за двадцать лет я слышал от мусульманина мирные, уважительные речи. В таком духе можно разговаривать. Мы готовы к переговорам с палестинскими арабами, к взаимным уступкам. В Палестину могут приехать за год 50—60 тысяч человек. Если нам скажут: заключим договор, лишь повремените немного — что ж, мы сможем найти основу для соглашения".

Моше Черток испугался, услышав слова Вейцмана. "У меня волосы встали дыбом, было такое ощущение, что под ногами у нас разверзлась бездна".

Малкольм Макдональд немедленно отреагировал на слова, бывшие отступлением от официальной сионистской линии. "Наша встреча не была бесполезной, — сказал он, — мы наконец-то нашли общий язык. Похоже, что есть и общая почва для замедления иммиграции на некоторое время".

Бен-Гурион взорвался: "Мне не хочется омрачать вашу радость, но я все еще не вижу "общей почвы". Я не согласен на замедление иммиграции. Доктор Вейцман говорил о взаимных уступках, и каждый из нас готов к переговорам на такой основе, но нельзя говорить об ограничении алии, это односторонняя уступка!"

Вейцман, как будто понявший, что допустил грубый промах, набрал в рот воды.

Малкольм Макдональд неохотно сказал: "Продолжим дискуссии завтра".

Бен-Гурион не успокаивался: "Можно будет в ходе

дальнейшей дискуссии поставить вопрос об ускорении темпов иммиграции?"

"Нет!" — отрубил Макдональд.

"Почему?" — упрямылся Бен-Гурион.

Макдональд ответил: "Потому что на основе ускорения иммиграции не будет соглашения".

Бен-Гурион отпарировал: "Боюсь, что и на основе ее замедления соглашения также не будет".

Англичане негодовали на Бен-Гуриона за то, что он "призвал Вейцмана к порядку" и тем самым закрыл путь к полюбовному соглашению.

И в дальнейших переговорах Бен-Гурион был самым непримиримым из членов еврейской делегации. Между ним и Малкольмом Макдональдом усиливалась напряженность, а Моше Черток с восторгом писал, что Бен-Гурион "спас положение, хоть и принес для этого в жертву себя самого".

На последнюю неофициальную встречу с английской делегацией Бен-Гурион отправился с ощущением, что "все кончено". Ему было ясно, что англичане делают по-своему, даже ценой разрыва с евреями.

"Предательский план" британского правительства, как именовал его Бен-Гурион, поступил к еврейской и арабской делегациям 15 марта. Хаим Вейцман не присутствовал на заседании, Бен-Гурион также отказался явиться. Британия предлагала создание независимого палестинского государства, возможно, федеральной структуры — не еврейского и не арабского; основание государства должно быть провозглашено учредительным собранием, выборы в которое предусматривалось провести в двухлетний срок. Палестинское государство должно быть создано за период, не превышающий десяти лет. В течение ближайших пяти лет в Палестину должны были иммигрировать 75 000 евреев, после чего любая дополнительная иммиграция должна быть согласована с арабами. Нелегальная иммиграция будет прекращена энергичными средствами; будут введены суровые ограничения на продажу земли евреям. Один из пунктов плана содержал неяс-

ное указание на то, что если евреи не согласятся на провозглашение независимого палестинского государства, это может повлечь прекращение мандата.

Эти предложения удовлетворяли значительную часть арабских требований — но не все. Так например, создание независимого арабского государства обуславливалось, среди прочего, согласием евреев. Поэтому арабы, хоть и в чрезвычайно умеренных выражениях, но отклонили предложенный английским правительством план.

Реакция евреев была совершенно отличной. С их точки зрения это был, вне всякого сомнения, "предательский план", означавший конец национального очага, как он был определен Декларацией Бальфура.

Нечто символическое было в самой дате опубликования этого жестокого плана. В тот же самый день, 15 марта 1939 года, Гитлер вторгся на территорию, еще остававшуюся под суверенитетом Чехословакии. Многие евреи видели аналогию между тем, как Англия бросила на произвол судьбы Чехословакию, и тем, как она продала евреев.

Вечером 15 марта 1939 года, выйдя из Сент-Джеймского дворца с английскими предложениями в руках, члены еврейской делегации собрались в номере Бен-Гуриона. 17 марта Вейцман направил Малкольму Макдональду краткое ответное письмо. "Внимательно изучив предложения правительства Его величества, представленные еврейской делегации 15 марта 1939 года, наша делегация с сожалением отмечает, что эти предложения не являются приемлемой для нас основой переговоров, ввиду чего мы приняли решение о саморасформировании".

Так окончилась Сент-Джеймская конференция. Бен-Гурион несколько дней подряд пребывал в мрачном унынии.

Но потом преодолел свою горечь. Как и всегда в трудные минуты, его спасала и укрепляла вера в силу еврейского народа, в его светлое будущее. В письме

к членам правления ВСО в Иерусалиме он анализирует ситуацию без прикрас.

”Мы вышли с конференции побитыми, но не побежденными. На этот раз в ходе дебатов уже слышался новый, не очень броский, но весомый аргумент, и аргумент этот — наша сила в Эрец. До сих пор англичане не прислушивались к этому аргументу и до лондонских бесед, сдается мне, вовсе не принимали его в расчет. Это была, по-моему, главная, а может, и единственная новость в наших беседах с англичанами. Правительство Его величества обнаружило, что в Палестине существует еврейская сила”.

Назавтра он следующим образом сформулировал свое отношение к целям борьбы в частном письме: ”Единственная цель, к которой стоит стремиться и за которую стоит бороться — это независимость палестинских евреев, то есть еврейское государство... И после того, как Англия решительно объявила, что мандата не будет — уже не существует другого пути, кроме еврейского государства”.

17 мая 1939 года британское правительство опубликовало ”Белую книгу”, в которую вошли рассмотренные выше антиеврейские законы.

”В истории сионизма начинается новая глава, — провозгласил Бен-Гурион, — ”в о и н с т в у ю щ и й с и о н и з м”... продолжение нашей сионистской деятельности возможно теперь только и исключительно военными средствами”. На деле Бен-Гурион начал действовать по правилам ”воинствующего сионизма” уже за несколько недель до выхода в свет ”Белой книги”. С той самой минуты, как накануне праздника Песах он вернулся в Эрец, Бен-Гурион сконцентрировал свои усилия на подготовке Хаганы к выполнению поставленной им задачи — войне против ”Белой книги”. Он пригласил к себе руководство Хаганы и потребовал дать ему отчет о находящихся в Палестине самолетах и обо всех молодых людях, способных управлять ими, до мельчайших подробностей изучил состояние

живой силы и вооружения. Бен-Гурион представил исполнительному комитету ВСО детально разработанный план гражданского сопротивления и подготовки к насильственному свержению власти. Своим товарищам по Мапай он предложил начать активное сопротивление. В ишуве усиливалось замешательство, все чаще раздавались требования энергичных действий. В канцелярию Бен-Гуриона являлись делегации со всех концов Эрец-Исраэль, ото всех слоев ишувов, требовавшие решительности от руководства и активных действий против англичан. Некоторые приводили подробные планы операций, а были и такие, что доходили до требования установления в Эрец диктатуры.

В начале июня Бен-Гуриону удалось добиться от правления Еврейского Агентства разрешения на формирование "подразделений для специальных заданий" – особого сверхсекретного отряда Хаганы, бывшего как бы подпольем внутри подполья. Главной задачей этих подразделений было выполнение секретных антибританских акций. Кроме того, на "специальные подразделения" было возложено выполнение ответных операций против арабских террористов, а также карательных действий против евреев-доносчиков.

Параллельно с созданием специальных подразделений Бен-Гурион бросил все свои силы на подготовку нелегальной алии, сделав ее знаменем, символом борьбы за сионизм. Он видел в нелегальной иммиграции политическое оружие первостепенной важности. Бен-Гурион разработал план, согласно которому в Эрец еженедельно должно было прибывать 1000 нелегальных репатриантов; в каждом случае изгнания нелегальных иммигрантов и высылки из Хайфы доставивших их судов должны были организовываться демонстрации и шумные протесты, с "привкусом сенсационности" с тем, чтобы привлечь внимание мировой печати. Кроме того, Бен-Гурион был инициатором так называемой "Алии Гимел" – доставки

нелегальных репатриантов к берегам Эрец-Исраэль на военизированных судах и высадки их на берег под прикрытием вооруженных бойцов Хаганы. Опасность вооруженного столкновения с англичанами не останавливала Бен-Гуриона. Напротив, он считал, что таким образом еврейский народ сможет продемонстрировать свое право репатрироваться на родину и готовность бороться за это.

На этот раз Бен-Гурион зашел весьма далеко. Многие из товарищей Бен-Гуриона еще не успели привыкнуть к крутому повороту, произведенному им в британской политике ишсува; они страшились нелегальной алии под охраной вооруженных бойцов, грозившей тяжелыми людскими потерями. Разногласия между ними и Бен-Гурионом особенно обострились, когда к берегам Эрец-Исраэль подошел корабль "Колорадо", на борту которого находилось 380 нелегальных репатриантов. Бен-Гурион требовал подвести судно к Тель-Авиву и высадить олим на берег с помощью вооруженных бойцов Хаганы. Правление Еврейского Агентства, испугавшись, воспротивилось этому плану. Бен-Гурион не отступил и передал дело на обсуждение политической комиссии партии Мапай. Но и там у этого плана нашлось множество противников.

В последних числах августа 1939 года в зале жевевского городского театра собрался 21 Сионистский конгресс. Он проходил под печальным знаком "Белой книги". В разгар работы конгресса был подписан пакт Молотова—Риббентропа между Советским Союзом и нацистской Германией. Прощаясь с делегатами конгресса, Вейцман произнес пророческую речь о тьме, опускающейся над миром. Он не знал, что видит большую часть этих людей последний раз в жизни.

Обратно в Эрец-Исраэль Бен-Гурион плыл на корабле, вышедшем из марсельского порта. Здесь, по дороге в Эрец, услышал он жуткое сообщение: Германия вторглась в Польшу. Было 1 сентября 1939 года. Разразилась Вторая мировая война.

Период "воинствующего сионизма" начался, но

прежде чем биться за создание государства, еврейскому народу предстояло сражаться за свое существование. В те дни Бен-Гурион отчеканил тот лозунг, под которым он будет вести свой народ в течение шести горьких лет неизбывных страданий. Будем помогать англичанам в войне (с Гитлером), как будто нет "Белой книги" и бороться против "Белой книги", как будто нет войны!"

8. ОБРАЗ БЕН-ГУРИОНА — ВОЖДЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Две основные черты бросались в глаза в облике Бен-Гуриона тех лет: бурная, неукротимая сила и глубокая, кровная связь с жизнью рабочих Эрец-Исраэль. За свой сметающий все преграды натиск получил Бен-Гурион прозвище "паровоз". В те годы он уже, несомненно, был центральным вождем рабочего движения, хотя и его восхождение к власти, и самое "правление" проходило в непрерывной борьбе и состязании с соперниками.

Говорят, что Бен-Гурион сформировался и закалился как вождь в двадцатые годы. Но лишь в тридцатые годы в его личности четко обозначились черты политика и государственного деятеля.

Как политик он впервые заявил о себе на конференции в Кфар-Иехезкель и во время выборов на Сионистский конгресс 1933 года. Он сумел точно выбрать минуту штурма избирателей, показал себя талантливым организатором, неустанным агитатором, виртуозом сложнейших партийных маневров, с помощью которых он сумел добиться образования широкого коалиционного блока вокруг рабочего движения.

Даже такие внезапные повороты политической линии, как заключение договора со своим заклятым врагом — Жаботинским, характеризуют Бен-Гуриона как гибкого политического деятеля, не скованного жесткими рамками, который не останавливается перед крутыми изменениями, перед отказом от тех принципов, которые он сам же провозгласил.

Настоящим государственным деятелем показал себя

Бен-Гурион, став верным приверженцем плана раздела Палестины.

Здесь Бен-Гурион-политик столкнулся с Бен-Гурионом-государственным деятелем. И государственный деятель в нем победил. Если бы Бен-Гурион был осторожнее, был больше политиком, он бы, разумеется, воздержался от занятия столь односторонней позиции по вопросу о разделе. Ведь его решительная поддержка раздела привела к почти полному развалу той политической базы, на которую он опирался — сплоченных сил активного крыла рабочего движения. Бен-Гурион вдруг оказался почти в изоляции, оторванным от большинства своих товарищей. Его ближайший, глубоко любимый друг Берл Кацнельсон был во враждебном лагере. Его давние товарищи Ицхак Табенкин и Ицхак Бен-Ахарон, Голда Меерсон, политический талант которой он высоко ценил, и еще многие из лучших его сподвижников восстали против раздела. Ицхак Бен-Цви осторожно заявил, что его позиция будет зависеть от конкретного предложенного плана. Моше Черток, всегдашний верный сторонник Бен-Гуриона, не скрывал своих колебаний. Даже собственный сын ополчился на Бен-Гуриона. Члены партии Ха-шомер ха-цаир, которых он пытался объединить с Мапай, повернулись к нему спиной. Он оказался рядом с умеренными вейцманистами, с которыми никогда не был близок. И несмотря на все это, с тем же неослабевающим натиском и непоколебимой решимостью продолжал он бороться за раздел. Бен-Гурион, вспыльчивый, крайний, увлекающийся, сумел теперь правильно взвесить положение и принять глубоко обдуманное, зрелое решение, сумел отделить мечту от реальности, сумел выбрать между воодушевляющими лозунгами о единой неделимой Эрец-Исраэль — и колоссальным по значению фактом образования еврейского государства.

Бен-Гурион был по природе человеком очень целеустремленным. Его склонность к централизму на посту секретаря Гистадрута (до 1935 года) и пред-

седателя правления Еврейского Агентства общепризнанна. Однако это его свойство уравнивалось педантичной преданностью принципам демократии. Глубокое уважение к демократии зародилось у Бен-Гуриона, быть может, именно в "американский" период жизни, тогда как революционная идеология, характерная для него как для выходца из России, породила склонность к решительному централизму в руководстве. Желая демократическим путем привести товарищей к определенному решению, Бен-Гурион прибегал к своей особой силе убеждения. Доводы его всегда были очень логичны, исключительно просты, без всяких остроумных вывертов, без тени наукообразного интеллектуализма. Не менее, чем существо аргументов, отличал Бен-Гуриона сам способ вести спор. Он обрушивался на публику или на собеседника с нескончаемыми лекциями и доказательствами, с неукротимым пылом, с бульдожьим упрямством, час за часом, день за днем, твердил одно и то же, пока не доводил своего слушателя до полного изнеможения.

При всем при том он обладал огромным личным обаянием и умел пользоваться им, если хотел.

Тот же самый человек, который при желании мог быть милым и приветливым, мог стать невероятно суровым и несговорчивым. Чем выше поднимался он по ступеням политической иерархии, тем страшнее становилась сила его ударов. Он не останавливался перед отстранением людей, которых считал ненужными для дела. У многих товарищей Бен-Гуриона остались в душе рубцы от нанесенных им ран.

Еще более оправданно критиковали Бен-Гуриона за резкость выражений, к которым прибегал он в споре. Кроме немногих людей, заслуживших его особую любовь и уважение, он не щадил никого, набрасываясь на старых товарищей с резкими, оскорбительными нападками, и, казалось, не осознавал, как болезненно ранила их его ярость. В минуту спора он способен был сказать человеку самые невероят-

ные, подчас поразительно бестактные слова, не понимая, до какой степени вредит его поведение их взаимоотношениям. Тем более жестокими были его удары по политическим противникам.

”Шершавый язык” Бен-Гуриона не смягчился даже в процессе глубокого духовного развития, происходившего в нем за годы общественной деятельности. Разностороннее и систематическое чтение наложило на него отпечаток — он овладел богатейшими сокровищами культуры, у него были неизбитые, оригинальные суждения по сложным вопросам истории разных цивилизаций. За двадцать лет, истекших с тех пор, как он демобилизовался из Легиона, Бен-Гурион приобрел обширные знания в самых разнообразных областях — филологии, теологии, иудаизме... глубоко разбирался в античной эпохе, древнегреческом и латинском языках.

15 ноября 1935 года, после избрания Бен-Гуриона председателем Правления Всемирной сионистской организации, газета ”Аль-Джамия-эль-Арабиэ” писала: ”Бен-Гурион — это тот самый человек, который встречался с сирийско-палестинской делегацией в Женеве и заявил, что Палестина будет национальным очагом для евреев, хотя этого арабы или нет. Это тот самый человек, который сказал покойному Мусе Казм аль-Хуссейни, что евреи готовы признать арабское единство и помочь его осуществлению на деле при условии, что арабы согласятся на то, чтобы пять миллионов евреев поселились в арабских странах”.

”Таков Бен-Гурион, избранный председателем Правления Всемирной сионистской организации — человек крайних взглядов, самый опасный из сионистских лидеров”.

В те годы у Бен-Гуриона шел медленный процесс отрезвления от круживших ему голову мечтаний о взаимопонимании евреев и арабов.

Что касается британской политики, то у Бен-Гуриона росло горькое разочарование в англичанах и

острая неприязнь к ним. Еще в июле 1937 года, когда во время заседания Еврейского Агентства в Лондоне Бен-Гуриону сообщили о решении британского правительства ограничить еврейскую иммиграцию в Палестину, в нем вспыхнул дикий гнев. Он яростно обрушился на проклятых англичан (the bloody British); по словам племянницы лорда Бальфура Баффи Дагдейл — (“он говорил как сумасшедший”) и потребовал прервать все отношения с правительством Великобритании. Перемены в правительстве Англии привели Бен-Гуриона в отчаяние — и он начал было проповедовать вооруженное восстание.

Было уже справедливо замечено, что “разочарование в возможности договориться с арабами, наряду с неверием в успех попыток убедить англичан доводами морального характера сделали Бен-Гуриона “пророком вооруженного действия”.

Здесь и обозначилась та трещина между Бен-Гурионом и Вейцманом, которая за несколько лет перерастет в сильнейшую конфронтацию. До сих пор они, при всех существенных различиях между ними, были единомышленниками в отношении главного — сотрудничества с англичанами, алии, поселенчества, переговоров с арабами, раздела Палестины. Бен-Гурион был более воинственным, активным, Вейцман — более умеренным, склонным к компромиссам, но эти различия являлись не более, чем оттенками их общей политики. Но теперь, когда Англия повернулась спиной к сионизму, расшаталась самая основа совместной работы Вейцмана и Бен-Гуриона. Поначалу Вейцман воспылал гневом и, разъяренный, заявил, что Англия предала его, даже грозил сгоряча, что будет воевать против нее, но в конце концов остыл и стал искать пути компромисса с нею. Ведь он был связан с Англией всеми фибрами души и был неспособен, даже если бы захотел, порвать с нею. Для Бен-Гуриона, напротив, не составляло труда восстать против Англии и объявить ей войну до победного конца.

Так впервые в сложной системе отношений Вейцмана и Бен-Гуриона возник принципиальный конфликт. Взаимоотношения их и так четыре последних года были постоянным источником горечи и разочарований для Бен-Гуриона. Вейцман был главным вождем сионистского движения и по большей части единолично заправлял его политикой. Не всегда удавалось Бен-Гуриону обуздать свой гнев на президента ВСО за его промахи, за "слабость", проявленную им по отношению к англичанам, за его готовность уступить. Вейцман и его ближайшие лондонские сподвижники ценили Бен-Гуриона, однако не чересчур. Похоже, что Вейцман не раз игнорировал председателя Правления ВСО. Еще больше уязвлял Бен-Гуриона тот факт, что большинство его товарищей из руководства партией Мапай поддерживали Вейцмана. Часть из них — Локер, Каплан, Шпринцак — были из самых преданных Вейцману людей и втайне сотрудничали с ним. Бен-Гурионовские предсказания 1935 года о том, что рабочие будут управлять сионистским движением, а Вейцман будет лишь его инструментом, не оправдались.

Несмотря на горечь разочарования, в сердце Бен-Гуриона не раз вспыхивало истинное благоговение перед Вейцманом, и он выражал его в письмах и в дневнике самыми возвышенными словами. Когда однажды в продолжение телефонного разговора Вейцман дал резкую отповедь Малкольму Макдональду, Бен-Гурион с юношеским восторгом написал в письме, что у Вейцмана был в ту минуту "лик тигра". Пытаясь анализировать положение Вейцмана в сионистском движении после 1935 года, приходишь к выводу, что главным источником его силы была проводимая им умеренная политика и его огромное влияние в Лондоне. С того момента, как влияние на правящие круги Лондона потеряет решающее значение, сила Вейцмана неминуемо должна будет начать таять и убывать. Разрыв с Англией, более чем любые другие изменения в самом сионистском дви-

жении станет важнейшей причиной заката Вейцмана как вождя сионизма.

Но тогда, в 1939 году, этого еще не произошло. Бен-Гурион и Вейцман еще не встали друг против друга. Наоборот, совместная оборона против натиска англичан на Сент-Джеймской конференции, борьба против "Белой книги", тень катастрофы, нависшая над евреями Европы — сблизили их. В 1939 году эти двое людей были ближе друг к другу, чем когда бы то ни было в прошлом или в будущем. Это был единственный период, когда Бен-Гурион обращался к Вейцману в письмах словами "дорогой Хаим", а тот отвечал ему "дорогой Давид" и заключал письмо "с искренней любовью..."

Второй доминирующей фигурой в мире Давида Бен-Гуриона был в те годы его друг Берл Кацнельсон. Трудно представить себе что-нибудь более противоположное, чем эти два человека. Реалистичный, воинственный, упрямый, решительный политик — и уравновешенный, скептически настроенный, мудрый мыслитель, внутренне отталкивающийся от любого политического действия. Может, их дружба выросла из этих различий, а может, она возникла оттого, что их конечные цели совпадали, хоть друзья не раз расходились во взглядах на пути их достижения.

Берла все любили и почитали чрезвычайно. Бен-Гурион испытывал к нему какое-то безграничное обожание, взгляд и голос Берла были необходимы ему в продолжение всей жизни. "Во всем свете я не знаю человека умнее его", — писал Бен-Гурион в 1937 году. Во многих вопросах он признавал превосходство Берла. Берл Кацнельсон, со своей стороны, неоднократно называл Бен-Гуриона "сокровищем рабочего движения", гордился его успехами. При этом Берл частенько являлся тормозом, уздой для взрывчатого, темпераментного Бен-Гуриона. Он признавал колоссальный потенциал Давида, но, будучи сам человеком уравновешенным и неторопливым в решени-

ях, отнюдь не всегда целиком поддерживал начинания Бен-Гуриона.

Настоящий конфликт начался между ними по вопросу о разделе Палестины. В первый раз тогда не смогли они убедить один другого, яростно спорили друг с другом; разногласия не исчезали на протяжении нескольких лет. В противоположность Бен-Гуриону, Берл выступил против раздела, чем страшно его огорчил. Этот принципиальный спор между друзьями проливает свет еще на одно важнейшее обстоятельство: впервые Давид и Берл поменялись ролями. Теперь Берл был экстремистом, закосневшим в своей мечте о неделимой Эрец-Исраэль, а Бен-Гурион — уравновешенным трезвым прагматиком, понимавшим важность создания еврейского государства в данный момент. До тех пор они всегда шли рядом и Бен-Гурион со всей серьезностью относился к мнению друга, но сейчас, когда сионизм встал, наконец, перед решением, потребовавшим государственного мышления, Бен-Гурион вырвался вперед. Он, а не Берл, проявил себя дальновидным государственным деятелем. Здесь разошлись пути мыслителя и вождя. В подходе к государственным вопросам человек действия взял верх над человеком мысли.

Трагическим фоном для последнего шага Давида Бен-Гуриона к вершине станет Вторая мировая война со всеми ее превратностями. В момент, когда грянула война, Бен-Гурион — уже первый среди вождей своего движения, но первый среди равных, первый в группе влиятельных деятелей, самые выдающиеся из которых — Берл Кацнельсон и Ицхак Табенкин. В общесионистском движении высок авторитет президента Хаима Вейцмана, и Бен-Гурион все еще находится в тени его славы.

Но где-то в ходе мировой войны наступит перелом. Он произойдет не разом, не в результате какого-нибудь необыкновенного события, это будет длительный процесс. И на исходе шести лет войны Бен-Гурион

предстанет неоспоримым вождем своей партии и еврейского ишува, главой сионистского движения. И не только Бен-Гурион — человек, но Бен-Гурион как олицетворение определенного пути. В час мировой бури он сумеет поставить перед сионизмом новые цели, наметить дерзкий и трудный путь к созданию еврейского государства.

9. ГОДЫ ВОЙНЫ

3 сентября 1939 года, через два дня после того, как гитлеровские армии вторглись в Польшу, корабль, на котором плыл Бен-Гурион, бросил якорь в Яфском порту.

Пять дней спустя Бен-Гурион созвал руководителей Хаганы и выступил перед ними с речью "О целях войны". В этой речи, лучше, чем в каком-либо из более поздних его выступлений, очерчен путь Бен-Гуриона в годы войны. "Первая мировая война 1914—1918 годов принесла нам Декларацию Бальфура. На этот раз мы должны прийти к еврейскому государству", — утверждал Бен-Гурион.

И отсюда вторая цель: "создание еврейской армии" в Эрец и, прежде всего, для Эрец.

Постепенно ему становилось ясно, что возникшие было надежды на то, что политика "Белой книги" будет заморожена под давлением военных обстоятельств и произойдет новое сближение с Англией, не оправдались.

По приказу английских властей евреев арестовывали за ношение оружия и приговаривали к суровым мерам наказания. Не только в таких вопросах, как оружие и оборона, ощущалась тяжелая рука Британии. В атмосфере обманчивого спокойствия, царившей в Палестине зимой 1939 года, Англия вернулась к "обычным делам", буквально выполняя все пункты "Белой книги". После небольшой паузы Британия нанесла удар по тому, чем сионисты дорожили как зеницей ока — по еврейскому заселению земли Израиля.

В конце января 1940 года, нагрузившись книгами, Бен-Гурион отправился на пару недель отдохнуть в

отель Калия на побережье Мертвого моря. Это был последний его отпуск перед долгими годами непрерывной работы. Во второй половине февраля 1940 года из Лондона пришли худые вести: британское правительство решило опубликовать драконовский "земельный закон", разработанный согласно директивам "Белой книги". Бен-Гурион и его товарищи предпринимали лихорадочные усилия, пытаясь в последнюю минуту сорвать принятие этого антиеврейского указа, но потерпели неудачу. 28 февраля новый закон был опубликован. Теперь вся территория Палестины подразделялась на три района. В районе А, охватывавшем 65 процентов всех земель, дозволялись земельные сделки только между арабами; в районе Б (составлявшем 30 процентов территории Палестины) приобретение евреями земельных участков, за исключением особых случаев, было приостановлено. "Свободный район", где евреи имели право на покупку земли, ограничивался Саронской долиной, северной частью Прибрежной равнины и городскими участками. Через 32 года после Декларации Бальфура право евреев на покупку земель для заселения было сведено к 5 процентам территории западной части Эрец-Исраэль.

Ишув волновался. Жгучий гнев кипел в сердце Бен-Гуриона. В нем снова пробудился вождь "воинствующего сионизма". На следующий день после опубликования земельного закона на заседании Исполнительного совета Всемирной сионистской организации Бен-Гурион подал заявление об отставке. "Со вчерашнего дня мы перестали быть равноправными гражданами нашей страны, нам отказали в праве на землю родины. Это дело рук мандатного правительства и исполнителей его политики в Палестине.

Как председатель Правления Еврейского Агентства, я обязан в отсутствие его президента представлять еврейский народ перед этим правительством и вести с ним переговоры. Мой долг известить вас, что

я не могу, оставаясь верным себе, продолжать исполнять эти обязанности, а поэтому я отказываюсь от членства в Правлении Еврейского Агентства”.

Бен-Гурион сообщил членам Исполнительного совета, что он решил уйти со своего официального поста, чтобы посвятить себя вооруженной борьбе против мандатных властей. С невероятным пылом обрушился он на своих товарищей по партии Мапай, стремясь убедить их в необходимости начать борьбу с англичанами. На заседании Исполнительного совета, где обсуждались предложения Бен-Гуриона, его требования были приняты.

Бен-Гурион считал, что ишув должен заявить о своем решительном протесте против мандатного правительства в ряде массовых демонстраций. Он добился согласия на это Правления ВСО. 29 февраля была объявлена всеобщая забастовка, в городах и сельскохозяйственных поселениях прошли массовые демонстрации. В некоторых местах произошли стычки между демонстрантами и полицией. Несколько евреев было ранено и арестовано. В Тель-Авиве демонстранты несли не только флаги и лозунги, но и камни, дубинки, кирки. Вспыхнули жестокие столкновения с полицией. В городе было объявлено военное положение на трое суток. Параллельные демонстрации, еще большего размаха, бушевали в Иерусалиме, в еврейских кварталах Яфо и в Хайфе. В Иерусалиме и Хайфе было убито двое молодых демонстрантов. Похороны убитых превратились в молчаливые массовые шествия.

День за днем проводились вооруженные демонстрации. Полиция силой разгоняла их, задерживала десятки членов Хаганы. Борьба достигла наивысшего накала 5 марта, когда штаб Хаганы организовал особенно впечатляющую демонстрацию против мандатной полиции. Столкновение с полицией на этот раз было спланировано с педантичной тщательностью. Подразделения Хаганы запаслись материалами для устройства заслонов на дорогах, чтобы

перекрыть полиции пути отступления, заготовили гвозди и осколки стекла для протыкания автомобильных шин, ломы, чтобы разбивать уличные фонари, кастеты и дубинки для массовых стычек. Специально выбранным караульным отрядам было выдано оружие на случай, если полиция откроет огонь. Была подготовлена особая рота, которая должна была ночью ворваться в полицейские участки, поджечь гаражи и автомашины.

Страшная тревога за возможный исход демонстрации охватила умеренные круги ишува и особенно его буржуазную прослойку. В Иерусалим были срочно направлены двое посланцев от командования тель-авивского отдела Хаганы, чтобы уговорить Бен-Гуриона прекратить демонстрации, навлекающие на город "несчастья".

Бен-Гурион в то время держал в руках всю работу правления Еврейского Агентства. Он принял посланцев стоя и "почти не дал им изложить свое дело". По словам очевидца, он "обрушился на них, как вулканическая лава, укоряя их за колебания, отступничество и недостаток понимания политической обстановки. Он кипел, бушевал и под конец заявил, что Правление ВСО, и только оно, несет ответственность за проведение политической линии, а всем остальным надлежит подчиниться или уйти в отставку. Пристыженные его выговором, повесив голову, уходили посланцы из комнаты Бен-Гуриона, и только взгляды, которыми они обменивались между собой, выдавали их отчаяние... А Бен-Гурион продолжал неистовствовать и после их ухода".

В это же время несколько видных общественных деятелей Тель-Авива обратились в сионистские учреждения Иерусалима, добиваясь отмены намеченной демонстрации, которая может стоить "десятков убитых и сотен раненых". Под этим мощным давлением демонстрация была отменена. Еще несколько недель активисты из руководства ишува пытались возобновить организованные противоправительственные ак-

ции. В середине марта была создана подпольная радиостанция Хаганы, которая начала свои передачи словами: "Пусть слышится громкий голос Израиля". Эти взволнованные, зовущие на борьбу слова вышли из-под пера Берла Кацнельсона. В то же время специальные отряды Хаганы боролись против доносчиков, сыщиков и других предателей-евреев. Некоторых из них только предупредили, других порядком избили; позднее пятеро предателей были казнены.

Применение насилия привело к резкой поляризации позиций в руководстве ишува.

Многие опасались результатов борьбы против Англии; были и такие, которые в простоте душевной считали, что "каждый удар по Англии помогает Гитлеру". Они требовали обуздать вооруженное сопротивление, положить ему конец. Бен-Гурион оказался в изоляции в Правлении Еврейского Агентства. На решающем заседании Правления, состоявшемся 8 апреля, он снова страстно проповедовал усиление борьбы с англичанами: "Для нас война против "Белой книги" важнее сейчас, чем что-либо другое". Но лишь немногие члены Правления встали на его сторону.

Бен-Гурион продолжал все ожесточенней бороться за свои идеи. После того, как большинство членов различных сионистских учреждений выразило недоверие к предложенному им пути, он решил уйти в отставку. "Бен-Гурион человек чрезвычайно способный, у него искренние намерения, — писал в дневнике доктор Артур Руппин, — но он фанатик и грозит вовлечь нас в пучину бедствий. Его место займет Черток".

Итак, Правление Еврейского Агентства отклонило план Бен-Гуриона.

В создавшихся условиях Бен-Гурион снова объявил о своей отставке. Подавляющим большинством голосов Исполнительный комитет не принял ее. Берл Кацнельсон решительно потребовал от Бен-Гуриона взять заявление об отставке обратно. Бен-Гурион не

дал товарищам ясного ответа. Неожиданно для всех он надумал отправиться в Англию и Америку. Первого мая он вылетел гидросамолетом в Англию и вернулся в Эрец лишь по прошествии десяти месяцев.

И в Лондоне пришлось ему продолжить свой крестный путь. На следующий день после его приезда состоялось заседание в лондонском представительстве Всемирной сионистской организации. Бен-Гурион снова изложил свою политику активных действий. И снова потерпел поражение. "Хаим возражал с большой серьезностью и чувством ответственности, — отчитывалась уже знакомая нам Баффи Дагдейл. — Каплан, как и все мы, тоже высказался против позиции Бен-Гуриона. Бен-Гурион хочет поэтому уйти в отставку из Правления, а не перейти в оппозицию. Но я надеюсь, что мы сумеем отговорить его от этого".

Но в конце концов не Вейцман и его сподвижники вернули Бен-Гуриона к прежним обязанностям, а новые мировые события. Те события, которые разрушили иллюзию "мнимой войны". Гитлеровские армии, вторгшиеся считанные недели тому назад в Данию и Норвегию, напали теперь на Нидерланды. 13 мая началось массированное немецкое наступление на Францию, которая развалилась как карточный домик. Лондон вдруг стал прифронтовой полосой. Италия присоединилась к войне, военный пожар перекинулся и на Ближний Восток. Мировая война из области теории перешла в практику. "Война с Гитлером, как будто нет "Белой книги", стала главным лозунгом момента. И в подходе самого Бен-Гуриона под влиянием мировых событий "воинствующий сионизм" отошел на задний план.

Буря возобновившейся войны смела британское правительство. Лейбористская оппозиция выступила против кабинета Чемберлена, многие члены консервативной партии также отказались поддержать его, в конце концов Чемберлен был вынужден подать в

отставку. Десятого мая король Джордж V поручил формирование правительства Уинстону Черчиллю.

Создание нового правительства и трагическое обострение военного положения заставили Бен-Гуриона окончательно похоронить планы отставки. Он не упустил возможности воспользоваться образованием нового кабинета и личностью нового премьера. Черчилль был известен своей глубокой симпатией к сионистской идее и решительными возражениями против "Белой книги" 1939 года. Среди членов его правительства и узкого военного кабинета находилось еще несколько убежденных друзей сионистского движения.

Несмотря на все это, Бен-Гурион не питал особых надежд на улучшение отношения Англии к сионизму и не верил в отмену "Белой книги". Он понимал, что в разгар тяжелой войны Британия будет стремиться гарантировать целостность империи и не станет рисковать отпадением десятков миллионов арабов и мусульман из-за такого враждебного шага по отношению к ним, как отмена "Белой книги".

Лето 1940 года, проведенное в Лондоне, надолго врезалось в память Бен-Гуриона. Пережитое в дни "блица" (бомбежек и обстрелов гитлеровцами Англии и, в особенности, Лондона) на многие годы оставило след в душе Бен-Гуриона, глубоко повлияло на формирование его подхода к военным и государственным вопросам.

Находясь в Лондоне, Бен-Гурион взволнованно следил за крушением Франции и поспешным отступлением британской армии с европейского континента через Дюнкерк; в оцепенении и тревоге читал он сообщения о вступлении Италии в войну, о продвижении ее танков в направлении Египта, о бомбардировках незащитного Тель-Авива; с изумлением и восторгом слушал гордые пламенные речи Черчилля, вселявшего в своих соотечественников уверенность в победе, несмотря на скудость вооружения и неподготовленность армии; восхищался тем, как мужественно держатся

англичане под массивованными воздушными ударами, которые обрушивала на них авиация Геринга.

В те дни беспощадной борьбы Бен-Гурион находился в сильнейшем смятении. В начале июля он написал домашним: "Два этих месяца были для меня смертельно горькими. С каждым днем росли беды, и никто не мог сказать, что горькая чаша страданий уже полна до краев. Теперь осталась надежда всего на две страны, которые могут победить и принести избавление миру — это Англия и Америка". В августе Бен-Гурион с глубокой верой писал, что "битва за Англию — это битва за свободный мир. Англия сражается за духовные ценности человечества".

После жутких сентябрьских боев Бен-Гурион так описывал Поле свою жизнь: "Всю ночь напролет грохочут зенитки. Иногда их успокаивающий рык слышен и днем. В некоторые дни гром орудий замолкает — но тогда от них нет покоя ночью. Орудийная канонада оглушает. Ни один хоровой концерт в Эрец никогда не доставлял мне такого удовольствия, как этот грохот орудий, от которого несколько часов подряд дрожат все стены комнаты. Вчера был рекордный день, потому что битва в облаках, над облаками и под облаками длилась почти целый день и было сбито сто восемьдесят пять нацистских самолетов!"

Грозный воздушный бой того воскресенья застал Бен-Гуриона в... шотландской церкви, которую он посетил вместе с Баффи Дагдейл. Бен-Гурион с превеликим удивлением услышал, что шотландский священник читает Ветхий завет — третью главу из книги "Исход". Зачарованно внимая проповеди на тему обращения Господа к Моисею, Бен-Гурион услышал вдруг пронзительный сигнал воздушной тревоги. Никто из прихожан не пошевелился и священник продолжал свою проповедь. "Снаружи гремели пушки и слышались разрывы бомб (выйдя, мы узнали, что недалеко от церкви упал фашистский самолет), но проповедник будто вовсе не чувствовал того, что

творилось снаружи, да и прихожане ни разу не шелохнулись. После проповеди все спели несколько церковных гимнов — тихо, спокойно, как будто ничего особенного не происходило, а когда служба окончилась, спокойно разошлись”.

”Я не забуду этого дня, — писал Бен-Гурион Баффи. — Это маленькое происшествие является для меня символом обстановки в Англии”. Несколько лет спустя, когда во время Войны за Независимость Бен-Гурион встанет во главе Государства Израиль, он будет не раз вспоминать сам и напоминать окружающим о мужестве английского народа во время ”блица”. В нем черпал он силу, его ставил в пример, с ним сравнивал стойкость ишува, сражавшегося против арабского нашествия. ”Когда в мае 1948 года в Тель-Авиве я взвешивал шансы Декларации Независимости, мне вспомнились мужчины и женщины Лондона в период ”блица”. И я сказал себе: ”Я видел, на что способен народ в час великого испытания, видел благородство его духа. Человек может совершить это. Еврейский народ может совершить это. И мы это совершили”.

В те лондонские дни Бен-Гурион осознал колоссальную важность ”морального потенциала на чаше весов войны”. В те дни родилось у Бен-Гуриона преклонение перед тем, кто стоял во главе Британии, сражающейся не на жизнь, а на смерть — перед Уинстоном Черчиллем.

”Англия дала миру освободителя — величайшего государственного деятеля нашего времени и одного из самых великих за всю историю мира, — писал Бен-Гурион в сентябре. ”Все, что смогу я сказать об Уинстоне Черчилле, не в состоянии передать того, что я чувствую по отношению к этому посланцу судьбы”.

Итак, Черчилль стал в глазах Бен-Гуриона символической фигурой. ”Я видел в вас тогда не только символ вашего народа и его величия, — писал он

Черчиллю много лет спустя, — но голос непобедимой, непримиримой совести рода человеческого в час, когда над человеком, сотворенным по образу и подобию Божьему, нависла опасность”.

”Он был единственным в своем роде. То, что он совершил в 1940 году — это редчайшее в истории деяние: он поднял целую нацию из пучины падения и поражения, вдохнул в нее новые силы, позволившие ей выстоять перед тяжелейшим испытанием и, наконец, возглавил ее ратные труды, принесшие победу. Он сумел совершить это благодаря неповторимому сочетанию свойственных ему черт характера: магнетической силе вождя, могучему красноречию, мужеству, увлекающему за собой людей, совершенной уверенности в себе, глубокому историческому чутью и непоколебимой вере в предназначение своего народа. Не будь Черчилля, Англия была бы побеждена — со всем, что вытекало из этого для мира. Не встань Черчилль, история была бы совсем иной”.

Эти слова проникнуты тем же глубочайшим преклонением, с которым относился Бен-Гурион к другому государственному деятелю, поразившему его в молодости, — к Ленину.

До самой своей смерти не уставал Бен-Гурион объяснять, почему Черчилль не мог в годы войны отменить ”Белую книгу” и более активно помогать в деле создания еврейской армии и еврейского государства. ”Он был сторонником сионизма, но прежде всего англичанином”.

Около пяти месяцев оставался Бен-Гурион в воюющем Лондоне. Главные его силы были отданы борьбе за создание еврейской армии.

21 сентября Бен-Гурион отправился в путь. Его прощание с товарищами происходило на трагическом фоне воздушных боев и бомбардировок одинокой Англии. ”Никто не знает, что с нами случится”, — писал он Баффи Дагдейл. ”Встретимся ли мы снова — и в каком мире. Мы с вами участники двух великих человеческих движений, которые, я надеюсь, добьют-

ся цели: Англия победит, а Эрец-Исраэль будет еврейской". Он подписал письмо словами: "Навеки ваш".

В начале октября 1940 года Бен-Гурион прибыл в Нью-Йорк и обнаружил, что лидеры американского еврейства, возглавляемые верховным судьей Брандайсом, воздерживаются от каких бы то ни было шагов против политики "Белой книги", заботясь о своей лояльности по отношению к Соединенным Штатам, находившимся в дружественных отношениях с Великобританией и поддерживающим ее в борьбе против Гитлера.

Бен-Гуриону не удалось поколебать позиции руководителей еврейства США, несмотря на поддержку двух сионистских деятелей: Нахума Гольдмана и энергичного раввина Аббы Хиллела Силвера.

Силвер отвечал всем желаниям Бен-Гуриона: "Он обладал большим влиянием и умел мужественно, упорно и пылко отстаивать свои убеждения. Среди сионистских лидеров Америки он был наиболее самостоятельным". Знакомство и совместная борьба Аббы Силвера и Бен-Гуриона привели через некоторое время к созданию политического союза — кратковременного, но мощного, — изменившего в решительную минуту пути сионистского движения.

В середине января 1941 года Бен-Гурион выехал из Нью-Йорка в Эрец-Исраэль. В письме к миссис Да Сола Пуль, руководительнице общества Хадасса, он чуть-чуть приоткрывает постигшее его в Америке разочарование: "Мне никак не преодолеть тревоги, которую вызвало у меня американское еврейство. Даже в сионистских кругах не нашел я достаточной чуткости к нуждам теперешнего трагического, отчаянного момента еврейской истории. Неужто судьба миллионов соплеменников в Европе меньше задевает американских евреев, чем судьба Великобритании — американский народ? Неужели Эрец-Исраэль менее дорога пяти миллионам евреев США, чем Англия ста тридцати миллионам американцев?"

Евреи Америки нуждаются в мужественных, смелых, дальновидных и уверенных в избранном пути руководителях. А кто, кроме сионистов, способен выдвинуть таких руководителей? Боюсь, американские сионисты еще не осознали всей полноты тяжелой ответственности, возложенной на них историей в этот роковой час”.

Обратный путь Бен-Гуриона в Эрец-Исраэль в ту военную зиму 1941 года страшно затянулся, превратившись в фантастическое приключение, во время которого 55-летний сионистский вождь объехал больше половины земного шара. ”Из-за военного положения и связанной с ним опасности подводных лодок в Атлантическом океане, а также бомбежек в европейских странах, я возвращался в Эрец на этот раз не короткой дорогой с запада на восток, а длинной — с востока на запад: через Сан-Франциско, Гонолулу, Новую Зеландию, Австралию, Индонезию, Сингапур, Индокитай, Калькутту, Карачи, Басру и озеро Киннерет. Таким образом, я обогнул на гидросамолете весь земной шар, за исключением участка, лежащего между Хайфой и озером Киннерет. Путешествие продолжалось целый месяц, при этом наш двухъярусный самолет ”Клиппер” летел только в дневные часы, а вечером и ночью отдыхал”.

Во время этого долгого странствия, в Калькутте, Бен-Гурион пережил тяжелое потрясение, врезавшееся ему в память. ”Я впервые оказался тогда в индийском городе. Я бродил по городским улицам и ужасался тому, что открывалось моим глазам, ибо тут я увидел обратную сторону британской медали. В течение пяти месяцев, проведенных мною в Лондоне, я видел все душевное величие английского народа. Тут за считанные часы я увидел все уродство и низость империалистического властителя. Я глядел на роскошные магазины, заваленные богатствами, рядом с которыми на тротуарах валялись слепые, хромые, увечные. Девочки-матери,

которым на вид дашь лет семь-восемь и которым на самом деле не больше тринадцати-четырнадцати, тащили в грязных мешках бледных детишек со вздутыми животиками. И всякий раз, наткнувшись на эту убогую братию, растянувшуюся на тротуарах, я содрогался, а они испуганно вскакивали на ноги и стояли, пока я не проходил мимо — так они, разумеется, поднимались при виде каждого белого человека, проходившего по тротуару, и мне было стыдно, что я белый, хотя тогда я впервые в жизни отдал себе отчет в том, что я белый.

Возвращаясь в гостиницу или появляясь в обществе, я не мог отделаться от преследовавшего меня кошмара, мне казалось, что весь мир окружен десятками караульных, стоящих наготове в ожидании неосторожного слова или взгляда, и я затворился у себя в комнате и просидел там до следующего утра, когда мы выехали из гостиницы”.

13 февраля 1941 года тяжелый ”Клиппер” опустился на озере Киннерет, и Бен-Гурион предстал перед товарищами, не видевшими его около десяти месяцев, с новым смелым политическим планом, созревшим в его мозгу за последний период. Этот план, в осуществление которого будет он отныне вкладывать все силы, сформулирован в общих чертах в докладной записке, составленной им в Лондоне в середине мая 1940 года, и в ряде речей, произнесенных позднее. Но в наиболее исчерпывающей форме выражен он в письме, написанном Бен-Гурионом при отъезде из Америки. ”Во время войны и тотчас по ее завершении следует приложить максимальные усилия к тому, чтобы полностью решить еврейскую проблему, переправив в Палестину миллион евреев и объявив Эрец-Исраэль еврейским коммонвелфом, равноправным членом в семье свободных народов, которая возникнет по окончании войны”.

Новая идея Бен-Гуриона была результатом длитель-

ного процесса. Он понимал, что война порождает революционную ситуацию, которая разрушит весь мир и создаст на его месте мир новый, как это было после Первой мировой войны. С точки зрения еврейского народа, новый передел мира должен привести к созданию еврейского государства. Мировая война также открывает перед еврейским народом возможность наращивания сил. В моральном аспекте — путем участия в войне на стороне союзных держав так, чтоб голос еврейского народа был услышан на последующем мирном конгрессе, но наряду с этим — и главным образом — в военном аспекте. Бен-Гурион призывал к созданию еврейских вооруженных сил, которые примут активное участие в сражениях, а после войны, в случае необходимости, смогут силой захватить Палестину. В отличие от исключительно моральной роли, которую отводили еврейской армии лидеры сионистского движения, в том числе Вейцман, Давид Бен-Гурион придавал решающее значение именно возможности завоевания Эрец-Исраэль. Отсюда и вытекала страстная бенгурионовская защита того пункта его плана, согласно которому отмобилизованная еврейская армия должна остаться в Палестине. "Наша цель не война, а создание еврейского государства, — утверждал он в начале войны, — и для этого нужна нам еврейская армия". Он несколько раз откровенно излагал этот свой план: "Если они (еврейские вооруженные контингенты) будут созданы, то они будут сражаться с Гитлером во имя всех нас, а также, в зависимости от обстоятельств, станут выполнять в Эрец государственные задания, которые в настоящий момент еще недостаточно четко очерчены. В плане, предлагаемом мною на рассмотрение Правления, учтена также функция захвата Эрец". Эта тенденция не скрылась от глаз министров британского правительства. В беседе с министром колоний лордом Ллойдом Бен-Гурион был вынужден решительно опровергнуть подобные цели своего плана. Однако пре-

емник Ллойда лорд Мойн также предупреждал о наличии такой опасности.

Разумеется, Бен-Гурион предпочел бы не ввязываться в военный конфликт с англичанами. Когда вспыхнула мировая война, Бен-Гурион пришел к выводу, что после нее Англия уже не будет той мощной державой, какой была до войны. Он предвидел "свертывание" империи в результате отпадения обширных территорий и ее низведение с положения первой державы мира до рядовой страны. Отсюда он заключил, что еврейский народ должен искать себе новую опору. По его мнению центр силы и руководства свободным миром скоро переместится из Лондона в Вашингтон. Именно Америка вырвется на ведущее место в завтрашнем послевоенном мире, тогда как Англия будет все более приходить в упадок. Поэтому было жизненно важно заблаговременно начать пропаганду в американских правительственных кругах.

Центральное место отводил Бен-Гурион Америке и по другой причине: европейское еврейство — главный резерв и традиционная опора сионизма, всех халуцианских движений — было отрезано, исчезнув под властью нацистов. Американское еврейство, игравшее до тех пор второстепенную роль в сионистском движении, сделалось вдруг главным средоточием еврейского народа.

Кроме того, Бен-Гурион считал, что по окончании войны проблема еврейского народа найдет немедленное и всеобъемлющее решение. Поэтому он уже не удовлетворялся требованием увеличения алии после войны, но настаивал на немедленной переброске масс — миллионов евреев — в Эрец-Исраэль.

Чтобы определить режим, который будет установлен в еврейском государстве, Бен-Гурион пользовался термином, уже давно вошедшим в употребление в сионистском движении — словом "коммонвелф". Это был удобный термин, ибо он допускал весьма гибкое толкование. Еще в своей докладной

записке от мая 1940 года Бен-Гурион заявлял, что возможными решениями проблемы являются: суверенное государство, автономная республика в составе Британской империи, и государство, входящее в ближневосточную федерацию. Он вовсе не исключал также "вероятности создания еврейского государства как части британско-американского содружества, которое, возможно, возникнет после окончания нынешней войны".

Два года бурлили в мозгу Бен-Гуриона эти мысли, складываясь в новую концепцию. Не успел его самолет приводниться на озере Киннерет, как Бен-Гурион стал вербовать сторонников своих идей. Он считал, что переброску миллионов евреев в Палестину сразу по окончании войны должно осуществить будущее еврейское правительство или Правление Еврейского Агентства.

22 июня 1941 года Бен-Гурион снова отправился в Америку. Сперва он вылетел в Лондон для встречи с новым министром колоний. Прежний министр колоний лорд Ллойд скоропостижно скончался в феврале 1941 года, и на его место был назначен лорд Мойн.

Встреча с лордом Мойном принесла Бен-Гуриону горькое разочарование.

"Палестина не сможет решить еврейского вопроса, — сказал лорд Мойн, — ибо это маленькая страна. Сколько евреев сможете вы поселить в Палестине?"

"Это зависит от характера режима, — отвечал Бен-Гурион. — Если будет установлен режим, стремящийся к иммиграции евреев и еврейскому заселению страны, — в ней можно поселить миллионы".

"Миллионы?" — удивился Мойн.

"За небольшой срок возможно поселить в стране три миллиона евреев".

"За какой срок?" — продолжал расспрашивать Мойн.

"Я полагаю, что за первые десять лет можно будет поселить три миллиона евреев".

Бен-Гурион описал, как можно будет абсорбировать в стране миллионы олим. Но у лорда Мойна был свой план. "После войны нельзя будет ждать долгие годы; миллионы евреев оставлены без средств существования и сорваны со своих мест. Необходимо будет найти быстрое и крупномасштабное решение проблемы".

Решение Мойна: "Создать еврейское государство в Западной Европе. Следует уничтожить гитлеровский режим; мы изгоним немцев из Восточной Пруссии, поселим там евреев и создадим еврейское государство".

Бен-Гурион был ошеломлен. "Я верю в вашу победу, — сказал он. — И вы сможете делать с немцами все, что пожелаете. Сможете пулеметами изгнать немцев из Восточной Пруссии. Но даже пулеметами не удастся вам привести массы евреев в Восточную Пруссию. Страна евреев — это Эрец-Исраэль".

Еще одно разочарование уготовил лорд Мойн главам сионистского движения в вопросе о еврейской дивизии. Уже около года исполнилось с тех пор как Черчилль обещал Вейцману создать такую дивизию; Антони Иден, военный министр, даже дал согласие на то, чтобы она несла службу на Ближнем Востоке, как требовали сионистские руководители. В декабре 1940 года был уже назначен командир дивизии, приступивший к практической подготовке ее мобилизации. Однако этот план возбудил многочисленные возражения в министерстве колоний, а также среди высших чинов английского военного и политического аппарата на Ближнем Востоке, предостерегавших от ответной волны экстремистских арабских выступлений. Лорд Мойн и генерал Арчибальд Вейвел, командовавший британской армией на Ближнем Востоке, присоединились к противникам плана. Черчилль был вынужден уступить. План похоронили, не сообщив об этом Вейцману. В течение нескольких месяцев английское правительство продолжало вводить сионистское руководство в заблуждение, ут-

верждая, что формирование дивизии задерживается из-за нехватки снаряжения.

15 октября, после того, как Вейцман усилил давление на лорда Мойна, британское правительство официально заявило, что план отменен. До сих пор Вейцман держал ход переговоров в строжайшей тайне, наперекор советам Бен-Гуриона, требовавшего, чтобы к делу создания дивизии было подключено общественное мнение. Одиннадцатого ноября президент Всемирной сионистской организации в официальном, исполненном горячи заявлении, сообщил об отмене плана.

На следующий день Бен-Гурион оставил Лондон.

24 ноября он прибыл в Америку.

Если бы нам захотелось указать точную дату начала бенгурионовского периода в сионистском движении и истории еврейского народа, мы бы указали на тот осенний вечер 24 ноября 1941 года, когда Бен-Гурион приземлился в нью-йоркском аэропорту и поспешил на свою первую лекцию, которую читал на собрании в Балтиморе. На этот раз он появился в Соединенных Штатах, как демон бури. Это был тот Бен-Гурион, каким он становился в час великих испытаний. Его атака на американское еврейство до изумления напоминала массированное наступление, которое он предпринял на мир восточноевропейского еврейства во время предвыборной кампании 1933 года, завершившейся его победой. Он приехал в Америку, заручившись нерешительным согласием палестинских товарищей со своим государственным планом, преодолев равнодушие лондонских деятелей, целиком посвятивших себя политической борьбе в Англии, освободившись от остатков доминирующего влияния Вейцмана и его затянувшейся опеки. Все было для него теперь ясно: он приехал, чтобы мобилизовать крупнейшую державу мира и, прежде всего, массы проживающих в ней евреев на борьбу, главной целью которой было создание еврейского государства по окончании войны.

В Нью-Йорке Бен-Гурион обнаружил объединенный

еврейский комитет, состоявший из сионистов и не-сионистов, и третьего декабря изложил ему первый вариант своего плана. В середину главы, трактовавшей о "мирном периоде", он внес пункт о "провозглашении Палестины еврейским коммонвелфом для проживания всех евреев, которые пожелают или будут вынуждены переселиться туда после войны".

Постепенно ему удалось добиться поддержки всех крупных сионистских организаций. В январе 1942 года он убедил Магбит в Кливленде одобрить план создания "республики", в феврале вышел победителем из упорной борьбы за поддержку идеи основания государства женской сионистской организацией Хадасса.

Вразрез с мнением обеспокоенных сионистских лидеров он начал также действовать в американских правящих кругах. Некоторое время он провел в Вашингтоне, пытаясь организовать при помощи верховного судьи Феликса Франфуртера пропагандистскую работу среди членов правительства.

С наступлением весны общая картина уже была явно оптимистичной. Государственный план Бен-Гуриона пользовался поддержкой большинства сионистских организаций Америки. Этому помогла статья Вейцмана, опубликованная в январе 1942 года в ежеквартальном сборнике по государственным вопросам "Форейн Аффферз", в которой Вейцман призывал к созданию после войны еврейского коммонвелфа в Палестине. Хаим Вейцман прибыл в Нью-Йорк в середине апреля. К тому времени сионистские деятели Америки во главе с Нахумом Гольдманом и Меиром Вайсгалом уже хлопотали о созыве первого всеамериканского сионистского съезда. Съезд обещал стать важным событием, и Бен-Гурион рассматривал его как долгожданную трибуну для провозглашения своего государственного плана.

Так вошла в историю старая нью-йоркская гостиница "Билтмор", расположенная на углу Медисон-авеню и 43 улицы, где в зале для приемов заседали с девято-

го по одиннадцатое мая 603 делегата съезда. Решение, принятое этим съездом, превосходило по важности все постановления Сионистских конгрессов с тех пор, как Герцль основал в Базеле сионистское движение.

Ведь на Билтморском съезде было нарушено самое священное "табу" политического сионизма. Впервые после десятков лет увиливаний и туманных экивоков сионизм заявил о своей "конечной цели": еврейском государстве в Эрец-Исраэль.

Центральным оратором съезда был на этот раз Давид Бен-Гурион. "Пришел час испытания способности сионизма осуществить свои декларации, — начал он свою речь. Он потребовал снова подтвердить первоначальную цель Декларации Бальфура и мандата, состоящую в том, что Эрец-Исраэль снова станет еврейским коммонвелфом, как это было провозглашено президентом Вильсоном 3 марта 1919 года.

"Останется ли Эрец-Исраэль отдельной политической единицей или присоединится к более широкому образованию — ближневосточной федерации, британскому содружеству наций, англо-американскому объединению или любому другому, — будет зависеть от обстоятельств и условий, которые не от нас зависят и которые нам не дано заранее предугадать".

На следующий день на рассмотрение съезда был внесен проект резолюции, сформулированный на основе плана Бен-Гуриона. В ней почти слово в слово повторялись фразы Бен-Гуриона из его письма миссис Да Сола Пуль от ноября 1941 года, варианта плана, оформленного в Эрец весной 1941 года, из его докладной записки президенту и прошлогодних речей.

В трех центральных пунктах были определены требования сионизма после победы: 1) ворота Палестины должны быть открыты для еврейской иммиграции; 2) Еврейское Агентство будет уполномочено организовать алию в Эрец-Исраэль, освоить пустыни и развить многочисленные незаселенные и невозделанные территории; 3) Эрец-Исраэль будет провозглашена

еврейской республикой, составной частью нового демократического устройства мира .

Проект резолюции был единогласно принят делегатами билтморского съезда. Никто не выступил против него, лишь один из делегатов от Ха-шомер ха-цаир воздержался.

Это был, без всякого сомнения, акт выдающегося исторического значения — здесь на знамени сионизма был ясно начертан лозунг еврейского государства.

В то же время это было событие такого рода, вся историческая важность которого осознается его участниками только по прошествии времени.

На Билтморском съезде начался процесс передачи власти в сионистском руководстве.

Вейцман рассматривал Билтморскую программу в совсем ином, нежели Бен-Гурион, свете. Если резюмировать различия между ними в самой общей и схематичной форме, можно сказать, что Бен-Гурион относился к Билтморской программе всерьез, а Вейцман — нет.

”Мне хотелось бы сказать пару слов о Билтморской декларации, вокруг которой Бен-Гурион устроил такой шум, — иронически писал Вейцман через несколько месяцев после съезда. — Ее превратили, насколько я понимаю, в новые скрижали завета или, по меньшей мере, в новую Базельскую программу. Она отнюдь не заслуживает этого. Билтморская резолюция всего лишь одна из сотни подобных ей резолюций, принимавшихся обычно на больших съездах в этой или любой другой стране. Она в торжественных выражениях воспроизводит отчасти главные положения моей статьи из ”Фореин Аффэрз”. Но Бен-Гурион, который после восьми или девяти месяцев пребывания в Америке не мог похвастать никакими успехами, уцепился за Билтморскую резолюцию, будто бы здесь он не больше и не меньше, как открыл новую идею, будто это — победа его политики — в отличие от моих более умеренных формули-

ровок тех же самых целей, — он вырыснул в эту программу все свои экстремистские взгляды”.

Бен-Гурион ответил на это: ”У меня не было тогда никаких сомнений в том, что эта программа займет место Базельской программы, принятой 45 лет назад, и станет после войны маяком для еврейского народа”.

В различном отношении к Билтморской программе проявились глубокие расхождения между двумя сионистскими руководителями, уже давно таившиеся под спудом. Расхождения эти коренились в том обстоятельстве, что Вейцман, по-видимому, так и не вник до конца в смысл двух решающих событий, произошедших в 1939 году, и поэтому не изменил своей политики. Первым из этих событий был отказ Англии от поддержки сионизма. Вторым была вспыхнувшая мировая война. Бен-Гурион сделал крайние выводы из этих событий и начал пролагать новый путь — путь воинствующего сионизма, удаления от Англии, поворота в сторону Америки, мобилизации американского еврейства, требований немедленного создания государства, призыва к миллионной алии... тогда как Вейцман, в противоположность Бен-Гуриону, продолжал проводить свою традиционную политику. Он был созидателем и великим провозвестником союза с Англией, он, не покладая рук, трудился над его возведением более двадцати лет. Теперь же он оказался скованным путами этого союза. У него не было сил — а может, и желания — разорвать их. Даже после Сент-Джеймской конференции и ”Белой книги”, после ”земельного закона” и неудачи плана организации еврейской армии, он остался верен своему пути: переговоры с англичанами, использование общественного мнения, ”тихая” дипломатия в правящих сферах, в Уайтхолле, Вестминстере и на Флит-стрит. Он резко возражал против применения крайних средств, а склонность Бен-Гуриона к активному сопротивлению вызывала в нем ярость. У ”воинствующего

щего сионизма” не было, видимо, большего врага, чем Вейцман.

Вейцман и Бен-Гурион расходились также относительно послевоенного решения еврейской проблемы. Подобно Бен-Гуриону, Вейцман говорил о миллионах евреев-беженцев, которым будет необходимо после войны иммигрировать в Эрец-Исраэль. В своей статье в ”Фореин Афферз” он определил их число двумя миллионами. В другом случае он говорил о пяти миллионах. На самом Билтморском съезде он заявил, что после войны необходимо будет абсорбировать в Эрец три миллиона евреев. В беседе с американским министром финансов Моргентау он говорил о безотлагательной иммиграции полумиллиона евреев. Но похоже, что он не относился к своим словам серьезно и играл этими цифрами как лозунгом. Когда же Бен-Гурион сказал нечто подобное — о послевоенной алии двух миллионов евреев, — Вейцман в гневе написал, что ”Бен-Гурион пытался спасти (этот план) парой истерических фраз” и что план трансфера — это ”вызывающая тревогу ложная героика (mock heroics), страшно вредная и сеющая деморализацию”. На деле Вейцман полагал желательной ежегодную иммиграцию 100 000 человек.

То же было и с вопросом о послевоенном ”еврейском коммонвелфе”.

Формула ”коммонвелф” была, по мнению Вейцмана, прекрасным лозунгом, но отнюдь не реальной, осуществимой целью. В годы войны он все еще тешился утопическим планом, предложенным ему Черчиллем и Филби — планом ближневосточной федерации во главе с Ибн-Саудом; со странной наивностью верил он в то, что Ибн-Сауда можно купить за десять или двадцать миллионов фунтов стерлингов.

Впрочем, во многих случаях он заявлял, что поддерживает Билтморскую программу, а потом спешил доказать, что взгляды его абсолютно противоположны.

В своих мемуарах Вейцман не упоминает Билтмор-

ский съезд ни единым словом. Свое резкое мнение по поводу Билтморской программы Вейцман выразил значительно позднее, когда час провозглашения государства уже стоял у порога. Он сделал это в письме, опубликованном еврейским журналом "Бицарон", выходявшем в Нью-Йорке:

"Билтморская программа, о которой трубили на все лады, вскоре оказалась ложным откровением и завела некоторых своих составителей в тупик. Полагаю, что теперь они готовы будут удовольствоваться чем-либо гораздо более скромным, чем Билтморская программа. Сегодня сионистское руководство готово ограничиться некоторым увеличением иммиграционной квоты и во имя этого отказаться на некоторое время от споров о будущей политике. Такова жесткая правда нашего положения, и не стоит закрывать на нее глаза, даже если глядеть на нее очень больно".

Эти пренебрежительные слова о "ложном откровении", имя которому Билтмор, Вейцман написал в апреле 1947 года, примерно за полгода до принятия в ООН резолюции о создании еврейского государства и около года до его провозглашения. Похоже, что после 1939 года способности Вейцмана к рассуждению и политическому анализу ослабели.

Бен-Гурион даже в некрологе, посвященном Вейцману, не удержался от критических выпадов по этому поводу:

"С Вейцманом, исполнявшим роль посланника своего народа среди народов мира, и особенно среди народа, назначенного представителем других наций в Эрец-Исраэль, случилось несчастье... и это была политическая трагедия жизни Вейцмана. Англия отказалась от своей миссии после того, как провалилось предложение комиссии Пиля о создании государства на части территории Палестины. И тогда как будто рухнул политический мир Вейцмана, ибо он был построен на глубокой вере в английский народ и в еврейско-английское сотрудничество.

Однако его сионистское и еврейское самосознание

преодолело даже этот удар, хотя и не сразу, не быстро и не легко. С начала периода "Белой книги" и вплоть до резолюции ООН 1947 года он находился в смятении и, мне думается, не нашел тогда правильного пути".

Лишь немногие из приверженцев Вейцмана отважились позднее признать его ошибку в те военные годы, когда они слепо шли за ним и нетерпеливо отмахивались от надоедливых, упрямых и пугающих аргументов немногочисленной группы сторонников Бен-Гуриона из Эрец-Исраэль. На этом фоне выделяется своей искренностью и прямоотой покаяние в грехах сэра Исая Берлина, бывшего в те дни одним из верных сподвижников Вейцмана.

По прошествии тридцати лет сэр Исайя Берлин написал: "Он (Вейцман), без сомнения, думал, что после того, как будет достигнута победа в войне, Британия останется главной силой на Ближнем Востоке. Будущее сионизма и еврейского заселения Палестины — фактически, осуществление всех главных целей — связано, на горе и на радость, с Англией и ее доброй волей. Окончательный разрыв с нею будет убийственным для надежд еврейства".

Берлин добавляет, что Вейцман все же поддерживал идею еврейского государства, но полагал, что оно должно быть теснейшими узами связано с Англией. Он "не желал американского покровительства вместо английского". Что касается Америки, то Вейцман считал, что на нее можно влиять лишь его методом "терпимой дипломатии". Средства, предлагавшиеся его противниками: "шествия, петиции, резолюции, заявления в прессе, подписанные людьми, пользующимися известностью, пламенные речи — все это может произвести впечатление на евреев, но не поколеблет позиции Вашингтона".

"Аргументы Вейцмана представлялись мне неопровержимыми, — продолжает Берлин. — (Однако) все наши предположения оказались ошибочными, а вместе с ними и выводы, которые мы сделали из

них. Вейцман в некотором смысле ошибся, а Бен-Гурион был ближе к пониманию расстановки действующих сил”.

”В воскресенье первого декабря 1941 года у меня была долгая и увлекательная беседа с Бен-Гурионом. Мне показалось, что Бен-Гурион также верил в то, что связь с Англией одновременно и неизбежна, и желательна. По многим вопросам он решительно оспаривал мнения Вейцмана; он не возлагал надежд на великих мира сего, ни на Черчилля, ни на Рузвельта, ни на какого бы то ни было иного нееврейского руководителя, или партию, или страну”.

”Бен-Гурион верил, что палестинские евреи смогут собственными силами отразить арабские нападения, неизбежные, по меньшей мере, в течение некоторого времени. И он с большим доверием относился к поддержке евреев Америки — еврейских масс, а не лидеров, которые были в его глазах слабохарактерными маловеерами. Массы же, вдохновленные самим фактом существования независимого еврейского государства, проявят себя как гораздо более сильные по духу и гораздо более полезные союзники, чем крупные политики, которых сможет убедить или очаровать Вейцман”.

”Когда Бен-Гурион говорил в таком тоне, с резкими короткими вспышками, подчеркнутыми еще более интенсивными паузами, во время которых он погружался в себя и задумывался — это было как будто пророчество, жившее в нем и искавшее выражения в его словах”.

”Дипломатия, неторопливые приемы Вейцмана, — сказал Бен-Гурион, — это устаревшее историческое оружие. Политики слушают, но ничего не делают”.

”...Пусть себе Вейцман продолжает обхаживать Рузвельта и Самнера Уэллеса. В конце концов, эти люди, даже такие испытанные наши друзья, как Черчилль. Сматс, Эмери и все другие, непременно поступят согласно с национальными интересами своих стран. Они не станут помогать евреям в ненастную

пору... только сами евреи, только их собственные силы, сконцентрированные в Соединенных Штатах и в Эрец-Исраэль, будут защищать себя в любой ситуации — в конечном счете наше движение может положить только на них”.

Долгие часы спорил Берлин с Бен-Гурионом, опираясь на тезисы Вейцмана. ”Но они оказались ошибочными, а вера Бен-Гуриона в массы доказала свою обоснованность”.

”Что касается Билтморской программы, — писал Берлин, — ее максималистское толкование, которое предлагал Бен-Гурион, казалось мне утопичным, но, в конце концов, мне стало ясно, что его пламенная вера с политической точки зрения оправдалась. В те времена она казалась нереальной почти в той же мере, как пророческие слова Теодора Герцля за сорок с лишним лет до этого”.

Итак, между Вейцманом и Бен-Гурионом существовали глубокие, принципиальные, идейные разногласия. Однако их отношений нельзя понять, не учитывая того острого личного конфликта, который вспыхнул между ними через считанные дни после Билтморского съезда.

10 июня 1942 года, около месяца после Билтморского съезда Бен-Гурион известил Вейцмана по телефону, что ”их более не связывают никакие общие цели”.

Бен-Гурион и Вейцман обменялись письмами, где обвиняли друг друга в самоуправстве и нежелании советоваться с товарищами.

Так между Бен-Гурионом и Вейцманом снова, с большим чем когда-либо накалом и размахом, разгорелась борьба за ”корону”. В сущности, разлад начался еще в сентябре 1940 года, во время пребывания Бен-Гуриона в Лондоне. Бен-Гурион тогда отчаянно боролся за то, чтобы еврейская армия формировалась и воевала в Палестине и прилегающих к ней районах. По мнению Вейцмана, этот пункт не имел решающего значения. Девятого сентября Бен-Гурион

решил "окончательно разойтись с Хаимом" и написал ему прощальное письмо. Через несколько дней между ними состоялась примирительная беседа, не принесшая успеха. Бен-Гурион в негодовании записал: "Он привык к тому, что разговоры — всего лишь разговоры. Он, видимо, не понимает, что я говорю всерьез: или он шагу не ступит в военных делах без разрешения — или больше в глаза меня не увидит". Бен-Гурион вынес этот вопрос на обсуждение сионистского руководства, не подумав, что оно являлось оплотом Вейцмана. Вейцман "со сдержанным гневом" обвинил Бен-Гуриона в том, что тот предъявил ему "ультиматум". Бен-Гурион участвовал в обсуждении вопроса о еврейской армии. Его требования "армии в Эрец-Исраэль" показались Баффи Дагдейл "совершенно необдуманными", она увидела в них "безотрадную демонстрацию силы со стороны большого и благородного человека, которому, увы, не хватало здравого смысла". А разочарованный Бен-Гурион писал, что Баффи обнаружила у него несуществующие амбиции, желание "править сионистским движением, управляя Вейцманом".

Вследствие своего поражения в этом поединке Бен-Гурион оставил Лондон, отказавшись когда-нибудь снова появиться там. В 1941 году он лишь короткий срок пробыл в Лондоне по дороге в Америку и опять успел заметить, что Вейцман действует по собственному разумению, не советуясь с Правлением.

В своих воспоминаниях Вера Вейцман сообщает: "Он (Вейцман) не всегда приглашал Бен-Гуриона принимать участие в тех сложных переговорах, которые он в строжайшей тайне вел с руководящими деятелями мира, например, президентом Рузвельтом, а позднее — с президентом Трумэном. Бен-Гуриона это страшно раздражало, возможно, у него был также "комплекс", вызванный превосходством Хаима как ученого".

В Нью-Йорке в июне 1942 года терпение Бен-Гуриона лопнуло. В период Билтморского съезда происходило то же самое. Видный сионистский деятель Эммануэль Ньюмэн неоднократно рассказывал Бен-Гуриону о встречах Вейцмана с влиятельными людьми, среди которых были английский посол лорд Галифакс, советский посол Максим Литвинов, заместитель государственного секретаря США Самнер Уэллес, и другие. Большую часть этих бесед Вейцман устраивал, не советуясь с Бен-Гурионом и не давая ему отчета об их содержании.

Бен-Гурион почувствовал, что дальше так продолжаться не может.

19 июня 1942 года Бен-Гурион обратился к Стефану Вайзу, председателю чрезвычайного американского сионистского комитета. Он писал, что Вейцман идет путем "опасным для нынешних политических целей сионизма и подрывающим единство движения", и угрожал тем, что в случае, "если это чреватое катастрофой положение не будет исправлено", ему не останется иного выхода, как "просить Правление Всемирной сионистской организации и Сионистский исполнительный совет в Эрец-Исраэль потребовать отставки доктора Вейцмана". Но прежде чем предпринять столь серьезный шаг, Бен-Гурион просил Вайза устроить ему прощальную встречу с доктором Вейцманом и лидерами американского сионистского движения.

Эта встреча состоялась через восемь дней. Попытки Вайза и Меира Вайсгала убедить Бен-Гуриона взять свои слова назад окончились неудачей. В заседании участвовало всего девять человек, в том числе Вайз, Меир Вайсгал, Нахум Гольдман, Хаим Вейцман и Бен-Гурион.

Не стоит описывать той напряженной драматической обстановки, в которой протекала (в частной конторе доктора Вайза на 68-й улице) эта секретная встреча. Бен-Гурион снова обрушил на Вейцмана тяжелые обвинения: "Я рассматриваю доктора

Вейцмана как первую фигуру в сионистском движении, — сказал он, — однако я думаю, что если доктор Вейцман будет действовать в одиночку, особенно в данный момент — это принесет большой вред”. Он повторил свою главную жалобу на то, что Хаим Вейцман не привлекает его к совместной работе. ”Если бы я уехал на несколько недель раньше, я должен был бы рассказать моим товарищам в Эрец-Исраэль, что я видел протокол чрезвычайного комитета, что Вейцман был в Вашингтоне, встречался с Дилем, с Галифаксом и с другими. И если бы меня спросили: ”Что он сказал? Что они сказали?”, мне пришлось бы ответить: ”Не знаю”. Всякий раз, встречаясь с ним, я спрашивал доктора Вейцмана, имеет ли он что-нибудь сообщить мне, и он отвечал: ”Нет”.

Бен-Гурион продолжал: ”Доктор Вейцман склонен действовать в одиночку, как будто он и сионистское движение — это одно и то же. Так и в политических вопросах, в спорах с несионистами или с англичанами в Лондоне. Мне это было бы безразлично, если бы не было, по моему мнению, вредно.

Моя точка зрения заключается в том, что доктор Вейцман может внести весьма ценный вклад в хорошо спланированную операцию, тогда как, действуя в одиночку, он может причинить делу большой ущерб. Оказываясь перед лицом новой реальности, доктор Вейцман не всегда сразу схватывает ситуацию и может дать какой-нибудь неожиданный ответ, не понимая, каковы могут быть его последствия. Он хочет не только быть здравомыслящим человеком, но и казаться таковым в глазах англичан. Участвуя в беседе, он слышит по большей части то, что ему приятно слышать. Во многих случаях его отчеты по важным вопросам были неоправданно оптимистичны. Он отождествляет любезное отношение и личную вежливость с вежливостью политической.

По этой причине я думаю, что если доктор Вейцман будет продолжать действовать в одиночку, это не послужит на благо нашего движения. Именно поэтому

Правление придерживалось в своей работе следующего правила: если доктору Вейцману необходимо действовать в политической сфере, важно, чтобы рядом с ним находился кто-нибудь еще. Такая система была более или менее полезной до начала войны”.

Вейцман слушал очень сердито. Однако он заявил, что речь Бен-Гуриона была вполне откровенной и в ней не ощущалось личной неприязни; в то же время он обвинил Бен-Гуриона в ”неверном толковании, непонимании и, зачастую, неправильных определениях”. Вейцман решительно отверг обвинения в том, что он действовал в одиночку. ”Еще вопрос, надо ли всегда ходить парой. Оставляю вам, или конгрессу, или любому, кто пожелает, решать, требуется ли мне надзиратель”.

Одно за другим отклонил Вейцман все обвинения Бен-Гуриона. ”Бен-Гурион страдает галлюцинациями насчет моих отношений с лордом Галифаксом и с англичанами. Он сказал, что я никогда не был способен сказать англичанину ”нет”. Но я многим из них говорил ”нет”. Это странное заявление основано лишь на большом воображении”.

”Не думаю, что если в Англию будет направлен еще один постоянный представитель Правления, я не буду больше делать ошибок. Бен-Гурион не знает, о чем я говорю с лордом Галифаксом, но он тревожится. Это обычное положение вещей. Я отчитывался об этом. Либо отчет этот должен быть принят, либо я лжец, либо я не способен точно составить документ. Я не могу позволить себе тратить время на рассказы о паре-другой бесед, где Бен-Гурион не был чересчур скор в ответах. Если мне попытаются навязать представителя от Эрец-Исраэль и Гистадрута в постоянные надзиратели, пусть не ожидают, что я буду работать с ним. Если же он придет как друг — я охотно приму его”.

”Надо внести ясность. На следующей неделе я приглашен на обед к министру Моргентгау. Обязан

ли я брать с собой Липского или Бен-Гуриона? Вопрос стоит именно так”.

Участники заседания ушли с него ошеломленными. По словам Вайсгала, Хаим Гринберг, руководитель сионистской рабочей фракции Америки, сказал ему со слезами на глазах: ”Никогда бы не поверил, что доживу до того дня, когда вождь палестинского рабочего движения произнесет такие ужасные слова”.

Действительно, Бен-Гурион выступал крайне жестоко. Но и слова Вейцмана были не менее резки и оскорбительны. Он бросал Бен-Гуриону обвинения в ”политическом убийстве”, употреблял такие выражения, как ”галлюцинации”, ”больное воображение”, ”чистка”. Даже такой верный поклонник Вейцмана, как доктор Стефан Вайз, вынужден был в конце заседания просить, чтобы из протокола было изъято выражение ”политическое убийство”. В написанном сразу по окончании заседания письме к Вейцману Вайз предложил ему извиниться перед Бен-Гурионом за нанесенные ему оскорбления. ”Все мы чувствовали, что независимо от того, прав Бен-Гурион или нет, он говорил по глубокому убеждению, а не из злопыхательства и что заботился он единственно о благе нашего движения, о безопасности Эрец-Исраэль нынче и в будущем”. Вайз просил, чтоб Вейцман немедленно написал Бен-Гуриону и взял назад свои обвинения во ”лжи” и ”галлюцинациях”.

Но хотя резкие слова Вейцмана в адрес Бен-Гуриона вызвали нарекания, нет сомнения в том, что председателю правления Еврейского Агентства был нанесен тяжелый удар. Участники встречи, все как один, заняли провейцмановскую позицию и отвергли обвинения Бен-Гуриона. Во время разбирательства Бен-Гурион молчал, точно воды в рот набрав, а Вейцман и его друзья подливали масла в огонь. ”Присутствие здесь Бен-Гуриона с тех самых пор, как он явился сюда восемь месяцев назад, было источником раздора и всеобщего раздражения, — писал

Вейцман близкому к нему Берлу Локеру. "Его вечная взвинченность и нервное напряжение превращали любое совещание, будь то в чрезвычайном комитете или другом месте — в палату для душевнобольных". "Он попросту сошел с рельсов", — писал Вейцман Баффи. Преданный помощник Вейцмана Вайсгал послал редактору газеты "Палестайн пост" Гершону Агронскому резкое и оскорбительное письмо, направленное против Бен-Гуриона и растянувшееся на целых восемь страниц, смысл которого сводился к тому, что Бен-Гуриону надо "поскорее убраться назад в Эрец-Исраэль. Пользы тут от него никакой, он пытается только всех ссорить и всем мешать. Влияние его может принести еще больший ущерб. Главный недостаток этого человека состоит в том, что у него нет чувства юмора, есть зато паршивый комплекс спасителя всех и вся".

В середине сентября Вейцману, наконец, удалось избавиться от надоедливого Бен-Гуриона.

Потерпев полное поражение, с тяжелым чувством разочарования возвращался Бен-Гурион в Эрец. Об истории с Вейцманом рассказал он всего несколькими своим товарищам из Правления Еврейского Агентства — Чертоку, Каплану и Локеру. В официальном отчете Правлению он лишь в общих чертах описал свою политическую борьбу. Члены Правления решили пригласить Вейцмана "как можно скорее посетить Эрец-Исраэль для консультаций по текущим вопросам". Но Вейцман не хотел являться на поле битвы, где у Бен-Гуриона было очевидное преимущество. Он отклонил предложение под тем предлогом, что состояние здоровья не позволяет ему совершить подобной поездки.

Вместо того, чтоб приехать в Палестину, Вейцман попытался ослабить лагерь Бен-Гуриона издалека. Он питал склонность к Чертоку, зная, что взгляды последнего весьма близки к его собственным.

Вейцман считал, что если Черток приедет в Нью-

Йорк, то можно будет организовать там нечто вроде отделения правления Еврейского Агентства, которое в своих действиях будет на каждом шагу оглядываться на Вейцмана. Исходя из этого, он просил Чертока приехать в Нью-Йорк. Бен-Гурион был против поездки Чертока в Америку. Однако, вопреки мнению Бен-Гуриона, подавляющее большинство членов политической комиссии Мапай поддержало идею поездки. "То, что я откликнулся на приглашение Вейцмана, Бен-Гурион счел предательством по отношению к нему, переходом на сторону его злейшего врага, — записал Черток в дневнике. — Берл Кацнельсон и партия встали тогда на мою сторону, и я поехал. Бен-Гурион не мог мне этого простить. Он был так погружен в личные счёты, что вовсе не замечал существа дела, стоявшего на повестке дня, не видел моей ответственности за его исход".

Бен-Гурион прекрасно понимал мотивы, руководившие Вейцманом. "Вейцман пригласил Моше в Америку, а я знал, что он ему вовсе не нужен. Но Моше заупрямился. Тогда я сказал ему: "Поезжай! Мне не о чем с тобой больше говорить". Но он все же поехал. Это был единственный случай, когда он сделал что-нибудь, несмотря на мои возражения". "(Он) встретил меня по возвращении как чужого, — писал Черток, — перестал звать меня по имени и начал обращаться ко мне "Черток". Он заявил мне также, что между нами прекращены какие бы то ни было доверительные отношения и устроил мне на заседании партийной политической комиссии разгромный допрос по всей форме. А наутро после этого кошмарного дня он позвонил мне очень рано и по его хриплому голосу я понял, что он не спал ночь. Не помню точно, о чем он говорил, да это и неважно, главное же то, что он снова обращался ко мне "Моше" — в этом и заключалась цель разговора".

"Тогда я сравнил мое к нему отношение с треснувшим драгоценным кубком, которым по-прежнему

можно пользоваться — но трещина осталась, и этого уже не исправить”.

Разрыв Вейцмана с Бен-Гурионом оставил после себя столько горечи, что в конце концов и из приезда Чертока Вейцману не много удалось выжать. Он надеялся добиться от Чертока как главы политического отдела Еврейского Агентства официального разрешения действовать по своему усмотрению. ”Благодарю вас за то, что вы прояснили мне юридическую сторону вопроса, — с необыкновенной любезностью писал Вейцман Чертоку в конце его визита. — У меня всегда было такое впечатление, что в качестве президента Всемирной сионистской организации я обладаю полномочиями организовать особый политический аппарат, не связанный с Правлением ВСО. Оказывается, дело обстоит иначе”.

В свете этих событий Вейцман заявил, что он не может работать ”в такой невозможной обстановке” и просит освободить его от ответственности за ведение политических переговоров в Америке или в любом ином месте. Черток испугался и поспешно пошел на компромисс: он согласился на учреждение в Вашингтоне представительства правления Всемирной сионистской организации.

Вскоре Вейцман возвратился в Лондон. Так завершилась первая схватка в борьбе двух гигантов — Вейцмана и Бен-Гуриона — в борьбе за руководство сионистским движением.

В этой — американской — схватке победил Вейцман.

Но в Эрец-Исраэль Бен-Гурион одержал другую, более важную победу, все истинное значение которой Вейцман осознал не сразу.

10. ОДИНОЧЕСТВО НА ВЕРШИНЕ ВЛАСТИ

Бен-Гурион прибыл в Эрец-Исраэль 2 октября 1942 года. Четырнадцать месяцев не был он дома. В этот период на Ближнем Востоке происходили бурные перемены. Грозный Африканский корпус, бронированная армия пустыни, под командованием фельдмаршала Роммеля нанесла удар британским армиям и в начале июня 1942 года ворвалась в Египет. Еврейский ищув охватил страх перед вторжением гитлеровских армий в Палестину. Ближневосточные арабы, желавшие поражения Англии, радовались и ликовали. Англичане даже перед непосредственной угрозой вторжения гитлеровцев в Палестину упорствовали в своем отказе от формирования еврейской армии. Однако еще в конце 1941 года они дали нечто вроде неофициального согласия на создание ударных отрядов Хаганы (Палмах), которые были организованы в этот период и начали готовиться к выполнению специальных заданий. Среди молодых командиров Палмаха выделялись двое — Моше Даян и Игал Алон.

У Эль-Аламейна наступление Роммеля приостановилось. Примерно через два месяца после возвращения Бен-Гуриона в Эрец маршал Монтомгери перешел в контр наступление, окончившееся разгромом Африканского корпуса.

Мандатные власти продолжали с полнейшим хладнокровием, будто они и не слыхивали о мировой войне, применять жестокие законы "Белой книги". Ворота Палестины оставались закрытыми перед горсточкой беженцев, которым удалось спастись от нацистского кошмара и переплыть на утлых суденышках Средиземное море. История нелегальной алии

во время Второй мировой войны — это нескончаемая цепь потрясающих человеческих трагедий. Несколько кораблей, набитых измученными людьми, не нашли во всем "свободном мире" ни одного порта, готового принять евреев, и вынуждены были вернуться к берегам захваченной фашистами Европы, где их ждало "окончательное решение". Суда, попавшие в руки англичан, были отбуксированы на Кипр, где их пассажиров бросили в концентрационные лагеря. Несколько пароходов затонули в пучине моря, окруженные ледяным равнодушием всего мира. В Мраморном море затонуло расшатанное бурей уругвайское суденышко "Сальвадор", и двести из трехсот двадцати шести его пассажиров нашли свою могилу в волнах. В феврале 1942 года в Черном море, напорвшись на немецкую мину, погибла "Струма" — лишь один из семисот семидесяти пассажиров остался в живых. А в это время британские службы информации вещали на весь просвещенный мир о том, что эти нелегальные корабли являются страшной опасностью, ибо они кишат секретными агентами, которых засылает гестапо, чтобы воткнуть нож в спину Британии.

И вот осенью 1942 года до ишува дошла жуткая весть. В Эрец прибыли шестнадцать женщин. Они были британскими подданными из Палестины и попали в плен в Польше во время войны. Теперь их обменяли на германских пленных.

Приехав, они рассказали о сатанинском немецком плане, именуемом "окончательное решение еврейского вопроса", о гетто, о пытках и унижениях, о братских могилах. О массовых убийствах и истине адских местах, слухи о которых еще не доходили до ишува: об Аушвице и Майданеке, о Трешлинке и Собибуре, о миллионах обреченных на уничтожение евреев.

Ужас охватил руководителей ишува. Ужас и невыразимая тяжесть бессилия. Главы великих держав игнорировали их обращения, мандатные власти

были по-прежнему непреклонны в своей приверженности к каждой запятой "Белой книги" — и это в тот момент, когда в Польше уничтожали целую нацию. Было от чего прийти в отчаяние. Ишув раздирали споры об отношении к Англии. С одной стороны, более 20 000 палестинских евреев воевали в составе британской армии против Гитлера, с другой — Британия изо дня в день доказывала, что она больше не друг сионизму, а враг. В широких кругах ишува рождалось ощущение, что рано или поздно придется порвать с Англией.

Арабская проблема тоже вызывала острые разногласия. Большинство ишува традиционно стояло за мирные отношения с арабами, но мирного решения не находилось. Арабы в своем большинстве открыто поддерживали Германию. Когда армия Роммеля приблизилась к Палестине, арабы, не скрываясь, говорили о дележе еврейского имущества после победы. Давящая атмосфера царил в Эрец к тому времени, когда Бен-Гурион вернулся домой с Билтморской программой в портфеле.

Главная победа Бен-Гуриона в борьбе за Билтморскую программу заключалась не в ее формулировках, не в том, что она была принята шестьюстами делегатами, собравшимися в Нью-Йорке весной 1942 года, а в том, что он сумел вдохнуть в эти формулировки значение и содержание, отвечавшее самым сокровенным чаяниям еврейского народа в ту пору. План массовой алии двух миллионов евреев был насущно важным решением для евреев, уцелевших от Катастрофы в Европе и одновременно целью большинства евреев Эрец-Исраэль. Призыв к государственной независимости воодушевлял людей; перед ним казались ничтожными указы "Белой книги", он предвещал истинное решение еврейского вопроса.

Постепенно Билтморская программа — в бенгурионовском ее толковании — становилась новой заповедью сионизма. Вскоре после того, как про-

грамма была принята сионистами Соединенных Штатов, ее поддержали сионисты Южной Африки, Англии, Канады и нескольких латиноамериканских стран. Сразу после своего прибытия в Эрец, Бен-Гурион начал работу по сплочению вокруг положений Билтморской программы подавляющего большинства ишува.

11 октября правление Еврейского Агентства единодушно одобрило Билтморскую резолюцию. Однако для того, чтоб придать ей безусловный, обязательный характер, необходимо было также добиться одобрения Ограниченного Исполнительного комитета ВСО в Иерусалиме.

С серьезным сопротивлением столкнулся Бен-Гурион именно в своей партии. Некоторые руководители Мапай, сгруппировавшиеся вокруг Иосефа Шпринцака, воздерживались от принятия Билтморской программы. Каплан, бывший поклонником и ближайшим сподвижником Хаима Вейцмана, видел в ее положениях лозунг, но никак не реальный план. Но настоящий кризис был вызван левой доктринерской группировкой "активистского" крыла партии, опиравшейся в основном на киббуцы движения "Ха-киббуц ха-меухад" ("объединенный киббуц") и сплотившейся вокруг Ицхака Табенкина. В последние годы между этой группой и общим руководством Мапай росла напряженность. Группировка формально провозгласила себя "Фракцией Бет"; в вопросе о Билтморской программе члены "Фракции Бет" находились в нерешительности и склонялись к ее неприятию. Они опасались того, что говоря "государство", надо сказать "раздел". Они твердо возражали против нового раздела западной части Эрец-Исраэль, а их руководство ратовало за еврейское государство на обоих берегах Иордана или за передачу мандата международной организации, которая будет заботиться об увеличении алии и еврейского заселения Эрец-Исраэль.

Между 15 октября и 10 ноября Ограниченный

Исполнительный комитет ВСО обсуждал Билтморскую программу несколько раз. Постепенно сложилась солидная группа, поддерживавшая программу.

10 ноября состоялось решительное голосование Ограниченного Исполнительного комитета ВСО по Билтморской программе. Шломо Капланский и Иосеф Шпринцак воздержались; члены "фракции Бет" воздержались; трое: Яари и Бентов из Хашомер ха-цаир, а также С. Кирш из партии Немецкая алия проголосовали против.

Подавляющее большинство — 21 человек — сплотилось вокруг Бен-Гуриона и проголосовало за Билтморскую программу в ее максималистском толковании, то есть в толковании Бен-Гуриона.

Исполнительный комитет торжественно постановил называть впредь Билтморскую программу "Иерусалимской".

После того, как Билтморская программа была провозглашена политической линией всего сионистского движения, Бен-Гурион в течение долгого периода не выезжал из Эрец-Исраэль. Эти годы надолго определили его политический путь — именно в это время Бен-Гурион перерос своей официальной партийный пост, стал в представлении всего ишува его единственным вождем. "Еще ни один сионистский деятель или руководитель рабочего движения не удостоивался такой чести, как Бен-Гурион, — вдохновенно писал Берл Кацнельсон, — чести быть выразителем сионизма в обстановке предельной напряженности".

Действительно, в этот период Бен-Гурион стал олицетворением сионистского движения, его путей и стремлений. Вейцман был далеко от Эрец-Исраэль, и его умеренная линия не могла выразить того мятежного духа восстания против Англии, которым был проникнут весь ишув. Бен-Гурион вел ишув дорогой борьбы, прямого противостояния любому

шагу мандатной администрации, действовавшей согласно "Белой книге".

Бен-Гурион выразил эти чувства в одной из своих наиболее известных речей, произнесенной в годы войны — в "Ответе верховному комиссару". Дело в том, что весной 1943 года верховный комиссар сэра Херолд Мак-Майкл объявил о будущем плане "реконструкции Палестины" после войны и просил евреев помочь в его осуществлении. На первый взгляд план Мак-Майкла впечатлял своим размахом: он предлагал существенное улучшение системы образования, здравоохранения, социального обеспечения, осуществление мероприятий по ирригации и мелиорации земель, террасирования горных склонов, поощрения экспорта цитрусовых. Вместе с тем он не оставлял сомнений в свертывании промышленности, процветавшей в условиях войны.

План этот должен был благоприятно сказаться на арабском населении Палестины, тогда как еврейскому ишуву по-прежнему предстояло оставаться в колдовках "Белой книги". Он преследовал цели улучшения образования, здравоохранения и социального обеспечения среди арабов. Мелиорация и орошение земель были чрезвычайно притягательными обещаниями, но их выполнение принесло бы пользу лишь арабам — владельцам 95 процентов земель в стране — ведь "земельный закон" оставлял евреям лишь мизерный клочок земли. Промышленные предприятия, существовавшие в Палестине, были почти все в руках евреев — так пускай они свертываются, и никаких возражений!

"Протянуть руку в ответ на такое предложение — значит протянуть руку "Белой книге"! — гневно заявил Давид Бен-Гурион. — Читаешь эту речь, и кажется, будто правители Палестины ни разу не открывали Библию, никогда не слышали о Декларации Бальфура, отроду не читали параграфов мандата, в жизни не бывали в еврейском поселении и, упаси Бог, не встречались ни с одним халуцом. Такую речь можно

было бы слушать в Судане или в Танганьике — здесь ей нет места”.

С гордым вызовом бросает вождь ишува ”наместнику” свой отрицательный ответ.

”Мы достаточно хорошо знаем друг друга, чтобы быть откровенными, и мы ответим властям ясно и открыто, что между нами и правительством ”Белой книги” больше не будет никакого сотрудничества, ни теперь, ни после войны, мы не протянем ему руку для осуществления планов, о которых было объявлено вчера, ибо все эти планы зиждутся на прекращении еврейской иммиграции, на том, чтобы запереть евреев в пределах мелких поселений, на осуществлении режима ”Белой книги”, на лишении еврейского народа его права на родину. А потому мы будем бороться с ”Белой книгой” и со всем, что с нею связано, до победного конца”.

Членам Мапай стало известно, что Вейцман основал в Вашингтоне политическое представительство, которым руководят двое его сторонников, разделяющих его политические взгляды: Луи Липский и Нахум Гольдман. Бен-Гурион взбунтовался. У Вейцмана, утверждал он, не было полномочий назначать персонал представительства. Этот вопрос относится к компетенции всего Правления, а Вейцман снова повел себя так, будто это его личное дело.

В политической комиссии Мапай Бен-Гурион изо всех сил обрушился на Вейцмана. ”Я не верил, что у Вейцмана есть какая-нибудь сионистская программа. В Америке он согласился на мою формулировку (”коммонвелф”)... Я не принимаю всерьез никакой программы, которую декларирует Вейцман”. Он упомянул некоторые из ошибок Вейцмана и добавил: ”Я не вижу никакого выхода, если Вейцман не уйдет с политической сцены. Пусть он будет президентом для парадов и не вмешивается в политические дела. Либо он будет чем-то вроде Соколова, либо не будет президентом”.

На этом совещании была выдвинута идея созыва в Эрец-Исраэль всемирного сионистского съезда. Правление Еврейского Агентства решило пригласить Вейцмана в Палестину.

Вейцман наотрез отказался приехать, и всемирный сионистский съезд не состоялся. В Лондоне Вейцман сказал Баффи, что "Бен-Гурион стал настоящим маньяком в своей вражде и недоверии к нему", Вейцману, и добавил, что "никогда в жизни больше не будет участвовать вместе с ним в одном Правлении".

И в октябре конфликт разгорелся с новой силой.

В конце июня Вейцман возвратился в Лондон. В то время как в Эрец борьба с англичанами вылилась в открытую конфронтацию по вопросам обороны, оружия и мобилизации — в Лондоне повеяло новым ветром. Снова встал на повестку дня вопрос о разделе. Министр Лео Эмери сообщил Вейцману, что организована правительственная комиссия для разработки новой политики в Палестине. Одним из возможных решений представляется раздел Палестины и создание еврейского государства на территориях, не включающих район Самарии. "Слишком мало и слишком поздно", — ответил Вейцман. Однако он провел целую серию встреч, совещался с генералом Сматсом, а в конце концов и с Уинстоном Черчиллем.

Бен-Гурион опять разбушевался. Вейцман снова проводил в Лондоне свою прежнюю политику, встречался с лидерами Великобритании, а Правление Всемирной сионистской организации сидело в Иерусалиме, получая (иногда) отрывочные отчеты, и не могло даже возмутиться. "Вейцман вел в Лондоне секретные переговоры, не привлекая к ним Правление, — рассказывал Бен-Гурион. — Он посылал недостоверные отчеты". Через несколько дней после встречи Вейцмана со Сматсом Моше Черток и Берл Локер направили ему срочные телеграммы с требованием явиться в Эрец. Вейцман снова отказался. Он полагал, что до тех пор, пока в Лондоне находится генерал Сматс, влиятельный друг сионизма — центр деятель-

ности ВСО остается там. Кроме того, Вейцман откровенно признался близким, что "он не предстанет перед Эрец-Исраэль с пустыми руками и не сядет за один стол с Бен-Гурионом". Когда на заседании Правления ВСО в Иерусалиме был зачитан отрицательный ответ Вейцмана, Бен-Гурион встал и объявил о своей отставке.

Известие об отставке Бен-Гуриона вызвало в прессе волну откликов, докатившуюся до Лондона. Вейцман продолжал утверждать, что не понимает, отчего так рассердился Бен-Гурион, потом пригласил в Лондон делегацию из Эрец, но вместе с тем заявил, что если приедет Бен-Гурион, он не будет сотрудничать с ним. "Я просто не могу с ним работать".

И снова потрясение основ в верхушке Мапай.

Бен-Гурион выступил на заседании Центрального комитета партии Мапай с длинной речью, где рассказал обо всех перипетиях своих отношений с Вейцманом. Он был крайне резок: "...ибо мне кажется, что за немногими исключениями, когда доктор Вейцман действовал согласно указаниям Правления, все остальные его действия были вредны... Он нечестный человек, в нем нет никакой лояльности, и я отрицаю его дружеское отношение к рабочему движению, ибо это всего лишь дружба по расчету... по моему мнению, правильно было бы отстранить его от политической деятельности — но не от сионизма".

Даже Моше Черток, не разделявший выводов Бен-Гуриона, вынужден был признать, что предъявленный им список ошибок и промахов Вейцмана совершенно точен.

Однако речь Бен-Гуриона не убедила его товарищей по партии. За исключением таких "вейцманистов", как Шпринцак, Локер, Каплан и другие, большинство руководителей Мапай согласилось с обвинениями Бен-Гуриона против Вейцмана, но не приняло его выводов. Они отказались сделать выбор, которого требовал Бен-Гурион — его отставка или отставка Вейцмана. Черток затруднялся определить, что при-

несет большой вред — уход Бен-Гуриона или уход Вейцмана. "Если бы ребенка спросили: "Что было бы для тебя хуже — если бы умер твой отец или умерла твоя мать?" — он не мог бы ответить — их нельзя сравнивать".

Экстремизм и неуравновешенность ослабляли позиции Бен-Гуриона. Он упрямо отказывался принять какую бы то ни было компромиссную формулировку, какую бы то ни было попытку принудить Вейцмана к коллегиальной работе. Товарищи Бен-Гуриона предлагали послать в Лондон комиссию, которая будет работать бок о бок с Вейцманом, заставит его обязательно брать с собой одного из членов комиссии на любую встречу, потребует от него постоянного отчета и предварительных консультаций и, наконец, вынудит его приехать в Эрец. Эти предложения поддержали почти все, кроме "вейцманистов". Но Бен-Гурион продолжал упрямитесь, пока не лопнуло терпение Берла Кацнельсона.

Как бывало и прежде, Берл взял на себя обязанность обуздать Бен-Гуриона. Он потребовал, чтобы Бен-Гурион взял назад заявление об отставке.

Намеревался ли Бен-Гурион в самом деле изгнать Вейцмана? Он, безусловно, хотел этого; но в ходе дебатов понял, что на это у него нет никаких шансов. Похоже, что упорствуя в своей крайней позиции, Бен-Гурион имел в виду другие цели. Он хотел добиться полной поддержки своих требований и превратить свою личную критику в адрес Вейцмана в критику от лица всей партии. В этом он преуспел более, чем мог ожидать. Все руководящие работники партии Мапай буквально умоляли его взять назад заявление об отставке. Среди них не было никого, кто бы заявил, что обвинения Бен-Гуриона лишены оснований. Положение Бен-Гуриона в результате этих дебатов чрезвычайно укрепилось. Он уже не был, как в прошлом году, одинок в своей борьбе против Вейцмана.

Черток явился в Лондон во главе делегации, ко-

торой было поручено предъявить Вейцману бенгурионовские обвинения. Разбирательство было долгим и мучительным. В конце концов Вейцман подчинился требованиям палестинской делегации и Черток телеграфировал Бен-Гуриону: "После продолжительных дискуссий мы убеждены, что коллективная ответственность и товарищеские отношения обеспечены. Вейцман подтверждает последнюю телеграмму к тебе и готов сотрудничать с тобой, ожидая от тебя аналогичного отношения".

Теперь Бен-Гурион вернулся в Правление Еврейского Агентства.

На этом конфликт как будто прекращается. Трудно говорить о победе Бен-Гуриона; ему не удалось поколебать положения Вейцмана. Но вне всякого сомнения, соотношение сил между ними существенно изменилось, хоть и не сразу.

Так закончился еще один раунд поединка Бен-Гуриона и Вейцмана.

Не прошло и недели после завершения "вейцмановского кризиса", как Бен-Гурион оказался вовлеченным в другой конфликт. В партии Мапай обнаружился раскол. Внутри партии сложилось сплоченное и активное ядро оппозиции, грозившее оторвать от партии лучшие ее силы. Вдохновителем этой, готовой отделиться, группы, был Ицхак Табенкин, а ее оплотом — значительная часть киббуцного движения Ха-киббуц ха-меухад .

В киббуцах, относящихся к этому движению, в течение ряда лет усиливалось влияние ультралевой идеологии. Фракция, окончательно оформившаяся в декабре 1938 года, призвала к борьбе за государство и самооборону, проводила наступательную, активистскую линию и тем самым была союзницей Бен-Гуриона и Кацнельсона. Фракция Бет подняла знамя антибританской борьбы. Лидеры фракции делали упор на наращивание еврейских сил самообороны в Эрец и мобилизации в британскую

армию предпочитали участие в Хагане и Палмахе.

Максималистский подход Фракции Бет к политическим вопросам лишал ее позиции гибкости. Фракция Бет ратовала за неделимость Эрец-Исраэль. Ее видные руководители в 1937 году принадлежали к противникам раскола. Теперь, после принятия Билтморской программы, они видели в ней начало процесса, который снова приведет к разделу Эрец, а потому решительно возражали против нее. В противовес программе еврейской государственности, которую отстаивал Бен-Гурион, руководители Фракции Бет выставили туманный план некоего международного мандата, который будет распространяться на всю Палестину (после войны), направит в нее массы олим и создаст условия для расширения поселенчества — так что в один прекрасный день можно будет создать еврейское государство на всей территории Эрец-Исраэль. На внутренних выборах в Мапай фракция получила треть голосов.

Давно назревавший кризис разразился на конференции Мапай, проходившей в Кфар-Виткин на исходе октября 1942 года. Большинство партии было твердо настроено ликвидировать фракции. После того, как провалились все попытки договориться с членами фракции, большинство попробовало навязать им свое мнение голосованием. Конференция постановила: "Партия запрещает существование фракций; ни один член партии не имеет права организовывать фракции и состоять в них".

Члены Фракции Бет бойкотировали голосование. Все предвещало их откол от партии. Однако они не сделали этого. После конференции Мапай осталась целостной, хоть и изрядно расшатанной. "Вечером в четверг (29 октября) конференция окончилась удачно", — записал Бен-Гурион в дневнике.

В сущности, конфликт был лишь отсрочен — до второй сессии совета Мапай, состоявшейся в марте 1944 года. Поляризация позиций Фракции Бет и остальной части партии достигла здесь апогея. Засе-

дание было бурным, ораторов то и дело прерывали выкриками с мест, зал неистовствовал. Ицхак Табенкин поднялся на трибуну. С фанатичной убежденностью говорил он о неделимости Эрец. "Я никогда не подписывался и не подпишусь под тем, что на восточном берегу Иордана не будет больше еврейских поселений!" — воскликнул он. — Да здравствует Эрец-Исраэль по обоим берегам Иордана! Да здравствует Эрец-Исраэль в границах от Ливана до Синая, от моря до пустыни — как еврейское государство для спасения евреев, для возрождения еврейского народа, да здравствует ее святое право на существование как еврейской страны, несмотря на то, что есть тут арабы, и пусть ни один арабский феллах не будет выслан с ее территории!"

Табенкин и Бен-Гурион обменивались резкими выпадами. Они отдалились друг от друга, и юношеская дружба уже не могла сгладить острых противоречий между ними.

Раскол стал фактом. Фракция Бет откололась от Мапай и присвоила себе историческое имя той партии, которую создали когда-то Берл Кацнельсон, Табенкин и Бен-Гурион — "Ха-гнуйа ле-ахдут ха-авода" ("движение за единство труда").

Партии Мапай был нанесен тяжелый удар. Бен-Гуриона покинули многие его союзники — рьяные активисты, члены киббуцов, лучшие силы Хаганы, организованные в отряды Палмаха. Многие из них ушли вместе с Табенкиным.

Так кризисы, один за другим, преследовали Бен-Гуриона. Сперва Вейцман, потом Табенкин. А летом 1944 года на него обрушился самый тяжелый удар.

Ночью 15 августа 1944 года вся страна была окутана густым туманом. В полночь у ворот Хайфского санатория доктора Боденхеймера появился какой-то человек, он разбудил сторожа и, не обращая никакого внимания на протесты по поводу позднего часа, спустился в подвальный этаж. Человек этот

был Давид Хакохен, один из ведущих деятелей партии Мапай. Он несколько раз постучал в дверь одной из комнат. Наконец, послышались шаги и дверь открылась. На пороге стоял облаченный в халат Бен-Гурион. Он зажег свет. Вид у него был заспанный и испуганный.

”Бен-Гурион, я пришел тебе кое-что сообщить, — сказал Давид Хакохен. — Сядь на кровать, а я расскажу”.

Бен-Гурион повиновался.

”Бен-Гурион, меня сейчас известили, что умер Берл Кацнельсон”, — сказал Давид Хакохен.

Бен-Гурион подскочил, как пружина, потом опустился на кровать и долго сидел, точно окаменелый, неподвижно глядя перед собой. Внезапно лицо его мучительно искривилось и он рухнул на постель. Давид Хакохен был потрясен. ”Он натянул на себя простыню, замотал в нее голову, но до меня доносились стоны раненого зверя, какие-то всхлипы и вздохи, какие-то жуткие стенания. Это было ужасно. В жизни я не видел человека в таком потрясении. Все лицо его корчилось от боли. Он извивался и бился головой о матрац. Несвязные возгласы вырывались у него: ”Берл, без Берла, как можно без Берла... Берл, как же я буду без тебя...”

Давид Хакохен поспешно подал Бен-Гуриону стакан воды. Когда тот немного успокоился, он рассказал, что ему позвонили из Иерусалима и сообщили о смерти Берла.

”Сейчас же поедem в Иерусалим”, — сказал Бен-Гурион. Лицо у него было тусклое, серое.

Он влез в машину. Давид Хакохен сел за руль. В гостинице ”Сион” их ждали Поля и сын, Амос Бен-Гурион. Амос был в форме английского офицера, он случайно получил короткий отпуск. Машина направилась в Иерусалим.

Непроглядный туман, лежавший на дорогах, придавал ночи зловещий оттенок. Поездка затянулась на долгие часы — несколько раз их останавливали

у полицейских застав. За всю дорогу Бен-Гурион не проронил ни слова. Он, застыв, сидел на своем месте.

Под утро добрались до Иерусалима. Там, в квартире одного из друзей, на кровати лежало тело Берла Кацнельсона. У дверей комнаты столпилось много народу. Бен-Гурион постоял немного, глядя в мертвое лицо друга, и упал без сознания.

Придя в себя, он попросил, чтоб его оставили одного с Берлом. Когда все вышли из комнаты, откуда послышался надломленный голос Бен-Гуриона, разговаривавшего с мертвым: "Ну зачем же ты это сделал, Берл, зачем ты ушел от нас?"...

Потом воцарилась тишина. Около двух часов просидел Бен-Гурион в комнате наедине с мертвым и никому не рассказывал, о чем думал, что чувствовал в те жуткие минуты.

Выйдя, он сказал Амосу: "Это был мой единственный настоящий друг".

На следующий день Бен-Гурион проводил гроб Берла сначала в Тель-Авив, а оттуда — в кибуц Киннерет. В надгробном слове, произнесенном Бен-Гурионом, есть одна фраза, в которой он сумел передать все величие любимого друга:

"Умер Берл — вожак, рабочий с Киннерета, учитель поколения".

Страшный, жестокий удар нанесла смерть Берла Давиду Бен-Гуриону. Он любил Берла всем сердцем, говорил о нем: "Это был самый близкий мне в жизни человек".

Карточку Берла Бен-Гурион всегда держал под стеклом своего стола.

В письме к товарищам изливает он всю боль утраты:

"В первый раз собирается Мапай с тех пор, как нет среди нас нашего великого товарища, нашего вожака, учителя поколения, светоча для всех будущих поколений, бывшего совестью, лозунгом и устами нашего движения; верным руководителем

молодежи, рабочих, ишува; человека, проникавшего в суть вещей, в даль времен, обладавшего разносторонними знаниями и необыкновенной находчивостью, всегда готового дать полезный совет; сочетавшего величайшую осторожность в практических делах с творческой инициативой и революционным размахом, одаренного бесстрашием и крыльями для большого полета. Человека энциклопедических познаний, прекрасно разбиравшегося в духовной сокровищнице своего народа и всего человечества и не покладая рук трудившегося, чтобы отыскать скрытые в ней богатства, которые приведут его народ к избавлению от рабства. Это был настоящий халуц, который в прекрасный узор своей жизни вплел и мотыгу, и меч, и книгу, и труд, и землю. Это был преданный друг и товарищ, благородный, простой в обращении с великими и малыми, умевший любить и спорить, щадить и понимать, прощать и гневаться, и быть преданным до конца”.

”Как был ты мне дорог, Берл, дороже друга и брата, с тех самых пор как мы встретились в солдатских мундирах, в палатках посреди египетской пустыни”.

Так на исходе мировой войны Бен-Гурион остается более чем когда-либо одиноким, а вокруг него — редуют ряды больших людей, друзей его души, и плечи его сгибаются под тяжестью ноши. Вейцман был больной человек, принадлежавший к другому поколению, уже неспособный повести за собой Бен-Гуриона. Арлосоров был убит. Табенкин отдалился и замкнулся в ограде фанатичного сектантства. Дов Хоз, новая восходящая звезда, погиб в автомобильной катастрофе в начале войны. Теперь навек ушел Берл, ”совесть” Бен-Гуриона. Всего через несколько месяцев умрет и Элияху Голomb, руководитель Хаганы. Шмуэль Явнеэли, Ицхак Бен-Цви и еще несколько давних товарищей отстранились в эти годы от власти, ушли на вторые роли.

В страшном одиночестве, без единого близкого, понимающего человека предстояло Бен-Гуриону вести ишув в решительную борьбу.

В 1937 году, получив от жены раздраженное письмо, Бен-Гурион ответил ей с полной откровенностью: "Жизнь моя очень тяжела. Я никогда не жаловался, да и теперь не жалуясь. Но я совсем одинок, хоть у меня есть товарищи и друзья. Может, в этом виновата моя натура, но я чувствую себя одиноким бобылем и иногда мне очень, очень тяжело. Бывают минуты, когда накипит у меня на сердце до того, что оно разрывается, мучительные вопросы встают передо мною, и мне не к кому с ними обратиться. Я один, и тяжелое бремя, лежащее на мне, кажется иногда невыносимым. Бывает, мне приходится укреплять наше движение, подбадривать товарищей, поднимать их настроение и веру, а меня самого снедают черные мысли, хоть этого никто не чувствует... Пожалуй, товарищи не слышали от меня жалоб, но случается, нападает на меня ужасное ощущение одиночества, и это так тяжело, как будто живешь в пустыне — стужа и безжизненность, где похоронены все надежды.

И любой знак твоей любви и дружбы так дорог мне. Но иногда — не желая того и не ведая, безо всякого дурного умысла — ты огорчаешь меня, я мучаюсь еще сильнее, и одиночество становится еще более тяжким".

В годы войны обрушился на Бен-Гуриона еще один тяжелый удар, усиливший его одиночество. В Нью-Йорке в конце Билтморского съезда его известили телеграммой о смерти отца. Старику было уже 87 лет и кончина его была легкой. Но для сына это все равно было тяжкое потрясение. Он был необыкновенно привязан к отцу, любил его глубокой искренней любовью; знал, как обожал его отец. До последнего дня сохранял Авигдор Грин бодрость и живость, чет-

кость памяти, логичность мысли и любознательность. Он не пропускал ни одного публичного собрания, где появлялся его сын. Бен-Гурион привык к тому, что выступая в любом из тель-авивских залов, он находил в первых рядах своего седобородого отца с всегдашней палкой между коленями, с лицом, сияющим вниманием и гордостью.

Авигдор Грин умер 87 лет от роду, точно так же, как его отец Цви Арье Грин (в том же возрасте умер и его сын Давид Бен-Гурион). Получив в Нью-Йорке телеграмму о смерти отца, Бен-Гурион написал домашним взволнованное письмо. "Сегодня вечером узнал я, что умер папа — вдалеке от меня, в одиночестве; я не стоял у его постели в последние минуты, не поглядел на него перед вечным расставанием. Он был замечательный, не скупающийся на любовь отец, верный своему народу еврей, прямой и добросердечный человек, всегда открытый чужой беде. Больше я уже не увижу его, возвращаясь домой. Никогда не увижу".

Бен-Гурион был вождем ишува. Молодежь, члены Хаганы, люди из всех слоев ишува воспитывались в свете его идей. Его речи, статьи и книги распространялись, изучались, цитировались с серьезностью и энтузиазмом. Естественным образом устанавливалась некая дистанция между ним и даже самыми близкими к нему людьми. В его обществе люди смущались, ступеньки становились как будто меньше ростом, не решались спорить с ним, поддавая под его обаяние или подавленные его магнетической личностью. Он умел командовать людьми, воодушевлять их на труд и на бой, выявлять все самое лучшее и возвышенное, что в них таится. Он не подходил для болтовни, дружеских пирушек, шуточных перепалок, похлопывания по плечу, обмена комплиментами и сплетнями. Он был до предела деловит.

Однажды, когда жив еще был Берл Кацнельсон, пришел к нему известный писатель и пустился в обви-

нения против Бен-Гуриона: "Не успел я прийти к Бен-Гуриону, как он сразу: "Что вы хотите? В чем дело?" С ним невозможно просто посидеть и поболтать". На следующий день Берл передал этому писателю приглашение Бен-Гуриона "прийти к нему домой после обеда". Писатель удивился, но пошел. Бен-Гурион сидел за письменным столом и рылся в документах. Он поднял голову и поглядел на гостя сквозь очки, съехавшие на кончик носа. "Садитесь", — сказал "старик" и снова погрузился в изучение лежавших перед ним бумаг. Наконец, он перестал читать и, склонив голову, с любопытством посмотрел на гостя. "Ну, — протянул он дразнящим высоким голосом. — Болтайте! Болтайте! — а увидев написанное на лице гостя смятение, наивно пояснил: — Вы сказали, что со мной невозможно поболтать, ну, давайте попробуем. Болтайте!"

Полнейшая сосредоточенность Бен-Гуриона на выполняемой работе свидетельствовала о беспрецедентной силе воли. С течением лет он развил в себе колоссальное самообладание. Однажды, вскоре после начала войны Амос вошел в комнату отца. Ему было около девятнадцати, и он собирался вступить добровольцем в английскую армию. Сейчас он держал в руке сигарету.

"Как? — спросил Бен-Гурион. — Ты куришь? Почему?"

"А как насчет тебя? — ответил Амос вопросом на вопрос. Бен-Гурион курил непрерывно и выкуривал обычно две-три пачки в день. Но он не поколебался ни на минуту: — Если я брошу — ты тоже бросишь?"

"Да", — ответил Амос.

"Отлично, — сказал Бен-Гурион, — итак, мы оба бросаем курить".

"Но ты едешь в Лондон, — заметил Амос. — Как я узнаю, сдержал ли ты обещание?"

Они договорились, что если один из них не сможет сдержать слово, он пошлет другому телеграмму из любого уголка мира.

Так Бен-Гурион перестал курить. С тех пор он ни разу не брал в рот сигареты. "Я держался только восемнадцать месяцев, — признавался позднее Амос. — Но когда больше не смог терпеть, я не стал давать телеграмму. Это уже перестало быть актуальным".

Будучи столь сильной личностью, Бен-Гурион, кроме того, обладал от природы властной натурой, и стиль его руководства был откровенно централистским. Наряду с этим он полагал, что правдивость имеет огромное значение в политической жизни и выписал себе несколько стихов из Библии против лжецов.

Позднее он откровенно сформулировал кодекс вождя: "Знай, чего ты хочешь достичь, будь уверен в своих целях и постоянно держи их в уме. Намечай порядок действий. Доверяй своим соратникам — ты можешь подчас верить им больше, чем они сами себе верят, ибо настоящий политический деятель инстинктивно чувствует возможности человека и способен побудить его в критическую минуту к подвигу. Ты должен знать, когда бороться со своими политическими противниками и когда на некоторое время сделать передышку. Ты должен осознавать фактор времени, а это требует от тебя совершенного понимания того, что происходит вокруг — в твоём районе, если ты лидер местного масштаба, в твоей стране и в мире, если ты лидер нации. И поскольку мир не останавливается ни на минуту и соотношение сил меняется, как картинка в калейдоскопе, ты должен снова и снова с пристрастием проверять политическую линию, избранную тобой для достижения твоих целей. Политический деятель обязан отводить много времени на размышления. Он обязан также посвящать много времени воспитанию и перевоспитанию масс".

11. БОРЬБА

19 ноября 1942 года армии генерала Рокоссовского и генерала Ватутина перешли в наступление, завершившееся смелой операцией по окружению фашистских войск в районе между Доном и Черным морем. Когда клещи, образованные двумя фронтами, сомкнулись, отборные армии генерала фон Паулюса оказались зажатыми в "котел" в предместьях растерзанного города призраков, имя которому — Сталинград. Здесь, на развалинах "города Сталина", который Гитлер хотел любой ценой поставить на колени, началось окончательное падение рейха.

Отсюда началось стремительное контрнаступление советских войск, которые под командованием маршала Жукова устремились на запад — занимая Украину, Польшу, Германию. У Эль-Аламейна Монтгомери разбил армии Роммеля, в то время как высадившиеся в Тунисе англо-американские войска превратили Северную Африку в трамплин, откуда силы союзников обрушились на Сицилию и Италию. В Тихом океане после поражения японцев на острове Мидуэй, американские морские пехотинцы захватывали остров за островом, а с новых взлетных полос, спешно проложенных в тропических джунглях, эскадрильи американских бомбардировщиков ринулись к сердцу японской империи.

Самая жестокая в истории человечества война близилась к концу. Черные силы не были разгромлены в одном эффектном сражении, они отступали шаг за шагом, оставляя рубеж за рубежом. Мир медленно и мучительно просыпался после долгого кошмара фашистской ночи.

8 октября 1944 года упорная борьба Вейцмана и

помогавшего ему Моше Чертока увенчалась успехом — Черчилль сообщил Вейцману о решении британского правительства сформировать в составе своей армии еврейскую бригаду.

Если говорить по существу, то не создание этой бригады позволило палестинским евреям участвовать в войне против Гитлера. Около тридцати тысяч из них уже несколько лет героически и самоотверженно сражались с нацизмом в английской армии, в батальонах "Баффс"*; в воздушном флоте, в подразделениях коммандос, прочесывавших Аравийскую пустыню, в группах парашютистов, которых забрасывали в захваченную гитлеровцами Европу, во вспомогательных женских частях. Но все эти годы продолжалась борьба с англичанами за то, чтобы еврейские подразделения носили национальный характер, за то, чтобы они шли в бой под еврейским знаменем, чтобы на иврите отдавались воинские приказы. Осторожные англичане скрывали происхождение и национальную принадлежность израильтян под туманным и расплывчатым определением "палестинцы". Лишь 19 сентября 1944 года с опубликованием официального сообщения о формировании боевой еврейской бригады, ядро будущей еврейской армии Эрец-Исраэль оформилось в боевую единицу.

Бригада повоевала совсем немного — в последние месяцы войны на итальянском фронте. Но ее верность воинскому долгу, господствовавший в ней боевой дух, закалка бойцов службой в регулярном армейском подразделении, их постоянная готовность к бою, та решающая роль, которую они сыграли в налаживании нелегальной алии и организации Бри-

* "Баффс" — так называли британский "Королевский батальон Восточного Кента", в который в 1940 году влились части палестинских добровольцев. Из этих частей была создана Еврейская бригада, сражавшаяся в Италии.

хи* — все это превратило бригаду в один из центральных факторов на первых этапах борьбы за еврейское государство.

Неизвестно, согласился бы Черчилль на создание бригады, если б ему было дано предугадать дальнейшее развитие событий. Он всегда объявлял себя сионистом и действительно был таковым. В годы войны у него созрело убеждение в том, что пора сдержать обещание, данное еврейскому народу в Декларации Бальфура, и основать в Палестине еврейское государство.

Для этого он учредил в 1943 году министерскую комиссию, которая разрабатывала план раздела Палестины. Членами комиссии были министр внутренних дел Герберт Моррисон, лорд-хранитель печати лорд Крэнборн, министр по делам Индии Лео Эмери, министр колоний Оливер Стэнли и министр военно-воздушных сил сэр Арчибальд Синклер. К рождеству 1943 года комиссия завершила подготовку первого секретного плана раздела Палестины, который Черчилль с удовлетворением назвал "отличной работой".

А пока в кухне Уайтхолла тайно "варились" планы раздела, мандатные власти Палестины истово проводили в жизнь установления "Белой книги". Кому бы могло прийти в голову, что британский премьер, при виде того, какой жестокой рукой правит Британия в Палестине, тайно вынашивал план создания еврейского государства? Не находя выхода растущему отчаянию, проревизионистские круги ишува соскользнули на путь антибританского террора еще в разгар войны.

Этот террор был результатом политики сдержанности в начале войны. Когда разразилась война, в ре-

* Бриха (иврит. побег) — подпольная организация, осуществлявшая после Катастрофы европейского еврейства в 1939–1945 гг. переброску евреев из Восточной и Центральной Европы к портам Средиземного моря с целью дальнейшей их переправки в Эрец-Исраэль.

визионистском течении и Эцеле победила линия Жаботинского, провозгласившего сотрудничество с англичанами против Гитлера. Эцел* действительно твердо придерживался этого решения и действовал в Палестине бок о бок с англичанами. Эцел даже осудил бурные демонстрации, организованные Бен-Гурионом против земельного закона. Это далеко зашедшее сотрудничество с Британией вызвало возмущение крайних, фанатичных элементов Эцела, которые возглавил Авраам Штерн (Яир). Штерн провозгласил войну против Англии до победного конца, сотрудничество с внешними антибританскими силами и террористические акции крупного масштаба. Трудно было найти компромисс между столь полярными позициями; после смерти Жаботинского Эцел распался. Группировка Штерна откололась и с течением времени превратилась в Лехи — сокращенное название организации Лохамей херут Исраэль (Борцы за свободу Израиля). Эцел на долгий период погрузился в противоречия, мечась между порывами добровольной мобилизации в британскую армию и стремлением начать борьбу против "Белой книги". План соглашения между ревизионистами и рабочим движением, который отстаивали Берл Кацнельсон и Элияху Голомб, был отклонен из-за возражений Бен-Гуриона. После того, как Давид Разиэль был убит во время выполнения в Ираке разведывательного задания англичан, в Эцеле усилилось смятение. Его руководители не находили выхода своим стремлениям к борьбе.

Маленькая организация Авраама Штерна, напротив, росла и крепла. В ней объединились самые отчаянные и фанатичные люди Эцела, в организации формировалась идеология личного террора против англичан. Члены этой группировки обладали необыкновенным мужеством, но логика их была не на высоте.

* Эцел — вооруженная подпольная организация активистов в подмандатной Палестине, созданная в 1931 году частью командиров и бойцов Хаганы.

Похоже, что многие члены Лехи не в состоянии были усвоить фанатичных общественных теорий Яира. Политическая слепота Лехи с предельной силой выразилась в одном их поступке — они направили в Бейрут и в Турцию посланников с заданием заключить соглашение с державами оси! В своей жгучей ненависти к англичанам они готовы были вступить в союз с Муссолини и Гитлером и обязаться участвовать в войне на их стороне с условием, что нацисты и фашисты окажут содействие в решении еврейского вопроса "путем эвакуации и создания еврейского государства в исторических границах" Эрец-Исраэль.

Когда много лет спустя член Лехи Йехошуа Коген рассказал Бен-Гуриону об этих попытках, тот был потрясен до глубины души и назвал их "отвратительными и опасными".

Организация Штерна, как и Бен-Гурион, тоже билась над вопросом, как же действовать против англичан. Их экстремистский подход не находил поддержки у общественности. Финансирование террористических акций путем ограбления банков, и несколько покушений, приведших к гибели полицейских-евреев, вызвали в ишуве гнев возмущения этой крохотной группой. Жестокий удар обрушился на Лехи, когда англичане обнаружили убежище, где скрывался Яир, ворвались туда и убили его.

После убийства Яира начался самый тяжелый период для членов организации Лехи, за которыми гонялись по всей Палестине и англичане, и евреи. Но через некоторое время снова организовалось подполье, к руководству которым примкнули Натан Фридман-Елин (Мор) и доктор Исраэль Шайб (Элдад). Все более устрашающие террористические акты и успешная пропаганда снова превратили Лехи в действующую экстремистскую подпольную организацию, беспощадно расправлявшуюся с англичанами. В 1944 году террористическая деятельность Лехи достигла трагического апогея в покушении на верховного ко-

миссара лорда Мак-Майкла, произошедшем в извилистом ущелье Шаар ха-Гай.

1944 год стал "годом террора" и еще по одной причине — в борьбу включился Эцел. В январе по всей стране появились плакаты, призывавшие к восстанию против англичан под лозунгом "свобода или смерть". Так был положен конец перемирию между Эцелом и британскими властями, установившемуся с началом мировой войны. Эта новая волна насилия объяснялась появлением в Эрец бывшего руководителя Бейтара в Польше Менахема Бегина, который прибыл в Палестину как солдат польской армии. Это был человек сильного духа, готовый к борьбе, обладающий огромным организаторским и ораторским талантом. В начале 1944 года Бегин возглавил Эцел. Встав во главе расшатанной организации, Бегин вдохнул в нее новые силы и повел ее на жестокую непримиримую борьбу с англичанами.

Члены Эцела устраивали взрывы в штабах британской службы безопасности по всей территории Палестины, нападали на полицейские участки, совершали покушения на британских офицеров. Переодевшись английскими полицейскими и солдатами или просто незаметными арабами, члены Эцела осуществляли четко разработанные диверсионные акты, похищали оружие с полицейских участков, брали англичан заложниками, вели разветвленную пропагандистскую кампанию. Многие из них были ранены и убиты в столкновениях с англичанами. Среди ишува, и особенно среди молодежи, нашлось много восторженных почитателей этих борцов за свободу, которые рисковали жизнью в борьбе против иноземных правителей, но большинство ишува твердо воспротивилось террору. Восстание противоречило традициям, родившимся в Эрец-Исраэль, сложившимся принципам борьбы — хоть она и была направлена против поработителей; насильственная борьба была приемлема для руководителей ишува лишь в определенных политических и моральных рамках.

Атмосфера в Эрец накалялась, росла опасность вооруженного столкновения между "отступниками" — Эцелом и Лехи, с одной стороны — и Хаганой с другой.

В начале осени Эцел предложил организовать встречу между Менахемом Бегинном и Давидом Бен-Гурионом. В тот период среди членов Эцела Бен-Гурион пользовался растущим уважением и они надеялись прийти с ним к взаимопониманию. Эцел с сочувствием относился к борьбе Бен-Гуриона за еврейское государство. "Бен-Гурион будто родился заново, — писал Менахем Бегин. — Бен-Гурион не только поднял лозунг "Билтмора", он еще и произнес несколько исключительно резких по звучанию речей "против наместника".

Руководители Эцела с радостью восприняли "эту перемену" в линии Бен-Гуриона. Более того, они готовы были принять его руководство при условии, что он поведет их "активным путем вооруженной борьбы". Но за некоторое время до планировавшейся встречи им стало ясно, что она не состоится. Связные Хаганы рассказали Бегину, что Бен-Гурион сомневается, сможет ли он найти общий политический язык с Бегинном. В октябре 1944 года Бегин встретился с Моше Снэ, возглавлявшим национальное командование Хаганы и пользовавшимся доверием Бен-Гуриона. Согласно отчету Снэ, Бегин снова повторил ему: "После того, как скончался вождь Бетара, мы видим в Давиде Бен-Гурионе единственного человека, который должен возглавить политическую борьбу сионизма. Мы готовы перейти под его командование. Но когда? Тогда, когда Бен-Гурион встанет во главе временного еврейского правительства, когда он начнет войну за власть".

Бегин говорил о борьбе, Снэ — о государственной мудрости. Он потребовал, чтобы Эцел прекратил террор, хотя бы на время. Продолжался диалог глухих. Встреча окончилась неудачей. Неудачно окончилась и встреча Бегина с Элияху Голломбом — некоронованным вождем Хаганы. Не сумев убедить Бегина отка-

заться от террора, он резко простился с ним, дав понять, что Хагана использует любые средства, чтоб положить конец деятельности Эцела. По словам Бегина, Голомб сказал: "Мы с вами покончим".

В то время несколько членов Хаганы уже занимались разработкой плана операции против Эцела — на случай, если таковая потребуется.

И на пределе этого внутреннего напряжения произошло каирское убийство.

В ноябре 1944 года Хаим Вейцман собирался приехать из Лондона в Эрец-Исраэль — после пятилетнего отсутствия. В беседе, состоявшейся у него перед отъездом с Черчиллем, британский премьер-министр посоветовал ему встретиться в Каире с лордом Мойном, бывшим комиссаром по делам Ближнего Востока. "Он переменялся и вырос за два последние года", — сказал Черчилль.

Но действительно ли лорд Мойн "переменялся и вырос"? Вейцману так и не удалось узнать этого. Через несколько дней после беседы Вейцмана с Черчиллем лорд Мойн был убит в Каире двумя палестинскими парнями — Элияху Хакимом и Элияху Бейт-Цури. Они были членами Лехи, специально направленными в Каир для осуществления этой акции. После убийства они попали в руки полиции. Вейцман был потрясен. В письме Черчиллю он выразил "чувства гнева и ужаса" и утверждал, что "государственные преступники такого типа — страшная мерзость".

В Эрец Бен-Гурион решил разбить "отступников".

Есть, наверное, какая-то горькая ирония в том, что именно Бен-Гурион, самый наступательно настроенный активист из руководства рабочего движения, встал во главе действий против "отступников". Вместе с тем этот его шаг представляется типично бенгурионовским. Он, действительно, призывал в начале войны к вооруженной борьбе против англичан, но отказался от нее в тот момент, когда начал-

ся решительный бой с Гитлером. Вооруженная борьба, которую проповедовал Бен-Гурион, была принципиально отличной от терроризма Эцела. Бен-Гурион агитировал за борьбу, главным содержанием которой было осуществление основных прав евреев, провозглашенных Декларацией Бальфура, где оружие — средство самозащиты евреев от англичан, которые грозили силой лишить евреев этих прав. Тогда как террор против англичан во время войны был в его глазах ножом, воткнутым в спину союзника.

Другой человек на его месте ограничился бы, может быть, взволнованным призывом прекратить террор, но не рискнул бы действовать. Но он знал лишь один путь бороться с препятствиями, встающими на его пути, — штурмовать их и уничтожать.

Так началась снискавшая печальную известность операция под названием "Сезон".

Операция эта делится на две стадии. На первой стадии, начавшейся незадолго до убийства лорда Мойна, Палмах получил задание захватывать членов Эцела, держать их под охраной, допрашивать, лишить организацию источников финансирования и парализовать ее. Палмах взял на себя эту задачу. Операцию возглавил Игал Алон, бывший тогда заместителем командира Палмаха.

После убийства Мойна обстановка накалилась еще сильнее. По настоянию Бен-Гуриона Правление Еврейского Агентства приняло крайнюю резолюцию: "Ишуву необходимо искоренить из своей среды всех членов этой разрушительной банды убийц. Мы приложим все силы, чтобы лишить террористов всякого крова и убежища, не поддаться на их угрозы и оказать всяческое содействие мандатным властям в прекращении террористических актов и уничтожении организации, проводящей их".

Это решение вызвало тяжелое чувство у широких кругов общественности. Но Бен-Гурион не отступал. Он пришел к выводу, что следует даже сотрудничать

с англичанами в действиях против "отступников". "Перед нами два пути, — говорил Бен-Гурион на съезде Гистадрута, состоявшемся 20 ноября 1944 года, — террор или политическая борьба за сионизм. Террористические организации или организованный ишув. И если мы хотим политической борьбы за сионизм, мы обязаны выступить против террора и террористических организаций. Необходимо действовать и не ограничиваться разговорами".

Вторая стадия "Сезона", начавшаяся после этой речи Бен-Гуриона, была еще более мрачной и угнетающей. В разных уголках страны схватывали членов Эцела, перевозили их в уединенные дома, в отдаленные киббуцы, допрашивали, избивали, в отдельных случаях пытали. Выявлялись и прикрывались источники финансирования. Списки имен членов организации передавались британской полиции, осуществлявшей аресты. В отдельных случаях члены Хаганы непосредственно передавали членов Эцела в руки британской полиции.

Сотрудничество с ненавистными мандатными властями вызвало у части палмахников острый душевный кризис. Игал Алон просил освободить его от участия в операции, так же поступали многие члены Палмаха. Лишь те, кто вызвался действовать добровольно, продолжали охотиться за "отступниками".

Эта акция грозила перерасти в гражданскую войну. Однако Эцел решил воздержаться от ответных действий. "Не поднимайте руки, не ведите вооруженной борьбы против этой молодежи, — приказал Бегин руководителям Эцела. — Не они виновны. Они наши братья. Их одурманивают и подстрекают... Не будет между нами братоубийственной войны".

Братоубийственной войны не было. "Сезон" продолжался несколько месяцев, до марта 1945 года.

Широкая общественность, которая, без сомнения, с негодованием относилась к террористической деятельности, не откликнулась на публичное обращение Бен-Гуриона, призывавшего не давать пристанища

террористам и передавать их властям. И члены Хаганы, сознательно совершившие все, на что они пошли, чувствовали отвращение и презрение к самим себе. Дело это было для них "горькой, трагической необходимостью", которой они подчинялись, "стиснув зубы".

В короткий срок одержал Бен-Гурион победу над организациями "отступников". Только печальная это была победа. Внутренняя борьба оставила в душах открытые раны, привела к предельной поляризации позиций, довела людей до ослепляющей ненависти, которую быстро не погасишь. Краткая пора "Сезона" оставила в обществе огромное внутреннее напряжение — горячий материал, готовый воспламениться в поворотные моменты борьбы за еврейское государство.

7 мая 1945 года 58-летний Бен-Гурион прогуливался по улицам измученного войной, разбомбленного Лондона и вглядывался в возбужденную толпу, готовившуюся отпраздновать победу над фашистской Германией. Вернувшись в меблированную квартиру, которую он снимал в Кенсингтоне, Бен-Гурион записал в дневнике: "Сегодня ожидалось провозглашение Дня победы. Город разукрашен знаменами. В воздухе чувствуется праздник. Сегодня война в Европе закончилась поражением Германии. Завтра Черчилль провозгласит это! Но — "Не слушай, Израиль, не радуйся, как другие народы" (Иехошуа 9:1).

А назавтра он написал лишь одну строчку:

"День победы — грустный, очень грустный..."

Для еврейского народа этот день не был победным. За шесть лет войны было уничтожено шесть миллионов его сыновей и дочерей. И в День победы Бен-Гурион еще острее ощущал, что это праздник для других.

В Эрец-Исраэль, как в Европе и Америке, толпы людей ликовали и плясали на улицах. А Бен-Гурион был погружен в беспросветную горечь. Он знал, что

настоящее испытание, решительная борьба у него еще впереди.

Он остался верен Билтморской программе, за исключением одного пункта: Катастрофа, истребившая европейское еврейство, заставила его ограничить требование немедленной иммиграции двух миллионов евреев, сведя его до одного миллиона, и включить в этот миллион также евреев восточных стран. Перед отъездом он разработал, совместно со специалистами Еврейского Агентства, детальный всеобъемлющий план абсорбции в Эрец миллиона олим. Он точно высчитал, откуда приедут новые репатрианты и к каким категориям будут они относиться — будут ли это согнанные с места, изломанные судьбой беженцы, уцелевшие узники концлагерей или евреи, жившие до сих пор нормальной жизнью. Согласно его плану, новые репатрианты должны направляться в гигантские трудовые лагеря в Негеве, организовываться в трудовые батальоны, проходить профессиональную подготовку и постепенно, в срок от трех месяцев до одного года, включаться в хозяйственную жизнь страны. План Бен-Гуриона был до отказа набит педантичными расчетами, касающимися плотности населения, возможностей его трудоустройства в Палестине, запасов сырья, рабочей силы, которая потребуется во всех отраслях хозяйства, с учетом того факта, что население увеличится на миллион человек, оценками возможных источников финансирования, программами просвещения, здравоохранения, создания учреждений абсорбции и так далее.

В Лондоне Бен-Гуриону стало известно о многообещающей беседе, состоявшейся в Вашингтоне между президентом Рузвельтом и доктором Стефаном Вайзом, во время которой президент сообщил, что на Ялтинской конференции глав трех великих держав (4—11 февраля 1945 года) достигнуто соглашение о передаче Палестины евреям и о продолжении еврейской иммиграции. Президент Рузвельт имел также беседу с Ибн-Саудом, которая его весьма разочаро-

вала. Вместе с тем Рузвельт полагал, что "следует окончательно решить палестинский вопрос на первой ассамблее новой Лиги наций".

Бен-Гурион отнесся к этим сообщениям с большим недоверием. В палестинских делах Рузвельт вел себя как ловкий политик, и политика его в значительной степени была двуличной. Расточая еврейским лидерам просионистские обещания, обеспечившие ему их поддержку, Рузвельт одновременно щедро рассыпал арабским руководителям абсолютно противоположные заверения. На обратном пути с ялтинской конференции Рузвельт действительно встречался с Ибн-Саудом и беседовал с ним в течение четырех часов, но, видимо, пообещал ему нечто совершенно противоположное тому, о чем потом сказал Вайзу. Через несколько дней Рузвельт направил Ибн-Сауду секретное письмо, где снова заверил того в том, что он "в течение срока своих полномочий главы исполнительной власти" не предпримет "никаких действий, которые могут иметь неблагоприятные последствия для арабского народа". Так что дружественное отношение Рузвельта к сионизму было ненадежной опорой. Со временем большинство обозревателей придет к единодушному заключению, что если бы Рузвельт не скончался скоропостижно 12 апреля 1945 года, сомнительно, было ли бы вообще создано еврейское государство. Да и Черчилль, на которого сионисты возлагали свои, уже подвядшие надежды, необъяснимым образом уклонялся от уже назначенной встречи с Вейцманом. Вейцман не мог знать, что в этот период план раздела, секретно разрабатывавшийся британским кабинетом, уже был похоронен. В те дни действительно создалась Арабская лига, в которую вошло несколько суверенных государств, удостоившихся вдруг почетного положения среди наций, нанесших поражение Гитлеру. Оказывается, положение сионизма в последние недели войны было отнюдь не блестящим.

За май месяц Бен-Гурион понял, что ему почти не-

чего делать в Англии. Он с самого начала планировал побыть там недолго и продолжить путь в Соединенные Штаты, бывшие основным центром его деятельности. Но он еще находился в Лондоне, когда Вейцман получил разочаровавшее его письмо Черчилля от 9 июня, где любое обсуждение палестинской проблемы откладывалось на неопределенный срок.

Через неделю Бен-Гурион прибыл в Соединенные Штаты. Письмо Черчилля укрепило растущее в нем убеждение, что борьбы с англичанами не миновать. Уже в первом своем выступлении перед чрезвычайным сионистским комитетом, а также на пресс-конференции, устроенной им на следующий день, Бен-Гурион бросил лозунг борьбы: "В Эрец возможно сопротивление ("резистенс"), если Лондон, под давлением Америки, не поспешит изменить проводимую им политическую линию".

В эту фразу была, по существу, вложена вся новая стратегия Бен-Гуриона. Это была последняя попытка повлиять на Англию, заставить ее отменить "Белую книгу" и согласиться на создание еврейского государства. Если же нет — вооруженная борьба.

Нельзя было допустить, чтобы текущие планы борьбы застлали генеральные цели и помешали правильно выбрать средства для их достижения. Бен-Гурион заглядывал в даль времен, в те дни, когда закончится борьба с англичанами, когда они уйдут из Палестины и там возникнет еврейское государство — ведь молодую страну ожидало нападение со стороны ее арабских соседей. Таково было мнение Бен-Гуриона еще в 1936 году: таково было его мнение и сейчас. Тем важнее было уже теперь, когда государство — еще лишь далекая, почти недостижимая мечта, начать готовиться к поединку с настоящим врагом, который будет угрожать его существованию. Срочной и жизненно важной задачей было приобретение больших запасов вооружения — а также средств его самостоятельного производства, — с тем, чтобы,

когда придет война, ищув смог отразить нападение врага. В этом состояла главная цель приезда Бен-Гуриона в Соединенные Штаты — собрать деньги, необходимые на покупку оружия и оборудования для военной промышленности.

Приехав в Нью-Йорк, Бен-Гурион поселился в маленькой гостинице на 60-й улице. Гостиницу эту называли тогда "Киббуц 14" — там обычно снимали номера евреи, приезжавшие из Палестины в Нью-Йорк. Он немедленно пригласил к себе Меира Вайсгала и предложил ему свой план.

Вайсгал связал Бен-Гуриона со своим старым другом Генри Монтором, "одаренным необыкновенным талантом собирать деньги и знающим всех, кого стоит знать".

Монтор дал Бен-Гуриону список семнадцати человек, "владеющих капиталом, на верность которых делу безопасности ишува можно положиться". Бен-Гурион встретился со своим другом, миллионером Рудольфом Соненборном, и сказал ему, что он хочет "собрать у него в доме несколько друзей по одному крайне важному поводу". Заручившись согласием Соненборна, Бен-Гурион разослал всем перечисленным в списке еврейским богачам телеграммы с приглашением явиться 1 июля 1945 года в половине десятого утра в дом Соненборна по делу "чрезвычайной важности".

В назначенный день все семнадцать были на месте. Наряду с Соненборном и Бен-Гурионом во встрече участвовали также Генри Монтор, Генри Вайсгал, и представители от Эрец-Исраэль Элиэзер Каплан и Рувен Шилоах.

Эта секретная встреча, состоявшаяся в квартире Соненборна на 57-й улице в Нью-Йорке, заслуживает того, чтобы войти в историю. Она продолжалась до пяти часов вечера. Долгие часы стоял Бен-Гурион, опираясь на огромный рояль, и излагал присутствующим свою государственную концепцию. "Нам предстоит вскоре встать лицом к лицу со всеми арабскими

армиями, после того, как англичане уйдут из Палестины. Мы сможем выстоять, если в руках у нас будет необходимое оружие. Нет никакой уверенности в том, что в перевернутой вверх дном, разрушенной Европе мы сможем раздобыть то, на что рассчитывали раньше. И главное — оружия, которое Хагана приобрела до сих пор, хватит лишь для того, чтобы сражаться с местными арабскими бандами, но никак не с регулярными армиями, большинство которых вооружено Англией. Нам необходимо создать со временем военную промышленность — а по окончании войны (война с Японией вступила тогда в заключительную фазу), появится возможность дешево купить в США необходимые нам машины и оборудование... потребуются сотни тысяч, может быть миллионы долларов. Готовы ли вы снабдить нас деньгами, необходимыми для такого дела?"

Час за часом собравшиеся задавали вопросы. Это был жаркий, влажный, душный день. Никто не уходил; наскоро проглотили сервированный на столике в углу комнаты обед. Каплан и Шилоах подробно и терпеливо отвечали на все вопросы. К концу дня все восемнадцать миллионеров обязались сделать все, что в их силах, для осуществления задуманного предприятия.

Так возник "институт Соненборна". Для прикрытия своей деятельности Соненборн занялся перевозкой медикаментов и оборудования для больниц. Втайне он собрал первый миллион долларов, а затем и еще несколько миллионов на покупку оружия и многочисленных судов, служивших для перевозки нелегальных иммигрантов.

Заручившись торжественным обязательством миллионеров, Бен-Гурион вызвал в Америку инженера Хаима Славина, одного из руководителей подпольной военной промышленности Эрец. В октябре Славин прибыл в Нью-Йорк и вместе с Яаковом Дори, уже находившимся там, закупил, разобрал, упаковал и отправил в Палестину многие десятки усовершенство-

ванных станков. С февраля 1946 года по январь 1947 года Славин переправил в Эрец морским путем 950 контейнеров, где находились разобранные на детали и "перепутанные" согласно секретному шифру станки. В сопроводительных документах они значились как "ткацкие станки" или "сельскохозяйственные машины". Британские власти ничего не заподозрили и пропустили все это оборудование, которое было затем переправлено на место, собрано и стало фундаментом военной промышленности государства Израиль.

После встречи, состоявшейся в доме Соненборна, Бен-Гурион с радостью записал в дневнике: "Это была самая наилучшая сионистская конференция из всех, в которых я участвовал в Соединенных Штатах".

В конце июля Бен-Гурион снова отплыл в Англию на палубе трансатлантического парохода "Куин Элизабет". Вместе с ним находились многие выдающиеся сионистские деятели Америки; все они отправлялись в Лондон, где должен был состояться первый после войны международный сионистский съезд. Корабль еще бороздил просторы моря, когда 27 июля передали результаты всеобщих выборов в Англии. Черчилль и консервативная партия потерпели сокрушительное поражение. Английский народ отдал власть лейбористской партии, во главе которой стоял Клемент Эттли. Министром иностранных дел нового правительства был назначен Эрнест Бевин.

Сионистские деятели ликовали и веселились. В Палестине многие тоже демонстрировали свою радость, вывешивая флаги и лозунги. В их глазах победа лейбористов имела историческое значение. Теперь все были уверены в том, что вскоре будет создано еврейское государство.

Уверенность эта вытекала из ярко выраженной сионистской позиции, которую вот уже много лет занимала лейбористская партия. С самого 1939 года она решительно выступала против "Белой книги" и ее установлений. В 1940 году, в разгар войны, она

внесла в парламенте резолюцию недоверия правительству из-за "земельного закона". В декабре 1944 года она пошла еще дальше — дальше, чем официальная сионистская программа. На своей ежегодной конференции партия поддержала проект резолюции, предложенный ее лидером Клементом Эттли и предусматривавший провозглашение Палестины еврейским государством, расширение ее границ и перемещение ее арабского населения в соседние страны! "Само собой разумеется, что слова "еврейский национальный очаг" не имеют ни смысла, ни надежды на осуществление, если мы не будем готовы дать евреям возможность, если они того захотят, приезжать в эту крохотную страну в таких количествах, чтоб они сделались там большинством, — утверждал Эттли. — В Палестине имеет также смысл — по гуманным соображениям и для достижения долгосрочного урегулирования — осуществить трансфер. Давайте же будем поощрять арабов к выезду из страны по мере въезда в нее евреев... у них, у арабов, есть обширные собственные территории. У них нет права требовать запрета въезда евреев на территорию Палестины, меньшую, чем территория Уэльса. Поэтому нам следует снова изучить возможность расширения нынешних границ Палестины за счет соглашения с Египтом, Сирией и Трансиорданией".

Это была настолько далеко идущая резолюция, что даже сионистские руководители, и Бен-Гурион в том числе, поспешили отмежеваться от имевшегося в ней пункта о трансфере, чтобы не вызывать возмущения арабов. Лейбористские лидеры казались исключительно просионистски настроенными. Прежде всего сам Клемент Эттли, предложивший эту знаменитую резолюцию; да и министр иностранных дел Эрнест Бевин, еще будучи молодым лидером тред-юнионов, в 1931 году обещал Дову Хозу дать "своим парням" — группе его сторонников в палате общин — инструкции голосовать против лейбористского правительства Рам-

заи Макдональда, если он не отменит "Белой книги" Пасфилда...

Несмотря на энтузиазм своих товарищей, Бен-Гурион остался, по обыкновению, скептиком. Впрочем, на сионистском съезде, открывшемся в Лондоне в октябре 1945 года, он напомнил лейбористской партии о ее позиции в палестинском вопросе, он обратился к своим товарищам с серьезным предостережением: "Не полагайтесь чересчур на эту большую перемену и не рассчитывайте, что только благодаря этому будет разрешена проблема "Белой книги".

"Предположение, будто партия, пришедшая к власти — это та же партия, которая была в оппозиции — весьма шаткое предположение. У нас нет уверенности в том, что эта партия, придя к власти, не откажется от исполнения требований, которые она предъявляла другим".

"В Англии власть не только в руках избранной на выборах партии; есть еще и постоянный аппарат чиновников... а колониальный аппарат — это, в своем большинстве, крупная антисионистская сила, действующая еще со времен Декларации Бальфура, и он остается на своем месте".

"И я хочу сказать английской рабочей партии: "Если вы по той или иной причине будете сохранять на неопределенное время режим "Белой книги"... мы в Палестине не убоимся и не отступим перед великой силой Англии — и будем воевать с нею".

Слова Бен-Гуриона, естественно, вызвали недовольство в лагере вейцманистов, и в первую голову, у самого Вейцмана. Однако он начал свою речь с решительного заявления: "Одним из результатов победы должна стать Эрец-Исраэль как еврейское государство и, с Божьей помощью, это свершится". Но затем он снова выразил сомнение в отношении лозунга "еврейское государство незамедлительно". "Если нынешнее правительство обеспечит нам возможность настоящего развития и большой алии, я не опасюсь того, что многие из вас потеряют терпение", — сказал Вейцман

и затем вернулся к своей формулировке о том, что процесс создания государства может проходить постепенно и продолжаться лет пять. Эти слова вызвали гнев многих участников съезда, приверженцев Билтморской программы, требовавших ее твердой и недвусмысленной поддержки.

Снова отношения Бен-Гуриона с Вейцманом вылились в острый конфликт. Еще через два месяца он снова подает в отставку, на этот раз по причине самых кардинальных разногласий между ним и Вейцманом.

Под давлением активистского лагеря Вейцман был вынужден в конце концов отступить на лондонском съезде от своих позиций и присоединиться к проекту резолюции, содержавшей решительную поддержку Билтморской программы и косвенное предостережение британскому правительству об обострении напряженности в Эрец-Исраэль в случае, если оно будет увиливать от решения проблемы.

Пробным камнем для испытания намерений лейбористского кабинета стал призыв президента США Трумэна к английскому правительству разрешить немедленную иммиграцию 100 000 бывших узников фашистских концлагерей в Палестину.

Гарри Трумэн, продавец галстуков из городка Индепенденс в штате Миссури, оказавшийся в результате внезапной смерти Франклина Делано Рузвельта на высшем посту в администрации Соединенных Штатов, был в истории еврейского народа поистине посланцем судьбы. Этот маленький, пружинистый, настойчивый, острый на язык человек появился в пору всеобщей растерянности, когда со сцены сошли и подлинные, и мнимые друзья еврейского народа. Все годы войны лелеял Вейцман свои связи с Рузвельтом и Черчиллем — и вот в течение считанных месяцев один из них перешел в иной мир, а другой потерял свою политическую силу. "Просионизм" лейбористской партии безвозвратно исчез с того

самого момента, как она стала правящей. И тут Гарри Трумэн поразил евреев, искренне и твердо встав на их сторону. Вряд ли Бен-Гурион в начале сороковых годов мог мечтать о таком президенте, как Гарри Трумэн. Но Гарри Трумэн был будто скроен по меркам, заданным Бен-Гурионом, когда он выстраивал свою теорию о перемещении политического центра, определяющего положение на Ближнем Востоке, в Соединенные Штаты Америки.

Нет сомнения в том, что судьба евреев потрясла Трумэна до глубины души. С первого дня своего прихода к власти он искренне и страстно стремился сделать все, что было в его силах, чтобы облегчить участь обиженного судьбой народа, которая открылась его глазам в пламени печей Дахау и Аушвица. Даже свидетельства о том, что Трумэн решил пойти на некоторые из проеврейских действий, исходя из предвыборных соображений, не могут очернить того глубоко человеческого порыва, которым руководствовался Трумэн в еврейском вопросе.

В разгар работы Потсдамской конференции глав трех великих держав (17 июля—2 августа 1945 года) Трумэн направил Черчиллю памятную записку по палестинскому вопросу. "Основываясь на знании вашей глубокой заинтересованности и симпатии к делу еврейского заселения Палестины, — писал Трумэн 24 июля 1945 года, — я позволю себе выразить надежду на то, что британское правительство найдет способ без промедления отменить ограничения, наложенные "Белой книгой" на еврейскую иммиграцию в Палестину".

Через три дня после отправки этой памятной записки правительство Черчилля пало. Преемник Черчилля Клемент Эттли направил Трумэну ни к чему не обязывающий ответ. Но американский президент заупрямился. Возвратившись из Потсдама в Вашингтон, он заявил на пресс-конференции: "Мы хотим, чтобы как можно больше евреев иммигрировало в Палестину. Затем надо будет на дипломатиче-

ском уровне обсудить с англичанами и с арабами вопрос о возможности создания там еврейского государства с тем, чтобы это можно было бы осуществить на основе мира. У меня нет желания посылать 500 000 американских солдат для поддержания мира в Палестине”.

В тот период специальный посланник Трумэна Эрл Гаррисон уже объезжал лагеря перемещенных лиц в Европе и на месте изучал жуткое положение евреев; в августе Гаррисон представил президенту Трумэну отчет, где рекомендовал немедленную иммиграцию 100 000 евреев в Палестину. 31 августа Трумэн направил Эттли послание, к которому приложил отчет Гаррисона и его рекомендации. ”Он (Гаррисон) рекомендует выдать дополнительно 100 000 виз (на иммиграцию). Американский народ разделяет его глубокую убежденность в том, что иммиграция в Палестину не должна прекращаться. Принципиальным решением проблемы представляется мне скорейшая иммиграция возможно большего числа евреев, желающих иммигрировать в Палестину”.

Ответ Эттли был, по существу, отрицательным.

Трумэн не опубликовал ответного послания Эттли. Однако в середине сентября он побеспокоился о том, чтобы был опубликован отчет Гаррисона, подчеркнув, что поддерживает его выводы.

Это был напряженный для английского правительства период. Как рассказывал Бен-Гуриону один из высших чинов британской разведывательной службы, правительство в строжайшей тайне разрабатывало свою политику по палестинскому вопросу.

В течение августа и сентября нервы у сионистских лидеров, ожидавших в Лондоне приговора властей, были на пределе.

И вот двадцатого сентября правительство объявило свое решение. Баффи яростно изливала душу в дневнике: ”Хаим и Моше рассказали мне, что правительство отказалось от всех принципов лейбористской политики и намеревается продолжать, за некоторыми

исключениями, политику "Белой книги". Воцарилось угрюмое отчаяние. Они возлагали столько надежд на смену кабинета! Они не согласятся ни на какие переговоры на основе "Белой книги". Вечером я вчерне набросала письмо Эттли в таком духе, прибавив также предостережение о том, что положение Хаима становится невыносимым".

Итак, оправдались самые мрачные опасения Бен-Гуриона. На следующий день находившиеся в Лондоне члены правления Еврейского Агентства собрались на закрытое заседание. Бен-Гурион занял крайнюю позицию. Он требовал немедленного опубликования резкой декларации, в состав которой входил бы следующий параграф: "Ворота Эрец-Исраэль не могут оставаться закрытыми и не останутся закрытыми. Их откроют евреи, чья решимость так же тверда, как их естественное право вернуться на родину с помощью других народов мира". Он предложил также прекратить все встречи с членами правительства (за исключением одной-единственной, уже назначенной встречи между Вейцманом и Бевинотом), начать широкую общественную кампанию в Англии и Америке, созвать в Эрец учредительное собрание, проводить в Англии и Америке работу в целях увеличения алии и укрепления безопасности ишува.

Вейцман, хотя и согласился с большинством положений Бен-Гуриона, выразил сомнение в том, "могут ли эти шаги оказаться полезными в настоящий момент". Он утверждал, что еще не пришел срок прибегнуть к средствам, предложенным Бен-Гуриотом.

Но Бен-Гурион был уверен, что пришла пора настоящего дела.

29 сентября Бен-Гурион вылетел в Париж. Из Парижа направил он в октябре секретную телеграмму Моше Снэ, подписанную "Ави-Амос" (отец Амоса).

В этой телеграмме он отдал Хагане приказ перейти к вооруженному восстанию против Англии.

В подробной телеграмме намечались пути борьбы, указывались людские ресурсы. В центре внимания —

Алия Гимел, дополнительно к Алие Бет, то есть вооруженная алия, способная самостоятельно противостоять полиции на море и на суше. В каждой лодке с нелегальными репатриантами должно быть подразделение, вооруженное пулеметами, гранатами и револьверами.

”Деятельность в Европе (приобретение оружия, физическая подготовка олим, финансирование, средства информации, переброска и мобилизация Алии Бет и Гимел) вызывает необходимость иметь центральный командный пункт в Европе. Следует немедленно направить в Париж Эхуда (Авриэля). Он должен прибыть сюда еще до моего отъезда. Необходимо также, чтобы Шауль (Меиров — Авигур) немедленно приехал для консультации в Лондон или Париж.

Нечего медлить с ”ответом” до декларации (британского правительства). Существование ”Белой книги” — это и есть объявление войны еврейскому народу, и нашему народу — бесправному и угнетенному — надо бороться всеми доступными ему средствами.

Ни к чему ограничивать наши ответные действия в Эрец только алией и поселенчеством. Необходимо перейти к диверсиям и актам мести. Не личный террор, но расплата за каждого еврея, убитого властями ”Белой книги”. Все диверсионные акции должны быть значительными и производить сильное впечатление. И необходимо по возможности остерегаться человеческих жертв.

Нужно предложить двум отколовшимся группировкам полное сотрудничество при условии единоначалия и железной дисциплины.

Ответные действия должны быть непрерывными, интенсивными и тщательно продуманными.

Разъяснение наших ответных действий мировому общественному мнению почти столь же существенно, как и сами эти действия.

Установите наблюдение за шлюпками береговой охраны и немедленно известите товарищей во Франции, сколько шлюпок имеется в ее распоряжении,

сколько пограничников находится в каждой шлюпке, каково их вооружение, оказывает ли им поддержку морской флот и так далее.

Ави-Амос”.

Эта телеграмма была отправлена без ведома Вейцмана. Можно представить, в какую ярость пришел бы Вейцман, прочти он секретные инструкции о ”диверсиях”, ”актах мести” убийцам евреев из английской администрации, о вооруженной нелегальной алии. В оперативных указаниях, отданных Снэ, Бен-Гурион зашел дальше, чем в каких-либо разговорах с товарищами. И хотя на заседании Правления в Лондоне Бен-Гурион говорил об Алии Гимел и о своем возвращении в Эрец для ее организации, но даже такой его близкий товарищ, как Черток, не предполагал, что ”он действительно собирается осуществить это”. Бен-Гурион пришел к окончательному выводу: Англия не намерена сдержать свои обещания и у евреев не остается никакого иного пути, кроме вооруженного восстания. Он не тешил себя иллюзиями о том, что эта вооруженная борьба приведет к изгнанию англичан из Палестины, но он считал, что борьба евреев будет сочувственно встречена мировым общественным мнением и это вынудит Англию изменить свою политику. Бен-Гурион ощущал колоссальные симпатии мира к злосчастной судьбе еврейского народа. На устроенной им в Париже пресс-конференции Бен-Гурион заявил, что ”поступки английского правительства — это продолжение человеконенавистнической политики Гитлера”.

Бен-Гурион отослал телеграмму из Парижа не только из соображений удобства. Уже давно, по мере ухудшения отношений с правительством Англии, ”старик” прилежно подготавливал себе оперативную базу во Франции — как в политических сферах — заручаясь сочувствием и даже обещаниями поддержки со стороны официальных правительственных кругов, так и в реальном аспекте, путем создания широкой сети местных еврейских и сионистских организаций,

привлечения опытных военных, мобилизации финансовых средств, организации радиопередач, подготовки секретных баз и т. п.

Итак, Бен-Гурион открыл в Париже свой оперативный штаб. Четвертого октября из Эрец уже прибыл чрезвычайный связной Хаганы, сообщивший Бен-Гуриону о начале ответных акций, в соответствии с его инструкциями. На следующий день Бен-Гурион возвратился в Лондон.

Из Эрец ему сообщили, что в ближайшем будущем будет проведена операция по освобождению нелегальных иммигрантов из английских лагерей. Девятого октября подразделения Палмаха напали на лагерь в Атлите, где содержались в заключении нелегальные иммигранты, и освободили около двухсот человек. Во время операции один английский охранник был ранен и один арабский охранник убит. Бен-Гурион тут же направил поздравление бригаде Палмаха: "Крепите свои силы!" А в это время Моше Снэ уже хлопотал о заключении союза с организацией Эцел и Лехи и объединении их вместе с Хаганой в Движение еврейского сопротивления (Тнуат ха-мери ха-иври). "Отступники" действительно охотно откликнулись на обращение Хаганы, но взаимная подозрительность не исчезла и ослабляла внутреннее единство движения в течение всего недолгого периода его существования.

По возвращении из Парижа в Лондон Бен-Гурион потребовал от своих товарищей по представительству Всемирной сионистской организации прекратить все контакты с британским правительством до тех пор, пока оно полностью не отменит "Белую книгу". Это требование натолкнулось на решительное сопротивление Вейцмана и его сторонников.

Пятого октября, в то самое время, когда Бен-Гурион находился в пути из Парижа в Лондон, Вейцман встретился с министром иностранных дел Великобритании Эрнестом Бевином. Официальной темой беседы был вопрос о выдаче сертификатов иммигран-

там, направлявшимся в Палестину. Британский министр иностранных дел, низенький, плотный мужчина с крупной головой, в очках, был по характеру лжив, упрям и неуступчив. Он уже знал из послания, направленного ему сионистскими организациями, что Еврейское Агентство отказывается согласиться на ту скудную иммиграционную квоту, которая была установлена согласно ограничениям "Белой книги", и требует 100 000 сертификатов для узников концлагерей. Не успел Вейцман войти в его кабинет, как Бевин грубо набросился на него: "Как понимать, что вы отказываетесь принять сертификаты? Вы пытаетесь навязать мне свои выводы? Если вы объявляете нам войну, мы ответим вам войной!" Вейцман опешил.

Он так и ушел с этой встречи с пустыми руками, но Бевин сказал, что хочет еще раз увидеться с ним через несколько дней. Гнев Бен-Гуриона разгорелся вновь.

На заседании представительства ВСО в Лондоне Бен-Гурион решительно потребовал прекратить все отношения с правительством Великобритании. Он снова оказался перед лицом объединенного фронта Вейцмана и его сторонников — Баффи, Луиса Нимейера, Локера и других. "Бен-Гурион попытался всовывать палки в колеса и требовал, чтобы мы наотрез отказались разговаривать с любым из министров, вплоть до отмены "Белой книги", — записала Баффи, — но участники заседания отвергли это глупое предложение, и я подозреваю, что Бен-Гурион даже не внес бы его, если б не знал, что выйдет именно так".

Четырнадцатого октября Бен-Гурион покинул Лондон. Сперва он направился в Париж, а оттуда в Германию, где томились пережившие Катастрофу евреи. Частично он открыл свои намерения товарищам по Правлению: он написал им, что едет в Германию "в целях организации действий", которые представляются ему "жизненно необходимыми для сопротивления создателям "Белой книги". Формально целью его по-

ездки было посещение лагерей смерти Дахау и Берген-Бельзен и встречи с уцелевшими узниками-евреями, все еще находившимися в этих лагерях. На деле у Бен-Гуриона была еще одна цель — он хотел выяснить возможность массовой нелегальной алии в рамках операции Алия Гимел — то есть вооруженного вторжения спасшихся от Катастрофы евреев в Эрец-Исраэль.

Когда он собственными глазами увидел этот кошмар, когда прошел через ряды устрашающих ”блоков” Дахау, душа его содрогнулась от ужаса. Через несколько недель он расскажет членам учредительного собрания Эрец-Исраэль о том, что видел, расскажет спокойным, сдержанным голосом и оттого слова его произведут еще более потрясающее впечатление — горькие рыдания пройдут по рядам его слушателей.

Ошеломленный и взбудораженный, ходил Бен-Гурион по лагерям смерти, подолгу беседуя с собиравшимися вокруг него бывшими узниками. Он встречался с зарождавшимися халуцианскими и сионистскими группами, по крупицам собирал точные сведения о нынешних условиях жизни уцелевших от Катастрофы. Он выступил перед массами беженцев, вновь и вновь повторяя свой лозунг: ”Да здравствует Эрец-Исраэль как еврейский центр, не нуждающийся в чужих гарантиях! Эрец-Исраэль будет строиться своими силами и по своей воле”.

Во время этой поездки Бен-Гурион подружился с начальником штаба генерала Эйзенхауэра генералом Беделлом Смитом. Бен-Гурион был также приглашен на встречу с самим Эйзенхауэром, тепло встретившим того, в ком видел ”живой творческий дух дела созидания Палестины”. Бен-Гурион поблагодарил Эйзенхауэра за преданную заботу о еврейских беженцах и передал ему ряд предложений, направленных на улучшение их положения. Основным из этих предложений, на котором особенно настаивал Бен-Гурион, была ”предельно возможная концентрация евреев на одной территории — сельской и городской; укрепление их веры в себя; сведение к минимуму их контактов с

немцами; ослабление влияния деятельности черного рынка”.

Много часов проводил Бен-Гурион с солдатами Еврейской бригады, которые докладывали ему о том, как они выручают группы евреев и переправляют их в порты нелегальной алии.

С одним из бойцов Бригады, Шломо Шамиром, у Бен-Гуриона состоялась секретная беседа: ”В Берген-Бельзене Бен-Гурион попросил меня подготовить план Алии Гимел для ста тысяч человек с оружием. Я написал план на одной странице и он собственноручно его переписал”. Цель плана, по словам Шамира, заключалась в том, чтобы ”вооружить уцелевших узников и, переправив их в Эрец, организовать вооруженное вторжение”.

В ночь на первое ноября Движение еврейского сопротивления провело первую крупномасштабную акцию против британских властей. Подразделения Палмаха, Эцела и Лехи совершили диверсии на железнодорожных линиях по всей стране; железнодорожные пути были повреждены в 153 местах. Одна из групп провела диверсионную акцию в железнодорожном депо Лода; в портах Яфо и Хайфы бойцы Палмаха подорвали суда береговой охраны, предназначенные для охоты на нелегальных иммигрантов.

Это была знаменитая ”Ночь поездов”. Четкое планирование операции, позволившее свести к минимуму количество жертв (погибло четверо охранников-арабов и двое евреев-подпольщиков), произвело сильное впечатление в Англии и во всем мире. Было ясно, что еврейское подполье сознательно стремится предотвратить кровопролитие. Четкое единовременное проведение диверсии продемонстрировало превосходную выучку, оно говорило о мощной силе, долго бывшей в напряжении и внезапно вырвавшейся на волю. Бен-Гурион направил приветственное письмо командованию Хаганы: ”Передайте товарищам поздравление и пожелание силы и мужества. То, что они сделали, сделано умело, талантливо, впечатляюще.

Мы еще увидим плоды их усилий, хоть и не сразу". Реакция Вейцмана была абсолютно иной. Он не успокоился до тех пор, пока представительство Всемирной сионистской организации в Лондоне не опубликовало заявление, "осуждающее" диверсионную акцию.

На следующий день из Палестины пришло сообщение о том, что назначено совместное заседание Правления Еврейского Агентства и Исполнительного комитета ВСО в Иерусалиме (по требованию Бен-Гуриона). Однако Вейцман выехал четвертого ноября в США и решил не принимать участия в заседании Правления. Он был мрачен и разочарован как в англичанах, так и в евреях. Президент ВСО не находил себе места в мире борьбы. Он все еще не понимал, что времена сотрудничества с Англией миновали. Несколько месяцев спустя Вейцман скажет в Иерусалиме: "Гибралтарская скала, на которой я возвожу здание сионизма — это нерасторжимое сотрудничество с Британией". Он не видел, что эта скала была не более чем призраком из мира прошлого.

В то время, как все члены лондонского представительства ВСО уже складывали чемоданы для поездки в Иерусалим, Баффи горестно записала: "Хаим останется в Соединенных Штатах и не будет там. Это закат великого человека. Не думаю, что ему удастся вернуть себе подлинное руководство".

12 ноября поздно вечером Бен-Гурион прибыл из Парижа в Лондон. На следующее утро он был срочно вызван в министерство колоний вместе с Моше Чертоком. Их ожидали министр колоний Гуль и его заместитель Крич Джонс. Гуль протянул им бумагу с напечатанным заявлением. Текст этого заявления считанные минуты спустя должен был быть оглашен в палате общин.

Бен-Гурион и Черток вернулись в представительство и внимательно изучили документ. Это было чер-

ное известие, хоть формулировка заявления и отличалась сугубой осторожностью.

Британское правительство решило направить в Палестину комиссию по расследованию и пригласить США принять участие в ее работе. Комиссии поручалось определить "имеется ли в Палестине или других местах возможность для размещения еврейских иммигрантов из перемещенных лиц". А до тех пор еврейская иммиграция будет продолжаться прежними темпами, то есть 1500 человек в месяц.

Это был тяжелый удар по сионизму. Увертливые формулировки не могли скрыть жестокой правды: Англия не отрекалась от политики "Белой книги" и отказывала в праве на единовременную иммиграцию в Палестину 100 000 евреев. На пресс-конференции, состоявшейся после оглашения этого заявления, Бевин говорил очень резко, почти грубо, и в тоне его выступления можно было различить опасные ноты. Коснувшись сионистского плана увеличения возможностей абсорбции новых иммигрантов, он заявил, что это "на восемьдесят процентов пропаганда и только на двадцать процентов — реальность". Он объяснил также, что "не все евреи являются сионистами", и, наконец, перешел все пределы допустимого, утверждая, что он опасается "чрезмерного подчеркивания евреями, находящимися в Европе, своей национальной исключительности... Если евреи, которые столь много перенесли, станут чересчур нетерпеливо проталкиваться к прилавку, возникнет опасность новой антисемитской реакции во всей Европе".

Заявление британского правительства и сопровождавшие его высказывания Бевина вызвали гневные отклики во всем мире. В Эрец-Исраэль вспыхнули бурные демонстрации, толпа демонстрантов пыталась поджечь учреждения мандатной администрации. Полицейских забрасывали камнями, и некоторые из них были ранены. Возмущенный Трумэн подчеркнул, что он вовсе не имел в виду создание еврейских поселений в ином месте, кроме Палестины, и что он по-

прежнему поддерживает иммиграцию 100 000 еврейских беженцев в Палестину. Вейцман определил выступление Бевина как "бессмысленную и грубую жестокость".

Председатель правления Еврейского Агентства немедленно выступил с заявлением, где снова указал, что "единственно правильным решением проблемы еврейского народа и Палестины является воссоздание еврейского государства".

Припертый к стене, Бен-Гурион пошел к председателю лейбористской партии — еврею Хэролду Ласки. Во время их предшествующей встречи, состоявшейся перед выборами, в середине апреля, Ласки сказал Бен-Гуриону, что "резолуция о создании еврейского государства, принятая на партийной конференции 1944 года, сохраняет свою силу". Теперь Ласки был страшно мрачен: "Вчера я провел с Бевиним три с половиной часа. Я рассказал об этом только своей жене и вам. В жизни я никогда ни с кем так не ругался, как поругался вчера с Бевиним. Он меня всячески бранил и поносил — склочником, агентом Еврейского Агентства, кричал, что я подкапываюсь под него, и прочее. Я ему ответил: "Я знал, что вы меня ненавидите, потому что я еврей, потому что я интеллигент и потому что я председатель партии. Я могу тут же уйти в отставку, но я всему свету расскажу правду о вас". Ласки утверждал, что он пытался оказать на Бевина давление и заставить его отменить "земельный закон" и увеличить месячную иммиграционную квоту до четырех тысяч человек с тем, чтобы в течение ближайшего года дать возможность хотя бы половине бывших узников концлагерей иммигрировать в Палестину. Он сказал, что партия не будет воевать против палестинской политики Бевина, но что "если в иммигрантов и встречающих их на берегу людей станут стрелять, начнется восстание".

Бен-Гурион открыл ему свой план Алии Гимел.

Хэролд Ласки, председатель правящей Англией

лейбористской партии, выслушав план вооруженной нелегальной алии, направленный на срыв решений его партии, ответил: "Это правое дело".

21 ноября Бен-Гурион прибыл в Эрец. Во главе делегации руководства ишува явился он на встречу с новым британским верховным комиссаром генералом Кэнингемом. Генерал просил почтенных представителей ишува повлиять на молодежь, с тем, чтобы она отвратилась от насильственных средств борьбы.

— Мы отрицаем насилие, — ответил ему Бен-Гурион, — но нас не послушают. Молодежь утверждает, что "Белая книга" явилась результатом капитуляции перед насилием.

— Ответственность будет лежать на руководстве, — сказал верховный комиссар.

— Мы готовы нести ответственность, — парировал Бен-Гурион, — но если нынешнее положение будет продолжаться, мы окажемся бессильными. Приведу пример: если в Палестину приедет какой-либо еврей без сертификата — каждый из нас станет помогать ему.

— То есть вы преступите закон? — спросил верховный комиссар.

Бен-Гурион ответил: "Мы сохраняем верность этому закону больше трех тысячелетий, с того самого дня, как стоял наш народ вокруг Синая. По нашему мнению, запрещение алии — это и есть нарушение закона".

Не все, подобно Бен-Гуриону, были твердо намерены продолжать борьбу. Умеренные выражали все большее беспокойство, особенно после того, как 25 ноября группы движения еврейского сопротивления подорвали полицейские участки в Гиват-Ольга и Сидна-Али. Эти участки осуществляли руководство судами британской береговой охраны, захватившими за два дня до того недалеко от берега судно "Берл Кацнельсон" с нелегальными репатриантами на борту. На следующий день после взрыва начались вооруженные столкновения между британской арми-

ей и демонстрантами, а также членами киббуцов в некоторых районах страны. Отряды британской армии окружили несколько киббуцов, где, по подозрению властей, скрывались участники операции против полицейских участков. Тактика Движения еврейского сопротивления заключалась в том, что в каждое такое место посылались сотни и тысячи демонстрантов, которые, смяв ряды войск окружения, смешивались с жителями данного поселения и тем самым предотвращали всякую возможность установления личности подозреваемых и их ареста. В одной из таких стычек на подступах к мошаву Ришпон был убит житель Петах-Тиквы; в аналогичной схватке у Гиват-Хаима погиб один из членов мошава, затем, когда поток безоружных еврейских демонстрантов докатился до позиций британских войск вокруг мошава, было убито еще семеро демонстрантов, в том числе молодая девушка, простреленная двенадцатью пулями. Ее звали Элла Таненбойм, пули скосили ее в тот момент, когда она бежала на солдат с криком "Вперед за родину!"

В спорах между умеренными и "активистами", которые разгорелись на заседании политической комиссии партии Мапай, некоторые из ораторов высказывались за ослабление борьбы.

Бен-Гурион остался непоколебимым. В яркой речи, произнесенной 28 ноября перед членами Собрания представителей ишува, он вновь проанализировал заявление Бевина и закончил свое выступление предостережением в адрес английского правительства. "Не высохла еще кровь шести миллионов наших убитых братьев в Европе, как вновь проливают нашу кровь — теперь уже на земле родины, в еврейских городах и деревнях, в Тель-Авиве, Шароне, Шомроне, — это кровь нашей молодежи, наших рабочих, крестьян, и проливают ее исполнители приказов Бевина и его присных.

На могилах наших соотечественников в Тель-Авиве

и Шаронской долине я хочу обратиться к Бевину и его сподвижникам.

Мы, евреи Эрец-Исраэль, не хотим, чтоб нас убивали. Мы хотим жить. Мы верим, наперекор Гитлеру и его ученикам в других странах, что у нас, евреев, подобно англичанам и всем другим, есть право на жизнь, жизнь каждой личности и всего народа. Но и у нас, как и у англичан, есть нечто, что для нас дороже самой жизни. И я заявляю Бевину и его сподвижникам, что мы готовы умереть, но не отступить от трех вещей:

- от свободы еврейской иммиграции;
- от своего права застраивать пустынные просторы нашей родины;
- от государственной независимости нашего народа в нашей стране”.

Эта речь вошла в историю борьбы под заголовком ”Ответ Бевину”.

12. ПЕРЕД РЕШИТЕЛЬНЫМ СРАЖЕНИЕМ

Январским днем 1946 года незадолго до захода солнца сотни евреев, в большинстве молодежь, собирали финики вдоль шоссе Тверия—Рош-Пина в месте, которое арабы называют Джи-Юсуф. Неподалеку от дороги стояли грузовики, груженные секциями временных барачков, оборудованием и инструментами. Эта группа намеревалась в Ту би-шват* разбить на земле Галилеи свой лагерь и начать строительство киббуца Амиад.

На территории будущего киббуца остановился грузовик, и молодой парень выгреб из него на черную землю груды белого щебня. Потом он разбросал белые камушки мотыгой, разровнял, и начал выкладывать из них какую-то картину. Столпившиеся вокруг парня люди с восхищением наблюдали, как на земле вырисовывалась открытая книга около метра шириной. Закончив работу, парень подвел к своей картине пару волов, запряженных в примитивный плуг. Давид Бен-Гурион взялся за рукоятки плуга и пошел позади волов прямо по расстеленной на земле белой книге. Он перепахивал белую книгу из щебня и громко восклицал: "Вот наш ответ на "Белую книгу"!"

А через несколько дней его самолет приземлился в Англии. Основной целью этой поездки Бен-Гуриона была подготовка почвы перед приездом в Палестину англо-американской комиссии по расследованию.

Комиссия заслушала многие десятки свидетелей — просионистов и антиссионистов, евреев, арабов и ино-

* Ту би-шват — "новый год деревьев", праздник, приходящийся примерно на январь-февраль (месяц шват по еврейскому календарю).

странцев. Бен-Гурион хотел было встретиться с членами комиссии в Германии, в лагерях перемещенных лиц. Но под конец решил дать свои свидетельские показания в Иерусалиме.

Тем временем обстановка в Эрец все обострялась. В ночь на Рождество в конце декабря 1945 года затонуло против Нагарии судно "Хана Сенеш". Двести пятьдесят прибывших на его борту нелегальных иммигрантов были переправлены на берег в бурную погоду. После того, как англичане усилили морскую блокаду берегов Палестины, участники Движения еврейского сопротивления взорвали радарные установки в Гиват-Ольге и на горе Кармел. Назавтра после этой операции подразделения Палмаха атаковали четыре базы, принадлежавшие отрядам передвижной британской полиции. В бою, завязавшемся при нападении на одну из этих баз, которая находилась в Шароне, было убито четверо еврейских бойцов. Через три дня отряды Эцела и Лехи атаковали британские аэродромы в Кфар-Сыркин, Кастине и Лоде. Операция преследовала символическую цель: повреждение британских самолетов, перевозивших подпольщиков, высылаемых властями в Судан и Эритрею, а также выслеживавших на просторах моря суда с нелегальными еврейскими иммигрантами. Двадцать самолетов были полностью выведены из строя, один член Эцела был убит. Британское правительство объявило осадное положение. Аресты, облавы, обыски стали обычным явлением. Евреев, пойманных с оружием или в военной форме, приговаривали к смертной казни или пожизненному тюремному заключению. Шестая авиадесантная дивизия армии Его величества, вписавшая героические страницы в летопись Второй мировой войны, стала теперь орудием в руках мандатных властей, служившим для подавления еврейского сопротивления. Бен-Гурион иронически заметил, что Палестина скоро превратится в "национальный очаг британской армии на Ближнем Востоке".

В ожидании прибытия в Эрец англо-американ-

ской комиссии, руководство Движением еврейского сопротивления отдало в первых числах марта 1946 года приказ о временном прекращении вооруженной борьбы.

Комиссия прибыла в Иерусалим 6 марта. Вейцман, приехавший из Лондона в сопровождении нескольких помощников, произнес перед комиссией гордую и впечатляющую речь. Выступление Бен-Гуриона также было очень сильным: "Я видел "Блиц" в Лондоне... видел простых англичан, толпы на станциях метро, шоферов, рабочих медсестер — они не боялись. Я видел англичан, которым родина и свобода были дороже жизни.

Почему вы полагаете, что мы не похожи на вас? И у нас есть нечто более дорогое, чем сама жизнь. В этой стране и в других странах мира есть сотни тысяч евреев, которые готовы — если потребуется — отдать жизнь за Сион и еврейское государство".

Бен-Гурион знал, что члены комиссии опасаются, что если будет создано еврейское государство, между евреями и арабами начнутся кровопролитные столкновения, и пытался успокоить своих слушателей. "В настоящий момент между нами и арабами существует напряженность. Это обстоятельство достойно сожаления, но положение изменится. Два народа — евреи и арабы — со временем сблизятся и станут помогать друг другу. Союз между нами и арабским народом необходим с политической, экономической и моральной точек зрения — и такой союз возникнет. Так же, как убежден я и в неизбежности создания еврейского государства, убежден я и в неизбежности будущего еврейско-арабского союза".

В апреле комиссия собралась в швейцарском городе Лозанне и приступила к формулировке своих рекомендаций. Отчет о ее предложениях был опубликован 1 мая 1946 года. В этом отчете отклонялось требование создания еврейского государства и рекомендовалось учреждение в Палестине некоего доверительного режима (то есть, по существу, продолжение британ-

ского мандата) и отмена земельного закона "Белой книги". Главное требование комиссии состояло в немедленной выдаче еврейским беженцам 100 000 иммиграционных виз.

Хаим Вейцман, большинство его сторонников в сионистских организациях Эрец-Исраэль и за границей, даже некоторые деятели, провозглашавшие себя "активистами", восприняли отчет комиссии с радостью. Бен-Гурион, напротив, не скрывал своего разочарования. Он видел в рекомендациях комиссии лишь более завуалированную версию "Белой книги".

В Вашингтоне Гарри Трумэн встретил выводы комиссии с воодушевлением. Рекомендации комиссии были приняты единогласно — а ведь сам Бевин обещал членам комиссии, что если они придут к единогласному решению, он заранее обязуется выполнить его. Но Бевин и Эттли отступили от своих обещаний. Эттли заявил, что осуществление рекомендации о перевозке еврейских беженцев в Палестину потребует посылки дополнительной британской дивизии и потребовал в качестве предварительного условия для выполнения этого пункта, чтобы подпольные еврейские организации были распущены и сложили оружие. Бевин прибавил, что иммиграция в Палестину еще ста тысяч евреев усилит антисемитские настроения в британской армии и потребует дополнительных ассигнований в 200 миллионов фунтов стерлингов. Так на плане иммиграции бывших узников концлагерей был поставлен крест.

Столь беззастенчивое увеливание Англии от выполнения публично взятых на себя обязательств вызвало тяжелое разочарование в сионистском движении. Бен-Гурион отдал из Парижа приказ о возобновлении борьбы. Через пять дней после речи Бевина Движение еврейского сопротивления проводит одну из своих самых впечатляющих операций — "Ночь мостов". Этой ночью подпольные организации атаковали четырнадцать мостов, соединявших Эрец с соседними странами, и уничтожили десять из них. Эта опе-

рация, в ходе которой погибло 24 еврея (из них тринадцать бойцов Лехи, совершившей в ту же ночь нападение на железнодорожные мастерские), также имела большое политическое значение — поведение ишува должно было доказать англичанам, что даже если ворота Палестины останутся закрытыми для евреев, британская армия все равно не сможет удерживать господствующее положение.

Напряженность в отношениях между английскими властями и евреями дошла до точки кипения. 29 июня 1946 года мандатные власти ответили на действия подполья наиболее широкой из всех проведенных до того времени в Палестине карательной операцией под кодовым названием "Бродсайд", которая вошла в историю ишува как "Черная суббота".

В ту субботу 17 тысяч британских солдат при поддержке танков и броневиков буквально парализовали Эрец-Исраэль. Границы были перекрыты, телефонная связь отключена, и вся страна была объявлена на военном положении. Сотни руководителей ишува, подозреваемых в связях с Хаганой, были арестованы, а в их домах проведены обыски. Среди арестованных находились члены правления Еврейского Агентства раввин Фишман, Ицхак Гринбаум, Моше Черток и Дов Иосеф. Давид Бен-Гурион находился в тот момент в Париже. Моше Снэ, начальнику верховного командования Хаганы, получившему в последнюю минуту предупреждение от разведывательной службы, удалось ускользнуть от полиции. Другие руководители Хаганы также ушли в подполье. Вейцмана не арестовали. В киббуцах по всей стране разыскивали членов Палмаха, тысячи человек были арестованы и доставлены в концентрационные лагеря, расположенные в Рафияхе и Атлите. Некоторые из них подверглись побоям, пыткам, три человека были убиты. В ходе интенсивных обысков был обнаружен крупный склад оружия Хаганы в киббуце Ягур, где хранились сотни винтовок, около сотни минометов, 5000

гранат, 5200 мин для минометов и около полумиллиона патронов.

Руководителям Хаганы, ушедшим в подполье, удалось собраться на совещание, где было принято решение ответить на карательную операцию англичан усилением борьбы. На этом совещании было утверждено несколько предстоящих операций Движения еврейского сопротивления, в том числе взрыв гостиницы "Царь Давид" в Иерусалиме. Но тут в дело вмешался фактор, который не был принят в расчет — Хаим Вейцман.

Вейцман был непримиримым противником вооруженной борьбы.

Он послал к Снэ своего верного помощника Меира Вайсгала, который сообщил ему, что Вейцман требует от Хаганы прекратить все вооруженные действия Движения сопротивления вплоть до того момента, когда правление Еврейского Агентства, которое должно было собраться в возможно более широком составе, обсудит положение и вынесет решение о политической линии на будущее. Вейцман утверждал: "В государственных делах президента принято считать верховным главнокомандующим вооруженными силами. Я никогда не нуждался в таком праве, и мне не приходило в голову вмешиваться в ваши дела. Теперь, один-единственный раз, я пользуюсь этим правом и требую от вас прекращения всех действий".

Это было даже не требование, а ультиматум. Вейцман угрожал, что если Снэ немедленно не уйдет в отставку, он сам подаст в отставку и публично заявит о своих мотивах. Снэ ушел со своего поста, тайком выбрался из Эрец и через несколько дней присоединился к Бен-Гуриону в Париже.

"Черная суббота" была не просто операцией, задуманной с целью сломить силы Движения еврейского сопротивления. Она являлась частью широкого и последовательного плана британского правительства. От глаз Бевина не укрылась ожесточен-

ная борьба, существовавшая в ишуве между "активистами" и умеренными. Ему было также хорошо известно, что во главе умеренного крыла, возражающего против вооруженной борьбы, стоит Вейцман и его ближайшие сотрудники Каплан, Локер, Шпринцак. Положение Бен-Гуриона в определенных кругах его партии было довольно шатким. Многочисленные возражения против бенгурионовского пути слышались со стороны других партий — Алия хадаша" ("Новая алия" — партия выходцев из Германии), большей части общих сионистов и Ха-шомер ха-цаир. С тех пор, как развернуло свою деятельность Движение еврейского сопротивления, газеты этих партий непрестанно нападали на ненавистный им путь вооруженной борьбы.

Бевин решил действовать сразу по двум направлениям: нанести сильный удар по активистам, обескровить их и оставить без руководства; и одновременно с этим приблизить к себе умеренных, сторонников сотрудничества с Англией. Операция "Черная суббота" преследовала одну из этих целей. Важный чиновник британской администрации посетил Давида Горовица и заверил его, что если Элизер Каплан вернется из-за границы, ему не грозит никакой арест. Верховный комиссар поспешил пригласить к себе доктора Вейцмана для беседы и дал ему понять, что ишув нуждается в новом руководстве; при этом он зашел в своей откровенности настолько далеко, что указал даже имена желательных для властей руководителей. Доктор Вейцман отверг предложения верховного комиссара; однако на заседании, состоявшемся в тель-авивском муниципалитете в присутствии Вейцмана, имела место продолжительная дискуссия по вопросу о том "необходимо ли избрать новое официальное руководство".

Из далекого Парижа, где он жил тогда в отеле "Руаял Монсо" на Авеню Хош, Бен-Гурион прекрасно разглядел маневр британского правительства. Выступая на массовом митинге, он сделал ответный вы-

пад против Британии, которая было попробовала "сколотить правление из правого крыла ишува. Английское правительство просчиталось. Не найдется ни одного еврея и сиониста ни из правых, ни из левых, который согласился бы участвовать в таком мероприятии, которое пристало Квислингу или Петэну".

Изоляция Бен-Гуриона еще более усилилась в конце июля месяца после трагического события, которое произошло в Иерусалиме.

Подразделение Эцела подорвало крыло гостиницы "Царь Давид", где размещались учреждения мандатной администрации. Несмотря на переданные по телефону предупреждения о готовящемся взрыве, эвакуация не была произведена и в помещении находились сотни человек.

Мощный взрыв разрушил до основания пятиэтажное южное крыло отеля. Погибло около девяноста человек. Весь ишув был глубоко потрясен этим страшным известием.

Бен-Гурион из Парижа резко осудил Эцел за проведение этой акции.

Правление Еврейского Агентства и Национальный комитет (Ваад Леумми) выразили "чувство ужаса, вызванное этим беспрецедентным актом, совершенным группой преступников".

Вскоре разразилась буря. Ораторы обеих палат английского парламента открыто обвиняли Бен-Гуриона в проведении террористического акта. Пролитая кровь запятнала репутацию еврейского ишува, героически борющегося за создание своего государства в Эрец-Исраэль. Хаим Вейцман "со страшной яростью" обрушился на Берла Локера, Моше Чертока, Снэ и, "разумеется, в особенности, на Бен-Гуриона". В Эрец "умеренные" круги начали небывалую доселе кампанию против "активизма".

"Взрыв гостиницы "Кинг Дэйвид" послужил катализатором в процессе формирования антиактивистского фронта. Группа членов Мапай не остановилась перед тем, чтобы вынести спор на публичное обсужде-

ние, выпустив сборник статей, проникнутых беспощадной критикой активистского направления. На заседании совета Мапай Каплан и Шпринцак "собирали подписи под внутренней петицией, где подчеркивалось, что подписавшие ее согласны на продолжение борьбы лишь при условии, что она перестанет носить насильственный характер".

Бен-Гурион, видимо, понимал, что в той обстановке растерянности и отчаяния, в которой находился ищущ, в атмосфере резкой критики, начатой и проводившейся под его руководством политической линии, малейший толчок может привести к крушению сплоченности его лагеря. Поэтому Старик действовал с большой осторожностью. Он не требовал возобновления борьбы. Он не пошел против Вейцмана и группировавшегося вокруг него лагеря умеренных. Он бросил все свои силы на то, чтобы предотвратить на данный момент расшатывание сионистского движения и обострение внутренних противоречий. Теперь все его интересы были сосредоточены на открывающейся вскоре в Париже конференции Правления ВСО. Он надеялся одержать там победу, даже если за ней и придется заплатить дорогой ценой.

Конференция открылась 2 августа и продолжалась 21 день. Она вынесла, по мнению Бен-Гуриона, "исторические решения", провозгласила конечную цель сионизма и указала, что нельзя прекращать борьбу, пока эта цель не достигнута.

Линия Бен-Гуриона во время дискуссий Правления была сложной, не раз петляла и даже противоречила занимаемой им в прошлом позиции. Он должен был действовать, принимая одновременно в расчет четыре фактора, каждый из которых был сам по себе решающим. Прежде всего, над ним довлел принцип сионизма, сформулированный в Билтморской программе, — немедленное создание еврейского государства на всей территории Эрец-Исраэль. Бен-Гурион был абсолютно не согласен принять любое другое решение, кроме создания государства, но вынуж-

ден был обуздывать и смирять свои сионистские порывы из-за второго фактора — международных соображений. Не было никакого сомнения в том, что президент Трумэн не окажет поддержки экстремистскому плану создания еврейского государства на всей западной части Эрец-Исраэль. Поэтому, чтобы добиться поддержки Соединенных Штатов, Бен-Гурион должен был согласиться на какой-то компромисс. Да и третий фактор — внутреннее положение в сионистском движении — вынуждал его пойти на компромисс. Борьба между "крайними" и "умеренными" достигла апогея. Трое из палестинских членов Правления, сторонники Бен-Гуриона, были вовлечены в эту схватку. Приверженцы Вейцмана в Правлении открыто подняли знамя восстания, они то и дело ездили в Лондон, чтобы отчитаться перед Вейцманом и получить от него инструкции. Англичане продолжали попытки разобщить "умеренных" и "крайних". Это Бен-Гурион обязан был предотвратить даже ценой компромисса. "Я считал, что не имею права идти навстречу проiscaм англичан, стремившихся расколоть движение и разделить наш лагерь на "умеренных и лояльных", с одной стороны, и "экстремистов и бунтовщиков" — с другой". Так написал он по окончании конференции в Нью-Йорке доктору Аббе Хиллелу Силверу. "Я видел в ишуве такие трещины и понимал, что сионистское движение и его руководство должны предотвратить начинающийся раскол в самом начале".

Четвертый фактор был тактического плана. В те дни Бен-Гурион чрезвычайно интенсивно занимался сколачиванием политических сил в Эрец и в Америке в преддверии близящегося сионистского конгресса, которому предстояло определить пути сионистского движения. Бен-Гурион хотел обеспечить себе поддержку большинства, и особенно важной для него была поддержка активистских элементов в Эрец-Исраэль (большинство Мапай и Ахдут ха-авода) и Соединенных Штатов (Объединения си-

онистов Америки, сплоченных вокруг Аббы Хиллела Силвера). Если бы он хоть раз проголосовал в соответствии с духом компромисса, представлявшегося ему жизненно важным, эти элементы могли оторваться от него. Исходя из этого и стремясь, сколько возможно, притупить остроту удара, Бен-Гурион избрал странный, непонятный для окружающих путь: он участвовал в дискуссиях, вносил предложения, но воздерживался от голосования...

Считая правильным продолжение вооруженной борьбы, он не выступил против предложения большинства о замораживании вооруженных действий вплоть до созыва сионистского конгресса. Молодой и неумный Моше Снэ, один из самых пылких сторонников и обожателей Бен-Гуриона, был крайне подавлен его поведением. Но Бен-Гурион просил его "более всего остального беречь целостность Правления и всего лагеря до решения конгресса".

И в вопросе о создании государства Бен-Гурион также пошел на серьезные уступки.

Нахум Гольдман внес проект компромиссной резолюции: "Правление готово обсудить предложение о провозглашении жизнеспособного (viable) еврейского государства на достаточной части территории Эрец-Исраэль". Это был настоящий переворот, смысл которого можно было сформулировать одним словом — "Раздел"! Впервые после принятия Билтморской программы кто-то осмелился предложить раздел западной части Эрец-Исраэль.

Еще более решительным поворотом была реакция на него Бен-Гуриона. Он заявил, что принимает принцип раздела. Но когда внесенный Гольдманом пункт о разделе был поставлен на голосование — Бен-Гурион воздержался. Правление высказалось за принцип раздела. Бен-Гурион отступил от территориальной формулировки Билтморской программы.

Тому, кто достаточно знает Бен-Гуриона — непримиримого бойца, рвущегося в бой, понятно, что он не сдался бы Гольдману без борьбы, если бы не был

в глубине души согласен с ним. Не приходится сомневаться, что Бен-Гурион был внутренне готов принять предложение о разделе. И лишь протокола ради не проголосовал за него. В те дни между Гольдманом и Бен-Гурионом существовала большая близость и хотя ни один из них никогда об этом не рассказывал, легко предположить, что прежде, чем внести свое предложение, Гольдман заручился одобрением Бен-Гуриона. Следует также подчеркнуть, что им обоим было известно о имеющемся шансе добиться поддержки плана раздела и создания еврейского государства со стороны Трумэна.

В Вашингтоне по инициативе Трумэна был организован комитет в составе трех человек: заместителя государственного секретаря Дина Эчесона, министра финансов Джона В. Снайдера и министра обороны Роберта Ф. Патерсона. Этому комитету было поручено разработать американскую политику по палестинскому вопросу. Заседание Правления Еврейского Агентства, принявшее предложение Гольдмана о разделе, постановило также, что Гольдман должен немедленно отправиться в США и попытаться убедить американское правительство поддержать этот план. Заседания Правления были на несколько дней прерваны. Срочную поездку Гольдмана в Америку устроил сам государственный секретарь США Джеймс Бернс, находившийся в то время в Париже. И Гольдман добился успеха в Соединенных Штатах. Он убедил членов "Комитета трех" принять план раздела. Третьего августа он имел встречу с сотрудником президента евреем Дейвидом Нейлсом, который, "волнуясь до слез", сообщил Гольдману, что президент полностью принял план раздела и "дал Эчесону указание направить соответствующее заявление британскому правительству".

13 августа Нахум Гольдман вернулся в Париж и Правление возобновило свою работу. Она завершилась 23 августа, придав окончательный вид новой политической линии сионизма — линии на раздел.

На последнем заседании Правления Бен-Гурион внес проект еще одного постановления, которое со временем приобрело колоссальное значение: он потребовал ассигнования пяти миллионов долларов на приобретение оружия. По его мнению, фондов "Института Соненборна" было недостаточно, а война с арабами представлялась ему более, чем когда-нибудь, неизбежной. Правление согласилось ассигновать ему три миллиона долларов, что тоже было чрезвычайно внушительной суммой. Он срочно вызвал к себе Иехуду Арази и Эхуда Авриэля и поручил им проведение операции по закупке оружия во всей Европе.

Осенью 1946 года Хаим Вейцман чувствовал себя особенно усталым и глубоко разочарованным. Англичане, с которыми он вел переговоры, были уже не те англичане, которых он знал в период между двумя мировыми войнами; они стали куда жестче, чем прежде, боялись малейшего выражения недовольства со стороны арабов, они не выполняли своих обещаний и обязательств, любые доводы морали и гуманности по отношению к евреям оставляли их равнодушными. Да и евреи уже не были прежними. Их экстремистские требования государства постоянно резали слух президента Всемирной сионистской организации. Ведь он не раз совершенно оправданно заявлял им, что не меньше их желает создания государства. Только он все еще верил в путь толерантных и постепенных преобразований, а они заразились от Бен-Гуриона вирусом мессианства, попали в поле излучаемой им спешки и торопливости. Вейцман был болен: в последнее время он перенес ряд болезненных глазных операций и почти ничего не видел. Ему было уже семьдесят два, и он не раз за последний год заявлял, что не будет более выдвигать своей кандидатуры на пост президента Всемирной сионистской организации.

В глубине души Вейцман решил остаться во главе сионистского движения. Бен-Гурион в глубине души решил отстранить его от руководства. Но за

последние годы, после ожесточенных и горьких схваток, в их отношениях установился учтивый и теплый тон, где разногласия были окутаны покровом взаимного уважения. В середине сентября Вейцман направил Бен-Гуриону дружеское письмо. Он обращался к нему "мой дорогой Бен-Гурион", выражал глубокое огорчение, что из-за болезни не смог встретиться с ним и другими членами Правления в Париже, и сообщал, что полностью согласен со всеми парижскими решениями.

Ответное письмо Бен-Гуриона было еще более теплым, дружеским. Стремясь продемонстрировать особое внимание к больному, которому было трудно читать, Бен-Гурион написал все свое длинное письмо очень крупными буквами и отчетливым почерком. "Дорогой доктор Вейцман, — начинал свое письмо Бен-Гурион, — я с большой радостью узнал, что вторая операция прошла прекрасно... Я надеюсь, что вы сможете в полную силу участвовать в приближающемся конгрессе. Заверяю вас, что и тем, кто не во всем согласен с вами, есть чему поучиться на вашем опыте и жизненном пути, и, может быть, более всего — вашим глубоким еврейским, сионистским инстинктам". В конце письма Бен-Гурион прибегает к еще более почтительным и прочувствованным выражениям: "Я надеюсь увидеть вас более здоровым и способным внести свой вклад в работу конгресса — тот вклад, который лишь вам дано внести в судьбу нашего народа. Каковы бы ни были ваши взгляды, для меня (и я уверен, что не только для меня) вы останетесь избранником еврейской истории, неповторимым символом еврейского гения и еврейского бремени, и что бы ни случилось, вас всегда будет сопровождать искренняя любовь и уважение мое и моих товарищей — того поколения, которое пришло после вас и прошло, быть может, более суровые и жестокие испытания и которое оттого видит мир (иногда) иначе, чем вы".

Все это было прекрасно и впечатляюще, однако в

тексте письма Бен-Гуриона проскользнуло несколько откровенных замечаний о воззрениях Вейцмана.

Вейцман ответил ему в том же духе, любезным письмом, и снова устал их принципиальное расхождение мягким слоем комплиментов. Теоретически это было еще одно милое письмо в товарищеской переписке, в котором не было и намека на острую политическую борьбу. И лишь в одной фразе, будто между прочим вкрадшейся в письмо, содержался слабый отзвук политических планов Вейцмана: "Как я понимаю, существует намерение провести избирательную часть до того, как начнется конгресс. Это прекрасная идея, если она только осуществима. Это избавило бы всех от множества неприятностей и волнения".

В самом деле, намерение провести выборы Правления заранее существовало. Но вовсе не в том направлении, которое имел в виду Вейцман. Фраза из письма Бен-Гуриона, написанного за неделю до того, должна была бы обратить на себя пристальное внимание Вейцмана: "Весьма вероятно, что вскоре я — на короткое время — отправлюсь в Америку", — писал Бен-Гурион.

Свой план, который он разрабатывал и шлифовал в течение продолжительного периода, Бен-Гурион основывал на союзе с доктором Аббой Хиллелом Силвером, энергичным, напористым и активным лидером американских сионистов. Высокий, под потолок, человек с глубоким голосом, с кипящими и сеющими бурю речами, Силвер выдвинулся за годы войны как самый пламенный и неконвенциональный сионистский деятель Соединенных Штатов Америки. Его концепция была максималистской, самого наступательного толка, а его мессинская вера в создание еврейского государства была под стать бенгурионовской. Это был сильный, властный человек, не терпевший существования оппозиции. Он не выносил компромиссов и бил своих врагов без всякой жалости. Двое таких силь-

ных людей, как Силвер и Бен-Гурион, не могли долго ужиться вместе без того, чтоб между ними не вспыхнула яростная борьба за лидерство; однако в годы мировой войны создалась их коалиция, которая, становясь все более тесной, выступила против компромиссной, нерешительной линии Вейцмана и Вайза. Именно Силвер на деле осуществил план Бен-Гуриона в дни Билтморского съезда: это он мобилизовал американское еврейство, это он атаковал правительство крайними требованиями, это он придал наступательный, массовый характер борьбе сионистов США, обеспечив тем самым ее успех.

При всем при том Силвер не был, подобно Бен-Гуриону, государственным деятелем и не разделял его реалистической концепции.

На Силвера возлагал Бен-Гурион свои надежды задолго до созыва Сионистского конгресса. В июле 1946 года Старик прожил несколько недель в Нью-Йорке и они с Силвером нашли общий язык. В начале октября Бен-Гурион писал ему из Парижа: "Для того, чтобы подготовить конгресс в желательном направлении, мне кажется, стоит собрать до конгресса несколько ответственных представителей трех главных партий — общих сионистов, Мизрахи, рабочей партии — из Америки и Эрец-Исраэль, чтобы заранее внести ясность в основные вопросы — как политические, так и организационные, разработать платформу действий. Таким путем мы предотвратим бесплодные споры и излишнюю враждебность; сможем превратить трибуну конгресса в орудие внутреннего воспитания и сионистскую демонстрацию для внешнего мира, повысим дееспособность и плодотворность конгресса".

2 октября Бен-Гурион почти тайно выехал в Америку. Американское правительство выделило ему место на военном самолете, так как он направлялся для проведения серии встреч с руководителями администрации и госдепартамента. Действительно, по прибытии в США он занимался почти исключи-

тельно государственными делами, беседовал с заместителем государственного секретаря Дином Эчесоном, обедал с послом Великобритании в Вашингтоне лордом Энверчеплом, другом сионизма, встречался с помощником президента Дейвидом Нейлсом и с верховным судьей, евреем Феликсом Франкфуртером.

В конце концов наметилась возможность коалиции между Бен-Гурионом, Силвером и партией Мизрахи, хоть дело и не было улажено окончательно. На съезде Мапай, состоявшемся в начале сентября, "активная" линия Бен-Гуриона была поддержана восемьюдесятью процентами делегатов.

Несмотря на все это, Бен-Гурион еще опасался того, что ветераны движения, привыкшие к компромиссам, могут не устоять во время конгресса. Он был заинтересован в том, чтобы на этот раз на конгрессе были представлены молодые силы "активистов", на которых он мог положиться. "Надо побеспокоиться о том, чтобы на конгресс поехали не только присяжные заседатели, но и молодые представители нашего движения", — инструктировал Бен-Гурион Чертока.

Вследствие этого двое "молодых представителей" — двадцатитрехлетний Шимон Перес и Моше Даян, которому исполнился тридцать один год — получили проездные билеты и мандаты делегатов Базельского сионистского конгресса. Безотрадной была обстановка, в которой начали собираться в Базеле делегаты конгресса со всего света. Напрасно искали старые сионисты знакомые лица среди членов национальных делегаций, прибывавших поездами и самолетами. Не могло быть более потрясающего выражения Катастрофы, постигшей еврейский народ, чем отсутствие всех тех сотен активных сионистов, которые присутствовали на предыдущем сионистском конгрессе, работавшем в Женеве считанные дни до того, как Гитлер двинул свои армии на Польшу. Теперь это был совсем иной конгресс. Одно-

временно с сокращением численности и веса делегатов из Восточной Европы возросли силы делегатов Америки. Это тоже свидетельствовало о перемещении центра еврейства и сионистского движения, о новом мире и о иных концепциях.

Как на любом подобном форуме, на двадцать втором конгрессе борьба развернулась в двух плоскостях: принципиальная борьба на открытых заседаниях и острая личная борьба, проявлявшаяся в закулисных ходах и комбинациях. Спор о будущих путях сионизма сконцентрировался сначала на публичных заседаниях конгресса. Борьба эта выразилась в полемике Бен-Гуриона с Вейцманом. Открывая конгресс, Бен-Гурион изъявил готовность пойти на раздел. Он подчеркнул право еврейского народа на всю землю Израиля, однако заявил: "Мы готовы обсудить также компромиссное урегулирование, если за ограничение территории будут немедленно рассмотрены наши права и нам будет предоставлена государственная независимость".

В дальнейшем ходе дискуссии он поднял лозунг "Сопrotивление", то есть вооруженная борьба. Он обусловил ее некоторыми оговорками и отмежевался от террора, но взволнованно и приподнято говорил о борьбе за нелегальную иммиграцию. "Наше движение должно принять лишь один принцип — сопротивление! Я был бы рад, если бы прибывшие на конгресс могли увидеть Эрец-Исраэль в тот момент, когда авиадесантная дивизия во всем блеске, с бронемашинами, винтовками, пулеметами и минометами двинулась на четыре еврейские поселения, и даже стреляла, а против нее стояли тысячи безоружных евреев, молодежь и старики, стояли без страха, не дрогнув перед смертью, не отступив перед пулеметами.

Это была новая глава в летописи Израиля. Есть в диаспоре евреи, для которых алия в Эрец — это вопрос жизни и смерти. Для них Эрец-Исраэль — это не сионизм, не идеология, не план, а жизненная

потребность, условие существования. Судьба этих евреев — Эрец-Исраэль или смерть. И это тоже сила”.

Речь Вейцмана, занимавшего иную позицию, была не менее блестящей. ”Я внимательно слушал мощную речь моего друга Бен-Гуриона, посвященную сопротивлению. Он сказал, что одни погибнут, но другие будут жить. Я надеюсь на это. Но ведь эту концепцию можно представить и в другой форме: еще очень многим предстоит погибнуть — а что тогда станется с еврейским народом, что случится с землей Израиля, если мы сами будем расшатывать ту основу, на которой мы возводим наше здание ценой таких усилий, страданий и крови?

Правда состоит в том, что за взрывом поездов последовала ”Черная суббота”. Приходили ко мне товарищи и говорили: ”Да услышат небеса! Что же творит Англия? Они арестовывают наших руководителей, наших людей”. У меня это вызвало одну реакцию: ”А чего же вы ожидали? Ждали, что они поднимут руки и скажут: ”Прекрасно сделали!” ”?” Тот, кто нападает на правительство, должен ожидать, что правительство даст сдачи. Мы жалуемся, что они бьют сильнее и что мы больше страдаем. Да могли ли мы ожидать чего-нибудь еще? Мы обязаны были знать это заранее”.

Бен-Гурион гневно отозвался на эти слова Вейцмана: ”Он почти оправдал аресты ”Черной субботы”!”

В разгар возбужденной речи Вейцмана произошел неожиданный инцидент. Вейцман бросил сионистам США — сторонникам вооруженной борьбы — упрек в том, что они, ограничиваясь моральной и финансовой поддержкой, посылают других на баррикады. Услышав эти слова, молодой Эммануэль Ньюмэн выкрикнул: ”Демагог!”

Вейцман взволнованно ответил: ”Я — демагог! Я один из тех, кто прошел весь многотрудный путь сионистского строительства. Человек, бросивший мне в лицо это слово, должен знать, что в каждом доме и в каждом хлеве Нахалала, в каждом здании и

каждой мастерской Тель-Авива есть капелька моей крови”.

Делегаты разразились бурными овациями. Все, за немногими исключениями — среди которых были доктор Абба Хиллел Силвер и Эммануэль Ньюмэн — поднялись со своих мест. ”Я предостерегаю вас от псевдоуспокаивающих лекарств, — продолжал Вейцман, — от лжепророков, обещающих сократить путь к цели, от легковесных обобщений и искажения масштабов исторической работы. Такова моя натура. Я не верю в насилие. Я воспитывался в либеральную эпоху, которая исчезла, не сумев победить. А мы погрузились в эру насилия. Другие нации могут позволить себе насильственный путь, но не знаю, можем ли себе это позволить мы. Кто даст мне силу пророка и жгущий сердца глагол, чтобы предостеречь вас от пути вавилонского и египетского, которые всегда влекли еврейство к гибели? Законом будет освобожден Сион, и никаким иным путем”.

Это была действительно блестящая речь. Но она не изменила основных фактов: путь, предлагаемый Вейцманом, был отличен, даже противоположен тому пути, который олицетворял собой Бен-Гурион. Бен-Гурион заявил, что он не нашел в речи Вейцмана его обычных выражений. ”Товарищи из Эрец-Исраэль, выражающие мнение большинства партии, полагали, что в данный момент сионизм должен показать всем свое истинное лицо — показать, что он принимает борьбу, если она вызвана насущной необходимостью, а не провозглашать, как это сделал Вейцман, что сионизм наперед отвергает вооруженную борьбу”.

Позиция Вейцмана была абсолютно противоположной, и он тоже желал открытой схватки с Бен-Гурионом до окончательной победы одного из них.

Вокруг формирования Правления и выборов президента развернулась закулисная борьба, вдали от зала заседаний конгресса. Еще до открытия конгресса Бен-Гурион собрал в своем номере гостиницы

”Драй Кениге” группу делегатов партии Мапай и предложил им ”избрать” Вейцмана ”почетным президентом”. Большинство членов партии Мапай согласилось с ним, однако члены ”Ихуд Олами” (всемирного объединения партий, связанных с Мапай) — еще шли за Вейцманом.

Большинство делегатов от Мапай сплотилось вокруг Бен-Гуриона и выступило против дальнейшего пребывания Вейцмана на посту президента. Бен-Гурион требовал сформировать ”активистское правление”, Вейцман резко возражал против этого.

Однако позиция Бен-Гуриона и палестинской партии Мапай не могла перетянуть чаши весов, ибо во фракции Мапай большинство принадлежало представителям диаспоры. Когда было проведено голосование, большинство, составлявшее семьдесят процентов против тридцати (среди которых большая часть приходилась на молодежь из Эрец) по-прежнему высказалось за избрание Вейцмана. Так было принято решение об участии в лондонской конференции, которая должна была состояться в конце января 1947 года по инициативе британского правительства для обсуждения палестинских планов.

Фракция Мапай собралась в крайне напряженной обстановке. Бен-Гурион не показывался. ”Вдруг разнесся слух: он отказывается явиться, — рассказывал Шимон Перес, — тут вошла Поля и сказала: ”Бен-Гурион уезжает!” Мы пошли в отель ”Драй Кениге”, постучали в дверь его номера — ответа не было. Мы открыли дверь и увидели Бен-Гуриона, занятого упаковкой чемодана.

”Шалом”, — сказали мы. Бен-Гурион не ответил. Потом вдруг обернулся к нам и сказал: ”Вы пришли, чтоб ехать со мной — или вы остаетесь здесь?”

Мы спросили: ”Куда вы едете?”

Он ответил: ”Сионистское движение предало свою миссию. Оно не борется за создание государства — большинство готово помириться с англичанами. Я в

отчаянии. Я еду организовывать новое сионистское движение”.

Мы сказали ему, чтобы он пошел с нами на заседание фракции Мапай. Если за ним будет большинство — мы все останемся, если же меньшинство — мы все покинем конгресс”.

В конце концов он согласился вернуться в зал заседаний, где собралась фракция Мапай. Между ним и Капланом начался горячий спор. Заседание очень умело вела Голда, и оно продолжалось всю ночь.

Утром Бен-Гурион получил большинство голосов. Мапай постановила сформировать ”активистское правление”.

Между тем Вейцмана продолжали убеждать принять пост почетного президента. Он решительно отказался. ”Почета мне хватает”, — ответил он тому, кто обратился к нему с этим предложением.

До самого конца конгресса бушевала непримиримая борьба — беседы, сколачивание блоков, интриги. Бен-Гурион не брезговал ничем.

Вопрос об избрании Вейцмана президентом в конце концов не был поставлен на голосование. Вейцман обусловил свое согласие на пост президента тем, чтобы конгресс принял однозначную резолюцию, обязывающую сионистов участвовать в лондонской конференции, которая должна была начаться в ближайшее время. Однако эта резолюция была отклонена 171 голосом против 154. Это было голосование, вынесшее вотум недоверия Вейцману. Даже не выставив своей кандидатуры на президентский пост, он покинул конгресс и вернулся в Лондон.

Горькая ирония заключалась в том, что именно при этом решительном голосовании распалась коалиция с Силвером, о создании которой так сильно пекся Бен-Гурион. Ведь объединение Мапай большинством голосов постановило принять участие в лондонской конференции. Бен-Гурион и члены Мапай от Эрец-Исраэль, подчиняясь постановлению, проголосовали на

конгрессе за резолюцию Вейцмана, так что они не сыграли роли в ее конечном провале.

Двадцать второй сионистский конгресс решил из уважения к Вейцману не избирать нового президента. Было сформировано Правление ВСО из девятнадцати членов, причем шестеро было из Соединенных Штатов. Бен-Гурион снова встал во главе Правления и взял на себя также руководство отделом обороны.

Вейцман вернулся в Лондон разбитый, мрачный. Это был конец многолетнего периода его политики.

”Из меня, как и прежде, сделали козла отпущения за все грехи британского правительства, — с горечью записал Вейцман. — Убедившись в бесполезности взять английское правительство приступом, они обратили свои стрелы на меня. Около половины американской делегации, во главе которой стоял Силвер, и часть делегации от Эрец-Исраэль во главе с Бен-Гурионом, решили, что мне пора убраться. Я покинул конгресс, подавленный скорее избранным им путем, нежели тем ударом, который был нанесен мне”.

Правда же заключалась в том, что Вейцман был задет до глубины души и не сумел справиться с бушевавшим в нем гневом. Ему казалось, что многие из друзей предали его. Он разорвал отношения с Моше Чертоком, обвинив его в том, что тот интриговал против него, Вейцмана, вместе с Бен-Гурионом: ”Мне нечего сказать вам и нет желания вспоминать базельский кошмар”, — писал Вейцман Чертоку, отказываясь от встречи с ним. В письмах к другим своим сподвижникам он с негодованием обвинял Бен-Гуриона в сговоре с Силвером, имевшем целью свалить Вейцмана и облить его грязью. ”Наше движение теперь в руках маленьких диктаторов, которые действуют с необдуманной жестокостью ради своих амбиций, не заботясь о результатах”, — писал Вейцман своему американскому другу. Он подбивал своих преданных соратников — в том числе Вайсгала и Баффи — уйти в отставку со своих постов. Он также

создавал у них ощущение, что на сионистское движение надвигается катастрофа, и новое Правление Всемирной сионистской организации не сможет удержаться у власти.

Вейцман страшно проигрывал оттого, что не смог примириться со своей судьбой, сразу по возвращении в Лондон, в конце декабря, он погрузился в лихорадочную деятельность. Бывший президент ВСО решил создать оппозиционную группу в сионистском движении. Он тут же вступил в оживленную переписку с Давидом Гинцбургом, Луи Липским, Робертом Солдом, Элияху Эпштейном (Эйлатом) и, разумеется, Меиром Вайсгалом, находившимся в США. Он беседовал с бывшим премьер-министром Франции Леоном Блюмом, призывал на помощь Исайю Берлина и Марка Ярблума из Парижа и, конечно, своих верных помощников Каплана и Шпринцака. Всех их он оповестил о создании "группы", призванной восстановить "развалины сионизма". Абба Эвен также присоединился к вейцманистам и даже составил вчерне декларацию, которую намеревалась опубликовать эта группа. Однако Вейцман отсрочил начало деятельности группы на ближайшие месяцы. В феврале он вернулся в Эрец. В письмах он с необычайной беспощадностью критиковал Чертока, Бен-Гуриона и все Правление за несчастья, которые они навлекли на сионистское движение. Тем временем Шпринцак пообещал Вейцману организовать сильную оппозиционную группу внутри Мапай.

Однако Вейцману так и не удалось произвести переворот в сионистском движении и устранить Бен-Гуриона. Весь его план рухнул. За эти месяцы в Эрец и в мире произошли события, решающим образом изменившие судьбу еврейского народа. Но Вейцман не видел, что положение в мире изменилось, что близится создание еврейского государства.

Между Вейцманом и Бен-Гурионом существовали в тот период коренные разногласия. Вопрос состоял не в том, какова конечная цель, разделяемая, в общем

и целом, всеми патриотами страны и народа, а в том, какова реальная цель, которой нужно добиваться уже сейчас, и каковы пригодные для этого средства. В этом вопросе между Бен-Гурионом и Вейцманом не было существенных расхождений до начала Второй мировой войны, пока Англия выполняла условия мандата. Но с той минуты, как разразилась война и Бен-Гурион поднял лозунг борьбы и немедленного создания государства как новой ближайшей цели — между двумя лидерами обнаружились колоссальные разногласия. Один требовал непримиримой вооруженной борьбы, формирования армии с целью захвата Эрец-Исраэль, апелляции к Америке и мировому общественному мнению, бескомпромиссного сопротивления англичанам — все это ради немедленного создания государства; другой возражал против борьбы, пренебрегал Америкой, тревожился за дружбу с англичанами, всячески третировал "активизм" и был готов на компромиссные формулировки, не требовавшие государства во что бы то ни стало и незамедлительно.

Когда сионистский конгресс удалил Вейцмана от руководства, это не было следствием экстремистского отказа от договоренности с англичанами. Это было результатом тяжело давшегося вывода о том, что в период борьбы против Англии нельзя поставить во главе движения человека, противящегося этой борьбе и символизирующего собой дружескую связь с Британией, которой он был верен всеми фибрами души.

Приверженцы Вейцмана утверждали, что он сам глубоко разочарован в Англии. Это не совсем верно: в конце марта 1947 года Вейцман еще упрямо держался того мнения, что "мы не победим, если не восстановим доверия между сионизмом, с одной стороны, и британским правительством и народом — с другой".

Вейцман, по его собственному заявлению, никогда не был настроен антибритански. А в те дни весь ишув

был проникнут антибританскими настроениями, все сионистское движение было антибританским, и потому Вейцману не было места во главе его.

Удрученным ушел Вейцман в долгое политическое изгнание. В своих мемуарах он упоминает Бен-Гуриона считанное число раз, и, как правило, отрицательно. Перед тем, как рукопись была послана в печать, верный ученик Вейцмана Меир Вайсгал из уважения к главе правительства Израиля (да и к своему учителю) побеспокоился о том, чтобы большинство задевающих Бен-Гуриона пассажей были исключены из рукописи; наряду с прочим было выпущено и описание поединка Вейцмана с Бен-Гурионом в Нью-Йорке.

Горькой была бы судьба Вейцмана, если бы так завершился его политический путь. Но по воле истории ему суждено было еще раз подняться на политическую сцену. Пусть он взошел на нее лишь на короткое время, пусть его физические и душевные силы были уже на исходе, но это был все тот же Вейцман и в силу обстоятельств именно благодаря его вмешательству в решительный, роковой час президент Трумэн помог еврейскому народу добиться неопределимых успехов в области государственности, установления границ и самого существования. Так суждено было Вейцману снова стать участником того великого и беспощадного труда, результатом которого было появление на свет еврейского государства.

В 1947 году одна швейцарская газета опубликовала любопытную карикатуру. На ней был изображен маленький Давид с развевающейся шевелюрой, облаченный в обрывки львиной шкуры, который целится из пращи в лоб гиганта Голиафа. Грудь могучего великана закована в литые латы, на ногах поножи, у бедра меч. На его широком лице, обрамленном огромным шлемом, красуются очки; вся фигура, склоненная к крохотному противнику, выражает насмешку и пренебрежение. Давид был, конечно, Да-

вид Бен-Гурион. Чертам Голиафа было придано сходство с Бевином.

Эрнест Бевин. "Злодейский инструмент", который, по словам Аббы Эвена, "поневоле действовал ради независимости Израиля". "Безотрадный пример" "высокого духа, пораженного безумьем" — как, пользуясь словами Шекспира о Гамлете, определил Бевина Кристофер Сайкс. "Просто антисионист", — резюмировал Бен-Гурион.

В Эрнесте Бевине Бен-Гурион нашел достойного противника. Их единоборство в те годы было наилучшим символом борьбы, бушевавшей между двумя мощными наступательными силами, каждая из которых была уверена в справедливости своего дела. В Бевине, этом британском Голиафе, с предельной яркостью воплощались наиболее антисионистские аспекты палестинской политики Англии. А Бен-Гурион, подобно библейскому Давиду, олицетворял непримиримую борьбу против иноземцев — за то, чтобы англичане убралась из Эрец-Исраэль.

В приливе чрезмерной самоуверенности Бевин заявил в британском парламенте, что он решит палестинскую проблему и что он считает этот вопрос пробным камнем своего политического будущего. Но палестинскую проблему было не так-то просто решить. Следует признать, что с точки зрения Великобритании эта проблема была страшно запутанной и абсолютно неразрешимой. Создание еврейского государства грозило арабским мятежом, а Бевин нуждался в арабах в своей глобальной политике, имевшей целью остановить советскую экспансию. Создание арабского государства угрожало восстанием евреев, на стороне которых окажется мировое общественное мнение, в том числе евреи Соединенных Штатов Америки. Частичные решения не удовлетворяли ни одну из сторон.

И все-таки Бевину не было никакой необходимости превращать себя и свою страну в объект ненависти всей Эрец-Исраэль, а также вызывать отвращение

и растущий протест мирового общественного мнения. Но именно из-за своих личных качеств Бевин оказался непосредственным виновником страшного ухудшения англо-еврейских отношений в течение трех лет, последовавших за окончанием мировой войны.

Бевин не был знаком с палестинской проблемой и изучал ее, в значительной степени, по отчетам правительственных чиновников. Кроме того, было в нем странное равнодушие к судьбе еврейского народа, только что пережившего Катастрофу. Бевин был глух к трагическому крику о помощи, раздававшемуся со стороны сотен тысяч беженцев, умолявших пустить их в Эрец-Исраэль. Он относился к ним, как ко всем прочим жертвам войны, представителям всех прочих народов, и совершенно не понимал, почему они не способны слиться с народами обновленной Европы.

В тридцатые годы Бевин был приверженцем сионизма. Но теперь, обнаружив арабский аспект проблемы, он взял новый курс. Потом, как всякий сильный человек, он закоснел в своих новых воззрениях и не желал более сдвинуться со своих позиций. И как всякий государственный деятель, чувствующий растущее сопротивление проводимой им политике, он все более ожесточался внутренне и внешне.

В ответ на нелегальную иммиграцию и вооруженное сопротивление он посылал все новых солдат и все ту же затягивал ярмо угнетения. В ответ на протесты, поднявшиеся в Эрец-Исраэль и Соединенных Штатах Америки, он развил в себе глупейший антисемитский комплекс. "Это не был антисемитизм, основанный на предрассудках о неполноценности еврейской расы, но антисемитизм, питающийся смехотворной верой в то, что евреи строят тайные козни против его страны и него самого". Он восстановил против себя также американцев, заявив на съезде лейбористской партии в Борнмуте (12 июня 1946 года), что они "пытаются помочь евреям иммигра-

ровать в Палестину, так как не хотят видеть их в Нью-Йорке”. Этого было достаточно для того, чтобы американская пресса провела нелестную параллель между ним и Адольфом Гитлером. Когда Бевин находился в Нью-Йорке по случаю сессии Генеральной ассамблеи ООН, полиции пришлось попросить его покинуть бейсбольный матч, чтобы оградить британского министра от гнева возмущенной толпы.

Бевин превратил политическую линию, может быть, неизбежную для Великобритании, в политику ненависти и угнетения. Эта закоснелость выбила почву из-под ног англофилов в сионистском движении и подтолкнула его руководителей к еще более крайней и воинственной линии поведения. ”Есть какая-то ирония в том, что самой агрессивностью и грубостью своих попыток навязать нам положение вечного меньшинства в нашей родине, он заставил нас быстрее добиться государственности”, — сказал о Бевине Бен-Гурион.

Бевин был вдохновителем англо-арабо-еврейской конференции, которую создало английское правительство в конце января 1947 года.

Бен-Гурион прибыл в Лондон в конце января. Путь его проходил через Каир. Тамошние таможенные чиновники узнали его и сделали все, что было в их силах, чтобы досадить ему и поиздеваться над ним. ”Мы, сжав зубы, спокойно прошли через все эти унижения”, — свидетельствует сопровождавший Бен-Гуриона Давид Горовиц. Бен-Гурион лишь позволил себе заметить: ”Они еще пожалеют о своем отношении к нам”.

Англия встретила их жестоким морозом. Эта зима была одной из самых холодных и тяжелых, которые помнила Европа. Улицы Лондона были покрыты снегом и инеем. Ощущался острый недостаток в топливе для обогрева домов. В целях экономии энергии каждый день устраивались перерывы в электроснабжении. Заседания сионистской делегации и английских представителей происходили в гне-

тущей и мрачной атмосфере, точно в средние века — при свете мерцающих свечей, отбрасывавших на стены причудливые дрожащие тени, и сообщавших переговорам какую-то нереальность.

Официальные переговоры британского правительства с арабами также начались на исходе января 1947 года. Палестинских арабов представляла делегация Высшего арабского совета. Вдохновляемая указаниями иерусалимского муфтия хадж Амина аль-Хуссейни, делегация заняла крайнюю, бескомпромиссную позицию, требуя полного прекращения еврейской иммиграции и немедленного провозглашения независимого арабского государства.

Переговоры были заранее обречены на провал. С еврейской стороны в них участвовала большая делегация в составе Бен-Гуриона, Чертока, Давида Горовица, Гольдмана, Бродецкого, Локера, Ньюмана и других. Им противостоял клан британских чиновников, группировавшихся вокруг Крич-Джонса и Бевина. В промежутках между совещаниями с сионистской делегацией, англичане вели переговоры с арабами, которые наотрез отказались встречаться с евреями лицом к лицу.

Заправлял всем Бевин, отвергавший безо всякого рассмотрения любые требования еврейской стороны о разделе или об отмене "Белой книги". Он утверждал, что это неприемлемо для арабов. Не было ни малейшей возможности найти какой-то компромисс между этими двумя позициями.

Седьмого февраля в сионистском представительстве на Грейт-Рассел-стрит был получен британский правительственный конверт. Черток и Горовиц поспешили в представительство, взломали печать министерства колоний и с волнением вытащили находившийся в конверте официальный меморандум. Это было окончательное предложение правительства Великобритании. Окончив чтение, Давид Горовиц поглядел на товарища: "Это мы не сможем при-

нять”, — сказал он. Черток с горькой усмешкой кивнул головой.

План британского правительства предполагал разделение Палестины на несколько самоуправляемых кантонов, закрытие большей части Эрец-Исраэль для еврейской иммиграции и поселенчества; англичане предлагали иммиграцию 96 000 евреев в течение двух лет; дальнейшая иммиграция обуславливалась решением верховного комиссара. ”От этого предложения мы откажемся наотрез! — воскликнул Бен-Гурион. — Мы не отступим от своей точки зрения, соблазнившись ежемесячной четырехтысячной алией в течение двух лет”.

Через несколько дней он явился сообщить об этом решении Бевину. Бен-Гурион сам просил об этой встрече, видя в ней последнюю возможность для обеих сторон. Хмурым ненастным утром они сидели в темноватом кабинете министра иностранных дел при свете мерцающих свечей и снова вели диалог глухих.

”За время всех предыдущих встреч у меня сложилось впечатление, что вы не открываете своих истинных аргументов, — сказал Бен-Гурион. — Еще на последнем заседании вы намекали на важность Негева для Великобритании. Несколько раз вы публично заявляли, что основываете все свое будущее на решении палестинской проблемы. Я удивлялся этому. И хотелось бы понять, в чем состоит ее важность для вас”.

Сначала Бевин ответил, что англичане не нуждаются в Палестине и ”могут оставить ее немедленно”.

Позднее он заявил, что Англия заинтересована в Негеве. Там есть нефть. Но всякий раз, как англичане начинают вести бурение, ”вы суете туда свой нос и основываете там поселения”.

Между собеседниками начался утомительный формалистический спор на тему о законности права евреев основать еврейское государство в Палестине. ”Вы ни разу не сказали мне, чего вы на самом деле хотите, — негодовал Бевин. — Ни разу вы не выложи-

ли своих карт на стол. Я веду переговоры с самыми различными народами. Все открыто и ясно говорят, чего они хотят. Есть только один народ, который ни разу не открыл своих истинных намерений. Это русские. Вы говорите, что родились в России. Вы ведете себя, как они”.

”Этому я научился не от русских, а от вас, — парировал Бен-Гурион. — Вы вносили всевозможные предложения, формулировали разные принципы, но ни разу четко и ясно не сказали, что предлагаете нам. А мы еще вчера показали на карте вашим представителям район, который мы требуем”.

”Мы не можем ввести для арабов еврейскую государственность, — заявил Бевин. — Американцы на нас давят. Они дают нам советы и подсказывают, что нам делать. А когда мы их спросили, предоставят ли они нам военную помощь, они ответили: ”Нет”. Все это из-за их предвыборных дел. То выборы в Нью-Йорке, то выборы в сенате. Но они отказываются взять на себя какую бы то ни было ответственность. Они хотят, чтобы мы сами тянули эту лямку. Но не можем же мы воевать со всем арабским миром. Мы не сможем сделать этого в одиночку, — заключил Бевин, — придется нам передать свои предложения в ООН”.

На следующий день обе делегации — еврейская и арабская — отвергли предложения Бевина. Он сдался и официально заявил: ”После того, как предложения, внесенные правительством Его величества, не были приняты в качестве основы для дополнительных переговоров, правительство Его величества решило передать эту проблему на рассмотрение Организации Объединенных Наций”.

Тем самым Бевин заявил о своем поражении. ”Завершилась глава, может быть, вся большая глава истории мандата, — взволнованно писал Бен-Гурион. — Мы стоим теперь перед лицом решительной, тяжелой и великой борьбы”.

Это был конец целого периода в жизненном пути

Бен-Гуриона — мертворожденная лондонская конференция была, по существу, последней политической схваткой, где Бен-Гурион выступил во всеоружии. С той минуты, как он вернулся в Эрец, он произвел крутой поворот в теории и практике, точно запер за собой дверь одного мира и со всего размаху ворвался в другой.

Ибо у Бен-Гуриона был удивительный, редкостный инстинкт — в любой период, в любой стадии своей жизни и истории своего народа он ясно ощущал, где находится центр решительного действия. И в любой период он умел оказываться в центре приложения сил, встать во главе и повести за собой. В 1906 году он отправился в Эрец, так как чувствовал, что именно простая каждодневная работа на земле является костяком подлинного сионизма, что это и есть сокрушительный ответ угандизму и прочим псевдорешениям. Когда он возвратился в Эрец после первой мировой войны, у него родилось ощущение, что веление времени — создание рабочей, халуцианской силы, которая превратит национальный очаг из теории в практику. Когда Гистадрут окреп и стала очевидна необходимость в том, чтобы рабочие Эрец-Исраэль, "истинные сионисты" встали во главе мирового сионистского движения, он повел свою партию на завоевание сионистского движения. Теперь центр тяжести переместился к политическому руководству и Бен-Гурион, избранный председателем Правления ВСО, ведет за собой ишув и в эту битву. Как председатель Правления ВСО он сформулировал Билтморскую программу и начал борьбу за еврейское государство. А теперь, года за два до основания государства, Бен-Гурион почувствовал, что центр тяжести перешел с политического руководства к созданию системы обороны.

Уже в декабре 1946 года на Сионистском конгрессе в Базеле он обратился к товарищам по Правлению и потребовал, чтобы ему было передано руководство отделом обороны. Его требование было вы-

полнено, и с того дня, как он вернулся в Эрец с лондонской конференции, Бен-Гурион отложил в сторону все дела и с головой погрузился в изучение проблем обороны, в подготовку к войне, так как был убежден, что она неминуемо разразится в Эрец-Израэль.

Это поразительно. Ведь в декабре 1946 года до государства было все еще далеко, да и в феврале 1947 года его еще не было видно на горизонте. Но Бен-Гурион был абсолютно уверен в том, что в силу исторической необходимости государство возникнет, что его рождение будет сопровождаться вторжением арабских армий и кровопролитной борьбой и что к этой борьбе надо готовиться.

Это были роковые, исторические дни, и вокруг Бен-Гуриона бушевали события, лихорадочно сменяя друг друга, нарастая одно на другое, как снежный ком на горном склоне. Драматическое положение в Палестине не сходило со страниц мировых газет; оно было темой международных конференций и решительных совещаний. Но большинство этих событий скрылось от глаз Бен-Гуриона в тумане расстояния; он принимал теперь участие лишь в самых важных мероприятиях, ведущих к цели — провозглашению еврейского государства.

Он продолжал дирижировать борьбой против англичан в Эрец, но прекратил вооруженную борьбу и заморозил деятельность Движения еврейского сопротивления. Ведь весь народ требовал, чтобы "борьба была для нас лишь средством". А в тот период наиболее подходящим средством представлялась ему невооруженная борьба — нелегальная алия и поселенчество. Бен-Гурион снова и снова отдавал распоряжения о создании новых поселений и поощрял посылку дополнительных судов с нелегальными иммигрантами, несмотря на английскую блокаду. И хотя их шансы прорваться через пояс блокады, затянутый вокруг Палестины флотом Его величества, были ничтожны, Бен-Гурион понимал громадное политическое

значение этого мероприятия, знал, какой широкий резонанс получает преследование нелегальной иммиграции в мировом общественном мнении.

Отколовшиеся организации Эцел и Лехи снова залили Эрец волной террора. Вся Эрец-Исраэль стала подобна военному лагерю. Около ста тысяч сосредоточенных в ней британских солдат взяли страну в тиски осадного положения: аресты, обыски, даже исполнение смертных приговоров. Для защиты мандатных властей были созданы особые укрепленные районы, окруженные проволочными заграждениями, мешками с песком и даже снабженные бомбоубежищами. В ишуве эти укрепленные кварталы прозвали "Бевинградями". Эцел и Лехи усилили свои удары, совершали диверсии, взрывы, убийства, а Хагана снова с душевным отвращением приступила к контрмерам против них.

28 апреля 1947 года в Нью-Йорке открылась специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН для обсуждения палестинского вопроса. Она продолжалась несколько недель. Бен-Гурион должен был представлять Еврейское Агентство перед государственной комиссией, но опоздал на один день — и вместо него в защиту идеи еврейского государства страстно выступил Абба Хиллел Силвер. Однако Бен-Гурион успел прослушать неожиданное заявление представителя Советского Союза Андрея Громыко, которое повергло евреев в оцепенение и восторг. Громыко произнес яркую просионистскую речь, в которой выразил положительное отношение Советского Союза к созданию еврейского государства. Впервые за всю историю сионизма на его стороне оказались две могущественные сверхдержавы — Советский Союз и Соединенные Штаты Америки.

В начале июня 1947 года в длинном ряду свидетелей, среди которых были Хаим Вейцман, Моше Черток, Элизер Каплан, Давид Бен-Гурион также выступил перед специальной комиссией, направленной ООН в Палестину с тем, чтобы предложить реше-

ние палестинского кризиса. "Господа, я задам вам один вопрос, — обратился Бен-Гурион к одиннадцати членам комиссии, сидевшим против него, — кто способен поручиться, что происшедшее с нами в Европе не повторится снова? Может ли человеческая совесть — а мы верим в ее существование — стряхнуть с себя ответственность за Катастрофу еврейства? Есть лишь одна гарантия безопасности — родина и государство".

Бен-Гурион хорошо понимал, что трагедия перемещенных лиц Европы — это наиболее убедительный аргумент для членов комиссии ООН. Поэтому он принял активное участие в подготовке самого потрясающего свидетельства, представленного международной комиссией — истории "Эксодуса". В спокойные времена это было ничем не примечательное речное судно, благополучно перевозившее по Миссисипи до шестисот пассажиров. Агенты Хаганы обили его деревянными и стальными щитами, погрузили на него во французском порту Сет почти пять тысяч уцелевших в Катастрофе евреев и бросили его против блокады британского флота. В открытом море корабль поднял бело-голубой флаг и взял себе новое, символическое имя: "Иециат-Эйропа 1947" ("Эксокус"). Это был демонстративный рейс к берегам Эрец-Исраэль, открытый вызов правительству Великобритании. На всем пути следования "Эксокус" окружали британские патрульные суда, над ним вились британские самолеты и в продолжение всего плавания "Эксодуса" целый мир, затаив дыхание, следил за его судьбой. Еще до того, как "Эксокус" вошел в территориальные воды Палестины, после боя, оставившего на его борту троих убитых, корабль захватили британские суда, препроводившие его в Хайфский порт, где пассажиры были силой сняты с корабля и погружены на три британских судна, отплывшие в обратный путь к берегам Европы. Гибель троих нелегальных иммигрантов и трагедия почти пяти тысяч остальных пассажиров "Эксодуса" не были напрасны;

с мола Яфской пристани за ними наблюдали потрясенные члены комиссии ООН.

Теперь Бен-Гурион был твердо уверен, что час создания еврейского государства пробил.

”Мы стоим на пороге еврейского государства, — произнес он в одной из своих речей, — это еще не то государство, которое открылось пророческому взору Герцля. Мы стоим на пороге государства в его первой стадии. Она не будет последней”.

Считанные недели спустя были опубликованы рекомендации специальной комиссии ООН. Большинство ее членов высказались в поддержку раздела Палестины и создания еврейского государства.

Обсуждение рекомендаций комиссии длилось несколько месяцев, в течение которых посланцы Еврейского Агентства провели еще несколько акций, усиливших напряжение и обеспечивших необходимую поддержку плану создания государства.

29 ноября 1947 года состоялось историческое голосование сессии Генеральной Ассамблеи, проходившей в ”Лейк-Саксес”.

В ту ночь Бен-Гурион лег рано. Он находился в гостинице ”Калия” на побережье Мертвого моря. В полночь его разбудил стук в дверь. Он вышел, увидел пьяных от счастья рабочих, плясавших на берегу. Здесь, среди дикой древней природы, по дороге к Содому и Гоморре, ему сообщили новости: Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций проголосовала за раздел Палестины и создание еврейского государства. За это решение проголосовало более необходимых двух третей участников голосования: 33 делегации — за; 13 — против; 10 воздержались.

На следующий день Бен-Гурион прибыл в Иерусалим. Что творилось в его душе? Ощущал ли он удовлетворение, радость, опьяняющий вкус победы?

”В тот вечер толпы людей плясали на улицах, — рассказывал Старик. — Я не мог плясать. Я знал,

что нам предстоит война и что мы потеряем в ней лучших наших бойцов”.

И война разразилась.

13. ГРОЗНЫЕ ДНИ

26 марта 1947 года Бен-Гурион сидел за рабочим столом в кабинете своего тель-авивского дома на улице Керен Каемет ле-Исраэль вместе с Зеевом Шефером, начальником верховного командования Хаганы. Зеев подробно отчитывался о структуре Хаганы, а Старик прилежно и пунктуально заносил его слова в дневник: округа Хаганы в Эрец, имена командующих округами, наличие боеприпасов, потребности в обучении, ассигнования и расходы до последнего фунта.

Так шестидесятилетний Бен-Гурион начал свой быстро получивший известность "семинар" — курс, с помощью которого он хотел подготовиться к резкому изменению своих функций — превращению из политического лидера в военного министра. Поворот был крутой и внезапный.

Вскоре после завершения работы Сионистского конгресса Бен-Гурион попросил Правление Еврейского Агентства передать в его руки управление Отделом обороны.

Это был весьма претенциозный шаг, который вызвал, естественно, ироническую и пренебрежительную реакцию. Мыслимо ли это? — Пожилой политический деятель почти без всякого военного опыта станет за одну ночь руководителем армии?

Однако те, кто пренебрежительно посмеивались по поводу возможности для шестидесятилетнего старика овладеть военным искусством, недооценили способность Давида Бен-Гуриона к концентрации и его феноменальную целеустремленность. В течение нескольких месяцев он посвятил всего себя изучению военных проблем.

С самого утра, раскрыв перед собой дневник,

водрузив очки на кончик носа, он приступал к перекрестным допросам явившихся по его просьбе посетителей. Один за другим представляли перед ним командиры Хаганы.

Он с поразительной старательностью записывал все приводимые ими подробности, начиная с числа бойцов, находившихся под их командованием и кончая количеством винтовок и патронов, хранившихся на складах их округов. Он хотел знать все и выжимал из людей информацию до тех пор, пока не оставалось ни одной неясной ему детали.

Неоднократно он покидал свой частный "штаб" и отправлялся с инспекционными поездками по стране — посещал различные районы, устанавливал на месте, как обстоит дело с вооружением, какова боеготовность тех или иных подразделений Хаганы. В недолгие часы одиночества он изучал классические труды по военному искусству, уставы или боевые листки Хаганы.

Хагана пользовалась в мире репутацией гигантской секретной организации, всемогущей и превосходно оснащенной. Внутренние отчеты британской разведки еще в 1943 году оценивали число членов Хаганы в восемьдесят — сто тысяч человек. И в Эрец тоже ходили слухи о великой силе Хаганы. Легендой была окружена и Таас — секретная сеть импровизированных заводов, производивших патроны, гранаты, автоматы типа "Стэн" и даже легкие минометы, которые затем хранились на тайных военных складах. Первокласной считалась разведывательная служба Хаганы "Шай", от которой якобы не могло скрыться ничего из происходившего в центрах британской администрации и в арабских странах.

На самом деле большая дистанция разделяла эти легенды и действительное положение вещей. Подразделения Хаганы не насчитывали даже половины приписываемых ей ста тысяч. В общей сложности число членов Хаганы, включая около 9500 юношей и девушек, организованных в отряды "Гадна", до-

стигало в начале мая 1947 года 45 337 человек. Однако даже эта цифра была, по существу, завышенной, ибо только 2200 членов Палмаха были постоянно мобилизованы и тренировались каждый месяц в течение двух недель. Большинство остальных членов Хаганы тренировались лишь изредка и было совершенно неподготовлено к регулярным военным операциям. Палмах никогда не проводил маневров даже на уровне батальона. Наибольшей боевой единицей, отправлявшейся на тренировки или на выполнение боевого задания, была рота.

Положение с оружием было еще более безотрадным. На 12 апреля 1947 года в распоряжении Хаганы имелось 10 073 винтовки разных типов, 1900 автоматов, большинство из которых было низкого качества, 444 легких пулемета, 186 пулеметов среднего калибра, 672 двухдюймовых миномета, 96 трехдюймовых минометов, 93 738 гранат и 4 896 303 патрона. У Хаганы вовсе не было тяжелых минометов, уже не говоря о тяжелом вооружении — танках, пушках, самолетах, военных кораблях.

Как с точки зрения личного состава, так и с точки зрения вооружения, Хагана была абсолютно не подготовлена к войне против регулярных армий. Бен-Гурион вскрыл еще одно слабое место — существовавшие оперативные планы были разработаны, исходя из предположения, что наиболее страшная опасность, угрожающая ишуву — это восстание палестинских арабов. Хагана строилась, исходя из этой опасности. Руководство Хаганы не осознавало более страшной угрозы — возможности нападения на ишув арабских государств.

4 мая 1947 года Бен-Гурион получил подробные отчеты о силе регулярных арабских армий. Факты подтверждали его опасения: армии Египта, Сирии, Ливана, Ирака, Трансиордании и Саудовской Аравии насчитывали в общей сложности от 142 до 153 тысяч человек. Только у одного Египта имелось 177 самолетов. Трансиорданский арабский легион считался

лучшей на Ближнем Востоке армией и насчитывал в своих рядах от пятнадцати до восемнадцати тысяч солдат, вооруженных пятьюдесятью пушками и четырьмястами танками. Согласованное нападение этих сил означало страшную опасность для еврейского ишува.

Такое общее наступление было исходным предположением, с которого начал Бен-Гурион свой "семинар". В соответствии с этим он определил свою цель как создание регулярной еврейской армии, способной остановить наступление регулярных арабских армий. Из этого предположения вытекал кардинальный вопрос — способна ли Хагана собственными силами превратиться в регулярную армию?

По окончании первой фазы своего "семинара" Бен-Гурион пришел к отрицательному выводу.

"Среди руководителей Хаганы, — писал он впоследствии, — лишь немногие обладали военным опытом, лишь у единиц этот опыт был действительно большим и разносторонним; к ним относились люди, служившие в советской армии, а также воевавшие в еврейских батальонах во время первой и второй мировых войн".

Завершив первую фазу "семинара", Бен-Гурион решил обратиться к тому контингенту военных, с которым он до тех пор совсем не беседовал — к ветеранам Бригады и британской армии. В Хаганае он не нашел опытных солдат. Может быть, их удастся найти среди тех, кто служил в настоящей регулярной армии?

Не успел Бен-Гурион двинуться в этом направлении, как тут же наткнулся на "минное поле".

"Я обнаружил в Хаганае две партии, — писал он, — партию собственно Хаганы и армейскую партию, между которыми не было взаимного доверия".

Армейская партия почти не была представлена в командных органах Хаганы. Многие члены Хаганы, остававшиеся во время войны в Эрец, проявляли холодность и даже враждебность по отношению к своим

товарищам, ушедшим в английскую армию. Ветераны Хаганы с пренебрежением относились и к внешней военной выправке, приобретенной бывшими солдатами, и ко всей системе понятий и требований, предъявляемых ими в вопросах тренировки, структуры и снаряжения, соответствующих регулярной армии, в отличие от условий подполья. Бывшие британские военнослужащие отвечали им полной взаимностью. Они принесли с собой знания, систему, подготовку и пытались все это применить дома, а в Хагане их нередко ставили под начало командиров с самым скудным военным образованием и опытом.

В конце мая 1947 года командование Хаганы представило Бен-Гуриону план реорганизации вооруженных сил: "Необходимо создание двух корпусов: 1) оборонительного, состоящего из 15 000 человек в охранных частях и девяти подвижных батальонов (по семьсот человек каждый) — всего 21 300 человек; и 2) наступательного, состоящего из пятнадцати небольших бригад по 2000 человек каждая и ударной группы в составе шести батальонов (4500 человек) — всего 34 500 человек".

Предложение о создании оборонительного корпуса, наступательного корпуса и ударной группы были Стариком приняты, но к другим аспектам этого плана он отнесся критически. Бен-Гурион писал об этом: "Они пришли к выводу, что надо мобилизовать шестьдесят тысяч человек, то есть приблизительно десять процентов тогдашнего ишува... Они предлагали уклоняться от решительного сражения с крупными военными силами и осуществлять кратковременные вылазки против баз врага и в его глубоком тылу с тем, чтобы лишить его преимущества в технических средствах ведения войны — самолетах, танках, пушках — путем уничтожения его складов".

"Недостаток тяжелого вооружения — они предлагали восполнить увеличением легкого снаряжения — винтовок, автоматов, гранат, пулеметов.

Мне представляется необходимым срочно заку-

пить тяжелое вооружение, танки, бронетранспортеры, пушки, тяжелые минометы для сухопутных сил, военные самолеты для организации военно-воздушного флота, торпедные катера и другие суда для военно-морского флота. Я очень удивился тому, что не нашел у многих руководителей Хаганы понимания потребности в тяжелом вооружении, которое позволило бы нам выстоять против регулярных арабских армий”.

Бен-Гурион не удовлетворился этим планом и попросил внести свои предложения также более опытных военных. Старик обратился по отдельности к двум офицерам — ветеранам Бригады с просьбой предоставить ему свои планы создания армии. ”Я был секретно вызван к Бен-Гуриону, — рассказывал Хам Ласков. — Меня спросили, что нужно делать и в каком порядке. Я представил свой план. Мне был задан вопрос, какие нам нужны силы. Я сказал, что нам нужны двенадцать усиленных бригад, нужна авиация, нужны танки, нужна артиллерия и определенное количество винтовок, запасы горючего и боеприпасов”.

И еще одного человека секретно расспрашивал Бен-Гурион об армейских делах — Фрица Эшета. ”Фриц и Ласков представили мне план, который кажется мне в основных чертах приемлемым”, — записал Старик в дневнике 30 мая.

Различие между двумя описанными планами и растущая уверенность в том, что лишь профессиональные военные смогут подготовить Хагану к ее новым функциям, заставили Бен-Гуриона возложить главные свои надежды на членов Бригады.

Бен-Гурион осознавал, что такой шаг вызовет недовольство в командном составе Хаганы, и даже выше, в главных политических органах. Потому он не стал отдавать Хагану под власть бывших военнослужащих британской армии. Он произвел несколько коренных изменений в руководстве Хаганы. Началь-

ник верховного командования Зеев Шефер вынужден был по решению Бен-Гуриона уйти в отставку.

Еще в декабре 1946 года во время сионистского конгресса Бен-Гурион вызвал в Базель Якова Дори и Исраэля Галили. Яков Дори, инженер по специальности, был из ветеранов еврейских батальонов периода первой мировой войны, одним из основателей Хаганы и первым начальником ее генерального штаба. Исраэль Галили, в отличие от него, был одним из центральных деятелей Фракции Бет, превратившейся затем в Тнуа ле-ахдут ха-авода. В глазах Бен-Гуриона это было серьезным недостатком, тем не менее он признал способности Галили, ставившие его на первое место в верховном командовании.

В Базеле Бен-Гурион долго беседовал с Дори и Галили. Весной 1947 года он вызвал их обоих к себе и назначил Галили начальником верховного командования, а Дори — начальником генерального штаба. Летом он вызвал в штаб бывшего начальника оперативного отдела Игаэля Ядина — тридцатилетнего студента, сына известного археолога профессора Сукеника. Этот высокий парень, уже хорошо известный в Хагане, снова стал начальником оперативного отдела генштаба.

Летом 1947 года у Бен-Гуриона росло ощущение, что сионистское движение, ишув и Хагана не отдадут себе отчета в страшной опасности, стоящей у порога, что всем им не хватает бдительности. В те дни достигла небывалого накала борьба отколовшихся организаций против англичан. Взрывы, покушения, казни, обыски сменяли друг друга в дьявольском хороводе. Центры британской администрации в Палестине превратились в укрепленные районы, защищенные проволочными ограждениями, мешками с песком, огневыми позициями. Хагана боролась с Эцелом и Лехи, деятельность нелегальной иммиграции несколько затихла, достигнув апогея своей героической истории в плавании "Эксодуса". Присутствие британской армии ощущалось более чем когда-либо прежде, и

трудно было поверить, что Великобритания уйдет из Палестины.

Бен-Гурион не устал разъяснять, что в недалеком будущем англичане оставят Эрец, что будет создано еврейское государство, что разразится война. Руководителям ишува и Хаганы было очень трудно угнаться за ним. Специалисты из разведывательной службы не верили в то, что арабские армии действительно нападут на ишув. Специальная комиссия ООН еще не закончила свою работу, Генеральная Ассамблея еще не проголосовала за раздел Палестины и еврейское государство еще не показалось на горизонте.

В августе 1947 года на заседании совета Мапай, состоявшемся в Доме Арлозорова в Тель-Авиве, Бен-Гурион обратился к слушателям: "Можем ли мы быть уверенными в том, что наш ишув выживет? Нам придется стать лицом к лицу с арабами, а это означает — не только с арабскими бандами, но и с арабскими армиями. Пусть эти армии не самые лучшие и передовые, но это армии, у них есть армейское снаряжение, и пулеметы, и пушки, и даже — в некоторых странах — самолеты". Но слушатели не слишком вникали в смысл слов Старика.

На закрытом совещании, в котором участвовала часть руководителей Хаганы, Бен-Гурион поднял вопрос о тяжелом вооружении. Руководители Хаганы говорили об оружии, пригодном для отделения и взвода, никто не вспомнил о тяжелом вооружении. Бен-Гурион слушал-слушал и вдруг спросил: "А пушки? А самолеты?"

Сначала воцарилась тишина. Люди переглядывались, одни из всех сил сдерживались, чтоб не рассмеяться, другие перешептывались с соседями: "Он сумасшедший! О чем он говорит? Нам бы побольше винтовок и "Стэнов", а он грезит о пушках и самолетах". А один из командиров Хаганы громко сказал: "Я думаю, что Бен-Гурион помешался". Бен-Гурион продолжал: "Будет война. Арабские страны объединятся и вместе будут воевать с нами. Будет фронт. На этой войне

будут решать уже не отделение или взвод. Надо создать современную армию. Надо подумать о вооружении для современной армии”.

Нехемия Аргов, военный помощник Бен-Гуриона, так рисует в своих воспоминаниях встречу, состоявшуюся у него в один из декабрьских дней 1947 года с Исраэлем Галили. Галили показался Аргову печальным и подавленным. Он рассказывал: ”Я пришел к Бен-Гуриону и стал объяснять ему наши трудности — что есть у нас на складе только шесть ручных пулеметов, и я не знаю, кому дать их в первую очередь. А он вместо того, чтоб дать мне дельный совет, вдруг раскричался, что нам необходимо много пушек, много танков, тысячи ручных пулеметов, тысячи станковых пулеметов, десятки тысяч винтовок. Он просто грезит. Не знаю, куда мы идем. Он созвал совещание генштаба и просил, чтобы генштаб представил ему список необходимого вооружения. Приходи и ты”.

”На следующий день генштаб представил подготовленный им перечень. Бен-Гурион, аккуратно переписывая цифры в тетрадь, заметил, что они вызывают у него недоумение. После того, как сотрудники генштаба объяснили ему, на чем основаны их расчеты потребного количества винтовок, ручных и станковых пулеметов, он спросил: ”А как насчет пушек? Как насчет танков? Насчет самолетов?” Не получив ответа, Бен-Гурион сказал: ”Нам необходимы десятки тысяч винтовок и масса другого вооружения. Нам придется воевать с армиями всех арабских стран. Поймите же это. Цифры, указанные в вашем списке, страшно занижены”. Я несколько раз переглянулся с товарищами, особенно с Исраэлем Галили, и все они кивали, точно говоря: ”Этот человек доведет нас до беды”.

Неожиданно предостережения Бен-Гуриона о надвигающейся настоящей войне приобрели более реальный оттенок — это произошло после того, как комиссия Организации Объединенных Наций

приняла решение рекомендовать раздел Палестины. Из арабских стран стали раздаваться угрозы и бряцание оружия. В середине сентября в ливанском курортном городке Софар состоялась конференция государственного совета Арабской лиги, которая приняла решение воспрепятствовать осуществлению рекомендаций комиссии ООН всеми государственными и военными средствами, имеющимися в распоряжении стран-участниц лиги. Столицы арабских государств наводнили плакаты, газетные статьи, радиопередачи, заявления военных и государственных лидеров, грозившие Израилю войной.

Бен-Гурион ускорил действия, направленные на достижение двух целей: создание регулярной армии и обеспечение ее тяжелым вооружением. Хагана представила ему проект ассигнований на тренировки личного состава и снаряжение армии. Верховное командование запросило удвоенную по сравнению с предыдущим годом сумму — около миллиона фунтов. Бен-Гурион разгневался и вернул проект бюджета назад, "так как эти ассигнования недостаточны, этот бюджет не учитывает потребностей, которые должны возникнуть". Бен-Гурион подготовил свой проект бюджета на сумму, превышающую три миллиона фунтов".

Не теряя ни минуты, он направил деньги агентам, занимавшимся закупкой оружия. Тридцатого сентября Бен-Гурион послал своего помощника Муню Мардора в Европу, снабдив его запиской "ко всем товарищам", где предписывалось оказывать Мардору "все возможную поддержку в осуществлении его миссии, являющейся для нас в настоящий момент и при создавшихся условиях делом первостепенной важности, вопросом жизни и смерти". Через три дня Бен-Гурион решил закупить самолеты и привлечь военных специалистов из-за границы. "Я дал распоряжение приобрести в Америке самолеты и завербовать летчиков так, чтобы по крайней мере некоторые из них прибыли в Эрец немедленно, а остальные были готовы прибыть по первому требованию; а также привлечь бывших

солдат, готовых приехать в Эрец и найти опытного в военном деле и имеющего военное образование специалиста, согласного приехать к нам”. Шестого октября Бен-Гурион вызвал к себе руководителя Тааса Хаима Славина и велел ему немедленно заказать все необходимое сырье. ”Деньги в вашем распоряжении”.

В те сентябрьские дни, когда важнейшие события стремительно наслаивались одно на другое, Бен-Гурион впервые принял стратегическое решение — самое важное из всех, принятых им во время Войны за Независимость. ”Я задал себе вопрос, как составить план обороны страны — в границах всей Эрец или границах проживания большинства (то есть надо ли защищать те территории, на которых имеется еврейское большинство или же еврейское население на всей территории Эрец-Исраэль безотносительно к линии раздела Палестины). Я ответил себе: это зависит от решения ООН. Если решение будет благоприятным, будем защищать весь ишув и установим свою власть лишь на той части территории, которая будет отведена нам резолюцией. Если решение будет неблагоприятным, будем защищать весь ишув, полностью отразим нападение, не будем придерживаться территориальных границ”.

Смысл этого решения был таков: не бросать на произвол судьбы ни одного поселения, не отступить ни из одного пункта, даже если он попадет в границы арабского государства. Из этого вытекают стратегические принципы, которыми необходимо руководствоваться Хагане. Ей придется расплыть свои силы по всей стране и обеспечить коммуникации и связь со всеми поселениями. В словах Бен-Гуриона заключался также явный намек на то, что если решение о разделе не будет удовлетворять сионистское руководство, оно не будет соблюдать его, а попытается расширить границы еврейского государства. Выражение ”не будем придерживаться территориальных границ” говорит само за себя.

7 ноября был издан приказ о структуре Хаганы,

где закладывался фундамент будущей Армии Обороны Израиля – ЦАХАЛа.

В первом пункте этого приказа четко поставлена цель, которую Бен-Гурион имел в виду с самого начала: "Строение сил Хаганы в соответствии с приказом о структуре Хаганы от июня 1945 года было обусловлено опасностью нападения на ишув, главным образом, со стороны палестинских арабов".

"Опасность нападения на страну со стороны армий соседних арабских стран, как это выяснилось в последнее время, требует другой структуры организации. Против регулярных армий необходимо выставить обученную, вооруженную военную силу, построенную по армейскому образцу".

В тот день Бен-Гурион окончил свой "семинар".

Через три недели Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций вынесла решение о создании еврейского государства в Палестине.

Нельзя указать минуту или час начала неофициальной войны. Как только радио разнесло весть о решении ООН, Высший арабский совет объявил трехдневную забастовку. Один за другим происходили все более серьезные инциденты: убийство шести еврейских пассажиров автобуса возле Лода, нападение арабской толпы на торговый центр в Иерусалиме, неудачная попытка арабских банд захватить квартал Ха-Тиква в Тель-Авиве, убийство нескольких членов Хаганы в Негеве.

На окраинах поселений, на цитрусовых плантациях, не говоря уже о больших дорогах и кварталах со смешанным населением, то и дело вспыхивали стычки между евреями и арабами, происходили перестрелки из легкого оружия. В то же время в других местах текла обычная жизнь.

Растущее напряжение не затронуло существенных факторов жизни Эрец. Сбор цитрусовых и их сбыт продолжался до конца сезона; еще в январе 1948 года отобюрозированные подразделения Палмаха продолжали по две недели в месяц работать в киббуцах.

В Эрец еще владычествовала армия Его величества. Члены Эцела и Лехи все еще продолжали наносить удары по англичанам, как будто Великобритания была и останется навек главным врагом.

Арабский лагерь тоже не был организован как следует. По Палестине гуляли разношерстные банды. Они действовали безо всякой связи, иногда между ними существовала открытая вражда, связанная с происками арабских правителей. Главным руководителем палестинских арабов был иерусалимский муфтий, снова появившийся на Ближнем Востоке после того, как провел годы Второй мировой войны в лагере Гитлера. Муфтий Хадж Амин аль-Хуссейни стремился к созданию независимого палестинского государства на всей территории Палестины. Он не был заинтересован во вступлении в Палестину регулярных арабских армий, так как они после окончательной победы отняли бы у него власть. И верно, король Трансиордании Абдалла замышлял присоединить к своему королевству территорию, выделенную арабскому палестинскому государству. Он не желал победы муфтия и не был склонен помогать ему. Втайне он даже вел переговоры с представителями еврейского ишува. Внутри самой Палестины арабы делились на сторонников муфтия и его противников. Банды, проникавшие в Эрец из-за границы, также не были свободны от этих внутренних распрей. Открытая вражда царила между муфтием и Фаузи аль-Каукджи, приведшим в Палестину Армию спасения, которую составляли добровольцы из различных арабских стран. Напротив, главари палестинских банд Хасан Саламе, действовавший в районе Яфо, и Абд эль-Кадир эль-Хуссейни, разбойничавший вокруг Иерусалима, были сторонниками муфтия. Полк "мусульманских братьев", пришедший в Негев из Египта, также поддерживал муфтия.

Во многих случаях британская армия вмешивалась в столкновения между евреями и арабами, проводя явную проарабскую линию: не раз англичане

разоружали бойцов Хаганы и передавали их, безоружных, на растерзание диким арабским толпам. Не раз конфисковывали они скудное вооружение у конвоя еврейских автоколонн. Вооруженные арабы, напротив, действовали и передвигались свободно. Все эти факты, а также отказ Великобритании предоставить в распоряжение евреев порты, в соответствии с постановлением ООН, вызвали в ишуве горький осадок неприязни. Воюя против арабов, Хагана должна была помнить о враждебной позиции британской армии. После тридцати лет мандата Англия завершала свое правление в Эрец столь отвратительно и подло, что сам Уинстон Черчилль восстал против "гнусной войны" Бевина с евреями Палестины.

После решения ООН от ноября 1947 года Бен-Гурион немедленно вызвал к себе Эхуда Авриэля.

Эхуду было в 1947 году тридцать лет. Уроженец Вены, член киббуца Неот-Мордехай, он обратил на себя внимание во время Второй мировой войны и после нее как один из самых одаренных агентов Хаганы и организации Мосад ле-алия бет, занимавшейся нелегальной иммиграцией из Европы.

Связной, посланный Бен-Гурионом за Эхудом, разыскал его на люцерновом поле киббуца, и они спешно направились в Иерусалим, в канцелярию Старика, находившуюся в здании Еврейского Агентства. Бен-Гурион, сидевший за столом в белой рубашке, устремил на своего гостя "долгий и печальный взгляд. Потом он сказал: "Послушай, Эхуд. Вот-вот разразится война, здесь будет страшное кровопролитие. Тебе надо снова выехать в Европу — на короткий срок. На этот раз для закупки оружия".

"Какие будут указания?" — спросил Авриэль.

"Нам необходимо переменить тактику, — сказал Старик. — У нас больше нет времени на то, чтобы прятать четыре винтовки в тракторе и ждать, пока они придут в Хайфу". Он вытащил из кармана рубашки крохотную записочку, сложенную в несколько раз и развернул ее. В записочке были перечислены виды

и количество вооружения, которое Бен-Гурион хотел добыть немедленно: "10 000 винтовок; 2,5 миллиона патронов; 500 автоматов; 100 легких пулеметов". Авриэль вылетел в Женеву, а оттуда в Париж. Во французской столице он, как будто случайно, встретился с представителем правительства Чехословакии, который предложил ему вылететь в Прагу и купить там оружие на правительственных заводах. После переговоров, продолжавшихся несколько недель, Авриэль подписал первый контракт с Чехословакией. Он предусматривал поставку 4500 винтовок, двухсот легких пулеметов и пяти миллионов патронов. Договор был заключен якобы между Чехословакией и Эфиопией, и Авриэль пользовался официальными бланками аддис-абебского правительства, которые уже сослужили ему добрую службу в его предыдущих поездках по делам Хаганы и Мосад ле-алия бет. Согласие Чехословакии продать оружие еврейскому ишуву обуславливалось, вне всякого сомнения, ветрами, дувшими из Москвы. После того, как вследствие февральского "Пражского переворота" 1948 года Чехословакия попала в руки коммунистов, поток оружия увеличился и в него влились также тяжелые пулеметы и самолеты. До конца мая 1948 года Эхуд Авриэль закупил в Праге около 24 500 винтовок, более 5000 легких пулеметов, 200 средних пулеметов, 54 миллиона патронов и 25 самолетов типа "Мессершмидт" германского производства, оставшихся от Второй мировой войны. Однако из-за пристального надзора английских властей большая часть этого оружия прибыла в Эрец лишь некоторое время спустя после провозглашения государства, а до тех пор Хагана вынуждена была сражаться тем жалким оружием, которое находилось в ее распоряжении. Так начал Бен-Гурион битву за приобретение тяжелого вооружения.

Другие его посланцы во всех концах света стали закупать оружие всевозможных типов. Операции по закупке оружия в месяцы лихорадочной деятель-

ности, предшествовавшие провозглашению государства; чудеса сообразительности, проявленные при закупке вооружения и его замаскированном хранении на складах Европы, история нескольких транспортов, прорвавшихся сквозь британский заслон и прибывших в Эрец, чтобы участвовать в решительных боях — все это слилось в поразительный эпос. Во Франции, Италии, Германии, Америке посланцы Бен-Гуриона скупали по заранее намеченному плану оставшееся после войны оружие, испорченные самолеты, устаревшие пушки, танки и бронемашины, давно зачисленные в хлам.

Бен-Гурион из Эрец непрестанно следил за их работой. Он не давал им ни минуты покоя, подчас доходя до жестокости, требовал от них немедленных отчетов о каждой стадии переговоров, о каждой заключенной сделке, о каждой беседе.

”Я крайне удивлен и обеспокоен тем, что от тебя нет никаких известий, — сердился Старик на Эхуда Авриэля. — Невероятно, чтобы в эти дни испытаний мы не осознали всю серьезность положения и не попытались найти выход. Возможно ли организовать транспорт? Сможешь ли ты раздобыть тяжелое вооружение — от него ведь зависит все! — Военные самолеты? ... Есть ли надежда на авиабазу в Италии, во Франции?”

Бен-Гурион требовал от Эхуда Авриэля отчетов дважды в неделю. ”Телеграфируй немедленно. Если ты отсылаешь полный рапорт, телеграфируй ”Я здоров”. Если почему-либо не отсылаешь, телеграфируй ”Попал в больницу!”

Охота за всевозможным вооружением и оборудованием, необходимым в преддверии грядущих испытаний, не давала Старика покоя — и он не давал покоя другим. Он беспрерывно понукал ученых, занимавшихся разработкой огнеметов, дал распоряжение докопаться до секрета ”бронированного стекла”, требовал подробностей об испытаниях взрывчатых веществ и секретного оружия. Он предъявлял огром-

ные требования, и они подчас пугали людей. Беседуя с Пинхасом Сапиром, он потребовал немедленно закупить стальные листы для бронемашин. "Заказать двести тонн стали?" — спросил Сапир. — "Заказать пятьсот тонн", — ответил Бен-Гурион. — "Хагане нужны триста бронемашин", — сказал Сапир. — "По моему мнению, никак не меньше тысячи", — поправил Бен-Гурион.

Однако колоссальные закупки оружия, капиталовложения в Таас, текущие расходы на армию выливались в огромные суммы. Денег не было. Бен-Гурион решил слетать вместе с Элизером Капланом в Соединенные Штаты и попытаться собрать среди тамошних евреев двадцать пять—тридцать миллионов долларов.

Но тут он неожиданно натолкнулся на упорное сопротивление. Поднялась Голда Меир и предложила свою кандидатуру на эту поездку. "Бен-Гурион, то, что вы делаете здесь, я сделать не смогу, — сказала она. — А то, что вы хотите сделать в Америке я, может быть, сделать сумею. Предлагаю, чтобы поехала я".

Бен-Гурион не хотел и слушать об этом. "Ты мне нужна здесь", — сказал он. Голда руководила политическим отделом Еврейского Агентства в Иерусалиме в то время, как Моше Шарет находился в Нью-Йорке и вел борьбу в ООН .

"Если так, поставим вопрос на голосование", — сказала Голда. Провели голосование, и предложение Голды было принято.

На следующий день Голда Меир вылетела в Соединенные Штаты Америки. У нее не было возможности даже съездить в Иерусалим, чтоб прихватить зимнюю одежду. Она не взяла никакой поклажи, а в кошельке у нее было десять долларов.

Через несколько дней после приезда в Америку, Голда появилась на собрании евреев в Чикаго. Она произнесла взволнованную импровизированную речь, потрясшую слушателей своей искренностью и простотой.

Около двух месяцев колесила Голда по Америке, собирая деньги на то, что Бен-Гурион прозвал "железным поясом". Вернувшись, она привезла с собой около пятидесяти миллионов долларов, почти вдвое больше того, что надеялась собрать. "Когда-нибудь в истории запишут, что была такая еврейская женщина, которая добыла деньги, сделавшие возможным создание государства", — сказал ей Бен-Гурион.

В течение зимы на еврейский ишув обрушивались все более тяжкие удары. В середине декабря Арабский легион, стоявший лагерем у Бейт-Набала, напал на еврейскую автоколонну, двигавшуюся в Бен-Шлемен. Было убито четырнадцать сопровождавших транспорт бойцов. Около недели спустя в Шаар-ха-Гай было совершено нападение на автоколонну, с которой Бен-Гурион возвращался из Иерусалима. В конце месяца было зверски убито 39 евреев, работавших на нефтеперерабатывающем заводе в Хайфе. Нападению арабских банд подверглись многие еврейские поселения. Киббуц Иехиам в Галилее, мошав Неватим в Негеве, Кфар-Урия и Кфар-Эцион в Иудейских горах. Кфар-Эцион штурмовало около тысячи арабов под командованием Абд эль-Кадира эль-Хуссейни; их атака была отбита. Командование Хаганы послало на помощь окруженному району подкрепление из Иерусалима — 35 бойцов во главе с Дани Масом. Подразделение случайно обнаружил арабский пастух, который разнес о нем слухи по окрестностям, и к нему устремились сотни арабов, горящих желанием отомстить евреям за свое поражение в Гуш-Эционе. Все воины этого подразделения пали в героическом бою, последний из его бойцов был сражен, когда, истратив все боеприпасы и оставшись один среди трупов своих товарищей, он стал швырять во врагов камни.

14 января в центре Хайфы взорвалась адская машина, в результате взрыва погибло восемь и было ранено сорок человек. Второго февраля возле здания редакции "Палестайн пост" взорвался грузовик, в который была подброшена взрывчатка — здание

газеты было разрушено. Еще через три недели в самом центре Иерусалима на улице Бен-Иехуда взорвались три грузовика, груженные тремя тоннами тринитротолуола. Гигантский взрыв превратил улицу Бен-Иехуда в страшную груды дымящихся развалин. Около пятидесяти человек было убито, многие десятки – ранены.

Бен-Гурион, прибывший в Иерусалим на следующий день после взрыва с укрепленной автоколонной, шедшей по маршруту Наан–Гезер–Баб-эль-Вад, был потрясен: "Такого разорения я не представлял. Улицу не узнать – страх и ужас".

11 марта 1948 года незадолго до десяти часов во двор дома, где находились еврейские национальные учреждения, въехал серо-зеленый автомобиль марки "Форд". Члены Хаганы, отвечавшие за охрану здания, пропустили его без осмотра. Это была хорошо всем известная машина со звездно-полосатым флагом – она принадлежала американскому консульству в Иерусалиме. Шофер оставил машину и сказал, что пойдет "выпить кофе". Через несколько секунд взорвались спрятанные в багажнике "Форда" четыре тонны тринитротолуола. Из-под развалин здания отряд спасателей извлек дюжину трупов.

Это последнее покушение имело символическое значение, и эхо его широко разнеслось среди палестинских арабов и в арабском мире за пределами Эрец. Еврейские национальные учреждения были символом еврейской силы, сердцем сионистского движения. Там размещался Керен ха-Иесод*, там располагались отделения Еврейского Агентства и канцелярия Бен-Гуриона, там находился иерусалимский штаб Хаганы – и вот даже туда дотянулась длинная рука арабского террора. Известие о взрыве вызвало воодушевление и ликование среди арабов в Палестине и за ее пределами.

В то же время в ООН возникли серьезные опасения

* Главный финансовый орган Всемирной сионистской организации и Еврейского Агентства.

в отношении способности ишува выстоять против нападения арабов. Ведь террористические акты в Иерусалиме не были исключительным явлением. По воле судьбы они произошли одновременно с самыми тяжелыми поражениями из всех, которые когда-либо знал ишув: кровопролитными и безуспешными схватками на дорогах, в которых Хагана несла в те страшные мартовские дни огромные потери.

В первые месяцы 1948 года арабы поняли, что тактика нападений на еврейские поселения не принесет им успеха. Они набрасывались на еврейские кварталы и уединенные еврейские поселения и убивали мирных жителей, но во всех случаях их нападения бывали отбиты и они едва успевали унести ноги. На севере участились вылазки Армии спасения. В начале марта перешел границу Фаузи эль-Каук-джи и самолично встал во главе войска, насчитывавшего тысячи добровольцев. Но и этой, так называемой "Армии спасения", не удалось одержать ни одной победы. Арабы потерпели поражения в атаках на еврейские поселения, зато им удалось обнаружить большое место еврейского ишува: транспортные пути. В течение января и февраля удары арабских банд по автоколоннам, следовавшим из центра Эрец в Иерусалим, в Негев и Галилею, становились все более опасными; в марте битва на дорогах превратилась в решительный поединок между арабами и евреями.

Евреи никак не могли решить, какой тактики следует придерживаться в этой войне. Сначала организовывали "вооруженный" конвой автоколонн — причем большинство охранников было оснащено пистолетом или "Стэном", которые приходилось прятать под женской одеждой, чтобы укрыть их от пристального контроля британской армии. Но с тех пор, как на дорогах стали хозяйничать более серьезно вооруженные банды, устраивавшие засады еврейским автоколоннам, "Стэн" утратил почти всякий смысл. Евреи пробовали разные комбинации — пользовались объездными путями и проселочными дорогами, ездили в непривыч-

ное время, обивали автомашины стальными листами, пытались прорывать заслоны специальными броневидами. Но совершенствовалась и тактика арабов. Они стали применять электрические мины, устраивать засады, стали захватывать целые районы, пересеченные коммуникациями, и концентрироваться вдоль дорог.

Первого апреля 1948 года Игаэль Ядин, начальник оперативного отдела генштаба, представил Бен-Гуриону скорбный отчет: "Все этапы войны до сих пор были навязаны нам противником, и нам пока не удалось повлиять на ее стратегический и оперативный ход. Единственный выход — перехватить инициативу операций в свои руки, стремясь к достижению военной победы над противником".

Беспощадные критические замечания пришлось выслушать Бен-Гуриону также из уст другого военного специалиста — Монти Грина, бывшего полковником британской армии. "Неизвестно, куда направляется мобилизованный боец, что случилось с ним после выполнения задания, заболел он или ранен... В Эрец нет высших офицеров. Нам необходимы бригадиры и генералы".

Еще в самом начале своего "семинара" Бен-Гурион предписал своим помощникам найти за границей высших офицеров, готовых приехать в Эрец обучать еврейскую армию и руководить ею. Его мечта осуществилась, когда из Соединенных Штатов вернулся Шломо Шамир (Рабинович), а вместе с ним прибыл военный специалист — полковник Давид Маркус.

Маркус был невысокий, плотный, улыбчивый человек. Получив образование в военной академии, он ушел из армии и сделал блестящую карьеру, достигнув положения судьи и советника штата Нью-Йорк. Когда вспыхнула Вторая мировая война, он вернулся в армию, но не сумел приобрести никакого боевого опыта; зато большую часть своей армейской службы он занимался вопросами подготовки кадров и высшего планирования. В качестве профессионального юриста он принимал участие в Нюрнбергском судебном про-

цессе над нацистскими преступниками; затем демобилизовался и вернулся в США. Там его и нашел Шломо Шамир и доставил в начале февраля в Эрец. Вступив в Хагану, Маркус взял себе вымышленное имя — Микки Стоун. Через месяц после прибытия в Эрец, он явился к Бен-Гуриону с отчетом о положении в Хагане. "Он нашел меньше, чем ожидал, больше, чем надеялся, — записал Старик. — В нашей армии есть отдельные части тела — руки, ноги, глаза, голова — но нет целостного организма. Нет ни одного целого батальона, который можно было бы задействовать, послать в бой. Нет ни одного командира, умеющего повести в бой батальон, нет даже такого, который умел бы командовать ротой. Короче говоря: есть у нас командиры отделений, есть командиры взводов, но нет командиров рот и командиров батальонов".

"Наши люди великолепны в пассивной обороне, — записал Старик со слов Маркуса, — и это дело они знают хорошо. Палмах располагает прекрасным, смелым человеческим материалом, но командиры умеют руководить только отделениями и взводами. Он обнаружил трения между ветеранами Бригады и членами Хаганы. Бойцы Бригады хотят порядка, устойчивых форм, внешних признаков армии, должного распорядка в снабжении. Люди Хаганы главным считают бой, смелость. Эффективность армии зависит не только от дисциплины, но и от организации. Он предпочел бы людей из Хаганы, но их командиры нуждаются в обучении".

Анализ Маркуса произвел благоприятное впечатление на Бен-Гуриона, и Игаэль Ядин вместе с Маркусом немедленно приступили к разработке плана тренировки личного состава в условиях, приближенных к боевым. По прошествии месяца Маркус подал докладную записку, в которой был сделан упор на создание настоящей армии. Старик не скрыл от Маркуса своего удовлетворения его работой. "Специалист, приехавший со Шломо — наша большая удача, —

писал он Моше Шарету и Голде Меир, находившимся в Америке. — Он завершил ознакомительную поездку по Эрец и представил свои выводы, сделанные на основе исключительно точного понимания обстановки — такой, как она есть, со всеми светлыми и теневыми сторонами (а теневых сторон немало и преодолеть их будет нелегко). Если сумеете прислать еще по крайней мере десяток подобных специалистов — и немедленно — это будет гигантское дело”.

Баб эль-Вад — извилистое узкое ущелье между отвесными, густо поросшими сосновым лесом склонами, стало символом смертельных засад, которые устраивали арабы еврейским автоколоннам, следовавшим в Иерусалим. Даже если удавалось еврейским транспортам проскользнуть между арабскими деревнями — они все равно в конце концов должны были ползти по узкому мрачному ущелью Баб эль-Вад, ползти до отчаяния медленно, в трагической незащитности перед толпами арабов, обстреливавшими их с горных склонов. Каждая автоколонна платила кровавую дань, оставляя на обочинах дороги обгоревшие остовы грузовиков и бронемашин и теряя часть своих защитников в жестоких боях. Автоколонны прорывались и шли дальше, но цена за проход через ущелье Баб эль-Вад росла день ото дня; само существование Иерусалима, казалось, висело на волоске.

Так было не только на подступах к Иерусалиму. Во всех концах страны арабские банды наконец нащупали ахиллесову пяту ишува.

Эта дорожная война стала для евреев цепью непрерывных поражений. 17 марта: одиннадцать убитых в автоколонне, вернувшейся из Хартува. 24 марта: четырнадцать убитых в колонне, направлявшейся в Атарот. 26 марта: отрезаны пути для прохода транспортов в Негев. 27 марта: трагедия у Неби-Даниэль. Колонна, состоявшая из 37 грузовиков и 14 броневиков прикрытия, добравшаяся в Иерусалим из Тель-Авива, сумела молниеносным броском пробиться в

осажденные поселения блока Гуш Эцион и доставить туда запасы продовольствия и 136 бойцов полевых частей из Иерусалима. Однако на обратном пути большая часть автомашин застряла в ущелье, которое было в нескольких местах перегорожено баррикадами возле холма Неби-Даниэль. На исходе многочасового кровопролитного боя с арабскими бандами и феллахами окрестных деревень, Хагана вынуждена была, смирившись, просить помощи у англичан. Англичане выручили бойцов автоколонны, но разоружили их. На месте боя остались тела пятнадцати еврейских бойцов, а все транспортные средства, включая бронемшины, попали в руки арабов. Так было потеряно большинство броневиков, прикрывавших до тех пор автоколонны на линии Тель-Авив—Иерусалим. 28 марта: колонна с продовольствием и боеприпасами, вышедшая в направлении киббуца Иехиам, попала в засаду, устроенную арабскими бандами. 46 бойцов автоколонны погибли в бою, а автоколонна была разграблена. 31 марта: колонна, отправленная из Хулды в Иерусалим, в составе тридцати грузовиков и семи бронемашин, была обстреляна в ущелье Баб эль-Вад и вернулась назад, понеся тяжелые потери. 24 человека — водители и бойцы прикрытия — пали в бою. В течение недели в Эрец погибло более ста еврейских бойцов. Иерусалим, Негев, блок Гуш Эцион, часть Галилеи были блокированы.

И в эту минуту на ишув обрушился еще один удар — удар с неожиданной стороны.

Тринадцатого февраля Бен-Гурион получил тревожный отчет от Моше Шарета: "В Америке появилась тенденция переиграть все дело".

Государственный секретарь Джордж Маршалл заявил, что решение о разделе было "промахом". Шарет продолжал: "Маршалл разочарован в силах Хаганы. Он полагал, что мы нанесем арабам такой удар, который их надолго устроит". Гневный отказ арабов принять план раздела, страшные бои, разыгравшиеся

в Эрец, неспособность ООН навязать свое решение военными средствами — все это усилило колебания рулевых американской политики. Нефтяные монополии, военное министерство, чиновники государственного секретариата, влиятельные британские круги также оказывали сильное давление на Соединенные Штаты Америки, пытаясь заставить их отказаться от поддержки раздела, отрезать Негев от территории еврейского государства.

В феврале произошел "Пражский переворот", вследствие чего Чехословакия окончательно присоединилась к советскому лагерю. Это событие потрясло руководителей США и усилило их опасения, вызванные советским проникновением в чувствительные точки планеты, находящиеся под влиянием Запада. Паника, охватившая американские правящие круги, не замедлила наложить свой отпечаток на ближневосточную политику Вашингтона: необходимо отменить решение о разделе Палестины с тем, чтобы предотвратить проникновение туда Советов. Американское правительство стало неловко искать пути отступления от плана раздела; поражения евреев в феврале и марте, успехи арабов, небывалый разгул террора и перерезка коммуникаций в Палестине привели к тому, что у сторонников раздела тоже опустили руки. В Соединенных Штатах Америки и даже в Эрец стали раздаваться озабоченные голоса: не было ли решение о разделе чересчур поспешным?

19 марта представитель США в Организации Объединенных Наций Уоррен Остин произнес неожиданную речь. Он предложил установление в Палестине "временного доверительного режима" под эгидой ООН с тем, чтобы сохранить мир и дать евреям и арабам дополнительную возможность прийти к соглашению. Истинный смысл этого предложения состоял в отмене решения о разделе; еврейское государство, еще не родившись, было обречено на смерть.

Бен-Гурион реагировал взрывом негодования, и тут же составил резкое заявление для прессы.

”Американское заявление наносит большой урон престижу ООН, нежели нам”, — утверждал Бен-Гурион. Он называл изменение позиции США ”капитуляцией перед террором арабских банд, вооруженных британским министерством иностранных дел и переправленных в Эрец под его покровительством”.

”Создание еврейского государства зависело, в сущности, не от резолюции ООН от 29 ноября, хотя эта резолюция и имела огромное политическое и моральное значение — но от нашего окончательного решения. Нашими собственными силами мы создадим государство и теперь”.

”Мы не согласны ни на какой доверительный режим, ни временный, ни постоянный, даже на самый короткий срок. Мы не допустим более у себя никакого иностранного владычества — и будь что будет”. Слова эти были ясны и тверды, как клинок кинжала.

Но по-настоящему Бен-Гурион ответил Америке и миру, как всегда, делом.

Первым его поступком — в государственной сфере — было создание временного правительства из тринадцати членов, получившего название ”Народное правление”.

Это был политический ответ ишува на предложение о ”доверительном режиме”. Следствием его был ответ военный. Назрела необходимость взять военную инициативу в свои руки и положить конец цепи поражений.

Некоторое время казалось, что Бен-Гурион опоздал. Именно неделя, последовавшая за отступничеством Америки, была самой ужасной за всю историю войны. В разных кругах ишува и его руководства появились признаки растерянности и разброда.

”Это самый жуткий день с тех пор, как началась война, — писал Бен-Гурион Шарету 28 марта. — Колонна из Гуш Эциона все еще бьется в засаде, истекая

кровью под диким натиском арабов — а британская армия, вышедшая сегодня им навстречу, продолжает свою дьявольскую игру”.

Назавтра в ущелье Баб эль-Вад была разбита колонна из Хулды. Понеся тяжелые потери, она вернулась назад. Бен-Гурион решил, что настал момент дать бой арабским бандам.

Тем вечером в доме Бен-Гуриона собрались руководители Хаганы. Бен-Гурион внезапно спросил: ”Ну, что слышно об Иерусалиме?” Ядин доложил о концентрации группы в пятьсот человек, что по понятиям тех дней было колоссальной силой, самой крупной из всех, когда-либо пущенных в ход Хаганой. Но Бен-Гуриона это не удовлетворило. ”В настоящий момент у нас есть один животрепещущий вопрос, — сказал он. — Это борьба за транспорты в Иерусалим. И резервы живой силы, которые готовит Игаэль, недостаточны. Ведь именно теперь решается судьба войны. Падение еврейского Иерусалима может стать смертельным ударом для ишува”.

Бен-Гурион назвал поистине фантастическую цифру — две тысячи человек с двумя тысячами винтовок. По словам Иосефа Исраэли, присутствовавшего на этом совещании, Бен-Гурион буквально навязал свое мнение собравшимся. ”Сейчас, пожалуй, в первый раз я пользуюсь своим правом приказывать: через два дня к утру вы должны сконцентрировать в исходной точке две тысячи бойцов”.

Операции было присвоено название ”Нахшон” — по имени человека, который, согласно легенде, первым перешел Красное море в момент исхода евреев из Египта.

Главный из возникших вопросов состоял в том, кто будет проводить операцию ”Нахшон”. В распоряжении генерального штаба не было никаких свободных сил. Большая часть бойцов и вооружения была расплывлена по разным пунктам на всей территории страны. Бен-Гурион принял решение снять часть бойцов и вооружение с разных фронтов и поселений и со-

средоточить их в ударную группу для осуществления задуманной операции. Это было смелое, отчаянно рискованное решение. Можно ли было оголять целые фронты и подвергать их смертельной опасности, столь существенно сокращая их силы, когда каждую минуту им грозило нападение врага? Командующие округами и командиры бригад были ошеломлены, но выполнили приказ. К утру намеченные силы начали концентрироваться в исходной точке операции — Хулде. Каждую секунду возникали новые сложности. Были собраны силы в масштабе целой бригады, но никто не знал, как командовать бригадой, и было решено, что войска будут сражаться отдельными батальонами, подчиненными непосредственно штабу всей ударной группы. Возникли сложности со снабжением: до сих пор подразделения Хаганы действовали при поддержке поселений, служивших им базой для отхода и подвоза боеприпасов. Теперь впервые потребовалось организовать независимую систему снабжения для войск.

Иосеф Исраэли конфисковал оружие со складов поселений. Леви Эшкол установил свой пост в вади Мусрара у моста, ведущего в Тель-Авив, и начал останавливать грузовики, прибывавшие в город, выгружать из них грузы, не являвшиеся жизненно важными и грузить на них самое необходимое для осажденных иерусалимцев. Из этих грузовиков он составил первую автоколонну, которая в ходе операции "Нахшон" прорвется в Иерусалим.

В ту ночь случилось нечто вроде чуда — в Эрец прибыл первый самолет с легким вооружением из Чехословакии. Это был четырехмоторный "Констеллейшн". Он приземлился на аэродроме Бейт-Дарас и из него были выгружены двести винтовок и сорок пулеметов, которые в ту же ночь раздали бойцам. Через день произошло второе "чудо". Судно "Нора", доставившее из Югославии 4500 винтовок, 200 пулеметов и пять миллионов патронов, прорвало британскую блокаду и встало на якорь в порту Тель-Авива.

Его бесценный груз был спрятан под многотонным слоем сухого лука. Разгрузка судна была завершена за двое суток, и часть вооружения успела поступить в некоторые из подразделений, действовавших в операции "Нахшон".

Участники "Нахшона" спасли Иерусалим. Несколько групп смелыми бросками захватили командные высоты, господствовавшие над Баб эль-Вад. Другие подразделения проникли в здание, где располагался командный пункт Хасана Саламе, и взорвали его вместе с находившимися там главарями бандитов. Было убито около тридцати членов банды Саламе. Подразделение Палмаха захватило гору Кастель, господствующую над шоссе, ведущим в Иерусалим. Случай, произошедший во время боя, неожиданно стал одним из главных достижений операции "Нахшон": восьмого апреля в четыре часа утра бойцы Хаганы убили на подступах к Каstellю троих вооруженных арабов. Один из них, одетый в европейский костюм и вооруженный револьвером и автоматом, был затем опознан и оказался не кем иным, как Абд эль-Кадиром эль-Хуссейни — командующим всеми бандами, действовавшими в районе Иерусалима! Его смерть ошеломила палестинских арабов и повергла их в замешательство и уныние. Его исторические похороны в Иерусалиме ознаменовали начало перелома в войне — моральный дух арабов дал первую трещину.

Но главным достижением "Нахшона" был прорыв дороги на Иерусалим. Бойцы Хаганы очистили шоссе и господствовавшие над ним территории. Еще ночью пятого апреля первая автоколонна пробилась в Иерусалим. Через пять дней пришла вторая колонна. Тринадцатого апреля в Иерусалим прибыла колонна из 235 грузовиков. Двадцатого апреля Бен-Гурион вместе с несколькими членами Народного правления также приехал в Иерусалим.

С военной точки зрения конечные результаты операции "Нахшон" были весьма ограничены. Путь на Иерусалим открылся лишь на короткий срок, а затем

был снова перекрыт. Однако за те считанные дни, что шоссе было свободно, в Иерусалим успели доставить оружие, продукты питания и подкрепление, позволившее городу держаться долгое время. Результаты операции в других плоскостях были, напротив, настолько важны, что ее даже называли "революцией", "переломным моментом", "важнейшей операцией" Войны за Независимость.

Операция "Нахшон" возвестила о появлении военной мысли и стратегических решений в действиях Хаганы.

"Нахшон" имел также колоссальное политическое значение. Операция доказала, что распространившиеся в мире слухи о разгроме военных сил Хаганы были сильно преувеличенными. Оказалось, что евреям под силу нанести ответный удар, взять инициативу в свои руки и даже победить. "Нахшон" был военным ответом еврейского ишува, руководимого Бен-Гурионом, на американское предложение о "доверительном режиме".

И, наконец, "Нахшон" имел далеко идущие последствия для самого Бен-Гуриона. Это было первое в ходе войны стратегическое решение, принятое им лично. Решение блестящее и с военной, и с политической точек зрения.

Со времени "Нахшона" Бен-Гурион стал настоящим военачальником. Операция с сомнительным исходом открыла новую страницу в истории войны.

Операция "Нахшон" ознаменовала собой начало второй фазы необъявленной войны. Эта фаза, продолжавшаяся до провозглашения независимости, проходила под знаком перехода военной инициативы в руки евреев. В Негеве защитники Кфар-Даром отразили натиск явившихся из Египта "мусульманских братьев". В Галилее был нанесен удар Армии спасения Каукджи, пытавшейся захватить Мишмар ха-Эмек. В последовавшие несколько недель Хагана добилась ряда успехов в Галилее, освободила Тверию,

а затем в Хайфу. В общем балансе поражений и побед чаша весов стала явно склоняться на сторону евреев. Отдельные победы, которые там и сям одерживали арабские части, не могли ослабить ощущения краха и растерянности, распространившегося среди палестинских арабов. Наиболее ярким примером того, насколько был сломлен дух арабов, стало их бегство из Хайфы, где они составляли большинство. Десятки тысяч арабов бежали из города; всего несколько тысяч их осталось в нем после того, как он перешел в руки Хаганы. "Жуткий и фантастический район, — записал Бен-Гурион, объехав брошенные арабские кварталы. — Мертвый город, город-труп. Как десятки тысяч людей оставили в панике — для которой не было сколько-нибудь серьезной причины — свой город, свои дома, свое добро? Что вызвало это паническое бегство? Неужели только приказ сверху?.. Воистину ли страх?"

Теоретически главной причиной бегства действительно был "приказ сверху". Массы арабского населения Хайфы обратились в бегство после того, как высший арабский совет запретил руководителям хайфских арабов подписывать с Хаганой соглашение о капитуляции. Но у панического бегства арабов из Хайфы, Тверии и других районов была и другая причина — Дир-Ясин.

Так называлась маленькая арабская деревушка на подступах к Иерусалиму. Второго апреля, в разгар операции "Нахшон", ее штурмовали бойцы Эцела и Лехи. На место был доставлен автофургон, снабженный громкоговорителем, из которого передавались по-арабски предостережения жителям деревни. Может быть, часть арабов услышала эти предостережения, а может быть и нет. Во всяком случае, они не спаслись бегством и между ними и нападающими завязалась перестрелка. Она продолжалась много часов, и победа далась евреям нелегко. С их стороны было четверо убитых и около сорока раненых. Во время боя, а в основном после его завершения, большинство жи-

телей деревни были убиты в своих домах или возле них. Немногих, в основном женщин и девушек — переправили на грузовиках в Иерусалим, в Старый город через ворота Мандельбаум. Судя по всему, бойцы Эцела и Лехи не намеревались устраивать массовой резни, но горячка боя, упорное сопротивление врагов, ярость, вызванная гибелью товарищей, и ненависть к арабам породили волну массовой истерии, результатом которой было около 245 убитых, в том числе старики, женщины и дети.

Эхо выстрелов в Дир-Ясине бурей разнеслось по всей стране. Описания этого страшного события, расписанные всеми ужасами, которые только способно измыслить восточное воображение, транслировались арабскими радиостанциями, печатались в газетах, изображались на плакатах, передавались из уст в уста. Они вызывали у арабов дрожь ужаса. Еще до Дир-Ясина то тут, то там начиналось бегство жителей из арабских деревень. После резни в Дир-Ясине это бегство стало паническим.

В национальных учреждениях ишува это событие произвело настоящее потрясение. Пресс-секретарь Хаганы и правления Еврейского Агентства, а также главный раввинат гневно осудили убийство мирных жителей.

С согласия — а говорят, и по инициативе — Бен-Гуриона Еврейское Агентство направило телеграмму королю Абдалле, где выразалось глубокое потрясение случившимся.

У этой телеграммы были также и неофициальные причины. В те дни между королем Абдаллой и ответственными представителями руководства ишува происходили секретные контакты с целью раздела Палестины: Абдалла присоединит к своему королевству территории, отведенные палестинскому арабскому государству, и евреи не будут этому препятствовать; за это он обязуется не начинать войны против еврейского государства. Бен-Гурион опасался, что события в Дир-Ясине могут накалить страсти в арабском мире

и усилить позиции тех, кто оказывал на Абдаллу давление, вынуждая его двинуть прославленный Арабский легион в бой против Израиля.

Сомнительно, чтобы телеграмма Абдалле скольконибудь охладила накалившуюся обстановку. Через несколько дней после резни в Дир-Ясине арабы отомстили евреям кровавой засадой, в которую попала автоколонна, следовавшая обычным путем в больницу "Хадасса", расположенную на горе Скопус. Более семидесяти евреев, среди которых были известные врачи, медсестры, работники университета, погибли от рук арабов, многие заживо сгорели внутри автомашин. Среди них был и молодой студент, жених Раананы Бен-Гурион.

Принявшись за всеобъемлющую реорганизацию системы обороны, Бен-Гурион наткнулся на минное поле, таившее ни с чем не сравнимые опасности. Чтобы создать регулярную армию, недостаточно было изменить стратегию и оперативное строение Хаганы. Главное препятствие на пути всех усилий Бен-Гуриона по изменению существовавшего в Хагане порядка было следствием собственных партийных и политических взглядов Старика. С начала Второй мировой войны в командовании Хаганы крепло влияние Фракции Бет . Фракция Бет откололась от Мапай, превратилась в Тнуа ле-ахдут ха-авода и в январе 1948 года объединилась с Ха-шомер ха-цаир, образовав Мифлет ха-поалим ха-меухедет ("объединенную рабочую партию"), — сокращенно Мапам. Мапам была левой партией с ярко выраженными просоветскими тенденциями; она была решительным противником Мапай по основополагающим политическим вопросам. Создалась странная ситуация, когда партия меньшинства господствовала над основной военной организацией. Это вызывало опасения, что просоветские взгляды Мапам могут повлиять на поведение ее членов, занимающих ответственные посты в Хагане, в случае, если в руководстве ишува вспыхнут разногласия по поводу политики, которую следует проводить по от-

ношению к Советскому Союзу. Были и такие, которые опасались столкновения с Мапам по другим вопросам национальной политики. Но даже если эти опасности являлись лишь плодом воображения, было ясно, что в регулярной армии не место политическим счетам. Силы Мапам были сконцентрированы в трех главных центрах: большинство высших командиров Хаганы было членами Мапам; начальник верховного командования Хаганы Исраэль Галили считался одним из руководителей Мапам; главным участком Мапам в рядах Хаганы был Палмах.

Палмах был единственной отмобилизованной частью в Хагане. Он был создан в черные дни Второй мировой войны, когда корпус Роммеля двигался на восток по Аравийской пустыне. Сначала британские власти дали Палмаху "добро" — ведь в час опасности не выбирают. Но когда угроза вторжения германских войск в Палестину миновала, Великобритания лишила Палмах своего непрочного покровительства и он был вынужден уйти в подполье. В Палмах вступала лучшая часть молодежи, члены киббуцов, уроженцы мошавов, идеалисты из городской молодежи, примыкавшие к рабочему лагерю. С течением времени отряды Палмаха выросли в бригаду, насчитывавшую 2200 бойцов.

В 1944 году Ицхак Табенкин и возглавляемая им Фракция Бет окончательно оставили Мапай. Он увел с собой и Палмах. Главная сила Хаганы, резерв ее лучших бойцов и командиров превратилась вдруг в удельное владение незначительной фракции. Именно так — как свою собственную "классовую рабочую армию" — рассматривали Палмах руководители Мапам.

Почти все члены штаба Палмаха и большинство высших командиров Хаганы были членами или сторонниками Мапам. Таким образом, Палмах получил совершенно не устраивавший Бен-Гуриона политический отенок.

На отношение Бен-Гуриона к Палмаху в 1948 году влияла политическая борьба, которую он вел с Мапам.

Кроме того, существование Палмаха противоречило его понятиям о регулярной армии. Палмах подчинялся своему собственному генеральному штабу, имел особый бюджет на свои собственные нужды. Бен-Гурион не мог с этим примириться. Ему с самого начала было ясно, что рано или поздно придется ликвидировать организационную обособленность Палмаха. Но как трезвый политик Старик понимал, что немедленно провести такое мероприятие невозможно. Палмах был самым острием штыка Хаганы. Любая преждевременная попытка разрушения его независимой структуры грозила парализовать главную ударную силу ишува. Необходимо было выждать до благоприятного момента.

Предпочитая отложить роспуск Палмаха, Бен-Гурион решил, однако, упразднить должность начальника верховного командования. Тогдашний начальник верховного командования Исраэль Галили был, как уже говорилось, членом Мапам, но не в этом состояла главная причина, заставившая Старика положить конец его деятельности на этом посту. Бен-Гурион руководствовался, главным образом, соображениями государственного порядка: с созданием государственной системы обороны — регулярной армии, подчиненной гражданскому органу — министерству обороны — уже не оставалось места для промежуточного звена, вклинивавшегося между генеральным штабом и министром обороны.

Задуманный Бен-Гурионом шаг был очень логичен, не было никакой надобности в том, чтобы в будущем государстве между министром обороны и генеральным штабом, руководимым начальником генштаба, стояло еще одно дополнительное звено — верховное командование с начальником верховного командования во главе.

Похоже однако, что Бен-Гурион не сумел правильно оценить, до какой степени сильной была позиция Галили, насколько велик был его престиж среди высших командиров Хаганы. Исраэль Галили был еще

молодой человек — ему было тридцать восемь лет — быстро прошагавший все ступеньки в должностной лестнице Хаганы.

Яков Дори, занимавший в то время пост начальника генерального штаба, был серьезно болен и зачастую не мог выполнять своих обязанностей. Руководители Хаганы привыкли во всех случаях обращаться к Галили и видели в нем главный авторитет в вопросах обороны. Галили был известен как человек умный и вдумчивый. Он пользовался любовью и популярностью среди бойцов. Его внезапное удаление должно было вызвать бурю в политических и военных кругах, хотя сомнительно, чтобы Бен-Гурион заранее предвидел ее масштабы.

26 апреля 1948 года Бен-Гурион сообщил Галили о своем решении упразднить должность начальника верховного командования. Галили не согласился, и у них состоялось несколько бесед, в ходе которых оба пытались найти выход из кризиса. В некоторых из этих бесед участвовали также руководители Мапай и Мапам. Галили решительно настаивал на том, что ему необходимо быть промежуточным звеном между министром обороны (Бен-Гурионом) и генеральным штабом. Но и Бен-Гурион твердо стоял на своем.

3 мая конфликт разгорелся в полную силу. Бен-Гурион направил начальнику генерального штаба четкое официальное письмо, которое должно было положить конец спору, покончить с ним росчерком пера.

Старик писал: "В связи с новым распоряжением в руководстве делами ишува и обороны ответственному представителю правления Еврейского Агентства нет более места в верховном командовании Хаганы в качестве его начальника, и настоящим упраздняется должность начальника верховного командования и аннулируется назначение на эту должность Исраэля Галили.

Генеральному штабу вооруженных сил надлежит от-

ныне и впредь выполнять только распоряжения начальника отдела обороны или его представителя”.

Галили прочел письмо Бен-Гуриона на совещании генерального штаба, начавшемся в 9.30 утра. Он письменно сообщил об этом Бен-Гуриону. ”Я известил начальников отделов о том, что с 12.00 сего дня и впредь я прекращаю исполнять свои обязанности и им следует обращаться к вам по всем вопросам, в которых у них возникнет необходимость, а также за распоряжениями от верховного командования”.

Предпринятый Бен-Гурионом шаг вызвал настоящее потрясение в генеральном штабе. На совещании генштаба страсти разгорелись вовсю, и некоторые начальники отделов стали угрожать немедленной коллективной отставкой.

Через короткий срок к Бен-Гуриону явилась делегация начальников отделов: Игаэль Ядин, Моше Цадок и заместитель начальника генштаба Цви Эйлон. Члены делегации потребовали от Бен-Гуриона оставить Галили на посту, поскольку он, в сущности, исполняет обязанности начальника генштаба. Бен-Гурион попросил Игаэля Ядина исполнять обязанности начальника генерального штаба до выздоровления Дори. Ядин отказался. Цви Эйлон также отказался. В конце концов, с огромным трудом было достигнуто невразумительное соглашение — Цви Эйлон согласился несколько дней служить ”адресатом распоряжений”, не принимая никакого официального назначения. Напряженность еще более возросла после полудня, когда Галили передал Бен-Гуриону записку: ”Я обдумал ваше предложение, сделанное утром, и в предложенных мне рамках я не вижу для себя никакой должности и никакого смысла принимать участия в деле”.

На совещании, состоявшемся в тот же день, Бен-Гурион также столкнулся с мощной оппозицией. Члены Мапам, участвовавшие в Народном правлении, яростно обрушились на него. Печатный орган Мапам, газета ”Ал ха-мишмар” (”На страже”), по-

местила серию крайне резких статей, направленных против Бен-Гуриона, обвиняя его в "стремлении оттеснить халуцианские силы от участия в боях". Газета предсказывала, что результатом действий Бен-Гуриона будет "личная диктатура".

Пятого мая вновь начались споры в генеральном штабе. К Бен-Гуриону снова была послана делегация: Ядин, Эйлон, Бен-Хур, Авидар, Цадок. Они снова потребовали возвращения Галили. Элияху Бен-Хур угрожал, что уйдет в отставку. Бен-Гурион ответил ему: "Это твое право, и на твое место будет назначен другой".

Шестого мая Галили направил пространное письмо членам правления Еврейского Агентства и председателю национального комитета. Он подробно излагал историю своего отстранения от командования и упразднения поста начальника верховного командования.

"Все члены правления, я уверен, знают о том, что начальник генштаба еще не выздоровел после операции и генштаб функционирует без начальника. Уже несколько месяцев я, в силу своих полномочий начальника верховного командования, исполняю обязанности начальника генерального штаба.

Считаете ли вы правильным и ответственным поступком отстранение начальника верховного командования от его обязанностей, с извещением его об этом за три часа до опубликования приказа; как смотрите вы на то, что вследствие такого решения Хагана и генеральный штаб остаются без начальника верховного командования и без начальника генштаба — то есть без руководства?

Прошу вас немедленно добиться того, чтобы Хагане было обеспечено руководство".

Действительно, Хагана осталась без руководства.

В тот же день шестого мая около полудня руководители Хаганы взбунтовались и предъявили Бен-Гуриону ультиматум. В 12.15 ему было передано письмо крайне резкого содержания:

”Военное положение вызывает в настоящий момент потребность в том, чтобы во главе организации стоял авторитетный командир. Ввиду упразднения поста начальника верховного командования и болезни начальника генштаба организация осталась без сведущего командира, имеющего полномочия командовать бригадами и управлять генштабом. Это положение за три последних дня уже успело сказаться на ходе войны, причинив серьезный ущерб.

Начальники отделов генерального штаба считают ближайшие дни решающими для исхода боев и подготовки к пятнадцатому мая.

Начальники отделов не смогут более нести возложенную на них тяжелую ответственность, если дело не будет немедленно улажено.

Начальники отделов считают необходимым, чтобы Гилел (Израэль Галили) вернулся к своим обязанностям до тех пор, пока не будут приняты окончательные решения.

Если вопрос не будет улажен в течение ближайших двенадцати часов, начальники отделов снимают с себя ответственность за ведение дел”.

Письмо подписали: Лещинер Цви (Эйлон), Сукеник Игаэль (Ядин), Кохен Элияху (Бен-Хур), Лерер Моше (Цадок), Рохел Иосеф (Авидар).

Это была крайняя попытка военного диктата по отношению к органам гражданской власти; в истории государства Израиль она с полным основанием именуется ”бунтом генералов”.

Через час после получения письма Бен-Гурион пригласил к себе для беседы подписавших его пятерых начальников отделов. ”Мы представили это дело в ультимативной форме, — сказал Ядин. — Мы заявили, что уйдем в отставку, если Галили будет отстранен. Бен-Гурион и перед угрозой коллективной отставки был непоколебим и наотрез отказался вернуть Галили на пост начальника верховного командования. Но чтобы успокоить руководителей генерального штаба, он согласился на тактическое отступление и пообещал

возвратить Исраэля Галили в генштаб без четкого определения его полномочий. Начальники отделов вернулись к выполнению своих обязанностей. В этот же вечер член верховного командования Иосеф Якобсон доставил Галили письмо от Бен-Гуриона, в котором говорилось: "Предписываю вам продолжать исполнение ваших обязанностей до окончательного решения вопроса".

"Бунт генералов" был подавлен, во всяком случае, на время. Бен-Гурион согласился сделать перерыв в своей борьбе против Галили. Этот перерыв был жизненно нужен и ему, и генеральному штабу; ибо в те дни со всей остротой встали на повестку дня вопросы несравненно большей значительности: сможет ли ишув выстоять перед грозящим вторжением арабских армий в Эрец-Исраэль? Сможет ли он устоять против давления Америки, стремящейся, чтобы евреи не провозглашали государственной независимости? Будет или не будет создано еврейское государство?

14. ПЯТНАДЦАТОЕ МАЯ

Чем ближе подступала историческая дата — 15 мая, день окончания британского мандата, тем сильнее становились колебания и нерешительность в верхушке ишува: провозглашать ли еврейское государство.

Тяжелое военное положение, американское давление и опасность вторжения арабских армий заставили многих передумать, у многих опустились руки. Для части политических партий это стало камнем преткновения.

Внутри Мапай мнения также разделились. Большинство рядовых членов партии решительно встало на сторону Бен-Гуриона, требовавшего немедленного провозглашения независимости. Однако некоторые деятели партийного руководства колебались и даже выступали против немедленного провозглашения государственности: Иосеф Шпринцак, Элиэзер Каплан, Давид Ремез, Пинхас Лавон. Моше Шарет пребывал в нерешительности. Из четырех членов Мапай в Народном правлении только Бен-Гурион был активистом.

Одиннадцатого мая центральный комитет Мапай собрался на совещание. Дискуссия, начавшаяся вскоре после полудня, продолжалась с длительными перерывами весь вечер и завершилась лишь на следующий день. На первом заседании Бен-Гурион произнес пламенную речь: "Если ишув мобилизует все свои силы, мы выдержим все испытания", — утверждал он. После него выступали Давид Ремез и Элиэзер Каплан. Неожиданно в зал вошла Голда Меир. Ее появление очень взволновало Бен-Гуриона. Он знал, что она только что вернулась из поездки, которая могла иметь историческое значение — секретной поездки в Амман. Там

она встречалась с эмиром Абдаллой, изо всех сил пытаясь склонить его к подписанию договора о ненападении.

Эта встреча Голды с эмиром была уже не первой. В ноябре 1947 года она вела с ним секретные переговоры. Абдалла отмечал, что у него есть общий с евреями враг — муфтий. Он подчеркивал, что не поддержит никакого арабское нападение на евреев и всегда останется их другом. Абдалла не скрывал намерений присоединить к своему королевству территории, отведенные арабам в западной Палестине. Реакция еврейских представителей была обнадеживающей: "Евреи не станут поддерживать нарушений резолюции ООН, но то, что случится на арабской территории, их не касается". Беседа завершилась заключением неофициального соглашения о ненападении.

Однако в весенние месяцы 1948 года в позиции Абдаллы все явственнее обозначились признаки перемен. Эмир Трансиордании имел в своем распоряжении самую сильную на Ближнем Востоке армию — Арабский легион, и арабские страны оказывали на него сильнейшее давление, стремясь вовлечь его в войну против евреев.

В начале мая 1948 года Бен-Гурион пришел к выводу, что новорожденное еврейское государство подвергнется нападению со всех сторон. "На этот раз ясно, что мандату приходит конец, — записал он 7 мая. — Будут ли воевать с нами соседние страны? Очевидно, что имеются колебания со стороны Трансиордании, и нашим представителям сообщили, что Абдалла желает с нами встретиться. Я посоветовал ускорить встречу, и хотя нам говорят, что четыре страны — участницы лиги — Сирия, Ливан, Египет и Саудовская Аравия против войны, надо все-таки готовиться к вторжению с севера, востока и с юга".

Ближайшие дни подтвердили справедливость пессимистических пророчеств Бен-Гуриона. В начале мая правительство Египта неожиданно решило присоединиться к вторжению в Палестину. В Дамаске

офицеры армий нескольких арабских стран разрабатывали план совместного вторжения.

На этом фоне и было принято решение, что Голда должна снова встретиться с эмиром Абдаллой.

Голда переделалась в платье арабской женщины; советник Голды по арабским делам Эзра Данин закутал ее в арабскую паранджу. После напряженного и богатого приключениями ночного путешествия, во время которого они несколько раз меняли автомобили и вынуждены были беспрестанно останавливаться у дорожных застав, они прибыли в Амман. А поздней ночью состоялась их встреча с Абдаллой.

Скоро выяснилось, что на соглашение нет никаких шансов. "Вы все-таки нарушили данные нам обещания? — спросила Голда Меир. Эмир ответил: "Когда я давал эти обещания, я думал, что сам распоряжаюсь своей судьбой и могу поступать по своему усмотрению. Но с тех пор выяснилось, что положение не таково. Раньше я был сам по себе — теперь я один из пятерых". Абдалла внес новое предложение, способное предотвратить войну: Палестина не будет разделена, но евреи получают автономию на определенной ее части. А по прошествии года Палестина объединится с Трансиорданией; будет создан общий парламент, и в нем евреи получают пятьдесят процентов мест; возможно, что и в правительстве будет соблюдаться подобная пропорция.

Голда отвергла это предложение.

"Будет война, и мы в ней победим, — сказала эмиру Голда в конце этой трудной беседы. — Но, может быть, мы сможем встретиться снова — после войны, когда появится еврейское государство".

Голда Меир и Эзра Данин вернулись в Эрец. Издалека увидели они колонны иракских войск, вступавших в Иорданию и располагавшихся там перед вторжением.

Голда прибыла в Тель-Авив и вошла в зал заседаний в здании Керен каемет ле-Исраэль в самый разгар совещания центрального комитета своей партии. Бен-Гуриону, нетерпеливо ждавшему ее возвращения, она

послала коротенькую записку: "Встретились дружелюбно. Он очень озабочен и лицо его мрачно. Предложенный им план — единая Палестина с автономией в еврейских районах и через год — страна, объединенная под его властью".

Но не только печальные новости, привезенные Голдой из Аммана, свалились на Бен-Гуриона в тот бурный день. Начиная с полудня и на протяжении всего вечера он ждал приезда Моше Шарета. Шарет был на пути в Эрец из Вашингтона, где у него состоялась решительная встреча с американским государственным секретарем Джорджем Маршаллом, и отрывочные сведения, поступившие об этой беседе, не предвещали ничего хорошего.

Моше Шарет был принят Маршаллом 8 мая 1948 года. Беседа продолжалась полтора часа и была необычайно важной. Она происходила на фоне крайне резких и угрожающих заявлений США о том, что евреям следует отсрочить провозглашение государства и согласиться на прекращение огня.

Шарет заявил: "Нам придется держать ответ перед еврейской историей, если мы согласимся на какую бы то ни было отсрочку провозглашения своего государства, не будучи уверенными в том, что по истечении этой отсрочки государство все-таки будет создано. Правительство Соединенных Штатов Америки проголосовало за Израиль, и мы никогда этого не забудем. Но в войне мы сражались в одиночку, безо всякой помощи. Соединенные Штаты отказались предоставить нам оружие, военный инструктаж и даже стальные листы для обшивки и защиты гражданских автобусов. Теперь мы не просим помощи, мы просим лишь прекратить вмешательство в наши дела".

Здесь в беседу вмешался присутствовавший на встрече заместитель американского государственного секретаря Роберт Левит: "Вы, по-видимому, чересчур уверены в том, что Арабский легион не вступит в войну, что вам удастся добиться соглашения с Абдаллой.

Но начнется вторжение и вы попадете в большую беду — не приходите тогда к нам жаловаться”.

Маршалл обратился к Шарету: ”Не мне советовать вам, как поступить. Но как военный хочу предупредить: не полагайтесь на ваших военных советников. Они сейчас опьянены успехом после одержанной победы. Что будет, если начнется длительное вторжение? Принимаете ли вы в расчет, насколько это опасно для вас? Если окажется, что правда на вашей стороне и вам удастся основать еврейское государство — я буду счастлив. Но это страшная ответственность”.

Шарет простился с Маршаллом, сказав: ”Мы придаем огромную важность вашей позиции, и если вы услышите, что мы решили иначе — пожалуйста, не считайте, что мы поступили так, пренебрегая вашим советом”.

Резкие и гордые слова, произнесенные Шаретом в беседе с Маршаллом и Левитом, скрывали его глубокую внутреннюю тревогу и тяжкие колебания. Давид Хакохен ожидал Моше Шарета в нью-йоркском аэропорту. ”Он втолкнул меня в телефонную будку, — рассказывал Давид Хакохен, — и сказал: ”Давид, Маршалл сказал мне, что он говорит со мною как генерал, как военный. Нас раздавят!” Я не говорю, — добавил Хакохен, — будто Моше сказал, что не надо провозглашать государство. Но он был страшно потрясен. Я тогда сказал ему: ”Моше! Это исторический шанс! Это исторический шанс!”

Сам Вейцман позвонил Шарету: ”Моше, не давайте запугать себя. Государство будет создано сейчас, или, не приведи Бог, не будет создано никогда”.

С тяжелым сердцем летел Шарет в Эрец. Похоже, что в продолжение полета росло у него желание рекомендовать отсрочку провозглашения государства, в духе предложений Маршалла. В отличие от Вейцмана и Бен-Гуриона, Шарет не был твердо уверен, что решать надо ”теперь или никогда”.

Полет Моше Шарета затянулся, и он прибыл в Эрец лишь 11 мая, после нескольких промежуточных

посадок. Поздно вечером Шарет явился к Старiku домой.

”Моше вошел ко мне в комнату, — вспоминал Давид Бен-Гурион, — и дал мне подробный отчет о своей беседе с Маршаллом. Он рассказал о его предостережении, что нас раздавят, и предложении отсрочить провозглашение государства. В конце беседы он прибавил четыре слова: ”Думаю, что он прав”. Я встал со своего места и запер дверь. Потом сказал ему: ”Моше! Тебе скоро идти на заседание центрального комитета, которое должно решить, провозглашать ли государство. Я прошу тебя дать там полный и точный отчет о твоей беседе с Маршаллом, совершенно так же, как ты изложил дело мне. Но ты отсюда не выйдешь, пока не пообещаешь мне одну вещь: тех четырех слов, которые ты сказал мне (”Думаю, что он прав”), ты не произнесешь на заседании ЦК!” Моше согласился”.

Когда Шарет, наконец, появился в зале заседаний, его встретили взволнованными аплодисментами. Моше поднялся на трибуну. Он честно сдержал обещание, данное Бен-Гуриону. ”Он не только выполнил договор, — говорил Старик, — но энергично выступил за создание государства”. По существу, речь Шарета была довольно умеренной. Сначала он изложил перипетии политической борьбы в ООН, перелом в позиции США, перечислил факторы, заставившие США внести предложение о ”доверительном режиме”, а затем о перемирии; он сообщил о конкретной угрозе государственного департамента, что Соединенные Штаты не придут на помощь еврейскому государству, если действительно начнется арабское вторжение”.

Но в какую-то минуту Шарет вдруг повернул на другие рельсы. Он заявил, что отсрочка в создании государства связана с еще большим риском, чем этот шаг сам по себе. Он говорил в пессимистических тонах, но все же рекомендовал провозгласить независимость. ”Перспектива, которую мы рассматриваем,

связана с серьезными, тяжелейшими последствиями, но, по-видимому, у нас нет выхода, и мы обязаны идти вперед”.

Его слова повергли присутствующих в оцепенение. Из рук противников провозглашения независимости выпало знамя, вокруг которого они собирались сплотиться. ”Его выводы были абсолютно иными, чем многие ожидали, — писал член тогдашнего ЦК Мапай Элизер Ливнэ. — Речь Шарета была серьезным фактором в определении позиции тех, кто все еще колебался. Но, несмотря на сильное впечатление, произведенное его словами, по-прежнему оставалась крупная группировка противников немедленного провозглашения государства”.

12 мая было важной вехой на пути создания государства.

С рассветом Арабский легион начал наступление — это произошло до окончания срока мандата, когда британская армия еще находилась в Палестине. Сотни солдат и танковые силы Арабского легиона, а также тысячи вооруженных окрестных арабов набросились на осажденный Гуш Эцион. Руководители ишува издали беспомощно следили за последним боем горстки евреев.

Большую часть дня Бен-Гурион провел на заседании Народного правления, которое в течение одиннадцати часов обсуждало исторические вопросы, стоявшие на повестке дня. Заседание открылось в три часа пополудни. Оно продолжалось с перерывами до 1.45 ночи. Это заседание было решающим для судьбы ишува; здесь и теперь должно было быть вынесено решение об основании еврейского государства.

Народное правление собралось в здании Керен каемет. Сквозь высокие окна лучи весеннего солнца проникали в просторный зал заседаний.

”Время не терпит, — заявил Бен-Гурион, — оно не терпит по двум причинам: 1) из-за опасности вторжения, которое может начаться в любой момент; 2) из-за

близящейся даты 14 мая. Бевин перенес дату ухода англичан на один день вперед и в пятницу вечером что-то должно произойти”.

Голда Меир выступила с отчетом о своей беседе с эмиром Абдаллой. Моше Шарет подробно описал американское предложение о перемирии. Некоторые из присутствующих склонялись к принятию этого предложения. Поэтому было решено перед проведением голосования Народного правления по американскому предложению заслушать отчет специалистов Хаганы о военном положении. Бен-Гурион вызвал в зал заседаний Ядина и Галили.

Ядин ощущал ”на плечах огромную ответственность”. Он приложил гигантские усилия, чтобы осветить положение объективно, без прикрас. ”Вы вызвали меня в разгар боя, — сказал он. — Я должен был бросить все дела”. Мрачными красками описал он военное положение, опасность вторжения и изменения, грозящие произойти в ситуации с вступлением в Эрец иностранных войск. Под конец он добавил: ”Если попытаться осторожно резюмировать ситуацию, то в данный момент надо сказать, что шансы у нас очень слабые. Если быть более откровенным, то надо сказать, что у них большое превосходство”. Из слов Ядина явствовало, что положение крайне тяжелое.

Израэль Галили также признал, что у врага преимущество в тяжелом вооружении. ”Если столкновения начнутся в ближайшую неделю, то положение будет очень серьезным”. Вместе с тем он отметил, что в ближайшем будущем положение должно измениться к лучшему, если прибудет хотя бы часть заказанного за границей вооружения.

Пинхас Розен, а затем и Бен-Гурион обратились к двум военным с решающим вопросом: ”Не стоит ли в нынешней ситуации заключить соглашение о прекращении огня на три месяца?”

”Отвечать на такой вопрос — значит брать на себя чрезмерную ответственность”, — сказал Ядин. Галили же ответил: ”Если бы вопрос этот был только во-

енный и если бы мы были до конца убеждены в неизбежности вторжения этих пяти государств, то я полагаю, что перемирие на определенное время было бы нам очень полезно и дало бы нам большое преимущество... Но ведь перемирие нельзя оторвать от общей ситуации и рассматривать вне связи с определенными политическими условиями, которые могут сорвать все, чего мы достигли за этот срок в военном отношении...”

Откровенные, но безрадостные ответы двух военных специалистов произвели на присутствующих тяжелое впечатление. ”Я не во всем был согласен с этими двумя товарищами”, — написал впоследствии Бен-Гурион.

В тот предвечерний час Бен-Гурион, как никогда, ощущал весь ужас положения. Оба руководителя Хаганы сказали правду. Хагана была подготовлена к борьбе с бандами — но почти беспомощна перед регулярными армиями.

Когда Бен-Гурион взял слово, он сознавал, что ему предстоит сделать нечеловеческое усилие, чтобы вселить веру и спокойствие в тех членов правления, которые терзались колебаниями и сомнениями. Шаг за шагом подводил он своих слушателей к единственно возможному выводу. ”Теоретически у нас имеется три альтернативы, — сказал он. — Первая альтернатива: нас и находящиеся в Эрец арабов герметически закупоривают, лишая и нас и их возможности получения помощи, и предполагается, что дело будет решено борьбой внутренних сил. С точки зрения вооружения и численности мы в таком случае, может быть, значительно слабее арабов, но мы завладеем Эрец, всей Эрец-Исраэль... Только о такой альтернативе не стоит и говорить.

Есть вторая альтернатива: мы остаемся как есть, оказываемся в условиях блокады, нас лишают возможности получить подкрепление и вооружение, но арабы могут получать помощь. В таком случае наше положение будет очень и очень опасным. Не

скажу, что у нас не будет никакой надежды, но лишь чудо из чудес выручит нас и мы останемся в живых... а арабы могут завладеть всей Эрец и нанести ишуву поражение, если не хуже того...

По существу, надо взвесить третью альтернативу: и арабы, и мы увеличим свои силы. Тогда нам предстоит нелегкий бой, в котором неизбежны потери”.

Обрисовав всю рискованность положения, он перешел к шансам на успех. ”Если мы останемся лишь с тем оружием, которое есть у нас теперь — наше положение будет очень опасным. Но следует полагать, что с этой точки зрения наше положение улучшится. У нас уже есть запасы вооружения, хотя и не в Эрец. Но совсем не просто переправить сейчас в Эрец все, что мы приобрели за границей. Есть шансы на то, что хотя бы часть закупленного нами вооружения прибудет — но когда? Сколько? Если б нам удалось привезти даже не все что у нас есть, но, скажем, еще пятнадцать тысяч винтовок и несколько миллионов патронов (а у нас есть кое-где и побольше этого), и пушки, и базуки, и военные самолеты, снабженные пушками, пулеметами и бомбами (а все это хранится в своем месте), то наше положение в начале боя было бы уже совсем иным: мы могли бы нанести арабам сильный удар уже в начале вторжения и сломить их боевой дух”.

Когда стемнело, в зале остались лишь члены Народного правления, а также Голда Меир, Давид Горовиц и Зеев Шерф. Бесперывно поступали сообщения с фронтов: бои на дорогах в Иерусалим, страшные известия из Эциона, переговоры о сдаче Яфо.

Наступил решительный час. На голосование был поставлен вопрос, принять или отвергнуть предложение о прекращении огня, выдвинутое Соединенными Штатами Америки. Принятие перемирия означало отсрочку провозглашения независимости государства.

Шестеро членов Народного правления проголосовали против прекращения огня и за немедленное провозглашение государства: Давид Бен-Гурион, Моше

Шарет, Ахарон Цизлинг, Мордехай Бентов, Моше Шапира, Перец Бернштейн.

Четверо проголосовали против немедленного провозглашения государства: Элизер Каплан, Давид Ремез, Пинхас Розенблит, Бехор Шитрит. Шестью голосами против четырех было принято решение основать еврейское государство 14 мая.

Вследствие этого решения разгорелся спор еще по одному кардинальному вопросу: следует ли включать в Декларацию независимости границы государства? Пинхас Розен и некоторые другие ораторы решительно поддержали это предложение. Реакция Бен-Гуриона была в корне иной. "Это ведь Декларация независимости. Существует, например, Декларация независимости США, и в ней нет никакого упоминания о территориальных границах. Я утверждаю, что нет такого правила". Возражения Бен-Гуриона носили не только принципиальный, но и вполне реальный характер. Он уже не раз в прошлом говорил о том, что раздел для него — лишь шаг к созданию еврейского государства на всей территории Эрец-Исраэль. И, разумеется, теперь он не хотел собственноручно накладывать на будущее государство оковы окончательных границ — то есть, говоря откровенно, не желал положить конец своим стремлениям расширить границы государства.

Он частично поделился своими замыслами с товарищами. "Если Организация Объединенных Наций не будет вмешиваться в это дело, а арабы развяжут против нас войну и мы их разобьем — тогда мы захватим Западную Галилею и полосу по обе стороны шоссе на Иерусалим, и все это будет частью государства, если только хватит у нас сил. Зачем связывать себя обязательствами?"

Вопрос висел на волоске, решение было принято минимальным большинством — пятью голосами против четырех прошло предложение Бен-Гуриона. В Декларации независимости было решено не упоминать о границах государства.

Историческое заседание Народного правления завершилось лишь около двух часов ночи.

Тем же вечером снова, в третий раз, собрался ЦК Мапай. Он одобрил формулировку Декларации, предложенную комиссией по разработке текста. Самая крупная партия ишува постановила предложить Народному правлению "немедленно объявить о прекращении мандата, основании еврейского государства и создании временного правительства".

"Решение о провозглашении государства в тех условиях было принято исключительно благодаря Давиду Бен-Гуриону, — отметил много времени спустя Игаэль Ядин. — Решение это по своей важности и значению превосходит тысячи политических решений и действий".

Тринадцатого мая, когда распространились известия о предстоящем провозглашении независимости, весь ишув охватило волнение. Но радостное воодушевление омрачалось растущей тревогой — ее сеяли черные вести о боях в поселениях. "Положение в Эционе совсем скверное, — записал Бен-Гурион в дневнике, — у нас было там 550 человек. Только в Кфар-Эционе уже сорок убитых, а всего, наверное, сотня".

В половине пятого вечера было получено сообщение о падении Кфар-Эциона; после короткого совещания между Бен-Гурионом, Леви Эшколом и Галили было решено телеграфировать защитникам еще державшихся Ревадим, Эйн-Цурим и Масуот-Ицхак — чтобы, в случае невозможности продолжать бой, они уничтожили свое оружие и подняли белый флаг.

Это было трудное решение, оставившее у принимавших его ощущение безысходности и подавленности. Из Негева также пришли печальные известия: крупные силы арабов окружили Кфар-Даром и повели на него наступление. Скорбная атмосфера воцарилась в генеральном штабе. От эмира Абдаллы в последний момент было получено обращение, в котором

повторялись предложения, сделанные им Голде Меир. Предложения эти были отвергнуты.

Вечером в здании Керен каемет* состоялось последнее заседание Народного правления, собравшегося, чтобы обсудить текст Декларации независимости. Комиссия, возглавляемая Моше Шаретом, предложила проект текста Декларации. Львиная доля работы была проделана Шаретом, консультировавшимся с профессиональными юристами.

Вечером, после целого дня лихорадочной работы, Бен-Гурион сидел у себя в кабинете и перерабатывал текст Декларации. Под его рукой Декларация независимости постепенно приобретала совершенно иной — более энергичный, наступательный, смелый характер.

В два часа, когда Старик еще продолжал работать, ему доставили телеграмму от его помощника Фрица Эшета, сообщавшего, что "после поднятия белого флага над Кфар-Эционом его защитники были перерезаны арабами".

В ту ночь Бен-Гурион спал не более двух часов. Он встал, как всегда, в семь утра, выпил за кухонным столом чашку черного кофе, одновременно просматривая документы и телеграммы. День начинался как обычно, по устоявшемуся образцу. В поведении Бен-Гуриона ничто не указывало на какое-то особое волнение. В тот же час лучи иерусалимского солнца осветили символическую картину: во дворе здания британской мандатной администрации верховный комиссар генерал Кэнингхем обошел строй почетного караула, состоявший из пятидесяти до блеска начищенных солдат, затем сел в свой автомобиль, направившийся в сторону аэродрома Каландия. Маленький кортеж, сопровождавший верховного комиссара, проследовал по пустынным улицам, вдоль рядов британских солдат, стоявших "на караул". Знаменосцы в наглаженных мундирах, беретах, корот-

* Керен касмет ле-Израэль — фонд сионистского движения для приобретения и освоения земель в Эрец-Израэль.

ких брюках и обмотках все ниже и ниже склоняли знамена, пока шелковые полотнища с обрамлявшими их кистями не коснулись холодного асфальта иерусалимских улиц. С поникшими знаменами, не оборачиваясь назад, покидала Англия Палестину.

Секретарши, машинистки, служащие были заняты лихорадочными приготовлениями к провозглашению независимости. Уважаемые люди из всех слоев общества были приглашены на церемонию провозглашения независимости, которая должна была состояться в четыре часа в тель-авивском музее на бульваре Ротшильда. Место проведения церемонии хранилось в строжайшей тайне.

В четыре часа черный автомобиль Бен-Гуриона остановился у ступеней тель-авивского музея. Улица, переполненная народом, журналистами, фотографами, возбужденно гудела. Каким-то непостижимым образом тысячи тель-авивцев прознали о месте, где будет провозглашено основание государства, и устремились туда, чтобы хоть издалека быть свидетелями исторического события, которое превратит их в свободный народ.

Уже полчаса стекались приглашенные в обширный зал музея. Большинство явилось в торжественных темных костюмах, как было указано в приглашенных билетах. Члены Народного правления сидели за столом, поставленным на небольшой сцене, на фоне портрета Герцля и двух длинных бело-голубых полотнищ, ниспадавших с самого потолка. На возвышении напротив стола членов правления располагались члены Народного Совета.

В зале амфитеатром размещались приглашенные: раввины, старейшины и руководители ишува, члены командования Хаганы, главы муниципалитетов, писатели, редакторы газет, художники.

Ровно в четыре часа Бен-Гурион ударил председательским молотком по столу. Присутствующие поднялись со своих мест и запели Хатикву. Бен-Гурион взял в руки две странички, испещренные машинопис-

ными строчками, текст Декларации независимости. Стоя, спокойным и уверенным голосом Бен-Гурион начал читать.

”29 ноября 1947 года Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию о создании еврейского государства в Эрец-Исраэль...

На этом основании мы, члены Народного Совета, представители еврейского населения Эрец-Исраэль и сионистского движения, собрались в день истечения срока британского мандата на Эрец-Исраэль и в силу нашего естественного и исторического права и на основании решения Генеральной Ассамблеи ООН настоящим провозглашаем создание еврейского государства в Эрец-Исраэль — Государства Израиль”.

Все встали и взволнованно заплодировали. Затаив дыхание, слушали Бен-Гуриона не только присутствующие в зале музея. Его хрипловатый, так хорошо знакомый всем голос, раздавался из радиоприемников во всех уголках страны. Вся нация жадно впивала его слова: горожане и жители деревень, земледельцы и рабочие, штатские и солдаты, подпольщики и бойцы Хаганы. В осажденном Иерусалиме, в городах Прибрежной равнины, в киббуцах Изреельской и Иорданской долин, в поселениях Галилеи и Негева, на фронте и в тылу.

В спокойных кварталах и под огнем врага тысячи людей слушали гордые слова, проникнутые и сознанием долга, и опьяняющей надеждой, и отчаянным риском. Не только у слезливых и сентиментальных стоял комок в горле и по щекам струились слезы.

Дирижер симфонического оркестра, находившегося в зале на втором этаже, получил указание исполнить Хатикву. Сидевшие в зале музея, где происходила церемония провозглашения независимости, не видели оркестра, и лишь глубокая мелодия издалека пробивалась сквозь потолок и разливалась по залу.

Через 37 минут после того, как он вошел в зал, Бен-Гурион постучал председательским молоточком

по столу и провозгласил: "Создано государство Израиль! Заседание объявляется закрытым".

А в дневнике он записал: "В четыре — провозглашение независимости. В Эрец ликование и глубокая радость — и снова я один, грустен среди веселья, как и 29 ноября".

Но действительно ли было создано государство Израиль?

Армии Ливана, Сирии, Ирака, Трансиордании и Египта стекались к Палестине, а в молодом государстве еще не была создана регулярная армия. Согласно прогнозам командования трансиорданского Арабского легиона, падение еврейского государства должно было произойти в течение считанных дней. Взятие Хайфы было назначено на 20-е мая, Тель-Авива и Иерусалима — на 25-е. В этот день Абдалла намеревался во всем великолепии вступить в Иерусалим и возложить на себя корону в всей Палестине.

Четырнадцатого мая Бен-Гурион записал в дневнике: "В четыре часа дня — провозглашение независимости и основание государства. Его судьба всецело зависит от вооруженных сил.

Вечером пришли плохие новости также и из Негева. Будут ли нынешней ночью бомбить Тель-Авив?"

В ту ночь Бен-Гуриона будили дважды. В час ночи в его доме на бульваре Керен каемет появился Яков Янай (Ян), начальник отдела связи Хаганы, и передал ему только что полученное из США сообщение: президент Трумэн решил признать Израиль де-факто. Бен-Гурион был очень взволнован этой вестью и долго не мог уснуть. Через два дня пришло известие о признании Израиля Советским Союзом де-юре, в котором Бен-Гурион тоже увидел "луч света".

В половине пятого утра Ян снова появился в спальне Старика. Представители Израиля в Америке советуют, сказал он, чтобы Бен-Гурион выступил по радио с обращением к американскому народу. Бен-Гурион быстро оделся. Над безмолвным Тель-Авивом только

всходило солнце субботнего дня, когда Ян вез Старика на радиостанцию Хаганы, расположенную в северной части города. Бен-Гурион уселся перед микрофоном и, как только была установлена связь, начал свою речь. Внезапно послышалось тарахтенье моторов, а затем раздались сильные взрывы. Египетские самолеты с самого рассвета нависли над Тель-Авивом и сбросили бомбы на ближайший аэродром имени Дова. Не выказывая никакого волнения, как комментатор, пытающийся описать события, Бен-Гурион оповестил своих слушателей о том, что в данный момент вражеские самолеты бомбят Тель-Авив. В открытом джипе, без сопровождающих, Бен-Гурион вернулся домой. "Изо всех домов выглядывали люди в пижамах и ночных рубашках, но особого страха не было заметно на их лицах. Я почувствовал: эти выстоят!"

Вскоре Бен-Гурион отправился на совещание генерального штаба. Положение становилось серьезнее с каждым часом. Арабские армии начали вторжение. С юга на Палестину наступала египетская танковая колонна. С востока в направлении Изреельской долины двигался иракский экспедиционный корпус. Арабский легион перешел через Иордан и направился на Иерусалим. На севере сирийские танковые части, пехота и артиллерия устремились на беззащитные поселения долины Иордана. Ливанские войска также пересекли границу.

Грозными были первые дни существования государства. На севере велись кровопролитные бои с сирийцами и ливанцами. В Иерусалиме Арабский легион стер память о первых победах евреев, перерезав всякую связь с горой Скопус. Египетские войска завладели крепостью Ирак-Сувэйдан в Негеве. Враг господствовал в воздухе. Бомбежки в районе центральной автостанции в Тель-Авиве принесли врагу кровавый урожай — 42 человека было убито. Самолеты, приобретенные Эхудом Авриэлем в Чехословакии, еще не прибыли в Эрец. Закупленное вооружение все еще лежало мертвым грузом на складах

Европы или носилось в трюмах кораблей по морским просторам.

Политическая цель Бен-Гуриона в первые дни войны состояла в том, чтобы выиграть время, продержаться до подхода вооружения, до тех пор, пока в Эрец будут мобилизованы дополнительные силы и сформированы новые воинские части. Это был бег наперегонки со временем. Бен-Гурион знал, что каждый истекший день увеличивает его шансы, что ожидаемое вооружение прибудет. Он отверг все предложения об эвакуации атакуемых поселений и приказал продолжать бои с тем, чтобы задержать продвижение противника.

Такая стратегия была сопряжена с тяжелыми потерями. 18 мая началось мощное сирийское наступление. Пехотные, танковые и артиллерийские части наступали вдоль побережья озера Киннерет. "С нашей стороны много убитых, — записал Бен-Гурион. — В долине Иордана, похоже, началась паника". Назавтра в генштаб явилась делегация от поселений долины Иордана просить у Бен-Гуриона помощи. Иосеф Барац, старый товарищ Бен-Гуриона, описав ему весь ужас положения, просил пушек, самолетов, людей. Бен-Гурион ответил: "Нет. Нет у нас пушек. Недостает самолетов. Не хватает людей на всех фронтах. Положение в Негеве очень тяжелое, тяжелое положение и в секторе Иерусалима, и в Верхней Галилее. Вся страна — один сплошной фронт. Нет у нас возможности послать подкрепление".

Услышав эти слова, Бен-Цион Израэли, член киббуца Киннерет, расплакался: "Бен-Гурион, да что же ты говоришь? Неужели мы бросим долину Иордана?"

"Ты не можешь себе представить, — рассказывал Бен-Гурион много лет спустя, — что я перечувствовал, глядя, как он плачет. Он стоял передо мною — сильный, уже немолодой человек — и рыдал, как ребенок. А я ничего не мог ему обещать".

Старик скрыл свои переживания и направил троих делегатов к Ядину. "Иосеф, — сказал Барацу началь-

ник оперативного отдела, — ваше положение нам достаточно известно. Нет другого выхода, как только дать арабам приблизиться на расстояние двадцатитридцати метров к воротам киббуца, а потом драться с танками врукопашную”. Ядин посоветовал забрасывать танки ”бутылками Молотова”. ”Игаэль, — обратился к Ядину Барац сдавленным от слез голосом. — Можно идти на такой риск и дать им подойти к воротам Дгании?”

”Да, — сказал Ядин. — Нет выхода. Этот способ, действительно, очень опасный, но это единственный путь”.

Ядин вошел к Бен-Гуриону. Только что в Эрец прибыли четыре пушки, с диаметром ствола 65 мм, стреляющие только прямой наводкой. За почтенный возраст их прозвали ”наполеончиками”. Ядин попросил Старика, чтобы они были отправлены на север для обороны поселений долины Иордана. Старик отказал. Он хотел послать их в бой за открытие дороги на Иерусалим. Начался горячий спор. Ядин со злости стукнул кулаком по столу Бен-Гуриона и разбил покрывавшее его стекло. ”Наконец мы пришли к компромиссу: Бен-Гурион согласился, чтобы я послал эти пушки в долину Иордана, но лишь на 24 часа, а потом их надлежало без задержки переправить на центральный фронт”.

Пушки прибыли в долину Иордана. В героическом бою у ворот Дгании ее защитники остановили танки врага и отразили атаку. Пушки тоже были пущены в дело и повергли сирийцев в панику. Сирийцы спешно отступили.

Бен-Гурион с удовлетворением записал в дневнике: ”Четыре пушки, посланные в долину Иордана, подняли боевой дух в наших поселениях”.

Самым жутким днем была суббота 22 мая 1948 года.

Один за другим были прорваны несколько фронтов. Прорвавшись с юга, египетская танковая колонна вышла на тель-авивское направление. Египтяне вошли в

Беер-Шеву, атаковали Бейт-Эшел, Нир-Ам и Негбу. В траншеях вокруг киббуца Яд-Мордехай остались тела десятков еврейских бойцов, дух защитников киббуца был сломлен. Мики Маркус, срочно направленный на юг, требовал от Бен-Гуриона винтовок, "Стэнов", огнеметов, минометов, пулеметов, дымовых шашек.

В Иерусалиме Арабский легион брал один за другим еврейские кварталы вокруг Старого города. Теперь легион угрожал уже всему еврейскому городу, подвергаемому непрерывному артиллерийскому обстрелу. Части легиона закрепились в здании полицейского участка в Латруне, господствовавшем над дорогой в Иерусалим.

На среднем участке центрального фронта создавалась угроза того, что иракский экспедиционный корпус вместе с подразделениями Арабского легиона прорвет линии еврейской обороны и перережет Эрец на две части.

Бен-Гурион не спал той ночью. У него не нашлось ни минутки, чтоб отдохнуть на раскладушке, поставленной в углу его кабинета в генштабе. Час за часом проводили они с офицерами генштаба в лихорадочных совещаниях. Они направили на фронты все имевшиеся в наличии силы. "Уже нечем было воевать, — рассказывал Пинхас Сапир. — Мы хотели подорвать железнодорожные пути около Явне, чтобы предотвратить подвоз египетского подкрепления. Уже не осталось взрывчатки, и мы послали ребят с отвертками, чтоб они развинтили болты, соединяющие рельсы. Эта ночь с субботы на воскресенье была самой критической из всех. Бен-Гурион, как раненый лев, мерил шагами помещение генштаба. Все мы получили приказ остаться на ночь в штабе. Мы уже мобилизовали всех ремесленников, чтобы увеличить батальоны, которым предстояло защищать Тель-Авив. В тот вечер один из руководителей генштаба сказал мне: "В течение 72 часов все будет кончено!"

К концу этой бессонной ночи положение немного

улучшилось. Наступление легиона в Иерусалиме было приостановлено; египтяне все еще не овладели киббуцом Яд-Мордехай и, несмотря на все предпринятые ими усилия, не продвинулись ни на шаг. В ночь с воскресенья на понедельник Бен-Гурион мог позволить себе несколько часов сна. "Я лег и заснул как убитый после 48 часов, проведенных без сна", — записал он.

Прошел еще один день, и, несмотря на черные вести с разных фронтов, Бен-Гурион уже различал в ходе событий искорку надежды. Из Чехословакии поступили первые боевые самолеты — "Мессершмитты" германского производства. В строжайшей тайне прибыли в Эрец пятеро чехословацких техников, которые начали готовить самолеты к полетам. Еврейские самолеты сбросили первые бомбы на южном фронте, в районе Иерусалима и в других точках.

Хотя 22 и 23 мая были еще кошмарными днями для Бен-Гуриона, пришло одно ободряющее сообщение: к берегу приблизилось судно, на борту которого находилось пять тысяч винтовок и 45 пушек.

"Это будет началом перелома!" — записал ликующий Бен-Гурион.

И 24 мая, через десять дней — и каких десять дней! — после создания государства, Бен-Гурион ощущал уже достаточно уверенности, чтобы поставить перед генеральным штабом новые стратегические задачи.

"Я предложил тотчас после получения вооружения с корабля перейти в наступление с целью разгромить Ливан, Трансиорданию и Сирию. Нам надо было по-прежнему удерживать позиции в Негеве. План на эту неделю: освобождение Иерусалима и захват его окрестностей. Битва за Иерусалим является центральной с морально-политической точки зрения, а в значительной мере — и с военной. Сразу по получении пушек необходимо разрушить Рамлу и Лод. Следует также немедленно реорганизовать бригаду Элияху (Бен-Хура) и

направить ее на Дженин и в направлении долины Иордана.

Маклеф должен получить подкрепление; его задача — захват южного Ливана с помощью бомбардировок Тира, Сидона и Бейрута. Бейрут будем обстреливать также и с моря.

Игалу Алону следует нанести удар по Сирии — с востока и с севера. Наша авиация должна разбомбить и уничтожить Амман.

Слабое звено в арабской коалиции — это Ливан. Власть мусульман там искусственна, и ее легко поколебать. Надо создать там христианское государство, южная граница которого проходила бы по реке Литани. Мы заключим с этим государством союз. Сломив силы Ливана и разбомбив Амман, мы уничтожим также Трансиорданию, а тогда падет и Сирия. Если Египет еще осмелится воевать, мы будем бомбардировать Порт-Саид, Александрию и Каир”.

В этом плане Бен-Гурион раскрыл также свою общую стратегическую концепцию: Израилю противостоит коалиция вражеских государств и ему необходимо раздавить врагов одного за другим. Со временем эта доктрина станет основополагающей стратегией Армии Обороны Израиля, и найдет свое полное выражение в Шестидневной войне и войне Судного дня. Сокрушительный удар на одном фронте, сдерживание врага на остальных фронтах.

Самым опасным врагом, по мнению Бен-Гуриона, был Легион. Против него необходимо сконцентрировать наибольшие силы. Египет и Сирия представлялись ему более слабыми. Бен-Гурион все более укреплялся в мысли, что лишь уничтожение Арабского легиона приведет к конечной победе Израиля. Когда будет разбит Легион, другие враги падут сами собой.

Была еще одна причина, побуждавшая Бен-Гуриона направить главный удар против Легиона; ее он тоже указал в своем плане: Иерусалим.

”Резолюция ООН от 29 ноября мертва, — сказал Бен-Гурион на заседании правительства после втор-

жения арабских армий. — Умерли и границы раздела; превращение Иерусалима в международный город стало пустым звуком”. В глазах Старика это означало, что надо сделать Иерусалим частью еврейского государства.

Жизненно необходимым условием спасения Иерусалима было изгнание Иорданского легиона. Так Бен-Гурион вступил в единоборство с самым грозным властителем из всех, стоявших против него. Эмир Абдалла также считал захват Иерусалима своей основной целью в войне. Иерусалим стал одновременно и полем для решительного боя, и призом, ожидавшим победителя. Бен-Гурион видел в Иерусалиме также символ еврейской победы и возрождения. Падение города грозило падением государства, полагал он.

подавляющее большинство офицеров генерального штаба думало иначе. ”Бен-Гурион не знал сил Хаганы в Иерусалиме, — заявлял Ядин, который был основным оппонентом Старика. — Он необоснованно считал, что город падет в течение двух-трех дней. Я полагал, что самый опасный враг — это египтяне, и отдавал предпочтение югу и Негеву”.

22 мая положение в Иерусалиме стало совсем трагичным. В тот ужасный день, когда казалось, что все рухнет, Бен-Гуриону сообщили по телеграфу, что Легион захватывает деревню за деревней вокруг Иерусалима. Старик страшно встревожился. ”Я потребовал, чтобы безотлагательно была организована отправка всех находящихся в наличии вооруженных сил на Иерусалим; чтобы этим частям было отдано все свободное оружие: пулеметов — 25, ”бутылок Молотова” — 3000, противотанковых ружей типа ”Пиат” — 10, минометов — 18 и т. д. Чтобы были немедленно приобретены броневики... Чтобы был взят Латрун и все окружающие его деревни и пробита дорога на Иерусалим”.

Между Ядином и Бен-Гурионом завязался бурный спор. Немедленное наступление на иерусалимскую дорогу, которого требовал Старик, означало фронтальную атаку на укрепления Латруна, господство-

вавшие над дорогой. В этой крепости закрепились крупные, хорошо натренированные силы Легиона, снабженные танками и артиллерией.

Единственной частью, не участвовавшей в тот момент в боях, была новая Седьмая бригада, которую Шломо Шамир начал формировать считанные дни тому назад. В последнюю минуту Бен-Гурион лично придал бригаде Шамира еще несколько сот необученных новобранцев-олим, только что сошедших с корабля. Эти молодые репатрианты в жизни не держали в руках оружия; они говорили на тысяче разных языков и не понимали иврита. Командиры лихорадочно пытались обучить их основам обращения с оружием и новички зазубривали наизусть несколько основных команд на иврите.

С точки зрения Ядина бригада Шамира еще не стала воинским подразделением, но Бен-Гурион об этом не задумывался. Вечером 22 мая в генштабе было созвано экстренное совещание.

Бен-Гурион был чрезвычайно взволнован. Он несколько раз вскакивал с места и начинал ходить по комнате. Снова и снова возвращался он к мысли, что необходимо немедленно действовать ради открытия дороги на Иерусалим.

— Сколько человек в твоей бригаде? — обратился он к Шамиру.

— Около трех тысяч, — отвечал комбриг.

— И сколько времени они уже находятся в лагере?

— Три дня.

Бен-Гурион взорвался: "Три тысячи солдат пребывают в своем лагере в полном бездействии, девять тысяч человеко-часов уже потеряно, и это в то время, когда Иерусалим может в любую минуту пасть!"

Бен-Гурион предложил, чтобы операция была возложена на бригаду Шамира, которая будет укреплена батальоном из бригады Александрони. Дан Эвен, командир бригады Александрони, выразил опасения, что это ослабит силы его бригады, воюющей против

иракской армии: иракцы могут прорвать линии обороны и перерезать связь между Тель-Авивом и Хайфой.

Бен-Гуриона это не поколебало. "Я готов взять этот риск на свою ответственность, — сказал он. — Установим связь по морю, а после взятия Латруна перебросим все силы назад в центральную зону и восстановим связь".

Наступление было назначено на ночь 23 мая. Однако в течение дня выяснилось, что бригада еще не подготовлена и нет никакой возможности начинать наступление той ночью. С большим трудом удалось Шамиру и Ядину убедить Бен-Гуриона отсрочить операцию на 24 часа; душевное напряжение Бен-Гуриона все усиливалось. В те дни начались государственные переговоры о прекращении огня. Прекращение боев, когда старые кварталы Иерусалима находились в руках Легиона, означало продолжение изоляции города и опасность подрыва духа его населения. Из самого Иерусалима приходили страшные вести. Настроение жителей упало, Арабский легион перешел к бомбардировке всей еврейской части города, вода и продукты питания распределялись по карточкам. Из еврейского квартала Старого города, отрезанного от остальной еврейской части города, доносились отчаянные мольбы о помощи.

Накануне операции Ядин вылетел из Тель-Авива в Хулду, где концентрировались войска перед наступлением. У него создалось впечатление, что в бригаде царил полный беспорядок. Офицеры бригады и Ядин пришли к одному и тому же выводу — следует просить об отсрочке операции на несколько дней. Ядин тут же возвратился в Тель-Авив и попытался снова убедить Бен-Гуриона отсрочить операцию.

"Обдумав положение, я пришел к выводу, что Шломо должен выступить. Нельзя рисковать Иерусалимом... Я дал распоряжение выступить".

Ядину Бен-Гурион коротко сказал: "Необходимо атаковать любой ценой".

Ядин телеграфировал Шамиру: "Необходимо атаковать любой ценой".

Началось первое наступление на Латрун.

Дорога на Иерусалим вилась по красивейшей долине вокруг холмов Латруна, над которыми господствовали укрепления полицейского поста. Над холмом возвышался перпендикуляр башни живописного монастыря молчальников, окруженный виноградниками, где собирают виноград для знаменитого латрунского вина. С Латрунских холмов открывался вид на зреющие нивы. Оттуда-то на заре 25 мая и наблюдали солдаты Арабского легиона за колонной нападавших, которая медленно продвигалась к цели.

Колонна выступила в путь поздно ночью, запоздав из-за многочисленных отсрочек. Вся находившаяся в распоряжении атакующей колонны артиллерия состояла... из двух пушек и нескольких бракованных минометов. Ввиду опоздания штурм начался уже при дневном свете. Когда рассвело, пушки и минометы Легиона открыли по наступающим убийственный огонь. Нападавшие несли тяжелые потери, многие из них смешались, обратились в бегство. Начался страшный день — день непрерывного огня, от которого почти невозможно было спрятаться среди пшеничных полей, где измученных солдат добивали жажда и тучи неотступных мух. Из-за холмов и горных склонов устремились на израненных, изнуренных солдат полчища арабских феллахов, вооруженных винтовками и кинжалами, сбегавшихся, чтобы добивать евреев. Ценой гигантских усилий удалось нескольким командирам во главе с Хаимом Ласковым организовать прикрытие для отступавших солдат. "Хаим Ласков совершал чудеса и во многих местах спас положение", — записал Бен-Гурион после операции.

Итак, операция окончилась трагично. Число жертв — убитых и раненых — приближалось к двумстам. Тяжелый удар испытала Седьмая бригада в день своего боевого крещения. Длинная колонна грузови-

ков, подготовленная для подвоза продуктов в осажденный Иерусалим, не двинулась с места.

Ночью Бен-Гурион прибыл в Хулду.

Он горел желанием поскорее выяснить, когда можно будет организовать новое наступление на Латрун. Точно бульдог, вцепившийся в добычу, он упрямо держался за свое решение: снова и снова атаковать Латрун, пока он не падет и дорога на Иерусалим не будет открыта.

Он вернулся домой в половине третьего ночи, после того, как было твердо решено: Шамир должен снова атаковать Латрун.

Шамир начал организовывать новое наступление, и Бен-Гурион не давал ему покоя. С юга, после организации нескольких смелых и успешных вылазок против египтян, прибыл Мики Маркус. Бен-Гурион немедленно назначил его командующим иерусалимским фронтом, подчинил ему Давида Шалтиэля и его бригаду, палмаховскую бригаду Харэль и Седьмую бригаду. Старик отозвал с севера Игала Алона; направил только что смонтированные "Мессершмитты" бомбить Латрун и прилегающую арабскую деревню Эммаус. Из Иерусалима пришла скорбная весть: еврейский квартал Старого города попал в руки Арабского легиона, а его защитники были взяты в плен. Тем временем Организация Объединенных Наций требовала объявить прекращение огня. Тридцатого мая Бен-Гурион снова бросил свою армию на Латрун. И снова потерпел поражение.

Броневики Ласкова прорвались к укрепленному полицейскому посту. Некоторые из них проникли даже во двор и открыли там огонь из установленных на них огнеметов. Но Легион перешел в контр наступление, уничтожив часть броневиков; несколько пехотных подразделений, которые должны были участвовать в операции, отступили после целого ряда позорных ошибок. Ласков был вынужден оставить полицейский пост. "Я был там и видел бой, — телеграфировал Маркус Ядину. — План был хорош. Ар-

тиллерия хороша. Броневики великолепны. Пехота — вот наш позор”.

Бен-Гурион не отчаивался. Девятого июня он бросил в бой бригады Харэль и Ифтах. Командующим операцией был назначен Игал Алон. К штабу, руководившему операцией, был также причислен Ицхак Рабин, командир бригады Харэль. Это была последняя попытка захватить Латрун перед тем, как вступит в силу резолюция о прекращении огня сроком на месяц. Однако и это наступление провалилось.

Укрепления Латруна так и не были взяты, надолго оставшись напоминанием о самом жгучем поражении Армии Оборона Израиля в Войне за Независимость.

Но Иерусалим, несмотря на это, был спасен. Спасен почти случайно. Трое палмахников обнаружили горный перевал, огибавший Латрун и целиком находившийся на подвластной Израилю территории. Когда второго июня об этом сообщили Бен-Гуриону, он приказал немедленно подготовить дорогу для прохождения продовольственных транспортов на Иерусалим. Закипела лихорадочная работа. Часть трассы была выровнена для прохода грузовиков. Но один ее участок, где разница уровней между крутыми скалистыми склонами холмов достигала 125 метров, никак не удавалось спрямить. В Тель-Авиве были мобилизованы сотни горожан, которые по ночам стали на спине переносить жизненно важное снаряжение и продовольствие по новой дороге. Были организованы также караваны, составленные из мулов и джипов. Под конец начали прокладывать шоссе.

Третьего июня Бен-Гурион с гордостью заявил Государственному совету: ”Замысел раздавить государство Израиль за несколько дней путем одновременного массированного вторжения с севера, востока и юга потерпел провал. Вся территория еврейского государства в границах, очерченных резолюцией ООН, находится в руках наших войск, нами захваче-

ны также некоторые важные районы, находящиеся вне этих границ”.

Гордость Бен-Гуриона была оправданной. Он справился с самым рискованным в своей жизни делом, выиграл гонку против времени. Первые десять дней боев были самыми критическими для существования Израиля.

Однако сирийское наступление на севере захлебнулось у ворот Дгании; ливанцы были остановлены в боях у Малкии, Иерусалим не пал под натиском Легиона, а египтяне увязли в упорных боях у поселений Кфар-Даром, Нирим и Яд-Мордехай. Иракцы, угрожавшие перерезать Эрец надвое, были остановлены после боев у Дженина и не возобновляли своих попыток прорваться к средиземноморскому побережью. Опасность захвата и тотального уничтожения молодого государства миновала.

В Эрец прибыл специальный представитель Совета Безопасности ООН, шведский граф Фольке Бернадотт, который немедленно начал действовать в целях заключения соглашения о продолжительном прекращении огня между воюющими сторонами.

Накануне вступления соглашения в силу каждая из сторон предпринимала отчаянные усилия с тем, чтобы до прекращения огня добиться максимально возможных успехов на поле сражения. Израиль атаковал Латрун, и самолет ”Дакота” был послан бомбить Дамаск. Египтяне отрезали Негев. Сирийцы овладели поселением Мишмар ха-Ярден и угрожали Рош-Пине. Но самой страшной вестью изо всех, пришедших к Бен-Гуриону, была телеграмма от Игала Алона с иерусалимского фронта. ”Наш Стоун (Маркус) убит, — говорилось в телеграмме. — Несчастье случилось в 3.50 утра. Стоун вышел по нужде в заброшенной поверх нижнего белья простыне и направился в сторону от лагеря. Возвращаясь, он наткнулся на часового, спросившего, кто идет. Стоун ответил по-английски и перепрыгнул через низкую каменную ограду лагеря. Часовой, по его словам, дал один вы-

стрел в воздух. Стоун не остановился, и тут же упал, сраженный вторым выстрелом в грудь. Врач, осмотревший его, заключил, что он умер на месте. Назначен почетный караул". Ошеломленный Бен-Гурион принялся за составление телеграммы в Соединенные Штаты, где выражал жене Маркуса свое глубокое соболезнование.

Полковник Маркус был, по-видимому, последним, кто пал на иерусалимском фронте до вступления в силу прекращения огня.

Одиннадцатого июня 1948 года евреи и арабы сложили оружие на четырехнедельный срок. Моше Кармел, командующий северным фронтом, определил прекращение огня как "манну небесную". Существованию Израиля более не угрожала опасность.

15. БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ?

”Мы все еще не овладели ремеслом войны”, — сказал Бен-Гурион после того, как вступило в силу прекращение огня. ”То, что было хорошо для обороны Петах-Тиквы, Седжеры и Тель-Хая, не даст нам успеха при обороне дороги на Иерусалим, долины Иордана, Негева или Галилейских гор. Мы обязаны освоить новую систему — систему регулярной армии и современной войны, которую никогда не изучали”.

Государственному совету, собравшемуся через несколько дней, Старик пространно изложил свои цели в Иерусалиме: ”Иерусалимский вопрос — это, в первую очередь, вопрос военной мощи — будет ли у нас военная сила для того, чтобы: 1) захватить Старый город; 2) захватить достаточно широкий коридор отсюда до Иерусалима; 3) загнать Арабский легион в треугольник”.

Правительство еще не выработало окончательной позиции ни по вопросу об Иерусалиме, ни по вопросу о Негеве. Некоторые члены правительства придерживались мнения, что Негевом можно пожертвовать.

Однако Бен-Гурион не уступал. Он развил перед членами правительства свои мысли о будущем Негева: о сокровищах Мертвого моря, о дороге через пустынную степь на Эйлат, о поселении в пустыне миллионов евреев, о развитии сельского хозяйства и промышленности. Но, несмотря на свои честолюбивые территориальные притязания, он не изменил своей прежней политической установки: ”Я за то, чтобы между нами и арабскими странами был заключен союз”.

Ради такого союза он готов был занять на первый

взгляд примиренческую позицию: "Мы не должны заранее выставлять этих территориальных условий, ибо тогда они (арабы) не будут видеть никакой возможности разговаривать с нами". Несмотря на это Бен-Гурион решительно и бесповоротно отстаивал один принцип: не возвращать арабских беженцев на территорию государства!

На всем протяжении войны Бен-Гурион последовательно проводил политику разрушения брошенных арабских деревень с тем, чтобы сбежавшие жители туда больше не вернулись. Когда Иосеф Вайц сообщил ему о том, что сотни тысяч арабов покинули территорию Эрец-Исраэль, причем около 200 000 из них оставили территорию государства Израиль, Бен-Гурион предложил ему немедленно заселить арабские деревни евреями. На заседаниях правительства он также открыто утверждал, что следует предотвратить возвращение беженцев. "Надо сделать так, чтобы они не смогли вернуться в оставленные ими места".

Бен-Гуриону было ясно, что для создания жизнеспособного еврейского государства было решительно необходимо, чтобы на его территории осталось возможно меньшее число арабов. Свою позицию он объяснил следующим образом: "Если возобновится война — то это будет для нас война не на жизнь, а на смерть. Для нас, но не для них... Если мы потерпим поражение — нас уничтожат. Если арабы ворвутся в Тель-Авив, я отнюдь не уверен, что они будут вести себя милосердно... Не мы развязали эту войну. Ее развязали они. Надо предотвратить возвращение бежавших арабов сейчас, потому что после войны все будет зависеть от ее результатов".

Бен-Гурион опасался войны с арабами, но самым тяжелым испытанием для молодого государства стала не война с арабами, а внезапная вспышка войны евреев против евреев.

”Альталена” был литературный псевдоним Жаботинского, обожаемого вождя ревизионистов и духовного отца Эцела. ”Альталеной” назвал Комитет национального освобождения — филиал Эцела в Соединенных Штатах — старое десантное судно американского морского флота, которое было им приобретено в Бруклине за 131 000 долларов. На следующий день после провозглашения государства командир Эцела Менахем Бегин обратился к помощникам Бен-Гуриона с предложением продать судно правительству и на полученные деньги закупить оружие. Вопрос был доведен до сведения Бен-Гуриона.

Однако ответственные за покупку оружия отвергли это предложение: ”Альталена” уже была хорошо известна британским агентам, которыми кишели средиземноморские порты. Тогда штаб Эцела решил погрузить на корабль около тысячи прошедших тренировки олим и большое количество оружия, и направить судно к берегам Эрец.

Оружие, погруженное на борт ”Альталены” в южно-французском порту Сет включало, согласно источникам Эцела, около 5000 винтовок, 3000 авиабомб, три миллиона патронов, сотни тонн взрывчатки, 250 пулеметов, минометов, базук и другого легкого оружия. В Сете на борт ”Альталены” взойшло также около 350 олим. 11 июня корабль отплыл в Эрец.

Вся эта операция открыто противоречила законам государства и обязательствам, которые взял на себя Эцел. Первого июня Менахем Бегин от имени Эцела подписал соглашение с временным правительством, которое представлял Исраэль Галили. Это соглашение устанавливало, что члены Эцела будут мобилизованы в Армию Оборона Израиля в рамках батальонов и принесут присягу: их оружие и военное снаряжение будет передано в распоряжение верховного командования Армии Оборона Израиля; Эцел и его командный состав прекратят существование и всякую деятельность в государстве Израиль и на территориях, управляемых правительством Израиля. Временный

штаб Эцела, который будет действовать в течение не более чем месячного срока, осуществит общее руководство мобилизацией батальонов Эцела в армию. Эцел обязался прекратить операции по закупке оружия за границей.

Тем временем в Палестине было объявлено первое прекращение огня. "Мы вzywали о помощи к представителям министерства обороны, — писал Бегин, — описывали им все детали, касающиеся нашего корабля... Решите же теперь, — говорили мы представителям министерства обороны, — позволить ли кораблю пристать к берегам Израиля или отослать его обратно во Францию или в какой-нибудь другой порт на Средиземном море".

Встреча между Менахемом Бегиним и представителями министерства обороны состоялась в час ночи 16 июня. В штаб Эцела, располагавшийся в тель-авивской больнице "Фройнд", явились двое советников министра обороны Леви Эшкол и Исраэль Галили, а также Давид Кохен — офицер связи между Армией Обороны Израиля и Эцелом. От имени Эцела их приняли Менахем Бегин, Яков Меридор и другие. Утром Эшкол и Галили пришли к Старику и сообщили ему о корабле. "Исраэль и Эшкол встречались вчера с Бегиним, — записал Бен-Гурион в дневнике. — Завтра-послезавтра должен прибыть их корабль водоизмещением 4500 тонн, он незаконно входит в наши территориальные воды, имея на борту 800—900 человек, 5000 винтовок, 250 ручных пулеметов типа "Брен", 50 базук и десять станковых пулеметов типа "Брен".

Для Бен-Гуриона было чем-то само собой разумеющимся, что оружие, находящееся на "Альталене", должно быть немедленно передано в распоряжение Армии Обороны Израиля.

С той самой минуты, как Галили и Эшкол сообщили ему о корабле Эцела, Бен-Гурион стал думать над тем, каким образом можно разгрузить оружие, не привлекая внимания наблюдателей ООН. "Ж. полага-

ет, что за ночь можно будет выгрузить все, — записал он в дневнике. — По-моему, нельзя подвергнуть риску тель-авивский порт. Судно нельзя возвращать, надо подвести его к берегу незаметно”.

В тот же день Исраэль Галили передал Менахему Бегину решение Бен-Гуриона. Бегин просил, чтобы 20 процентов оружия, которое будет доставлено на ”Альталене”, было распределено среди частей Эцела, находящихся в Иерусалиме. В те дни Иерусалим еще не был включен в состав еврейского государства и пользовался статусом ”Отдельной единицы” (*Coprus Separatum*), которая теоретически должна была управляться международной администрацией. На город не распространялся израильский суверенитет, и подпольные организации Эцел и Лехи продолжали существовать там. В свете такого юридического положения соглашение от первого июня не имело силы для Иерусалима.

Исраэль Галили сообщил Бегину, что он принимает его предложение и что 20 процентов полученного оружия будет передано в Иерусалим. Но теперь Бегин выдвинул новое предложение: около 80 процентов оставшегося оружия поступит на вооружение батальонов Эцела в составе Армии Оборона Израиля и лишь остальное будет непосредственно передано армии. Это предложение Бегина Исраэль Галили тут же отверг.

Министерство обороны приступило к практической подготовке к приему оружия. Исраэль Галили поручил заниматься ”Альталеной” Пинхасу Вазе, члену киббуца Рухама, и оповестил об этом Бегина и его помощников. Однако в продолжение своих встреч с руководителями Эцела Ваза стал замечать, что они все активнее возражают против передачи оружия Армии Оборона Израиля; к концу второй встречи ему стало ясно, что члены Эцела ”склонны теперь действовать самостоятельно без согласования с нами и решили переправить все оружие не на армейские склады, а на частные”.

Вечером в пятницу 18 июня Ваза позвонил в кибуц Наан и предостерег Израэля Галили.

В тот же вечер Галили связался по телефону с Бегинном. Бегин сообщил ему, что они намереваются хранить оружие на своих складах под двойной охраной — Эцела и Армии Обороны Израиля. Оружие будет передано батальонам Эцела, находящимся в составе армии, во время особой церемонии, на которой будет присутствовать член временного штаба Эцела. Эта беседа свела к нулю предыдущее соглашение между министерством обороны и Эцелом.

В субботу 19 июня Бен-Гурион и Эшкол принимали участие в заседании совета Мапай в Тель-Авиве. Неожиданно туда приехал Галили, сообщив им о своей последней беседе с Бегинном. Он утверждал, что "создалась новая и опасная ситуация, когда раздаются требования чего-то вроде отдельной, частной армии со своим собственным вооружением в составе Армии Обороны Израиля". Бен-Гурион решил поставить этот вопрос на обсуждение правительства.

Заседание правительства, состоявшееся вечером 20 июня, открылось в обстановке подозрительности и беспокойства. Со всех сторон поступали тревожные сообщения: "Альталена" приближалась к берегу. Сотни солдат, членов Эцела, самовольно сбежали из армии и вместе с массой своих приверженцев устремились в направлении Кфар-Виткин, чтобы принять участие в разгрузке корабля. Среди толпы, собравшейся на берегу моря, были Менахем Бегин и его ближайшие товарищи из командования Эцела. У руководителей государства, рабочих партий и командования армии мигом пробудились прежние страхи и подозрения относительно намерений "раскольников" начать вооруженное восстание, захватить власть в государстве или основать отдельное еврейское государство в Иерусалиме и Иудее.

На заседании правительства Бен-Гурион огласил письмо Израэля Галили, где описывались переговоры с Эцелом.

”Не будет двух государств и двух армий, — заявил Бен-Гурион. — И господину Бегину не удастся поступать так, как ему заблагорассудится. Нам предстоит решить, отдадим ли мы Бегину власть или прикажем ему прекратить свою сепаратистскую деятельность. Если он не сдастся — откроем огонь”.

Шарет предложил сконцентрировать на берегу около Кфар-Виткин 500 человек, разогнать находящихся там членов Эцела, затем выставить навстречу прибывающим на шлюпках пассажирам ”Альталены” вооруженную охрану, арестовать их и разоружить. На заседание были вызваны Исраэль Галили и Игаэль Ядин.

Галили сообщил, что корабль должен прибыть часам к девяти вечера. Ядин сказал, что в районе Кфар-Виткин находится 600 человек и можно перебросить туда два батальона.

В этот момент член правительства Мордехай Бентов внес предложение, состоявшее всего из одной фразы: ”Правительство поручает министру обороны действовать в этом вопросе согласно с законами государства”.

Предложение Бентова было принято единогласно. Правительство поручило генштабу сконцентрировать на месте силы для ответной операции.

”Командующему операцией следует, по возможности, воздерживаться от применения силы, однако если его условия не будут приняты — сила должна быть применена”.

Тем временем ”Альталена” встала на якорь вблизи от Кфар-Виткин. Сотни людей, ожидавших на берегу, встретили ее возгласами ликования. Тут же начали импровизированными средствами разгружать оружие и боеприпасы, находившиеся в трюмах корабля.

Ночью Исраэль Галили и Игаэль Ядин прибыли в штаб бригады Александрони, располагавшийся вблизи Натании. Командир бригады Дан Эвен тут же приказал нескольким подразделениям окружить район стоянки

”Альталены”. Пинхас Ваза, сопровождавший Галили и Ядина, отправился на берег, чтобы поговорить с Бегинном.

Члены Эцела согласились доставить его на джипе к месту разгрузки. ”На окраине деревни я увидел кучи вооружения, выгруженного с корабля, ящики с взрывчаткой и группы вооруженных людей, которые, не переставая, палили в воздух”, — писал Ваза.

Ваза просил узнавших его членов Эцела отвести его к Менахему Бегину и добавил, что приехал пригласить Бегина на встречу с Исраэлем Галили. Однако ему ответили, что Бегин не может сейчас явиться на встречу с Галили. ”Если Галили очень хочется встретиться с Менахемом Бегинном, пусть приедет сюда. На берегу Менахем Бегин может с ним встретиться”.

Ваза возвратился в военный лагерь ”Дора” и отчитался командирам о своей поездке. После того, как члены Эцела отказались вести переговоры с представителями правительства, было решено послать им ультиматум. В 1.15 ночи 21 июня Дан Эвен направил Менахему Бегину ультиматум:

”Согласно особому приказу начальника генерального штаба Армии Обороны Израиля я настоящим объявляю об экспроприации всего оружия и боеприпасов, прибывших к берегам государства Израиль в районе, находящемся под моим командованием, и передаче их в распоряжение правительства Израиля.

Требую от вас немедленного исполнения этого приказа”

Бегин отверг ультиматум и потребовал, чтобы Дан Эвен пришел к нему, держа белый флаг. Командир бригады отказался.

Исраэль Галили не торопился приводить в исполнение угрозу, содержащуюся в ультиматуме. Напротив, он все еще пытался найти способ избежать кровопролития.

Он отчитался о своих усилиях перед Давидом Бен-Гурионом, и тот ответил ему исключительно решительным письмом: ”Не знаю, что произошло за утренние

часы, — писал Бен-Гурион в 12.15 ночи. — На этот раз невозможно искать никаких компромиссов. Или они принимают приказы и выполняют их — или надо стрелять. Я возражаю против любых переговоров с ними и против любого соглашения. Период переговоров прошел безвозвратно. Если есть сила — надо применить силу без колебаний”. От руки Бен-Гурион добавил: ”И не медля”.

Положение стало еще более серьезным — и в местном, и в государственном масштабе. Солдаты и офицеры бригады Александрони, являвшиеся членами Эцела, дезертировали из своих подразделений и пытались присоединиться к окруженным на побережье.

В других частях тоже продолжалось дезертирство. Ицхак Садэ вызвал к себе Моше Даяна, командира ударной 89-й роты и приказал ему выступить со своими солдатами в Кфар-Виткин.

В то утро временное правительство опубликовало сообщение о прибытии судна. В этом сообщении Эцел обвинялся в том, что ”он отказывается подчиниться государству” и подчеркивалось непоколебимое решение правительства и командования Армии Обороны Израиля ”задушить в зародыше эту злодейскую попытку подорвать авторитет государства”, совершить ”подлый внутренний переворот”.

Под вечер между членами Эцела и солдатами армии вспыхнула перестрелка. С наступлением темноты ”Альталена” стала быстро удаляться в открытое море. На палубе ее находились Менахем Бегин и группа его сподвижников. Лодки военно-морского флота следовали за ней на юг в направлении Тель-Авива.

На берегу продолжалась стрельба. Лишь на следующий день триста членов Эцела, оставшихся на месте, сдались армейским подразделениям.

Самый трагичный этап этой борьбы наступил, когда ”Альталена” появилась у тель-авивского побережья.

”Альталена” подошла к Тель-Авиву после необычной ночной погони. Когда разгорелся бой в Кфар-Виткин, пушки, установленные вдоль бортов ”Альта-

лены”, открыли огонь по преследовавшим ее корветам военно-морского флота Израиля ”Веджвуд” и ”Эйлат”. До тех пор эти суда четко выполняли приказ не стрелять, пока не будут обстреляны сами; теперь они открыли ответный огонь. ”Альталена” шла на юг, все время держась вблизи от берега, а корабли военно-морского флота сопровождали ее со стороны открытого моря. Генштаб приказал командованию эскадры любой ценой помешать прибытию ”Альталены” в Тель-Авив.

Но было уже слишком поздно. ”Альталена” села на мель напротив оживленной набережной, слева от мола и неподалеку от пляжа.

Почему Бегин решил плыть в Тель-Авив?

Можно предположить, что он стремился увести ”Альталену” из района, где силы Эцела были незначительны и попали в окружение, и попытаться разгрузить оружие в другом месте. В Тель-Авиве были сконцентрированы многие сторонники Эцела. Бегин, по-видимому, надеялся, что если приверженцы его организации массами устремятся на побережье и образуют ”живую стену”, правительство не решится применить силу.

С рассветом, когда черный силуэт ”Альталены” стал вырисовываться на фоне моря, по Тель-Авиву, точно языки пламени, побежали слухи о ее прибытии и сторонники Эцела стали сотнями стекаться на берег моря. К ним присоединялись массы дезертиров из Армии Оборона Израиля.

В то же время в городе не находилось почти никаких воинских контингентов, верных правительству. Многие сторонники Эцела пытались добраться до ”Альталены” вплавь или на легких лодках. Поединок вступил в решительную фазу: кто поставит на своем? Потерпит ли государство нарушение своей власти? Не разгорится ли гражданская война?

Правительство собралось на чрезвычайное заседание. В выступлениях некоторых членов правительства звучало замешательство, тревога, даже страх.

Члены правительства от религиозных и правых партий искали путей отступления от однозначной резолюции, принятой ими два дня назад, ведь в Кфар-Виткин уже пролилась кровь. Некоторые склонялись к тому, чтобы начать переговоры с Эцелом, прийти к какому-то компромиссу, пойти на какие-то уступки, чтобы предотвратить братоубийственную войну.

Бен-Гурион говорил необыкновенно горячо: "Случившееся ставит государство в опасность. Это попытка подорвать армию, это попытка покончить с государством. В этих двух вопросах, по моему мнению, не может быть никаких компромиссов. И если, к величайшему нашему горю, надо воевать за это — значит надо воевать".

В этот момент Бен-Гуриону передали записку, и он прочел ее вслух. Это было сообщение командира бригады Александрони об окончательной капитуляции Эцела около Кфар-Виткин. Потери Цахала: двое убитых и шестеро раненых. Потери Эцела: шестеро убитых и восемнадцать раненых.

Правительство перешло к голосованию. Шестью голосами против четырех было отклонено предложение сторонников переговоров с Эцелом. семью голосами против двух было принято решение потребовать от Эцела передачи судна в распоряжение правительства и при необходимости применить силу.

Бен-Гурион снова был удивлен поддержкой, которую получило его предложение о применении силы. "После продолжительного, хотя менее горячего спора, чем можно было опасаться, большинством в две трети голосов было решено потребовать капитуляции судна", — записал Старик в дневнике.

Бен-Гурион тут же отдал Ядину приказание действовать в соответствии с решением правительства.

"Альталена" стояла на якоре у побережья Тель-Авива, напротив гостиницы "Риц", где размещался штаб Палмаха. Имевшиеся на месте скудные армейские силы пытались приостановить приближение

эцеловцев, среди которых были вооруженные солдаты, к набережной. Однако натиск толпы возрастал, а с "Альталены" была спущена первая шлюпка с людьми и оружием. Наконец, вспыхнула перестрелка. Было вызвано подкрепление. Зрелище было весьма впечатляющее. Настоящий бой бушевал в центре Тель-Авива, на глазах потрясенных мирных жителей, иностранцев, зарубежных корреспондентов, наблюдателей ООН.

В четыре часа дня Бен-Гурион приказал Ядину подвергнуть "Альталену" артиллерийскому обстрелу. Приказ был передан командующему артиллерией Шмуэлю Адмону. Пушка открыла огонь. Первый снаряд не попал в цель, но второй уже накрыл судно, повредив трюмы. Тут же вспыхнул пожар и над кораблем поднялся густой черный дым. Все, кто были на палубе, попрыгали в воду или искали спасения на шлюпках. Горящий корабль стал быстро крениться набок. Через несколько минут раздался взрыв.

После взрыва на "Альталене" стал постепенно угасать бой на берегу. После него осталось четырнадцать убитых членов Эцела, один убитый палмахник и десятки раненых.

Той бурной ночью Эцел обнародовал свой манифест. И по своему содержанию, и по выводам это был исторический документ, проникнутый ненавистью, и полный подстрекательств.

Манифест отменял приказ о вступлении бойцов Эцела в Цахал и принесении присяги на верность правительству. "Солдаты Эцела предпочтут пойти в концлагеря, которые этот сумасшедший диктатор, разумеется, тут же учредит".

В тот же день отряды Цахала и группы госбезопасности начали охоту за руководителями и командирами Эцела. Многие были арестованы и допрошены. Сам Бегин арестован не был.

На обвинения в свой адрес Бен-Гурион ответил на заседании Государственного совета, которое состо-

ялось в Тель-Авиве в тот же вечер и продолжалось до полуночи.

”После кровавого испытания, навязанного нам арабскими армиями, это было самое тяжелое из всех испытаний, выпавших на долю нашего государства. Мы сражаемся не на жизнь, а на смерть. Арабские армии находятся на территории нашей страны, Иерусалим окружен Арабским легионом с его пушками, шоссе на Негев занято крупными египетскими силами, Мишмар ха-Ярден захвачен сирийской армией. Разгул вооруженных банд внутри страны создает в настоящий момент страшную угрозу обороноспособности евреев в Эрец-Исраэль”.

Бен-Гурион пространно объяснял, в чем состоит опасность существования вооруженных групп, исповедующих иное политическое мировоззрение.

В послеобеденные часы 27 июня 1948 года группа людей вышла в зеленеющий сад санатория ”Хахлама” в Рамат-Гане. Неподалеку от низких деревьев были расставлены стулья. Бен-Гурион и Поля уселись в центре. Старик был облачен в белую рубашку с открытым воротом, его загорелое лицо светилось радостью. Поля, одетая в черное платье, склонила голову ему на плечо. Рядом с Бен-Гурионом, справа от него, сидели его гражданские помощники: Леви Эшкол и Иосеф Якобсон, слева, рядом с Полей — Исраэль Галили. Вокруг них образовалась группа мужчин — главных командиров Армии Обороны Израиля, которых Бен-Гурион только что привел к присяге на верность государству. Все они застыли и ждали щелчка фотоаппарата. Так были увековечены в этот исторический момент первые командиры израильской армии.

Бен-Гурион в тот летний день был откровенно счастлив — и к тому были основания: ведь ему удалось достичь одной из своих самых главных целей, за которую он яростно боролся с противниками извне и изнутри. Создана единая государственная армия.

Однако радость его была преждевременной. За кулисами опять возобновилась ожесточенная борьба между Бен-Гурионом и большей частью высшего командования за то, каков будет характер армии и руководство ею.

В первом раунде поединка с Галили Бен-Гурион не одержал решительной победы. Он был вынужден возвратить Галили и поставить его рядом с собой, хоть и не вернул ему поста начальника верховного командования.

Борьба между Бен-Гурионом и Мапам по вопросу о Палмахе и, в особенности за пост Исраэля Галили, будет продолжаться и в ближайшем будущем. Бен-Гурион не скрывал своих намерений быть главнокомандующим. Когда начальник генштаба Яков Дори заболел, Бен-Гурион сказал ему: "Если начальник генштаба не сможет выполнять своих обязанностей, я буду в известной мере заменять его".

Среди работников генерального штаба росло недовольство. Бен-Гурион вмешивался во все дела, крупные и мелкие, в оперативные планы, назначения, переброску войск, выдачу оружия, вплоть до мельчайших подробностей тактических и стратегических решений. Многие из высших офицеров не хотели мириться с таким положением и не раз между Стариком и Игаэлем Ядином или другими военными возникали разногласия.

В продолжение боев Бен-Гурион все более осознал, что назрела необходимость провести срочную реорганизацию структуры армии. "По-моему, у нас имеется три фронта, как с точки зрения воюющего врага, так и с точки зрения географической, — сказал он на заседании генштаба. — Центральный Иерусалимский фронт, где наша задача — уничтожить Легион и захватить "треугольник"; Южный фронт, включающий Негев, и Галилейский фронт, включающий Хайфу.

Кроме чисто военных мотивов у Бен-Гуриона были и другие причины для реорганизации армии — он стре-

мился ослабить в ней влияние Мапам и удалить тех, кто не проявил себя в бою, с центральных постов. С другой стороны, он решил выдвинуть на высшие посты офицеров, не принадлежавших к какой-либо партии, ветеранов британской армии, например Хаима Ласкова, Шломо Шамира, Эфраима Бен-Арци, Мордехая Маклефа.

Высшие командные курсы Армии Обороны Израиля были почти целиком укомплектованы ветеранами Хаганы и Палмаха. Кадровых офицеров Бен-Гуриону удалось поставить лишь на второстепенные командные посты, в основном во вспомогательные роды войск. Теперь он надеялся, что сможет продвинуть некоторых из них на посты руководителей отделов генштаба и командующих фронтами.

24 июня Игаэль Ядин представил Бен-Гуриону свой план реорганизации. Он предполагал создание четырех фронтов: Северного, Средиземноморского, Центрального (Тель-Авив—Иерусалим), Южного. К этому плану Ядин приложил список имен офицеров, которых он предлагал назначить командирами бригад, командующими фронтами; их подавляющее большинство составляли палмахники и члены Мапам. На пост командующего Центральным фронтом Ядин предлагал Игала Алона, командующего Средиземноморским фронтом — Моше Кармела.

Предложенные Ядином назначения были согласованы с Израэлем Галили.

Большинство предложений Ядина не устраивало Бен-Гуриона. Он тут же составил свой список кандидатур. Старик потребовал назначить начальниками отделов генштаба ветеранов британской армии Шломо Шамира, Эфраима Бен-Арци и Фрица Эшета. Игала Алона он предложил поставить командующим Южным фронтом, а находящийся в критическом положении Центральный фронт отдать под начало Мордехая Маклефа. Командование самим Иерусалимом Бен-Гурион предлагал возложить на Моше Даяна.

Тут же разразилась буря.

Конфликт сконцентрировался, в основном, вокруг назначения Мордехая Маклефа на пост командующего фронтом.

Маклеф обладал всеми теми качествами, которые искал Бен-Гурион: он был молод, служил офицером в английской армии и не принадлежал ни к одной партии. По своему обыкновению, с того момента, как какая-нибудь идея приходила ему в голову, Бен-Гурион, не переставая, повторял ее вновь и вновь. Чуть не во всякой дискуссии, случавшейся в генштабе, склонял он, бывало, имя Маклефа. "Где же Маклеф?" — непрестанно спрашивал он Ядина. Ответ был прост — Маклеф находился на фронте со своими солдатами. Но Бен-Гурион не успокаивался. Он снова и снова спрашивал про Маклефа. Офицеров генерального штаба и, в особенности, Игаэля Ядина это раздражало. Хотя начальник оперативного отдела и ценил молодого офицера, он не верил, что тот по своим способностям и опыту может командовать фронтом. Ядин отдавал себе отчет в том факте, что трое из предложенных им кандидатов на командование фронтами были членами Мапам, но он полагал, что это наиболее опытные в армии командиры.

В генштабе тем временем углублялся раскол. Бен-Гурион снова пригласил к себе в кабинет Ядина. "Я объяснил ему, что теперь, после создания регулярной армии, нужно произвести перемены в составе генштаба. Во всем штабе нет ни одного кадрового военного, даже солдата. Насущно необходимо изменить такое положение вещей". Несмотря на сопротивление Ядина, Бен-Гурион составил список назначений и подписал его.

На следующее утро в генштабе кипели страсти. Бен-Гурион записал: "Были получены письма от всех членов фракции — Ядина, Галили, Элияху Кохена, Цви — содержащие заявление об отставке и обвинения в адрес существующего режима. И все просят передать их письма в правительство, не счи-

тая Исраэля Галили, который сам направил письмо членам правительства, несмотря на то, что в начале письма ко мне написал "лично и секретно". Бен-Гурион немедленно вызвал к себе Игаэля Ядина. Он определил полученные им заявления об отставке как "политический мятеж в армии", как "беспримерно скверное дело". Старик предупредил, что такой мятеж "может оказаться опасным для исхода боев, когда война идет не на жизнь, а на смерть". "Если Ядин будет настаивать на своей отставке с должности начальника оперативного отдела генштаба — я приму отставку, но мой долг сказать ему, что я считаю такой поступок настоящим саботажем...", — записал Бен-Гурион.

Игаэль Ядин ответил Бен-Гуриону: "Я как начальник оперативного отдела не возьму на себя ответственность за такое решение. Если вы настаиваете на своем, я уйду в отставку. Вы можете послать меня куда угодно в качестве солдата, но не можете обязать меня принять на себя ответственность".

На заседании правительства Бен-Гурион выступил очень резко. "Четыре полученных мною письма, — сказал он, — вытекают из того факта, что мы не приняли плана, составленного тремя офицерами: Галили, Ядином и Алоном — относительно организации верховного командования... Я не утвердил этого плана, так как он представляется мне попыткой превратить всю армию в армию одной определенной партии..."

Из тринадцати командиров дивизий Цахала, отмечал Бен-Гурион, восемь являются членами Мапам. Из оставшихся трое — беспартийные, двое — члены Мапай. Он обвинял Палмах в нарушении дисциплины. Он решительно высказывался против политизации армии и угрожал уйти в отставку, если план его не будет принят и если ему по-прежнему будут навязывать Галили.

Бен-Гурион заявил, что расплатой за мятеж должно быть устранение Галили. "В течение двух послед-

них лет я работал с ним, сотрудничал с ним, ценил его — и продолжаю высоко ценить его — однако я не буду более работать с ним, если останусь министром обороны”.

Правительство решило назначить комиссию из пяти министров для расследования положения в верховном командовании. Председателем комиссии был избран министр внутренних дел Ицхак Гринбаум, а членами — Моше Шарет, Пинхас Розен, Ахарон Цизлинг и Моше Шапира. Комиссия немедленно приступила к работе.

В течение нескольких дней комиссия в полной секретности заслушала свидетельские показания о кризисе в армии. Галили, Ядин, Эйлон изо всех сил нападали на Бен-Гуриона. Эйлон рассказал о неверии Старика в ветеранов Хаганы и потребовал, чтобы Галили был назначен начальником генштаба. Галили и Ядин также выступили с резкой критикой упущений Бен-Гуриона.

Расследование ”комиссии пяти” выявило острый кризис, отношения недоверия между Бен-Гурионом и частью высших офицеров. Усиливалось ощущение, что нельзя осуществлять реорганизационный план Бен-Гуриона и следует, может быть, даже заморозить существующее положение.

Нервное напряжение Бен-Гуриона нарастало.

Шестого июля он направил Гринбауму письмо. ”По моему мнению, необходимо, чтобы комиссия безотлагательно перешла к завершению своего расследования и формулировке выводов, ибо остаются считанные дни и часы (до истечения срока прекращения огня)”.

”Организация двух фронтов задерживается, а я не могу затягивать проведения необходимых мер на неопределенное время... Очень прошу вас и ваших товарищей представить свои выводы правительству как можно быстрее”.

В тот день комиссия действительно сформулиро-

вала свои выводы. Они оказались тяжелым ударом для Бен-Гуриона. Комиссия приняла большую часть требований высших офицеров и Исраэля Галили. Во многих выводах комиссии прослеживалось явное стремление найти Исраэлю Галили подобающее место в системе обороны.

Отчет комиссии навязывал Бен-Гуриону военный кабинет из нескольких членов, который "вынесет решение об общем плане ведения войны и об изменениях в стратегических планах в соответствии с ходом войны". Комиссия решила назначить двух "главных советников", которые будут состоять при Бен-Гурионе и отвечать: один — непосредственно за армию, другой — за вопросы военного хозяйства.

Бен-Гурион прочел отчет, встал и вернулся домой. В тот же вечер он известил правительство, что уходит в отставку с постов главы правительства и министра обороны.

Сообщая о своей отставке, Бен-Гурион добавил: "Разбирательство, проводившееся в "комиссии пяти", и предложения, вынесенные некоторыми ее членами, поставили меня вне министерства обороны и вне временного правительства".

Лишь в заключительных фразах письма Бен-Гурион оставляет себе некоторую возможность вернуться к своим обязанностям:

"Ради экономии ценного времени членов правительства, я прошу вас похоронить предложения о переустройстве министерства обороны, если министерство обороны намерено оставить меня во главе его".

Комиссия стала искать путей отступления. Гринбаум встретился с Ядином, Ратнером и Эйлоном и сообщил им об осложнении ситуации. Те тоже смирились и сказали, что будут повиноваться любому приказу правительства и не уйдут в отставку, даже если приказания эти будут им не по душе. В беседе с Галили Гринбаум предостерег его, что он "видимо, будет принесен в жертву", если Бен-Гурион вер-

нется. Галили заявил, что готов отказаться от своего поста, если в том будет нужда.

А тем временем уходили бесценные часы. Глава правительства и министр обороны, уйдя в отставку, лежал в постели и не занимался текущими делами. Часть высших командиров армии тоже находилась в отставке. Игаэль Ядин, ощущая весь ужас положения, пошел к Бен-Гуриону домой. Он решил во что бы то ни стало "прекратить этот застой". Ядина встретила Поля, которая не хотела пускать его в комнату Бен-Гуриона. "Это тебе не поможет, — сказала она сердито, — он не захочет тебя видеть".

Игаэль все же поднялся в комнату Старика. Бен-Гурион лежал в постели на боку. "Увидев меня, он тут же повернулся лицом к стене, обратив ко мне спину. Он был раздражен. Молчал. Я сказал ему: "Послушайте, Бен-Гурион, я — кто я? Вы отвечаете за все. Вам этого положения не простят. Если мы не можем разговаривать — выгоните меня! Увольте меня! Но ведь прекращение огня кончается. Как вы можете брать не себя такую ответственность? Я предлагаю вам компромисс: не будем пока что назначать командующих фронтами... Главная проблема — Иерусалим. Лод и Рамла камнем висят на всем ишуве. Я предлагаю вам назначить Игала Алона командующим операцией "Ларлер" (операция, целью которой был захват Лода, Рамлы и Латруна-Рамаллы и открытие дороги на Иерусалим с другого направления). Посмотрим, что будет потом".

"Он медленно повернулся ко мне и сказал: "Я согласен. Я согласен". Тем дело и кончилось".

Последний раунд этого поединка разыгрался на заседании правительства седьмого июля.

Бен-Гурион не явился на заседание правительства, председательствовал Моше Шарет.

На этом заседании Моше Шарет показал себя верным и горячим защитником Бен-Гуриона. Он защищал его со всей преданностью, говорил о нем с глу-

боким преклонением и верой, уподобив его "мощному вулкану", который в своем извержении спасает все, и одновременно извергает потоки лавы, сжигающей все вокруг. Более педантичный, Перец Бернштейн уподобил Бен-Гуриона "взрывчатому двигателю". Члены правительства от Мапам приводили другое сравнение — с диктатором...

Правительство перешло к голосованию. Из десяти присутствующих шестеро проголосовали за возвращение Бен-Гуриона, двое — члены Мапам — проголосовали против и двое воздержались. Бен-Гурион победил.

Этой победой Бен-Гуриона завершилась глава "мятежей" в армии. Отныне он мог свободно распоряжаться делами обороны. Комиссия, которую он великодушно согласился терпеть рядом с собою, собралась пару раз, но она не имела никакого влияния. Бен-Гурион остался верховным главнокомандующим, и он вел Войну за Независимость до конца так, как считал нужным.

Жертвой этого поединка стал Израэль Галили. Внешне он не был отстранен от обязанностей и продолжал работать в министерстве обороны. Но положение его постепенно расшатывалось, так что под конец его пост превратился в пустую формальность. В сентябре он окончательно расстался с министерством обороны и вернулся в свой киббуц.

Восьмого июля, за 28 часов до истечения срока прекращения огня египтяне внезапно перешли в наступление на юге, и война разгорелась с новой силой. Вскоре стало ясно, что это уже иная война.

За четыре недели прекращения огня в израильской армии произошла настоящая революция.

В Эрец прибыло большое количество оружия. Были проведены ускоренная мобилизация и учения войск. "С окончанием первого прекращения огня инициатива перешла в наши руки, — рассказывал Игаэль Ядин. — И больше мы ее уже не уступили арабским армиям".

Бои продолжались всего десять дней, но принесли Израиллю ощутимые успехи. В Галилее и районе Иерусалима были захвачены важные территории и иерусалимский коридор был расширен. Закупленные за границей тяжелые бомбардировщики типа "Б-17" ("летающая крепость") на пути в Израиль бомбили Каир и Рафиях. На следующий день они разбомбили аэродром в Эль-Арише, в то же время самолет "Дакота" безо всяких помех сбросил бомбы на Дамаск. Когда в силу вступило второе прекращение огня, было видно, что существует уже новая реальность: в единоборстве с Легионом результат был, пожалуй, ничейным. Легион прекратил наступление, но укрепился в Латруне и в Старом городе. Цахалу не удалось выбить арабов оттуда, но и он не испытывал более внезапных атак Легиона. Иракская армия, действовавшая в районе Дженина, и сирийская армия, удерживавшая Мишмар ха-Ярден, также истощили наступательную силу.

Успехи Израиля в операциях, проведенных за десять последних дней войны, поразили арабов и весь мир. Новое прекращение огня было провозглашено на неопределенный срок.

Счастливый Бен-Гурион решил устроить военный парад победы, чтобы видом армии поднять дух народа. Повод для парада нашелся безо всяких затруднений: 25 таммуза*. В назначенный день в 5 часов пополудни на улицах Тель-Авива начался военный парад. Строем прошли подразделения Палмаха, выпускники курсов командиров отделений в полном боевом снаряжении, девушки из женского корпуса, оркестр, рота моряков, подразделения артиллеристов и танкистов, а также части, представлявшие бригады, которые воевали по всей стране; были проведены военные трофеи. В своих воспоминаниях Бен-Гурион взволнованно описывает это шествие. "Массы

* Таммуз – при отсчете по данным Библии, четвертый, а в позднейшей традиции – десятый месяц еврейского года. Соответствует обычно июню-июлю.

населения впервые увидели израильские танки, пушки, броневики, самолеты — истребители и бомбардировщики. Над морем голов развевались по воздуху бело-голубые знамена. Солдаты шли в ногу, четко соблюдая строй, сопровождаемые возгласами ликования и аплодисментами огромной толпы, которая воодушевленно следила за этим великолепным зрелищем”.

Оценивая создавшееся на этой стадии положение, Бен-Гурион считал, что за любую попытку добиться мира при существующем положении вещей Израилю придется заплатить большими территориальными уступками. Давление ООН и западных держав грозило Израилю политическим поражением, несмотря на одержанную им военную победу. И действительно, когда ”мирный посредник” Организации Объединенных Наций граф Бернадотт представил 16 сентября свой план мирного урегулирования, опасения Бен-Гуриона оправдались.

Государство Израиль с самого начала подозрительно отнеслось к этому высокому костистому барону, который в сопровождении штата помощников приехал искать компромисса между Израилем и арабами. Он находился под несомненным влиянием британского правительства и заранее основывал свою деятельность на перекройке карты раздела, установленного резолюцией ООН, отнюдь не в пользу Израиля. В конце июля возник еще один конфликт с Бернадоттом, когда посредник представил свой первый план урегулирования на рассмотрение израильского правительства. ”Тот, кто подозревал в Бернадотте агента Бевина, — бросил как-то Бен-Гурион, — не совсем заблуждался”. В своем плане Бернадотт напроць стер с карты Палестины арабское палестинское государство и предложил установить экономический, политический и оборонный союз между еврейским государством и королевством Абдаллы. Он потребовал возвращения арабских беженцев в Эрец, отделения Негева от еврейского государства и пере-

дачи его арабскому в обмен на передачу евреям западной Галилеи. Иерусалим он предложил передать арабам, предоставив тамошним евреям муниципальную автономию. Правительство Израиля отвергло предложения Бернадотта. Арабские страны также высказались против них.

В сентябре Бернадотт внес новые предложения, частично повторявшие предыдущие. Отказавшись от своего прежнего плана передать Иерусалим арабам, Бернадотт вновь предложил превратить его в международный город под контролем Организации Объединенных Наций. Это предложение также было отклонено обеими сторонами. Однако трагическое событие, случившееся на следующий день после внесения этих мирных предложений, внезапно придало им большой моральный вес.

17 сентября во второй половине дня кортеж машин Бернадотта и руководящих работников его штаба отправился через еврейскую часть Иерусалима на встречу с Довом Иосефом, губернатором Иерусалима. В квартале Катамон дорога внезапно оказалась перекрытой — поперек шоссе стоял джип. Откуда ни возьмись появились какие-то вооруженные люди в масках и открыли огонь по маленькому кортежу. Один из них просунул автомат в окно машины, в которой ехал Бернадотт. Первым был убит французский офицер полковник Саро, затем террорист выстрелил в графа Бернадотта, нанеся ему смертельные ранения. Убийцы тут же бросились в свой джип и скрылись с места происшествия.

Бен-Гурион узнал об убийстве в шесть часов вечера, когда к нему поступили телеграммы от потрясенных Дова Иосефа и Моше Даяна, бывшего военным комендантом города. В запечатанных конвертах, подброшенных к воротам иностранных консульств в Иерусалиме, организация под названием "Хазит ха-Моледет" ("Фронт Родины") заявляла, что убийство совершено ее членами. Спешное расследование установило, что под названием "Хазит ха-Моледет"

скрывается экстремистская группировка членов Лехи. Они уже давно угрожали Бернадотту убийством из-за его враждебной по отношению к евреям позиции и выдвинутого им плана урегулирования, требовавшего от Израиля колоссальных уступок.

В считанные часы облетела весть об убийстве Бернадотта Палестину и весь мир, вызвав повсюду гнев и отвращение. Руководители Израиля также были потрясены.

Бен-Гурион тут же принял решение: разогнать "отколовшиеся" организации в Иерусалиме и разбить их остатки во всех районах страны. Сразу по получении первой телеграммы Бен-Гурион вызвал к себе подполковника Иссера Харэля (Гальперина), начальника службы внутренней безопасности, и начальника военной полиции. Он приказал им арестовать всех членов Лехи, находящихся на территории страны. Он решил также немедленно принять крутые меры против Эцела, хотя и знал, что эта организация не принимала участия в убийстве.

Через три дня после убийства Бернадотта в Израиле были окончательно разбиты подпольные организации.

Через считанные дни Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций должна была возобновить дебаты по вопросу об Иерусалиме и Негеве. По обоим этим пунктам план Бернадотта таил серьезную опасность для интересов Израиля. Было похоже, что Организация Объединенных Наций попытается навязать Израилю отступление и значительные территориальные уступки. Бен-Гурион знал, что единственный способ предотвратить суровое постановление — это немедленная военная акция, которая изменит положение вещей на месте. Он нашел и поводы, которые могли бы оправдать действия Израиля — нарушения соглашения о прекращении огня со стороны врага.

Бен-Гурион подготовил план наступления: обрушиться мощными силами на египтян и освободить Негев. Негев был блокирован и лишь воздушным

путем на импровизированные взлетно-посадочные полосы в пустыне доставляли продовольствие, боеприпасы и людей; пехотные части были вынуждены просачиваться в Негев по извилистым тропинкам, в обход египетских командных высот. Старик решил поручить командование операцией молодому талантливому офицеру Игалу Алону. У Бен-Гуриона уже сложился план — в Негев будет направлен транспорт с продовольствием. Египтяне, разумеется, остановят его и нарушат тем самым соглашение о прекращении огня, а Израиль ответит общим наступлением по всему южному фронту.

Старик назначил совещание генштаба на шестое октября.

Бен-Гурион начал обсуждение "наивным" вопросом: "Если вследствие отказа египтян пропустить нашу колонну в Негев в соответствии с резолюцией ООН между нами и египтянами вспыхнет конфликт и если, предположим, Трансиордания и Ирак не вмешаются, то какие силы необходимы для изгнания египтян, улучшения нашего положения на иерусалимской дороге и вокруг Иерусалима — без того, чтобы наносить удар по Легиону и иракцам?"

Ядин от всего сердца поддержал операцию в Негеве, но воздержался от одобрения действий к югу от Иерусалима. Ядин полагал, что операция против египтян повлечет вмешательство Легиона и иракской армии на восточном фронте, а также сирийцев — на севере. Он хотел оставить в распоряжении генштаба резервные силы на случай такого нападения.

По той же причине Ядин возражал против предложения Игала Алона, просившего, чтобы в дополнение к выделенным ему силам — бригадам Ифтах, Ха-Негев и Гивати ему была также придана танковая Восьмая бригада Ицхака Садэ. Бен-Гурион поддержал Алона. Он был убежден в том, что Трансиордания с Ираком и пальцем не пошевелят, чтоб помочь египтянам в случае нападения на них. Он также требовал

переброски Восьмой бригады на юг. Между ним и Игаэлем Ядином начался горячий спор. "Послушай, Игаэль, — сказал Бен-Гурион, — сирийцы ведь не двинутся с места. И иракцы тоже, никто не двинется. Надо отдать Алону все части. И Восьмую бригаду тоже". Но Ядин не соглашался оголять остальные фронты. Он взбунтовался: "Бен-Гурион! Восьмая бригада выступит в Негев только через мой труп!" Бен-Гурион отступился: "Ну, если через твой труп — я сдаюсь".

Было решено, что Восьмая бригада останется в запасе.

Бен-Гурион знал, что его снова ожидает непримиримая схватка на заседании правительства. Со времен "великого бедствия" он стал хитрее; теперь он хотел обеспечить себе поддержку членов правительства от своей партии еще до того, как вопрос будет поставлен на обсуждение правительства. Он собрал у себя дома несколько видных членов Мапай. Когда Бен-Гурион поднял вопрос об операции, Ремез решительно воспротивился. "До сих пор мы чудом побеждали, — сказал он, — но на чудеса нельзя полагаться". Бен-Гурион ответил, что "чудес не бывает", а у Цахала все шансы победить. Шпринцак не вмешивался в спор, но всем своим видом выражал "молчаливый протест". Остальные высказались за операцию.

Итак, когда Бен-Гурион ехал с заседания генштаба на заседание правительства, он мог надеяться, что на этот раз у него больше шансов склонить большинство в пользу своего предложения. Он изложил свой план и высказал предположение, что за неделю боев удастся раздавить силы египтян. Он также выразил мнение, что король Абдалла не вступит в бой: отношения между Египтом и Трансиорданией были исключительно напряженными, и Египет даже создал в Газе палестинское правительство, что можно было считать враждебным шагом по отношению к Абдалле. "Если бои будут ограничены только южными районами, — сказал Старик, — нам удастся овладеть всем Негевом

от Мертвого моря до Красного, а может быть и войти в Хеврон и Бет-Лехем, если, конечно, не подойдут войска с севера”.

В ходе дальнейшего обсуждения большинство министров выступило в поддержку плана Бен-Гуриона. Ицхак Гринбаум обусловил свое согласие тем, чтобы было выяснено мнение по данному вопросу Моше Шарета, который отправился в Париж для участия в сессии ООН.

Бен-Гурион немедленно телеграфировал Шарету и просил его срочно ответить. Начало операции было назначено на 14 октября.

Бен-Гурион записал в дневнике: ”Вечер. Сегодня на заседании правительства мы приняли самое серьезное решение с тех пор, как было решено провозгласить создание государства”.

Операция получила библейское название ”Эсер макот” (”десять казней”).

Моше Шарет из Парижа телеграфировал о своей согласии. Тем временем в ожидании предстоящего наступления силы Армии Обороны Израиля тайно стягивались на юге.

Однако, как и в конце первого срока прекращения огня, накануне наступления начался острый внутренний конфликт, грозивший серьезной опасностью. Это было столкновение с Палмахом.

КНИГИ СЕРИИ "БИБЛИОТЕКА-АЛИЯ"

- 1–2. Леон Юрис. ЭКСОДУС
3. Д-р А.И. Кауфман. ЛАГЕРНЫЙ ВРАЧ
4. Сарра Нешамит. ДЕТИ С УЛИЦЫ МАПУ
5. Арие (Лева) Элиав. НАПЕРЕГОНКИ СО ВРЕМЕНЕМ
6. Д-р Е. Хисин. ДНЕВНИК БИЛУЙЦА
7. Макс Брод. РЕУВЕНИ, КНЯЗЬ ИУДЕЙСКИЙ
8. 6 000 000 ОБВИНЯЮТ (Процесс Эйхмана)
9. А.И. Гешель. ЗЕМЛЯ ГОСПОДНЯ
10. НА ОДНОЙ ВОЛНЕ. Еврейские мотивы в русской поэзии
11. Натан Альтерман. СЕРЕБРЯНОЕ БЛЮДО
12. Шаул Черниховский. СТИХИ И ИДИЛЛИИ
13. Теодор Гершль. ИЗБРАННОЕ
14. Ахад-Гаам. ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ
15. Арон Мегед. ХЕДВА И Я
16. Яков Цур. И ВОССТАЛ НАРОД
17. Р. и У. Черчилль. ШЕСТИДНЕВНАЯ ВОЙНА
18. ПРИДЕТ ВЕСНА МОЯ. Стихи советского еврея
19. Говард Фаст. МОИ ПРОСЛАВЛЕННЫЕ БРАТЬЯ
20. И. Домальский. РУССКИЕ ЕВРЕИ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ
21. Игал Алон. ОТЧИЙ ДОМ
22. Юлия Шмуклер. УХОДИМ ИЗ РОССИИ
23. Хана Сенеш. ДНЕВНИК
24. ЕВРЕИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ (1917–1967)
25. Ш.Й. Агнон. ИДО И ЭЙНАМ. Рассказы, повести, главы из романов
26. Элизер Смоли. ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ
27. Товия Божиковский. СРЕДИ ПАДАЮЩИХ СТЕН
28. ОЧЕРК ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА 1
29. ОЧЕРК ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА 2
30. А. Итай и М. Нейштат. ЧЕРЕЗ ТРИ ПОДПОЛЬЯ
31. Эли Люксембург. ТРЕТИЙ ХРАМ
32. С.Г. Фруг. СТИХИ И ПРОЗА
33. Р. Губер. КНИГА БРАТЬЕВ
34. ЭРЕЦ-ИСРАЭЛЬ. Географический очерк
35. Дж. и Д. Кимхи. ПО ОБЕ СТОРОНЫ ХОЛМА
36. И. Башевис-Зингер. РАБ

37. Р. Бонди. ЭНЦО СЕРЕНИ
38. Иегуда Галеви. СЕРДЦЕ МОЕ НА ВОСТОКЕ
39. Шломо Цемах. ГОД ПЕРВЫЙ
40. Шаул Авигур. С ПОКОЛЕНИЕМ ХАГАНЫ
41. Ханох Бартов. ВОЗМУЖАНИЕ
42. Ружка Корчак. ПЛАМЯ ПОД ПЕПЛОМ
43. Бернард Маламуд. ПОМОЩНИК
44. ДРУЗЬЯ РАССКАЗЫВАЮТ О ДЖИММИ
45. МОЙ ПУТЬ В ИЗРАИЛЬ
46. Моше Натан. БИТВА ЗА ИЕРУСАЛИМ
47. Ицхак Маор. СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ
48. Ицхак Шенхар. СЫНЫ ЗДЕШНИХ МЕСТ
49. Генри Рот. НАВЕРНО ЭТО СОН
50. СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ И СОЦИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ
ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА
51. Моше Шамир. ОН ШЕЛ ПО ПОЛЯМ
52. Ахарон Мегед. ЗА СЧЕТ ПОКОЙНОГО
53. Давид Маркиш. ПРИСКАЗКА
54. МАКОВЫЙ ХОЛМ. Рассказы о жизни в кибуцах
55. Джон Орбах. РИКША
56. Иосеф Гедалия Клаузнер. КОГДА НАЦИЯ БОРЕТСЯ
ЗА СВОЮ СВОБОДУ
57. Исаак Бабель. ДЕТСТВО и другие рассказы
58. Проф. И. Слуцкий. ИСТОРИЯ ХАГАНЫ. Книга 1
59. Проф. И. Слуцкий. ИСТОРИЯ ХАГАНЫ. Книга 2
60. Андрэ Шварц-Барт. ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ПРАВЕДНИКОВ
61. Эммануэль Литвинов. ПУТЕШЕСТВИЕ ПО МАЛОЙ
ПЛАНЕТЕ
62. Владимир (Зеев) Жаботинский. ИЗБРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ
63. Мартин Бубер. ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
64. Макс И. Даймонт. ЕВРЕИ, БОГ И ИСТОРИЯ
65. Сол Беллоу. ПЛАНЕТА М-РА СЭММЛЕРА
66. ЕВРЕЙСКАЯ ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ. Сборник.
И. Кауфман. БИБЛЕЙСКАЯ ЭПОХА.
Л. Финкелстайн. ЕВРЕЙСКАЯ ВЕРА И ПРЕТВОРЕНИЕ
ЕЕ В ЖИЗНЬ.
Ш. Эттингер. КОРНИ СОВРЕМЕННОГО АНТИСЕМИ-
ТИЗМА.

67. А. Суцкевер. ЗЕЛЕНый АКВАРИУМ
68. АНТИСЕМИТИЗМ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ. Сборник
69. СКОПУС. Антология поэзии и прозы
70. Ури Дан. ОПЕРАЦИЯ ЭНТЕББЕ
71. Моше Шамир. СВОИМИ РУКАМИ
72. Л. Коллинз и Д. Лапьер. О, ИЕРУСАЛИМ!
73. М. Новомейский. ОТ БАЙКАЛА ДО МЕРТВОГО МОРЯ
74. М. Гесс. РИМ И ИЕРУСАЛИМ
75. Ф. Кандель. ВРАТА ИСХОДА НАШЕГО
76. Ф. Баазова. ПРОКАЖЕННЫЕ
77. А. Шлионский. ГОРЫ ГИЛЬБОА
78. Иехуда Бурла. ПОХОЖДЕНИЯ АКАВЬИ
79. Х. Н. Бялик и И. Х. Равницкий. АГАДА
80. ИСКУССТВО В ЕВРЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ
81. ДВЕ КОНЦЕПЦИИ ЕВРЕЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ
Б. Динур. Исторические основы возрождения Израиля
С. Дубнов. Письма о старом и новом еврействе
82. ЕВРЕЙСКАЯ СРЕДНЕВЕКОВАЯ ПОЭЗИЯ В ИСПАНИИ
83. Ханох Бартов. ВЫДУМЩИК
84. Гилель Бутман. ЛЕНИНГРАД – ИЕРУСАЛИМ
85. Жак Дерожи. ТАЙНА СУДНА "ЭКСОДУС – 1947"
86. Цивья Любеткин. В ДНИ ГИБЕЛИ И ВОССТАНИЯ
87. М. Стейнберг. ОСНОВЫ ИУДАИЗМА
88. А. Кестлер. ВОРЫ В НОЧИ
89. Я СЕБЯ ДО КОНЦА РАССКАЗАЛА. Сборник стихов.
90. Ада Серени. КОРАБЛИ БЕЗ ФЛАГОВ.
91. Иехуда Атлас. ХОТЬ НА ВИСЕЛИЦУ.
92. М. Стейнберг. КАК СОРВАННЫЙ ЛИСТ.
93. Н. Полетика. ВИДЕННОЕ И ПЕРЕЖИТОЕ
94. Эли Визель. ЛЕГЕНДЫ НАШЕГО ВРЕМЕНИ
95. Альбер Мемми. ОСВОБОЖДЕНИЕ ЕВРЕЯ
96. Шломо Авинери. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ЕВРЕЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
97. МЫ НАЧИНАЛИ ЕЩЕ В РОССИИ. Воспоминания
98. Хаим Градэ. БЕЗМУЖНЯЯ ЖЕНА
99. Луи Финкелстайн. РАББИ АКИВА
100. Хаим Вейцман. В ПОИСКАХ ПУТИ. Книга 1
101. Хаим Вейцман. В ПОИСКАХ ПУТИ. Книга 2.

102. Муня М.Мардор. СЕКРЕТНАЯ МИССИЯ
103. Феликс Розинер. СЕРЕБРЯНАЯ ЦЕПОЧКА
104. Владимир Лазарис. МОЯ ПЕРВАЯ ВОЙНА
105. Михаэль Бар-Зохар. БЕН-ГУРИОН. Биография. Книга 1
106. Михаэль Бар-Зохар. БЕН-ГУРИОН. Биография. Книга 2
107. ИВРИТ – ЯЗЫК ВОЗРОЖДЕННЫЙ. Сборник статей
108. Ахарон Аппельфельд. ПОРА ЧУДЕС
109. Гилель Бутман. ВРЕМЯ МОЛЧАТЬ И ВРЕМЯ ГОВОРИТЬ
110. Голда Меир. МОЯ ЖИЗНЬ. Книга 1
111. Голда Меир. МОЯ ЖИЗНЬ. Книга 2
112. ВАСИЛИЙ ГРОССМАН: РУССКИЙ ПИСАТЕЛЬ
ЕВРЕЙСКОЙ СУДЬБЫ. Избранное
113. Давид Шраер и др. В ОТКАЗЕ
114. Гершом Шолем. ОСНОВНЫЕ ТЕЧЕНИЯ В ЕВРЕЙСКОЙ
МИСТИКЕ. Книга 1
115. Гершом Шолем. ОСНОВНЫЕ ТЕЧЕНИЯ В ЕВРЕЙСКОЙ
МИСТИКЕ. Книга 2
116. Эфраим Урбах. МУДРЕЦЫ ТАЛМУДА
117. А.Аппельфельд, А.Оз, А.Б.Иехошуа,И.Бен-Нер,
Д.Шахар и др. ТЕНИ ОБРАЗА
118. Владимир (Зеев) Жаботинский. Воспоминания
119. Оскар Минц. ПРИЗМЫ
120. Игал Алон . ЩИТ ДАВИДА

**ТРЕБУЙТЕ КНИГИ
ИЗДАТЕЛЬСТВА
"БИБЛИОТЕКА-АЛИЯ"
ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ
РУССКОЙ КНИГИ**

**Наши книги можно заказать
также по адресу:
P.O.B. 39298
61392 Tel-Aviv
ISRAEL**

ГОТОВЯТСЯ К ВЫПУСКУ:

Василий Гроссман. ИЗБРАННОЕ. Послесловие и примечания С. Маркиша.

Жизнь и творчество советского писателя Василия Гроссмана (1905–64), имя которого в его стране почти забыто, а за пределами Советского Союза прежде не было известно вообще, – интересны и поучительны для самых разных людей. Среди аспектов творчества В. Гроссмана есть один, может быть, и не главный, но самый важный для издателей этого сборника – это еврейский аспект.

Голда Меир. МОЯ ЖИЗНЬ. Пер. с английского.
В двух томах.

Автор книги (1898–1978) – политический и государственный деятель, 4-ый премьер-министр Государства Израиль (1969–74). Голда Меир рассказывает о себе – девочке, родившейся в бедной семье в Киеве и бежавшей от безысходной нищеты в Америку, где она заканчивает учительскую семинарию, а затем, в 1921 г., уезжает в Эрец-Израиль. Вся ее последующая жизнь неразрывно связана с историей ишува и Государства Израиль. Это автобиография одной из самых выдающихся женщин 20-го века.